ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

I

2020

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-1

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд**,** профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И., Бауаев К.К., Бгажноков Б.Х., Берберов Б.А., Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф., Геграев Х.К., Гутов А.М., Дзамихов К.Ф., Иванова С.Ю., Канукова З.В., Кочесоков Р.Х., Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А., Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Мусукаева А.Х., Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I., Bauaev K.K., Bgazhnokov B.Kh., Berberov B.A., Bozieva N.B., Borova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F., Gegraev Kh.K., Gutov A.M., Dzamihov K.F., Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V., Kochesokov R.Kh., Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Musukaeva A.Kh., Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A., Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z., Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Uznarodov D.I., Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Кузьминов П.А., Тахушева И.С.
Подходы к изучению материалов о Северном Кавказе в журнале «Отечественные записки»: метод Жака Кайзера **12-41**

Геграев Х.К., Баразбиев М.И., Апажева С.С.
Заболеваемость населения, становление медицинской помощи и медицинской статистики в Балкарии XIX – начала XX века **42-66**

Прасолов Д.Н.
«Нельзя смотреть как на официальное сословное собрание или представительное учреждение»: регламент съездов доверенных кабардинцев и балкарцев в административном делопроизводстве **67-78**

Гипотезы, дискуссионные проблемы

Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.
Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX в.: документальный обзор **79-119**

Новейшая история

Гуртуев Р.С.
Проект строительства Баксангэс в контексте уточнения плана ГОЭЛРО в 1925-1927 гг. **120-135**

Бабич И.Л.
Особенности европейской адаптации северокавказских эмигрантов в 1920-1930-е годы: проблемы языка и образования **136-146**

Тетуев А.И.
Повседневная жизнь в условиях спецпоселения в исторической памяти балкарского народа **147-162**

Кушхабиев А.В.
Становление кабардинского национального движения (1985-1991) **163-201**

Атласкиров А.Р.

Фактор исторической памяти в общественно-политической жизни современной Кабардино-Балкарии (по материалам экспертного опроса) **202-218**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТКА

Кирчанов М.В.

Историческая политика в национальных республиках Кавказа: коммеморативные практики как изобретенные традиции **219-236**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ КАВКАЗА

Хутежев З.Г., Тлупова Р.С.

Лексико-семантические особенности слов и терминов, связанных с коневодством, в кабардино-черкесском языке **237-250**

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

Кучукова З.А., Бауаев К.К., Берберов Б.А.

Поэзия Алима Кешокова в контексте гачевской теории ускоренного развития литературы **251-268**

Сарбашева А.М.

А. Теппеев: творческая биография писателя в историко-литературном контексте **269-279**

Хавжокова Л.Б.

Эволюция венка сонетов в адыгской литературе: эстетика поэтики **280-293**

Наши авторы **294-295**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Kuz'minov P.A., Takhusheva I.S.

Approaches to the study of materials on the North Caucasus in the journal «Otechestvennye zapiski»: The method of Jacques Kaiser **12-41**

Gegraev H.K., Barazbiev M.I., Apazheva S.S.

Morbidity of the population, formation of medical care and medical statistics in Balkaria in 19th – the beginning of the 20th century **42-66**

Prasolov D.N.

"Can't be seen as an official class meeting or representative institution": Regulations for the congress of entrusted Kabardians and Balkars in administrative proceedings **67-78**

Hypotheses, debatable issues

Borov A.Kh., Muratova E.G., Azikova Yu.M.

Socio-political interconnections of lordships and societies of the Central Caucasus in the 16th – first third of the 19th century: A documentary review **79-119**

Contemporary history

Gurtuev R.S.

Baksan hydroelectric power station draft structure in the GOELRO plan context in 1925-1927 **120-135**

Babich I.L.

Features of European adaptation of North Caucasian emigrants in the 1920-1930-s: problems of language and education **136-146**

Tetuyev A.I.

The daily life under conditions of special village in historical memory of the Balkarian people **147-162**

Kushkhabiev A.V.
Formation of the Kabardian national movement (1985-1991) **163-201**

Atlaskirov A.R.
Factor of historical memory in the social and political processes of the modern Kabardino-Balkaria (based on an expert survey) **202-218**

POLITICAL REGIONALISTICS AND ETHNOPOLITICS
Kyrchanoff M.W.
Historical politics in the national republics of the Caucasus: commemorative practices as invented traditions **219-236**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS
Khutezhev Z.G., Tlupova R.S.
Lexical-semantic features of words and terms related to horse breeding in Kabardin-Circassian language **237-250**

FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS
Kuchukova Z.A., Bauaev K.K., Berberov B.A.
Alim Keshokov's poetry in the context of Gachev's theory of accelerated development of literature **251-268**

Sarbasheva A.M.
A. Teppeev: writer's creative biography in the historical and literary context **269-279**

Khavzhokova L.B.
Sonnet wreath's evolution in Adyghe literature: aesthetics of poetics **280-293**

Our authors **294-295**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 93/94 (470.6) / 930.2

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-12-41

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ О СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЖУРНАЛЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»: МЕТОД ЖАКА КАЙЗЕРА

П.А. КУЗЬМИНОВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

И.С. ТАХУШЕВА

Северо-Кавказский институт – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
357502, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5
E-mail: tahusheva94@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две ключевые проблемы современного кавказоведения. Во-первых, проанализирован вопрос репрезентации истории народов Северного Кавказа в либерально-демократической печати России XIX в. Публицистическая деятельность редакционной коллегии «Отечественных записок» способствовала не только сбору, анализу и трансляции актуальной информации о повседневной жизни горцев Кавказа, их традициях и обычаях, ментальных особенностях, политике правительства в регионе, формах и методах интеграции Кавказа в состав России, но и содействовала сохранению исторических источников. Необходимость расширения источниковой базы по истории горцев Кавказа требует шире включать статьи дореволюционных журналов в исследовательские практики историков и историографов Северного Кавказа. Во-вторых, обоснована эффективность использования в кавказоведении методологического подхода французского ученого Жака Кайзера для изучения материалов прессы. Теоретико-методологическая конструкция Ж. Кайзера, основывающаяся на заполнении «сигнальных карточек» на периодические издания, составление исследовательского «досье» на издание и раскрытие «морфологии» журнала, позволила не только изучить ведущий либерально-демократический орган печати России, начиная с его внешних характеристик до концептуальных взглядов редакторов, но и выяснить причины трансляции информации о народах Северного Кавказа, качественное содержание этих статей, а также оригинальные способы подачи и ранжирования материалов о горцах Кавказа на страницах «Отечественных записок».

Ключевые слова: «Отечественные записки»; журнал; периодическая печать; исторический источник; Кавказ; Кавказская война; Жак Кайзер; «сигнальная карточка»; исследовательское «досье»; «морфология» журнала.

APPROACHES TO THE STUDY OF MATERIALS ON THE NORTH CAUCASUS IN THE JOURNAL «OTECHESTVENNYE ZAPISKI»: THE METHOD OF JACQUES KAISER

P.A. KUZ'MINOV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

I.S. TAKHUSHEVA

North-Caucasian Institute – Branch of FSBEI of HE «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»
357502, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Dunaevsky street, 5
E-mail: tahusheva94@mail.ru

Abstract. The article discusses two key problems of modern Caucasian studies. Firstly, the question of representing the history of the peoples of the North Caucasus in the liberal-democratic press of Russia in the 19th century is analyzed. The journalistic activities of the editorial board of the «Otechestvennye zapiski» contributed not only to the collection, analysis and broadcast of relevant information about the daily life of the mountaineers of the Caucasus, their traditions and customs, mental characteristics, government policies in the region, forms and methods of integrating the Caucasus into Russia, but also helped to preserve historical sources. The need to expand the source base on the history of the mountaineers of the Caucasus requires a wider inclusion of articles from pre-revolutionary journals in the research practices of historians and historiographers of the North Caucasus. Secondly, the effectiveness of using the methodological approach of the French scientist Jacques Kaiser in the study of press materials in Caucasian studies is substantiated. The theoretical and methodological construction of J. Kaiser, based on filling out «signal cards» for periodicals, compiling a research «dossier» for publishing and revealing the «morphology» of the journal, allowed not only to study the leading liberal-democratic press organ of Russia, starting with its external characteristics to the conceptual views of the editors, but also to find out the reasons for broadcasting information about the peoples of the North Caucasus, the qualitative content of these articles, as well as original ways of submitting and ranking the materials series about the mountaineers of the Caucasus on the pages of the «Otechestvennye zapiski».

Keywords: «Otechestvennye zapiski»; journal; periodicals; historical source; Caucasus; Caucasian War; Jacque Kaiser; «signal card»; research «dossier»; «morphology» of the journal.

В отечественной и зарубежной историографии дискуссионные вопросы российско-кавказских взаимоотношений в XVIII-XIX вв. исследуются по преимуществу в традиционном ключе, предполагающем воссоздание событийной истории. В разработке этого цивилизационного взаимодействия преобладают проблемы продвижения России в регион и организации имперской системы управления на Кавказе.

При этом большинство исследователей не в полной мере привлекают обширный комплекс историографических источников дореволюционной периодической печати, который позволяет достаточно глубоко проникнуть в

минувшие события и полнее раскрыть процесс интеграции Кавказа в состав Российской империи. Предпринятые нами попытки [Кузьминов, Тахушева 2016a: 81-87; Кузьминов, Тахушева 2016b: 71-79; Кузьминов, Тахушева 2018: 41-47; Тахушева 2019: 109-115] выявления, анализа и систематизации публикаций о народах Кавказа в либерально-демократической прессе России XIX в., в частности «Современнике» (1836-1866) и «Отечественных записках» (1818-1884), только частично решили данную проблему.

Современные тенденции развития исторического познания характеризуются повышением роли теоретико-методологической рефлексии и возрастанием интереса к истории исторической науки [Кузьминов, Черноус 2018: 7]. Тем самым открывается возможность выхода за узкие рамки событийной истории и осмысления российско-кавказского социально-исторического процесса с новых теоретико-методологических позиций. В этом направлении значимыми являются концептуальные установки А.Х. Борова о теоретической и методологической обработке эмпирических и мировоззренческих составляющих предмета исследования для целостного и структурированного представления о северокавказской действительности [Боров 2019: 14]. В его научных работах обосновывается продуктивность синтеза цивилизационного и модернизационного подходов в изучении общих и частных проблем совместной истории России и народов Северного Кавказа, в которой национальная история России и национальные истории ее народов выступают как взаимодополнительные [Боров 2004; Боров 2007; Боров и др. 2018: 89-101].

Существенным вкладом в науку стали исследования А.Н. Максимчика и А.А. Журтовой, которые, используя достижения современной историографии, провели системный анализ российско-кавказских отношений XVI-XIX веков [Журтова, Максимчик 2017]. Особый интерес вызывает метод Йорна Рюзена, задействованный А.А. Журтовой в качестве инструмента познания сложных исторических процессов.

Перспективным методическим подходом к изучению репрезентаций истории народов Северного Кавказа в российской журнальной периодике, обеспечивающим «интенсификацию работы с источниками и прирост исторического знания, является междисциплинарность» [Горобий 2012: 54].

Целью настоящего исследования является расширение источниковой базы изучения истории народов Северного Кавказа путем систематического вовлечения в научный оборот материалов дореволюционных журналов и экспликация исследовательских подходов и методик поиска и анализа источников, до настоящего времени не получивших применения в практике отечественных кавказоведческих исследований. В частности, ввиду большого объема информации о горцах Кавказа в периодических изданиях дореволюционной России перспективным методом их изучения, по нашему мнению, является предложенная в середине XX в. французским публицистом, ученым и общественным деятелем Жаком Кайзером (1900-1963) оригинальная система научных приемов и средств обработки материалов прессы.

Творчество французского журналиста пока обойдено вниманием отечественных исследователей, за исключением обстоятельной статьи социолога А.Н. Алексеева [Алексеев 1969: 56-77], раскрывающей ключевые теоретические положения кайзеровского метода. Между тем научное наследие Кайзера заслуживает серьезного внимания.

В начале 1960-х гг. Жак Кайзер разработал целостную систему исследования больших текстовых массивов, построенную на анализе статистических данных. Введенные в научный оборот приемы изучения текстов, апробированные в трудах француза, были стандартизированы ЮНЕСКО [L'information… 1966] став серьезным инструментом изучения периодики. Суть методики Ж. Кайзера заключается в учете внешних форм организации текстового материала: его расположения, оглавления, оформления и др. Кроме этого Ж. Кайзер предложил комплекс универсальных эмпирических процедур, позволяющих достаточно полно, скрупулезно анализировать как отдельные исторические источники, так и их совокупность. Результаты своих исследований Ж. Кайзер изложил в знаменитой монографии «Le quotidien francais» («Французская ежедневная пресса») [Kayser 1963]. С этих пор новый метод исследовательских практик, известный как контент-анализ, приобрел «академический статус», которым исследователи активно пользуются и сегодня – статус конкретной, логически завершенной, эффективной исследовательской процедуры [Пашинян 2012: 17-18].

Научная постановка вопроса и корреляция между разными параметрами периодических изданий привели Кайзера к мысли, что для изучения прессы в целом или отдельных ее компонентов необходимо установить основные характеристики журналов и газет. Поэтому Кайзер предлагает, во-первых, комплекс данных, которые подлежат обязательной регистрации, заносить в «сигнальную карточку» (fiche signaletique): название журнала и сопутствующие надписи, месторасположение редакции, периодичность и время выхода номеров, тираж, цена, специфические особенности журнала.

Во-вторых, необходимо собрать сведения о юридической и финансовой деятельности, условиях выпуска и распространения, организации, качественном составе редакции и ее отделах, политической линии журнала – в исследовательское «досье» (dossier d'identite). Эта информация позволяет проникнуть в редакционную жизнь и лучше понять сущность периодического издания [Алексеев 1969: 63].

Показательно, что «досье» выходит за рамки подхода к журналу только как к готовому продукту. Кайзера интересует и редакция как учреждение, непосредственно «вырабатывающее» печатный продукт. Но и это «досье» квалифицируется Кайзером лишь как пролог к исследованию. Весь набор объективных данных о редакции и журнале, сбор которых предлагается упорядочить, является, в сущности, сырьем для анализа, «кладовой» фактов, подручным фондом исследователя.

И тут возникает резонный вопрос. Предположим, заполнены «сигнальная карточка» и «досье» журнала. Но как подойти к изучению его самого, каким он предстает перед читателем? Для реализации вопроса Кайзер переходит к

третьему этапу – раскрытию «морфологии» журнала. Кайзер вводит понятие «сигнальная площадь» (surface imprime) и выделяет элементы ее структуры.

Первая линия прокладывается Кайзером между площадью, «купленной рекламой», и той, «которая принадлежит собственно редакции. Последняя называется «редакционной площадью» – «surface redactionnelle. Соотношение той и другой, или удельный вес рекламы на «газетной площади», Кайзер рассматривает как важнейшую характеристику печатного органа, начало «морфологического» анализа.

В свою очередь, «редакционная площадь» подразделяется на тексты, иллюстрации и заголовки. Это деление, хотя и формально, но не является бессодержательным, ибо удельный вес заголовков или иллюстративного материала несомненно отображает важные моменты специфики печатного органа, например, его усилие привлечь «массового» читателя.

Элементарной клеточкой «редакционной площади» является, по Кайзеру, «редакционная единица» (unite redactionnelle), включающая (в разных сочетаниях) как текст, так и иллюстрацию, и заголовок. Дальнейший «морфологический» разбор предполагает классификацию «редакционных единиц» – газетных и журнальных материалов. Одним из оснований для группировки является «жанр», так как любой печатный продукт отличается жанровым своеобразием. Кроме этого, «редакционные единицы», следуя Кайзеру, можно типологизировать по *характеру источника* (принадлежит ли материал перу сотрудника редакции или частного лица, или это материал официального характера), по *«географическому» признаку* (с точки зрения происхождения – откуда поступил материал, – можно выделить местные, региональные, национальные, международные статьи; и с точки зрения «отнесенности» – где, произошло описываемое событие), по *тематическому признаку*.

«Расчленяя газету на многочисленные клеточки и категории, мы получаем возможность соединить затем эти клеточки «в большие массы»… В этих последних обнаруживаются неоспоримые свидетельства живой реальности», – пишет Ж. Кайзер [Kayser 1963: 131].

«Морфология» Кайзера вооружает исследователя средствами научного описания газетного и журнального номера, совокупности номеров, комплекса периодических изданий. В свою очередь это описание открывает путь к сравнению разных периодов в истории одного издания, например, разных издателей или главных редакторов, ряда изданий за один и тот же период. И, наконец, это сравнение служит задачам раскрытия общественных тенденций, тех процессов, которые составляют жизнь прессы и определяют ее взаимоотношения с социальной средой.

В сущности, кайзеровские способы описания газеты/журнала не что иное, как оригинальная разновидность контент-анализа (анализа содержания), приспособленного к изучению периодики, как таковой. Но, в отличие от американской традиции этого анализа, гипостазирующей формально-технические моменты, Кайзер делает упор на содержательной стороне и

утверждает подсобную роль техники в научно-исследовательской работе, что особенно привлекает нас в данном подходе.

Особый интерес представляет предпринятая французским журналистом попытка шкалирования значимости, точнее значения, придаваемого данной «редакционной единице». Речь идет о многообразии способов и средств, используемых редакциями, чтобы привлечь или отвлечь, усугубить или ослабить, нейтрализовать читательское внимание.

Кайзер предгает такую формулу: придаваемое значение (mise en valeur) = место (emplacement) + заголовок (titrage) + подача (presentation). Под «*местом»* имеется в виду отведенная материалу полоса и положение на полосе (например, на открытии или на подверстке). *«Заголовок»* характеризуется абсолютными размерами (кеглем, площадью, количеством колонок и т.д.) и относительным весом (по сравнению с соседними заголовками). Под *подачей* понимается оснащенность текста иллюстрациями, набор тем или иной шрифт и др. Отсюда появляется возможность ранжировать «редакционные единицы». Применив такую методику для оценки «престижа» сообщаемого периодикой события можно получить объективные доказательства стремления печатного органа подчеркнуть или «смазать» значение события своей публикацией.

Таким образом, французский публицист Жак Кайзер обосновал ряд плодотворных идей, позволяющих достаточно полно описать периодическую печать региона или страны. С позиций кайзеровского метода мы делаем попытку сформулировать принципы научного исследования истории народов Северного Кавказа в либерально-демократической прессе России XIX в.

Журнал «Отечественные записки» (1818–1884), яркий представитель либерально-демократического направления, много внимания уделял истории народов Северного Кавказа. Организационная и публицистическая деятельность редакционной коллегии способствовала не только сбору, анализу и трансляции актуальной информации о повседневной жизни горцев Кавказа, их традициях и обычаях, ментальных особенностях, политике правительства в регионе, формах и методах интеграции Кавказа в состав России, но и содействовала сохранению исторических источников. В контексте научной концепции Ж. Кайзера попытаемся определить причины внимания редакции к истории региона и качественное содержание публикаций в «Отечественных записках».

Во-первых, заполним *сигнальную карточку* на журнал:

1. а) «Отечественные записки»
   б) 1818-1838 гг. – эпиграф:
   «Любить Отечество велит природа, Бог!
   А знать его – вот честь, достоинство и долг!»
   1839-1958 гг. – учено-литературный журнал.
   1859-1867 гг. – журнал учено-литературный и политический
   1867-1884 гг. – журнал литературный, политический и ученый
2. Редакция журнала:

Главная контора – г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 36.

Конторы в г. Москве – Страстной бульвар, дом Алексеева, дом Университетской типографии, при книжном магазине И.Г. Соловьева и др.

3. Периодичность – каждый месяц.

4. Время выхода – утро.

5. Дата выхода первого номера – 1818 г.

6. Основная зона распространения:

столичные города России – Санкт-Петербург, Москва;

центральные губернии;

южные города – Одесса, Керчь, Новороссийск;

иностранные подписчики из Германии, Австрии, Англии, Италии и др. По свидетельству издателя журнала П.П. Свиньина, «Отечественные записки» (1818-1838) «читались и в Кяхте, и в Коле, в Бухаресте и в Соловецком монастыре, в Феодосии и в Гельсингфорсе» [Изъявление благодарности… 1829: 501].

7. Тираж:

при П.П. Свиньине – 1400 экземпляров [Изъявление благодарности… 1829: 500-501];

при А.А. Краевском – 6000 экземпляров [Отечественные… 1973];

при Н.А. Некрасове – 8000 экземпляров [РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 139. Л. 140].

8. Цена годовой подписки на «Отечественные записки»:

при П.П. Свиньине – 25 руб. для столичных жителей, с пересылкой в другие города – 30 руб.;

при А.А. Краевском – 15 руб., с пересылкой – 16 руб. 50 коп.;

при Н.А. Некрасове – 15 руб., с пересылкой – 16 руб. 50 коп.; отправка за границу – от 19 руб.

9. Формат «Отечественных записок» – «толстый» журнал, включавший функции газеты, научной энциклопедии и художественной книги.

10. Все отделы журнала, кроме «Критики и библиографии» и «Смеси», печатали материал на одной полосе в одну колонку.

11. Номера журнала в разное время печатались в типографиях Н. Греча, А. Смирдина, И. Глазунова и К°, А.А. Краевского и др.

12. Специфические особенности журнала, политическая линия: «Отечественные записки» прошли сложный и долгий путь от литературно-познавательного издания проправительственного толка до авторитетного печатного органа с выраженной демократической направленностью, умевшего в жёстких условиях цензуры доносить до читателей самые передовые мысли и самые актуальные описания действительности через сатиру и художественное слово.

Итак, первичный анализ истории журнала позволил установить специфические внешние признаки «Отечественных записок». Исследование индивидуального облика издания важно для выявления факторов структурирования и планирования редакцией номеров журнала.

Во-вторых, в соответствии с научной программой Ж. Кайзера, необходимо составить *исследовательское «досье»* на журнал, чтобы понять

состав и идейные позиции редколлегии «Отечественных записок». Учитывая, что идеологическая концепция периодического издания формировалась редакторским кругом, этот этап исследования требует серьезного анализа.

1. Юридическая и финансовая структура. История выхода в свет журнала «Отечественные записки» делится на три самостоятельных периода: 1818–1838 гг. – время редактирования журнала путешественником, географом и историком П.П. Свиньиным; 1839–1867 гг. – издание журнала публицистом А.А. Краевским; 1868–1884 гг. – журнал выходил под коллективной редакцией Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Г.З. Елисеева (с 1877 г. – Н.К. Михайловского).

П.П. Свиньин выступал в «Отечественных записках» не только в роли издателя и редактора, но и автора ряда статей по истории и культуре России. Истинный патриот[1], он добирался до самых глухих уголков необъятной России, и собирал краеведческий материал для своего журнала. Во время многочисленных путешествий Свиньин оставлял на посту редактора кого-то из сотрудников, но старался контролировать их публицистическую деятельность. В силу того, что он совмещал все руководящие должности в своих руках, в том числе являлся главным корреспондентом, финансовые траты на выпуск номеров журнала были не велики, и все доходы от реализации периодики поступали в «свиньинский» бюджет. В самую лучшую пору «Отечественные записки» приносили ему 25 тыс. руб. в год. Но, с уверенностью можно утверждать, что финансовые дела интересовали Свиньина в последнюю очередь. На первый план выходила концепция редактора о необходимости знакомства подписчиков журнала с малоизученными уголками Российской империи, в том числе с Кавказским регионом [Свиньин 1821а: 397], с талантливыми самоучками и их изобретениями. Не думая о запросах и интересах читателей, Свиньин развивал журнал в узком направлении, что впоследствии привело к потере подписчиков.

После смерти Свиньина в 1839 г. в борьбе за выпуск «Отечественных записок» между его вдовой Н.А. Свиньиной (урожденной Майковой), талантливым журналистом А.А. Краевским и драматургом, и писателем Р.М. Зотовым победу одержал Краевский, заключивший годом ранее с издателем договор о передаче ему в аренду журнала на 5 лет [РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1214. Л. 2]. Цензурный комитет поддержал желание Краевского продолжить издание журнала. Решающим фактором стало то, что еще при жизни Свиньина, сотрудничая в «Отечественных записках», Краевский «составлял номера журналов благонамеренно» [РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1214. Л. 7].

Имея опыт работы в «Московском вестнике», «Журнале Министерства народного просвещения, «Энциклопедическом лексиконе», понимая реальные запросы российского читателя, Краевский попытался кардинально

[1] Брат Свиньина сенатор Петр Петрович Свиньин был женат на сестре могущественного П.А. Клейнмихеля. Клейнмихель – протеже А.А. Аракчеева и беспрекословный исполнитель воли императора Николая I. В 1842-1855 годах он был главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий, куратором строительства железной дороги Москва–Санкт-Петербург. – Авт.

преобразовать редакцию и направление «Отечественных записок». Расчетливый и умный редактор, он пригласил в журнал ведущего критика В.Г. Белинского, известного литератора В.А. Жуковского, одного из основоположников романтизма в русской поэзии, историка консервативного направления М.П. Погодина, увеличил объем издания «Отечественных записок», создал 8 новых отделов в редакции. Исследователи работы журнала отмечают, что Краевского интересовал только вопрос коммерческой выгоды, и все его действия по организации журнала были направлены на приумножение капитала. При этом, он не ограничивался редактированием одного журнала, что современники рассматривали как показатель жажды личного обогащения. В 1840-х гг. у Краевского был целый издательский концерн, куда входили «Отечественные записки», «Литературная газета» и «Русский инвалид». По данным В.И. Кулешова, от редактирования этих периодических изданий Краевский получал не менее 80 тыс. руб. в год [Кулешов 1958: 212]. Однако, такая однозначная оценка редакторской деятельности Краевского, по нашему мнению, не совсем оправдана. Краевский хотел и смог добиться сочетания качества публикуемых материалов и коммерческого успеха. Одним желанием получить прибыль невозможно было достичь такой феноменальной популярности и читательского уважения.

Болезнь и постепенный отход от дел журнала потребовал от Краевского привлечения к редакторской деятельности новых лиц. В 1860 г. он сделал соиздателем и фактическим редактором «Отечественных записок» С.С. Дудышкина, но продолжал перечитывать все статьи и корректуры журнала. В 1868 г. Краевский заключил с лидером демократического направления в журналистике Н.А. Некрасовым договор аренды. В материальном отношении договор оказался для него чрезвычайно выгодным: он обеспечивал ему ежегодную ренту в несколько тысяч рублей. Современники острили: Краевский получает дохода столько тысяч, сколько букв было в подписи Краевского, в качестве официального редактора, на обложке журнала [Договоры Некрасова… 1949: 333-335]. Краевский следил за всеми публикациями в оппозиционных изданиях в свой адрес, но принципиально не отвечал на обвинения и слухи, не наносил ответных ударов, что расценивалось конкурентами как признание вины.

Некрасов, Елисеев и Салтыков-Щедрин, возглавившие в 1868 г. редакцию «Отечественных записок», получили возможность, невзирая на то, что Краевский оставался и собственником и юридическим редактором журнала, придать изданию желаемое ими направление. «Отечественные записки» продолжили демократическую линию запрещенного в 1866 г. некрасовского «Современника».

2. *Условия выпуска.* С 1818 по 1838 г. «Отечественные записки» должны были выходить ежемесячно, но периодичность часто нарушалась. Объем журнала в эти годы колебался от 150 до 300 страниц. С переходом журнала к опытному Краевскому читателям гарантировалась строгая периодичность выхода «Отечественных записок» – 1-е число каждого месяца, и все годы издание ни разу не нарушило своих обязательств. Журнал занял

ведущие позиции в литературно-публицистическом мире, увеличив объем до 40 печатных листов (от 300 до 1200 страниц).

3. Условия распространения. Благодаря налаженной схеме распространения отпечатанных номеров «Отечественные записки» имели широкую аудиторию подписчиков. В столичных городах, а также в Одессе имелись конторы журнала, куда можно было обращаться по любым организационным вопросам. Кроме этого, подписку на «Отечественные записки» можно было оформить при книжных магазинах, перечень которых давался практически в каждом номере. Активно выписывали журнал редакторы ведущих периодических изданий, общественные организации, университеты европейских стран, что являлось свидетельством высокой общественной значимости издания. Таким образом, оформив подписку, читатели каждый месяц получали «толстую» книжку «Отечественных записок», информировавшую аудиторию о значимых событиях в политической, экономической, социальной и литературной жизни страны.

4. Организация редакции. Редакция «Отечественных записок» под руководством А.А. Краевского имела абсолютно новые формы хозяйственно-организационного порядка: расширенный штат сотрудников, особую экспедиционную контору, широкую рекламу, а главное – Краевский стремился стать обладателем авторских прав издания. В эпоху, когда представители консервативно-охранительного направления в журналистике Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч топили конкурентов всеми доступными способами, когда император Николай I ставил на прошениях об издании новых журналов категоричное «и без того много», Краевский придумал удачный ход. Он выкупил право на издание захиревшего журнала «Отечественные записки» у вполне благонамеренного, умеренно-патриотичного издателя П. Свиньина и избежал волокиты с получением разрешения на новый журнал [Кара-Мурза, Олейников 2010].

Между сотрудниками журнала не существовало товарищеских отношений. Многие из них не были даже знакомы между собой. «Сюда нельзя было приходить, когда вздумается, собираться и проводить время в праздных беседах; сотрудники являлись каждый отдельно, только по делу и в известные часы», – вспоминал писатель Д.В. Григорович [Григорович 1987: 111]. Краевский не был склонен к дружеским посиделкам и к формированию литературных кружков из сотрудников, что ставилось ему в упрек. Такая форма организации труда членов редколлегии отталкивала от него писателей, расценивавших эти установки редактора как неуважение к талантливым личностям.

Краевский, несомненно, был выдающимся организатором, лично подбирал сотрудников, отбирал авторские статьи, правил слог статей, компоновал тексты в номера [Кулакова 2002]. Поэтому решение о передаче Некрасову редакторских прав далось ему тяжело, но чувствуя, что широкая аудитория требует перемен, он вынужден был пойти на этот шаг. Обязанности редакторов отделов были распределены между ведущими сотрудниками. Некрасов осуществлял общее руководство «Отечественными записками» и

редактировал отдел поэзии, Салтыков-Щедрин заведовал беллетристикой, Елисеев отвечал за публицистические статьи.

Несмотря на авторитарные приемы руководства журналом, он достойно управлял «Отечественными записками» в течение 45 лет. Представляется, что сама форма его работы в редакции олицетворяла собой новый тип литературного предпринимателя. А все новое, как правило, вызывает критику и отторжение.

5. *Политическая линия журнала.* «Отечественные записки» прошли длинную дорогу поиска идентичности. П.П. Свиньин, основатель журнала, сделал ставку на патриотические чувства российского населения после Отечественной войны 1812 г. Редактор видел его главное назначение в отборе и публикации всего отечественного, что способствовало бы прославлению России, будь то обнаружение «русских творений», «русских художников», «русских самоучек» и др. Свиньина заботил вопрос исследования провинциальных уголков необъятной Родины. Он считал своим долгом записывать и транслировать все то, что увидит в своих путешествиях по обширной России, а путешествовал он всю жизнь. Так в поле зрения «Отечественных записок» попал Кавказский регион, интересовавший в 20–30-е гг. XIX в. все читающее население страны. Свиньин не раз посещал Кавказские Минеральные Воды, откуда присылал в редакцию журнала интересный этнографический материал.

Пропаганда любви к Отечеству объединяла вокруг периодического издания представителей правящей династии. Императрица Елизавета Алексеевна долгое время выписывала журнал [РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 622], что позволяет утверждать, что в 1820-е гг. «Отечественные записки» отражали идеи православия, самодержавия, народности.

С переходом журнала к А.А. Краевскому, который привлек к сотрудничеству выдающегося критика В.Г. Белинского, тональность «Отечественных записок» меняется. Из верноподданического он превращается в журнал либерального толка, создававшего массу проблем цензурным учреждениям своими острыми публикациями. Первая книжка преобразованных «Отечественных записок» превосходила прежние и существующие журналы универсальностью содержания и разнообразием постоянных отделов, объемом (42 печатных листа), впечатляющим списком объявленных сотрудников (126 имен известных писателей, ученых, публицистов) [Емельянов 1986: 9]. «Отечественные записки» были, по ироничному замечанию А.В. Кольцова, чересчур «жирны», поистине «чего хочешь, того просишь» [Кулешов 1958: 277]. Действительно, журнал был ориентирован на все возрасты, на все сословия, на самые различные типы читателей. Особый колорит журналу придавали разнообразные материалы о горцах Кавказа.

Защитник гражданских прав и свобод, глубоко сострадавший народу Н.А. Некрасов не мог держать журнал на старых, умеренных позициях. Несмотря на закрытие редактируемого им «Современника» (1866), в «Отечественных записках» он отстаивал демократические идеалы российского передового общества. На этом этапе своей истории журнал сфокусировал внимание

читателей на борьбе с пережитками крепостничества, политической реакцией и угнетении народных масс. Стремление сформировать демократическое сознание у широких слоев российской общественности, по нашему мнению, предопределило постоянное внимание «Отечественных записок» к истории горских народов Кавказа и их национально-освободительной борьбе. История народов Северного Кавказа освещалась многопланово, с учетом ментальных характеристик населения региона.

Таким образом, приведенный логический ряд свидетельствует, что составление исследовательского «досье» на «Отечественные записки» было принципиально важно. Во-первых, были определены состав, организация и ролевая структура редакторского коллектива. Во-вторых, выявлены субъективные цели учредителей и издателей периодического издания, их ожидания от редактирования «Отечественных записок». В-третьих, установлен ключевой фактор функционирования журнала – концептуальная позиция редколлегии, что во многом детерминировало всю публицистическую деятельность издания.

Третий пункт программы Ж. Кайзера предполагает *раскрытие «морфологии» газеты/журнала.* В частности, рассмотрим «сигнальную площадь» издания с вычленением ее структурных элементов – «рекламной площади» и «редакционной площади».

Ключевые теоретические конструкции Ж. Кайзером подобраны вполне рационально. «Морфология», в привычном понимании, термин, обозначающий раздел грамматики, основными объектами изучения которого являются слова естественных языков и их значимые части. В ее задачи входит определение слова как особого языкового объекта и описание его внутренней структуры. Применительно к журнальной периодике, под «морфологией» периодического издания мы понимаем качественное содержание журнала «Отечественные записки».

В 1818-1838 гг. соотношение рекламного блока и публицистических статей сводилось к пропорции **0,5:99,5** соответственно. То есть П.П. Свиньина мало интересовал финансовый вопрос, к тому же в 1820-30-е гг. капиталистические отношения только вторгались в российское экономическое пространство и стимула у предпринимателей вкладывать средства в рекламу производимой продукции еще не было. Свиньин целиком сосредоточил деятельность редакции на реализации издательской концепции.

А.А. Краевский был полной противоположностью предшественника. Он умело совместил лучшие литературные традиции периодической печати с коммерческой стороной издательской деятельности. Говоря современным языком, «раскрутив» свой журнал и увеличив количество подписчиков, Краевский под рекламную площадь начал отводить больше журнальных страниц – от 3 до 10, то есть в пропорции **2:98.**

«Редакционная площадь», составными частями которой являются «редакционные единицы», т.е. авторские статьи, занимала практически все журнальное пространство. Ж. Кайзер предложил подобные статьи периодической печати, содержащие однотипную информацию об объекте изучения,

сгруппировать в текстовые массивы. Выбрав из предложенных французским исследователем подходов к типологизации материалов периодической печати «тематический признак», мы попытались систематизировать весь комплекс информации о народах Северного Кавказа в журнале «Отечественные записки». По нашему мнению, анализ тематического наполнения журнальных страниц статьями и заметками о Кавказе полнее отразит суть «кавказского» вопроса для российского общества XIX в.

Очерки и статьи о Кавказской войне, рецензии и критические статьи на труды о противостоянии в регионе. Одной из наиболее острых проблем XIX в. было военное противостояние горских народов натиску имперской России, поэтому все редакторы «Отечественных записок», независимо от концептуальных приоритетов, обращали внимание на эту тему.

Публикации о военном противостоянии на Кавказе в журнале П.П. Свиньина, человека прото-славянофильских убеждений, патриота, государственного служащего, носили ознакомительный и информационный характер. «Отечественные записки» не касались причин военного конфликта населения Кавказа и российской власти, не заостряли внимание читателей на последствиях противостояния, тем более не давали оценок действиям российской администрации и методам покорения Кавказа. В журнале были напечатаны труды генерал-майоров И.Г. Бурцева [Бурцев 1820: 18-26], И.И. Германа [Журнал… 1825: 352-382] и И.Т. Радожицкого [Радожицкий 1827: 127-168, 266-314], поэта и декабриста Ф.Н. Глинки [Глинка 1821: 25-39, 141-150]. Статьи офицеров воспевали мужественные подвиги русских солдат и офицеров на Кавказе, по их словам, сравнимые по своей доблести с подвигами древних греков и римлян. Русские офицеры охотно жертвовали жизнью для достижения общей цели присоединения Кавказского региона и подавления турецкой агрессии. Так, полковник Тиховской, командовавший Черноморским войском, после двукратных нападений «хищного народа» – черкесов на пространство, расположенное между Ольгинским и Новоекатерининским укреплениями, не устрашаясь их численного превосходства, решил дать им сражение в 1810 г. Несмотря на отчаянную храбрость казаков, одолеть горский народ им не удалось, а полковник Тиховской пал в бою. Поэт и публицист Ф.Н. Глинка также отмечал, что закубанские черкесы наводили страх своими набегами на русские селения и вынуждали предпринимать частые походы против них, которые практически всегда заканчивались победой русских (походы генерала Текелли в 1788 г. и др.).

Публикация обоих трудов сопровождалась емкими комментариями редколлегии «Отечественных записок». Свиньин подчеркивал, что статья Бурцева стала украшением журнала и выражала концепцию периодического издания. Издатель советовал «писателю-патриоту» и впредь присылать в редакцию работы аналогичного содержания [Бурцев 1820: 26].

Свиньин выражал благодарность любимцу читателей Ф.Н. Глинке за доставку в редакцию журнала любопытного повествования о «беспримерной храбрости и непоколебимом постоянстве, и дисциплине русских воинов» [Глинка 1821: 25]. Таким образом, публикация данных статей в

«Отечественных записках» вписывалась в общую идею укрепления русского национального самосознания. Эти статьи, малоинтересные, с точки зрения художественных достоинств, рисовали, на наш взгляд, субъективный «портрет» кавказских народов. Конечно, редакция журнала не имела цели, да и не могла давать беспристрастную оценку правительственным действиям на Кавказе. Задача редактора заключалась в печатании трудов, которые сообщали ценные сведения о действиях российской армии в регионе и жизни населения далекой окраины.

В 1825 г. «Отечественных записках» был напечатан составленный генералом от инфантерии И.И. Германом «Журнал кампании по Кавказской линии 1790 г.». Инженер и топограф Герман с 1790 г. был командиром бригады, состоявшей из Кабардинского, Владимирского и Казанского полков. Получив известие, что турки под начальством сераскира Батал-паши следуют от р. Лабы к Кубани, чтобы вторгнуться в пределы России, Герман отправился к ним навстречу и 30 сентября 1790 г. разбил турок и примкнувших к ним горцев-карачаевцев в верховьях Кубани, у рек Тохтамыши (Абазинки) и Подбаклеи, и обратил их в бегство. Овладев лагерем неприятеля, И.И. Герман захватил всю артиллерию и взял в плен сераскира. Публикация дневника отражала позицию редколлегии, собиравшей материал о доблестных подвигах русских солдат и офицеров.

В журнале периодически публиковался генерал-майор артиллерии, ботаник и писатель И.Т. Радожицкий. В статье «Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою графа В.А. Зубова», опубликованной в 1827 г., Радожицкий описал поход против персов в 1796 г. русского корпуса в составе четырех бригад под общим командованием генерал-поручика графа Валериана Алексеевича Зубова. Поводом к войне в Закавказье стало опустошительное вторжение в Грузию 60-тысячной персидской армии и разорение ею в 1795 г. города Тифлиса. Стратегической задачей корпуса было овладение крепостью Дербент, в которой располагался персидский гарнизон. После разрушительного артиллерийского огня персидские войска капитулировали. Издатель подчеркивал, что на персов оказало решающее влияние взятие башни в крепости, после чего они решили вступить в переговоры с русским командованием и сдать Дербент [Свиньин 1821b: 124].

Опубликованные в журнале работы Германа и Радожицкого, таким образом, полностью соответствовали программе периодического издания по восхвалению чести, храбрости, достоинства и славных побед русских воинов. Вместе с тем эти статьи сообщали важные данные о кавказских народах: их топонимике и географической локализации, нравах, искусстве владения оружием [Радожицкий 1827: 297], статистическую информацию о населении Дербента [Радожицкий 1827: 153, 308], что важно для современных исследований по истории Кавказа.

Идейные установки А.А. Краевского серьезно отличались от взглядов его предшественника, что было определено изменением общественно-политической ситуации в стране в период его редакторства. В 1840-е гг.

усиливается организованное либеральное и революционное движение. Поэтому при Краевском «кавказский» вопрос в «Отечественных записках» приобретает иное звучание.

Информативные заметки о ключевых военных событиях и очерки о ходе войны ежегодно публиковались на страницах отдела «Современная хроника России». Журнал не только констатирует факты, но и выражает свое отношение к ним.

В 1857 г. редколлегия сообщала о взятии русской армией области Салатавия, расположенной в Предгорном Дагестане на левобережье реки Сулак; о десантной операции на форт Вельяминовский майора Ф.С. Левашева против турецких судов в бухте Геленджика и защите офицером крепости Анапа от нападения шапсугов [Современная хроника… 1857: 63-65]. По мнению редакции, несмотря на то что война шла достаточно долго, известия с Кавказа всегда вызывали большой общественный резонанс, чем и объяснялась публикация ежегодных отчетов о расстановке сил в регионе [Современная хроника… 1857: 65].

В 1859 г. «Отечественные записки» напечатали обширный очерк об основных событиях на Кавказе в 1858 г. [Современная хроника… 1859: 3-17]. Значительные события в этом году происходили на Левом крыле Кавказской линии, в которое входили Чечня и Дагестан. Военные действия в 1858 г. в Чечне начались взятием считавшегося неприступным ущелье реки Аргун. Успех был предрешен строительством укрепления Аргунское, которое стало плацдармом наступления российских войск. Для контроля аулов Шатоевского общества в верховьях Аргуна было заложено укрепление Евдокимовское. Шамиль пытался отвлечь внимание российского командования набегом на Назрань, но был разбит отрядом генерала И.К. Мищенко. Убедившись в том, что его контроль над Аргуном потерян, Шамиль ушел в Ведено. «Результат действий на Левом крыле превзошел самые смелые ожидания. Все горное пространство между Военно-Грузинскою дорогою (верховьями Терека) и долиною Шаро-Аргуна покорилось России», – отметили журналисты отдела [Современная хроника… 1859: 13].

В следующих номерах обозреватель хроники сообщал об успехах российской армии в Кубанской области и ее победах над шапсугами, назначении генерал-адъютанта Д.А. Милютина товарищем военного министра и связанных с этим преобразованиях в крае [Современная хроника… 1860: 19-25]; о возведении новых укреплений на Северо-Западном Кавказе и переселении в эти места казаков [Современная хроника… 1861: 56-63]. Примечательно, что сотрудники журнала, не имея профессиональных военных знаний, довольно верно высказывали соображения о принципах переселения россиян на Кавказ и устройстве казачьих поселений [Современная хроника… 1861: 61]. Редакция давала читателям журнала советы: «Чтобы русские поселения на Кавказе могли принести всю пользу, которую можно от них требовать, надо доставить поселенцам средства к образованию, или, по крайней мере, к грамотности; без этого наши колонии не только не могут иметь полезного влияния на туземцев, среди которых они поселены, но даже рискуют

потерять свою народность, забыть свой язык» [Современная хроника… 1861: 62]. Характерно, что для прогрессивных сил русской литературы и публицистики, сотрудничавших в «Отечественных записках» (А.А. Краевского, С.С. Дудышкина и др.), покорение Кавказа непременно связывалось с просвещением горцев.

В рецензиях на публикуемые в других изданиях статьи или книги редакция «Отечественных записок» старалась полнее выразить свою позицию к событиям на Кавказе. В 1844 г. сотрудники допустили отступление от цензурных правил, что стало причиной шумного разбирательства и преследования журнала. П.Н. Кудрявцев, ученик В.Г. Белинского, ведущий критик журнала, опубликовал теплую рецензию на роман русской писательницы Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» [Кудрявцев 1844: 67-72].

Е.П. Лачинова (псевдоним «Е. Хамар-Дабанов»), долгое время жившая в Ставрополе и Тифлисе, была очевидцем событий Кавказской войны. Роман она опубликовала в 1844 г. в Петербурге и в 1846 г. в Лейпциге на немецком языке под названием «Москвичи и черкесы». Лачинова осмелилась показать читателю закулисную сторону Кавказской войны. Она описала «проделки» на Правом фланге Кавказской линии во времена управления свирепого царского генерала Г.Х. Засса – «страшилища черкесов», при котором было организовано много карательных экспедиций за Кубань. Разоблачение было весьма умеренным, но по «тогдашнему времени» казалось слишком смелым и даже дерзким. Роман, таким образом, не оставил равнодушными ни читателей, ни власти.

В предписании начальника III Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии Л.В. Дубельта указывалось, что цензорам следует обратить особое внимание на произведение Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе», так как в нем содержится «много сомнительных мест, которые не должны бы быть передаваемы читающей публике» [РНБ. Ф. 831. Т. 2. № 53. Л. 237]. Император Николай I негодовал: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза» [Воспоминания… 1898: 90], а военный министр А.И. Чернышев публично заявил: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда» [Никитенко 2005: 283].

Вокруг романа разразился скандал. Вызвавшая возмущение императора и военного командования повесть Лачиновой была запрещена цензурным комитетом, тираж изъят из продажи. Все это объясняет тревогу, вызванную появлением в «Отечественных записках» позитивной рецензии на книгу. В большинстве экземпляров журнала «Отечественных записок» была вырезана рецензия Кудрявцева. За пропуск сочинения Лачиновой в печать был уволен от должности цензора и подвергнут аресту профессор Московского университета Н.И. Крылов. Над Лачиновой по приказу Николая I был установлен полицейский надзор [РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 597. Л. 1]. Так журнал Краевского, через безобидные рецензии на литературные произведения, выражал общественно-политическую позицию, публикуя одобрительные отзывы о негативных сторонах завоевания Кавказа.

В 1868-1884 гг. ценных публикаций о событиях и итогах Кавказской войны в «Отечественных записках» не выявлено. По-видимому, это связано с завершением военных действий и включением региона в административно-правовое пространство России. Можно предположить, что Некрасов, напечатавший огромное количество очерков о войне в «Современнике», посчитал целесообразным обратить внимание читателей в новом журнале на другие актуальные проблемы современности, например, о реализации на Кавказе либеральных реформ Александра II.

Этнография народов Кавказа. Одной из задач «Отечественных записок» П.П. Свиньин признавал удовлетворение общественного интереса к существенным чертам жизни горцев Кавказа. Первый пункт его программы включал публикацию дневников и путевых заметок «многих никому не известных русских путешественников по России, Бухарии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям» [Свиньин 1821а: 397]. По данным известного советского кавказоведа М.О. Косвена, уже с 1821 г. кавказские этнографические темы вошли в круг интересов столичного журнала [Косвен 1955: 318].

Этнографические работы самого П.П. Свиньина, наблюдавшего жизнь и быт насельников Кавказа, дают богатый материал по изучению традиций и обычаев горцев. Во время пребывания на Кавказских минеральных водах, он записал обряд празднования Байрама в черкесском ауле в 1825 г. и выслал материал в редакцию «Отечественных записок» для публикации [Свиньин 1825: 241-250]. Специфичные черты образа жизни, традиций, обычаев и верований каждого народа, по мнению Свиньина, составляли уникальность Российской империи.

Среди обширного комплекса источников, напечатанных в «Отечественных записках» Свиньина, выделялись сообщения о горских народах и казаках Черноморской линии участника Кавказской войны, генерал-майора О.Л. Дебу [Дебу 1821, 1822; Дебу 1822; Замечания генерал-майора Дебу… 1823; Дебу 1823, 1824]. Содержание сочинения Дебу состояло из кратких замечаний о ногайцах, чеченцах, карачаевцах, адыгах, абазинах и более подробных сведениях о кабардинцах, причем автор прямо указывал, что его описание кабардинцев и их соседей большей частью взято из записки П.С. Потемкина [Косвен 1955: 298], в то время практически неизвестной в научных кругах. Дебу описал географическую локализацию горцев, их численность, политический быт и общественный строй, допустив ряд неточностей. До выхода в свет капитального исследования историка Кавказа С.М. Броневского [Броневский 1823], труд Дебу являлся одним из главных кавказоведческих сочинений обобщающего характера.

В «Руководстве для проезжающих Кавказские горы» [Горчаков 1822: 212-222] князя П.Д. Горчакова, командующего войсками Кавказской линии, опубликованном в журнале в 1822 г., дается обстоятельная характеристика Военно-Грузинской дороги и особенностей Дарьяльского ущелья. Качество сообщаемых автором сведений высокое, так как Горчаков долго находился в гуще событий на Кавказе и имел возможность изнутри изучить регион.

Близок к труду П.Д. Горчакова очерк И. Ейхфельда «Кавказская дорога» [Ейхфельд 1821: 270-294], помещенный в «Отечественных записках» за 1821 г. Но, в отличие от князя, Ейхфельд описывает свое путешествие по Военно-Грузинской дороге красочно, обращается к живописной природе здешних мест. Работа изобилует историческими данными. Подробно автор описывает только быт осетин и утверждает, что у осетинской семьи путешественникам можно найти укрытие в случае опасностей в горах [Ейхфельд 1821: 288].

Итак, большой вклад в этнографию народов Кавказа внесли российские офицеры, находившиеся по долгу службы в Кавказском регионе. Отдельные представители военного командования стремились понять образ жизни насельников Кавказа, зафиксировать сложный и своеобразный мир горцев.

А.А. Краевский и Н.А. Некрасов сохранили преемственность в освещении специфического образа жизни народов Кавказа. Тематика исследуемых вопросов расширялась и углублялась в соответствии с меняющейся социально-политической ситуацией. Редакция собирала и печатала не только статьи и записки отечественных путешественников, но и наблюдения иностранцев, старалась знакомить читателей с научным и экономическим освоением Кавказа.

«Отечественные записки» обратили внимание читателей на сборник «домашних» путевых очерков «От Зауралья до Закавказья» поэта Е.А. Вердеревского, который, на контрасте с известиями о заграничной жизни, помог взглянуть на особенности быта и повседневности населения отдаленных российских губерний [Стихотворения… 1857: 91].

Опубликованные в журнале записки и наблюдения русского офицера Л. Екельна, побывавшего в плену у чеченцев, были важны для понимания специфики жизни горцев [Екельн 1841: 91-96]. В личном фонде Краевского имеется его переписка с Л. Екельном, который предлагал опубликовать свои воспоминания о нахождении на Кавказе в «Отечественных записках», что с радостью было встречено редактором [РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 353. Л. 1-1 об.].

В 1839 г. в двух номерах «Отечественных записок» были опубликованы доставленные в редакцию журнала С.М. Усовым очерки итальянца Фердинанда Герзи «Путешествие в южные провинции России, прилежащие к Каспийскому и Черному морям» [Герзи 1839a: 1-32; Герзи 1839b: 1-32]. Герзи занимался вопросами развития шелководства и в ходе своего путешествия в 1835 г. предложил варианты разведения шелководства в России. Ценность очерков заключалась в стремлении дать практические советы российскому правительству в связи с хозяйственным освоением Кавказа. Кроме того, автор оставил нам сведения о быте и нравах горцев.

В 1845 г. в «Отечественных записках» были опубликованы записи о восхождении на Казбек, одну из высочайших вершин Кавказа, чешского ботаника, зоолога, энтомолога и профессора естествознания Фридриха Коленати [Восхождение на Казбек… 1845: 113-120], в 1857 г. – результаты планомерного изучения первых русских курортов на Кавказе естествоиспытателя Ф.А. Баталина [Баталин 1857: 191-218].

Таким образом, можно сделать вывод, что «Отечественные записки» были важным источником информации. Начав войну с горцами, России

пришлось столкнуться с неизвестным миром, с народами, имеющими другие традиции и обычаи. По мере развития событий, наряду с острейшими военно-политическими проблемами, актуальными становились знания о народах региона. Даже в специальные разведывательные отчеты и описания военно-стратегического назначения стали входить сведения по этнографии и истории горцев Кавказа. Поэтому неотъемлемой частью информационной политики «толстых» журналов в XIX в. стали публикации о кавказских обычаях и традициях, о языке и быте, географии и истории Кавказского региона непосредственных очевидцев: российских офицеров, отечественных и зарубежных путешественников, ученых.

Статьи о политико-правовом устройстве горского социума. В соответствии с концепцией журнала в нем с первых номеров появились статьи об общественном и политическом быте народов Северного Кавказа. Напечатанные в 1821-1824 гг. выдержки из рукописи командира Левого фланга Кавказской линии О.Л. Дебу содержали интересные наблюдения автора о распределении полномочий между двумя институтами власти в Кабарде: князем и «советом» (Под советами автор имеет ввиду форму народного собрания Хасэ. – И.Т.). Текст записок позволяет утверждать, что только народное положение имело силу закона, а князья были, по мнению О.Л. Дебу, лишь «наблюдателями законоположительной власти» [Дебу 1821, 1822: 100-102]. Конечно, эти наблюдения автора далеки от действительности. Князья Кабарды в социальной иерархии Северного Кавказа стояли на первом месте среди горских народов, поэтому их роль в решении всех вопросов жизнедеятельности народа была определяющей. Неслучайно, сам автор говорит о том, что Хасэ (Народное собрание. – И.Т.) разбирал только те вопросы, которые инициировали князья. Вместе с тем благодаря публикации подписчики журнала получили первоначальные представления о политических институтах в регионе. Для российской общественности, мало знакомой с особенностями системы управления на Кавказе, эти материалы могли стать отправной точкой для исследовательских изысканий, его работа в свое время была вполне востребована [Ткаченко, Колосовская 2011: 142].

Второй состав редакционной коллегии «Отечественных записок» во главе с А.А. Краевским расширил перечень публикаций на данную тему. Наряду с традиционными авторскими работами редакторы стали печатать официальные документы, выдержки из правительственных отчетов [Кулешов 1958: 17], многие из которых касались развития политических институтов на Кавказе. Сам Краевский активно следил за ходом событий в регионе, привлекал кавказских корреспондентов, интересовался отзывами провинциальных периодических изданий о публикациях в своих журналах.

Публикация документальных материалов позволяет сегодня проследить процесс инкорпорации горских народов в административно-правовое пространство Российской империи. Среди опубликованных источников преобладают правительственные указы и дополнения к ним по вопросам создания и функционирования центральных и региональных учреждений, законы гражданские и уголовные.

В «Отечественных записках» в 1839-1867 гг. были перепечатаны следующие законодательные акты:

1. об учреждении в 1840 г. в Закавказском крае Особого комитета под председательством генерал-адъютанта графа А.И. Чернышева для обеспечения эффективного управления в регионе [Обзор… 1840: 2-3];
2. указ об учреждении наместничества на Кавказе (1844 г.) [Обозрение… 1846: 9-10];
3. указы об утверждении штатов Тифлисской городской полиции и квартирной комиссии, положение об учреждении Закавказского Приказа Общественного Призрения, находившегося в непосредственном ведении кавказского наместника, указы о кавказских и закавказских выпускниках имперских высших учебных заведений (1848 г.) [Обозрение… 1848a: 33-34].
4. дополнения к третьему тому Свода Уставов о службе гражданской (1842 г.) [Обозрение… 1848b: 5];
5. изменения и дополнения к положениям об управлении Ставропольской губернией (1849 г.) [Обозрение… 1850: 5-6] и др.

Анализируя список нормативных документов, делаем вывод, что актуальными для редакционного состава являлись сведения о разрушении традиционного уклада жизни горцев и их включении в административное поле Российской империи. «Отечественные записки» брали на себя пальму первенства в трансляции законотворческой информации о регионе.

Значимой составляющей программной деятельности журнала являлась публикация сведений о шариате, мусульманском праве горцев [Фадеев 1860: 95-106]. Специфическая система исламского законодательства, представляющая собой смешение юридических и религиозных понятий, вызывала ожесточенные споры в столице. Актуальными для «Отечественных записок» являлись публикации о правовой культуре населения России, в том числе и кавказских народов [Демерт 1872: 71].

Завершая статью, констатируем, что «Отечественные записки», несмотря на концептуальные пристрастия редакторов, оставили потомкам достаточно полную картину северокавказской действительности: образе жизни горцев, их быте и повседневности, социально-политическом устройстве, особенностях экономической и духовной сферы. Тем самым, в нашем распоряжении сегодня имеется значительный комплекс источникового материала по истории народов Северного Кавказа, опубликованный и значит сохраненный для общества.

Комплексная модель Ж. Кайзера по исследованию материалов прессы предполагает на последнем этапе *шкалирование значимости «редакционных единиц».* На основе предложенной Кайзером процедуры действий и собственных дополнений попытаемся установить весомость статей по истории и этнографии народов Северного Кавказа в «Отечественных записках». Для этого, во-первых, вычислим долю статей о горцах Кавказа в соотношении со всеми публикациями «Отечественных записок». При Свиньине в период с 1818 по 1838 гг. кавказский материал в «Отечественных записках» занимал площадь от 6 до 12 %, при Краевском эта цифра колебалась в пределах 3–7 %. Достаточно большой объем материала в журнале объясняется, по

нашему мнению, общественным интересом к Кавказу и событиям, там разворачивающимся. Свиньин заинтересован был в отборе информативных статей большого объема. В период его редакторства российское общество и власти не располагали еще достоверными сведениями о кавказских народах, поэтому на первый план выходила задача ознакомительная. Краевский, исходя из общественно-политической ситуации, главный упор сделал на художественную литературу и критику. Ведущие сотрудники журнала в литературно-критических статьях и обзорах выражали позицию «Отечественных записок» по общественным проблемам страны, в том числе, кавказскому вопросу.

Во-вторых, сравним три проанализированных текстовых массива по занимаемой ими площади. Если за 100% взять всю информацию о горцах Кавказа в «Отечественных записках», то из них: доля журнальных страниц по Кавказской войне – 34%, по этнографии кавказских народов – 57%, по административно-правовому устройству горского социума – 9%. Такая шкала ценности публикаций объясняется тем, что цензурные органы не пропускали в печать политическую информацию, содержащую оценки правительственных методов покорения Кавказа. А в этнографических данных об интегрируемых кавказских народах была заинтересована российская администрация.

В-третьих, проанализируем усилия редколлегии периодического издания по привлечению читательского внимания к каждому тематическому массиву. П.П. Свиньин размещал материал о противостоянии в регионе либо на первых страницах журнала, либо выносил в середину. Интересно, что он разбивал длинные авторские статьи на несколько частей и публиковал их в разных местах, предположительно, чтобы читателям не наскучил текст, и они посмотрели все содержание конкретного номера. Для фиксации внимания аудитории Свиньин увеличивал шрифт ключевых слов в заголовках. Например, в названии статьи Ф.Н. Глинки «Подвиги русских за Кубанью в 1789 г.» крупным шрифтом выделено «Подвиги русских».

Этнографический материал о кавказцах практически всегда сопровождался замечаниями редактора, так как он наблюдал жизнь на Кавказе и мог поделиться своими рассуждениями. Все комментарии к публикациям Свиньин давал в начале и конце статьи, чтобы читатель обратил на них внимание.

А.А. Краевский также использовал специфические способы и средства усиления интереса подписчиков. Его журнал отличался жанровой оригинальностью, поэтому читателям предоставлялся тематически разграниченный материал. Статьи о войне с горцами Кавказа публиковались чаще в отделе «Современная хроника России», своеобразном новостном отделе. Прежде чем излагать те или иные сведения о событиях в стране, Краевский печатал сначала весь перечень заголовков, чтобы читатели были в курсе содержания отдела и сразу отметили для себя актуальные темы. Кавказская война была одной из самых острых, поэтому известия с Кавказа публиковались первыми. При публикации официальных документов, перепечатке правительственных сообщений и отчетов кавказской администрации Краевский

предпочтение отдавал также кавказским материалам и выносил их на первые страницы отдела.

Как и Свиньин, Краевский приветствовал сбор и трансляцию этнографических данных о народах Кавказа. Но по сравнению с темой о столкновениях российской армии и горцев в регионе, при компоновке страниц этнографические статьи редактор размещал в середине журнала и в менее значимых частях, что объясняется общественной значимостью обозначенных проблем и стремлением печатного органа подчеркнуть события, связанные с Кавказской войной. Исключение составляет чеченская повесть Л. Екельна «Дженнат и Бока», которой открывался 31-й том журнала за 1843 год. В личной переписке с автором Краевский отмечал немало достоинств воспоминаний Екельна, поэтому не удивительно, что она была вынесена в начало номера.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что комплексная модель анализа материалов периодической печати французского исследователя Жака Кайзера является одним из эффективных методов изучения истории народов Северного Кавказа. Используя научный инструментарий французского журналиста, мы не только всесторонне изучили орган печати, начиная с его внешних характеристик до концептуальных взглядов редакторов, но и выяснили причины трансляции информации о народах Северного Кавказа, качественное содержание этих статей, а также оригинальные способы подачи и ранжирования материалов о горцах Кавказа на страницах «Отечественных записок».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1969 – *Алексеев А.Н.* Метод Жака Кайзера (Из опыта исследований французской ежедневной прессы) // Проблемы современной зарубежной печати: сборник статей / Под ред. В.С. Соколова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. – С. 56-77.

Баталин 1857 – *Баталин Ф.А.* Большой провал в Пятигорске // Отечественные записки. – 1857. – Т. 113. – С. 191-218.

Боров 2004 – *Боров А.Х.* Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализации // Вестник КБГУ. Серия «Гуманитарные науки». – Нальчик, 2004. – Вып. 9. – С. 3-11.

Боров 2007 – *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. – 298 с.

Боров 2019 – *Боров А.Х.* Методологические проблемы региональной истории: предварительные заметки // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 12-37. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-12-37

Боров и др. 2018 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г., Дзамихов К.Ф.* О концепте «совместной истории» в контексте российского цивилизационного процесса (на материалах истории народов Кабардино-Балкарии XVI-начала XX в.) // Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ООО Альтаир, 2018. – С. 89-101.

Броневский 1823 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2-х ч. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – Ч. 1. – 385 с.; – Ч. 2. – 485 с.

Бурцев 1820 – *Бурцев И.Г.* Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. // Отечественные записки. – 1820. – Ч. 2. – С. 18-26.

Воспоминания… 1898 – *Воспоминания* генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского // Милитера (Военная литература): сайт. URL: http://militera.lib.ru/memo/0/pdf/russian/dokudovsky_va01.pdf (дата обращения: 26.01.2020).

Восхождение на Казбек… 1845 – *Восхождение на Казбек* в 1844 г. доктора Коленати // Отечественные записки. – 1845. – Т. 41. – С. 113-120.

Герзи 1839a – *Герзи Ф.* Обозрение шелководства России. Путешествие от Тифлиса по Грузии в мусульманские провинции [статья вторая. С примеч. С.М. Усова] // Отечественные записки. – 1839. – Т. 5. – С. 1-32.

Герзи 1839b – *Герзи Ф.* Путешествие в южные провинции России, прилежащие к Каспийскому и Черному морям [статья первая. С примеч. С.М. Усова] // Отечественные записки. – 1839. – Т. 3. – С. 1-32.

Глинка 1821 – *Глинка Ф.Н.* Подвиги русских за Кубанью // Отечественные записки. – 1821. – Ч. 5. – С. 25-39, 141-150.

Горобий 2012 – *Горобий А.В.* Количественный контент-анализ периодической печати как источника по истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 гг. // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2012. – № 1 (1). – С. 54-71.

Горчаков 1822 – *Горчаков П.Д.* Руководство для проезжающих Кавказские горы // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 12. – С. 212-222.

Григорович 1987 – *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. Приложения. Из «Воспоминаний» В.А. Панаева. – М.: Художественная литература, 1987. – 333 с.

Даль 1981 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. А-З. – 1981. – 699 с.

Дебу 1821, 1822 – *Дебу О.Л.* Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. – 1821. – Ч. 8. – С. 86-104; – 1822. – Ч. 9. – С. 245-264, 354-381.

Дебу 1822 – *Дебу О.Л.* Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 10. – С. 50-59.

Дебу 1823, 1824 – *Дебу О.Л.* О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением поселенных козачьих полков, оную охраняющих и их происхождении // Отечественные записки. – 1823. – Ч. 16. – С. 234-248; – 1824. – Ч. 18. – С. 268-293; – 1824. – Ч. 19. – С. 48-74.

Демерт – *Демерт Н.А.* Наша современная литература и общество // Отечественные записки. – 1872. – Т. 204. – С. 71.

Договоры Некрасова… 1949 – *Договоры Некрасова* с Краевским об издании «Отечественных записок» с 1868 по 1873 г. / Вступ. статья В. Евгеньева-Максимова; Подгот. текста В. Евгеньева-Максимова, А. Максимовича и А. Михайловой // Литературное наследство. Том III (№ 53-54): Н.А.Некрасов. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 331-350.

Ейхфельд 1821 – *Ейхфельд И.* Кавказская дорога // Отечественные записки. – 1821. – Ч. 6. – С. 270-294.

Екельн 1841 – *Екельн Л.* Из записок русского, бывшего в плену у черкесов // Отечественные записки. – 1841. – Т. 19. – С. 91-96.

Емельянов 1986 – *Емельянов Н.* «Отечественные записки» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина (1868-1884). – Л.: Худож. лит-ра, 1986. – 336 с.

Журнал… 1825 – *Журнал* кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число // Отечественные записки. – 1825. – Ч. 24. – С. 352-382.

Журтова, Максимчик 2017 – *Журтова А.А., Максимчик А.Н.* Историография российско-кавказских отношений в XVI-XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы: монография. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 440 с.

Замечания генерал-майора Дебу… 1823 – *Замечания генерал-майора Дебу* о состоянии Черномории и Черноморских козаков // Отечественные записки. – 1823. – Ч. 15. – С. 195-223, 315-342.

Изъявление благодарности… 1829 – *Изъявление благодарности* от издателя «Отечественных записок» // Отечественные записки. – 1829. – № 116. – С. 499-502.

Кара-Мурза, Олейников 2010 – *Кара-Мурза А.А., Олейников Д.И.* Нестор русской журналистики (к 200-летию Краевского). 21 апреля 2010 // Независимая газета: сайт. URL: http://www.ng.ru/ideas/2010-04-21/5_kraevsky.html (дата обращения: 03.03.2020).

Косвен 1955 – *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник. Вып. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 374 с.

Кудрявцев 1844 – *Кудрявцев П.Н.* Проделки на Кавказе. Соч. Е. Хамар-Дабанова. СПб., 1844 // Отечественные записки. – 1844. – Т. 34. – С. 67-72.

Кузьминов, Тахушева 2016a – *Кузьминов П.А., Тахушева И.С.* Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественные записки» (1818-1867 гг.) // Научная мысль Кавказа. – 2016. – № 4. – С. 81-87. DOI: https://doi.org/10.18522/2072-0181-2016-88-4-81-87

Кузьминов, Тахушева 2016b – *Кузьминов П.А., Тахушева И.С.* Публикации о Кавказском регионе в «Отечественных записках» в контексте издательской концепции познания Отечества (1818–1838 гг.) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – Владикавказ, 2016. – Вып. 15. – С. 71-79.

Кузьминов, Тахушева 2018 – *Кузьминов П.А., Тахушева И.С.* П.П. Свиньин и трансляция истории народов Северного Кавказа в «Отечественных записках» (1818-1838) // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 2. – С. 41-47. DOI: https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-94-2-41-47

Кузьминов, Черноус 2018 – *Кузьминов П.А., Черноус В.В.* Два взгляда на проблему российско-кавказских отношений в XVI–XIX веках, или размышления о книге «Журтова А.А., Максимчик А.Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX вв.: два подхода к осмыслению проблемы. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 440 с.» // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 1. – С. 7-14. DOI: https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-7-14

Кулакова 2002 – *Кулакова И.П.* Громоотвод и барометр: Андрей Краевский и его «Отечественные записки» // Отечественные записки. – 2002. – № 4-5. // Архив номеров журнала «Отечественные записки» 2001-2014 годов: сайт. URL: http://www.strana-oz.ru/2002/4/gromootvod-i-barometr (дата обращения: 14.12.2019).

Кулешов 1958 – *Кулешов В.И.* «Отечественные записки» и литература 40-х гг. XIX в. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 402 с.

Никитенко 2005 – *Никитенко А.В.* Записки и дневник: в 3-х т. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. – 640 с.

Обзор… 1840 – *Обзор* нынешнего состояния разных частей государственного управления за май и июнь месяцы 1840 г. // Отечественные записки. – 1840. – Т. 12. – С. 2-3.

Обозрение… 1846 – *Обозрение* современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за февраль 1846 г. // Отечественные записки. – 1846. – Т. 45. – С. 9-10.

Обозрение… 1848a – *Обозрение* современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за июнь 1848 г. // Отечественные записки. – 1848. – Т. 59. – С. 33-34.

Обозрение… 1848b – *Обозрение* современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1847 г. // Отечественные записки. – 1848. – Т. 56. – С. 5.

Обозрение… 1850 – *Обозрение* современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1849 г. // Отечественные записки. – 1850. – Т. 68. – С. 5-6.

Отечественные… 1973 – «*Отечественные* записки» // История русской журналистики XVIII-XIX вв. / Под редакцией проф. А.В. Западова. – М.: Высшая школа, 1973. – 521 с. // EVARTIST – сайт, посвященный журналистике, рекламе и PR (Авторский проект Екатерины

Алеевой). URL: http://evartist.narod.ru/text3/06.htm#%D0%B7_17 (дата обращения: 03.03.2020).

Пашинян 2012 – *Пашинян И.А.* Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. – 2012. – Том 2. – № 3. – С. 13-18.

Радожицкий 1827 – *Радожицкий И.Т.* Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою Графа В.А. Зубова // Отечественные записки. – 1827. – Ч. 31. – С. 127-168, 266-314.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РНБ – Российская национальная библиотека.

Свиньин 1821a – *Свиньин* П.П. Объявление о продолжении издания «Отечественных записок» на следующий 1822 год // Отечественные записки. – 1821. – № 7. – С. 397.

Свиньин 1821b – *Свиньин* П.П. Русский богатырь при стенах Дербента // Отечественные записки. – 1821. – Ч. 7. – С. 120-124.

Свиньин 1825 – *Свиньин П.П.* О праздновании Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. – 1825. – Ч. 23. – С. 241-250.

Современная хроника… 1857 – *Современная хроника* России: Последние известия с Кавказа // Отечественные записки. – 1857. – Т. 113. – С. 63-65.

Современная хроника… 1859 – *Современная хроника* России: Очерк военных действий на Кавказе за 1858 г. // Отечественные записки. – 1859. – Т. 122. – С. 3-17.

Современная хроника… 1860 – *Современная хроника* России: Известия с Кавказа // Отечественные записки. – 1860. – Т. 133. – С. 19-25.

Современная хроника… 1861 – *Современная хроника* России: Обозрение дел на Кавказе // Отечественные записки. – 1861. – Т. 135. – С. 56-63.

Стихотворения… 1857 – *«Стихотворения* первой молодости. Песни. Думы. Послания» Е. Вердеревского. М., 1857; «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» Е. Вердеревского. М., 1857 // Отечественные записки. – 1857. – Т. 115. – С. 91.

Тахушева 2019 – *Тахушева И.С.* Кавказ в редакционной политике либерально-демократических журналов России XIX в.: теоретико-методологический аспект // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т, 2019. – С. 109-115.

Ткаченко, Колосовская 2011 – *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти…». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 303 с.

Фадеев 1860 – *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860 // Отечественные записки. – 1860. – Т. 128. – С. 95-106.

Kayser 1963 – *Kayser J.* Le quotidien francais. – Paris: A. Colin, 1963. – 169 p.

L'information… 1966 – *L'information* a travers le monde: presse, radio, télévision, 4-e ed. – Paris: UNESCO, 1966. – 424 p.

REFERENCES

ALEKSEEV A.N. *Metod Zhaka Kaizera (Iz opyta issledovanii frantsuzskoi ezhednevnoi pressy)* [Jacques Kaiser's Method (from the experience of researching the french daily press)]. IN: Problems of the modern foreign press: collection of articles. Ed. by V.S. Sokolov. – Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1969. – P. 56-77. (In Russian)

BATALIN F.A. *Bol'shoi proval v Pyatigorske* [Big failure in Pyatigorsk]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 1857. – Vol. 113. – P. 191-218. (In Russian)

BOROV A.Kh. *Natsional'nye istorii narodov Severnogo Kavkaza: problemy kontseptualizatsii* [National histories of the North Caucasus peoples: issues in conceptualization].

IN: Vestnik KBGU. Seriya «Gumanitarnye nauki». – Nal'chik, 2004. – Iss. 9. – P. 3-11. (In Russian)

BOROV A.Kh. *Metodologicheskie problemy regional'noi istorii: predvaritel'nye zametki* [Methodological issues of regional history: preliminary notes]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 3. – P. 12-37. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-12-37 (In Russian)

BOROV A.Kh. *Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (Problema sotsial'no-kul'turnogo sinteza)* [The North Caucasus in the Russian civilization process (The problem of socio-cultural synthesis)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2007. – 298 p. (In Russian)

BOROV A.Kh., MURATOVA E.G., DZAMIKHOV K.F. *O kontsepte «sovmestnoi istorii» v kontekste rossiiskogo tsivilizatsionnogo protsessa (na materialakh istorii narodov Kabardino-Balkarii XVI-nachala XX v.)* [On the concept of «joint history» in the context of the Russian civilization process (based on the history of the peoples of Kabardino-Balkaria XVI-early XX century)]. IN: Empire, monarchy, republic, confederation as a form of exercise of power in the Caucasus. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Ed. by, Compiled by D.Yu. Shapsugov. – Rostov-on-Don: Izd-vo OOO Al'tair, 2018. – P. 89-101. (In Russian)

BRONEVSKII S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze: v 2-kh ch.* [The latest geographical and historical news of the Caucasus: in 2 Parts] – M.: Tip. S. Selivanovskogo, 1823. – Part 1. – 385 p.; – Part 2. – 485 p. (In Russian)

BURTSEV I.G. *Boi polkovnika Tikhovskogo s zakubanskimi cherkesami v 1810 g.* [The battle of Colonel Tikhovsky with the Zakuban Circassians in 1810]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1820. – Part 2. – P. 18-26. (In Russian)

DAL' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T. 1–4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Vol. 1-4]. – M.: Russkiy yazyk, 1981. – Vol. 1. A-Z. – 1981. – 699 p. (In Russian)

DEBU O.L. *O nachal'nom ustanovlenii i rasprostranenii Kavkazskoi linii, s oznacheniem poselennykh kozach'ikh polkov, onuyu okhranyayushchikh i ikh proiskhozhdenii* [On the initial establishment and distribution of the Caucasian line, with the designation of the settled Cossack regiments, which protect them and their origin]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1823. – Part 16. – P. 234-248; – 1824. – Part 18. – P. 268-293; – 1824. – Part 19. – P. 48-74. (In Russian)

DEBU O.L. *Raznye istoricheskie zamechaniya o Kavkazskikh narodakh* [Various historical remarks about the Caucasian peoples]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1821. – Part 8. – P. 86-104; – 1822. – Part 9. – P. 245-264, 354-381. (In Russian)

DEBU O.L. *Raznye istoricheskie zamechaniya otnositel'no narodov, sosedstvennykh Kavkazskoi linii* [Various historical observations regarding peoples neighboring the Caucasian line]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1822. – Part 10. – P. 50-59. (In Russian)

DEMERT N.A. *Nasha sovremennaya literatura i obshchestvo* [Our modern literature and society]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1872. – Vol. 204. – P. 71. (In Russian)

Dogovory Nekrasova s Kraevskim ob izdanii «Otechestvennykh zapisok» s 1868 po 1873 g. [Nekrasov's agreements with Kraevsky on the publication of «Otechestvennye zapiski» from 1868 to 1873]. Entry article by V. Evgeniev-Maksimov; Prep. text by V. Evgeniev-Maksimov, A. Maksimovich and A. Mikhailova IN: *Literaturnoe nasledstvo. Tom III (№ 53-54): N.A. Nekrasov* [Literary heritage. Vol. III (No 53-54): N.A. Nekrasov]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – P. 331-350. (In Russian)

EIKHFEL'D I. *Kavkazskaya doroga* [Caucasian road]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1821. – Part 6. – P. 270-294. (In Russian)

EKEL'N L. *Iz zapisok russkogo, byvshego v plenu u cherkesov* [From the notes of a Russian who was captured by the Circassians]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 1841. – Vol. 19. – P. 91-96. (In Russian)

EMEL'YANOV N. *«Otechestvennye zapiski» N.A. Nekrasova i M.E. Saltykova-Shchedrina (1868-1884)* [«Otechestvennye zapiski» of N.A. Nekrasov and M.E. Saltykov-Shchedrin (1868-1884)]. – Leningrad: Khudozh. lit-ra, 1986. – 336 p. (In Russian)

FADEEV R.A. *Shest'desyat let Kavkazskoi voiny* [Sixty years of the Caucasian war]. Tiflis, 1860. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1860. – Vol. 128. – P. 95-106. (In Russian)

GERZI F. *Obozrenie shelkovodstva Rossii. Puteshestvie ot Tiflisa po Gruzii v musul'manskie provintsii [stat'ya vtoraya. S primech. S.M. Usova]* [Review of sericulture in Russia. Travel from Tiflis in Georgia to Muslim provinces (second article. With note by S.M. Usov)]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1839. – Vol. 5. – P. 1-32. (In Russian)

GERZI F. *Puteshestvie v yuzhnye provintsii Rossii, prilezhashchie k Kaspiiskomu i Chernomu moryam [stat'ya pervaya. S primech. S.M. Usova]* [Travel to the southern provinces of Russia adjacent to the Caspian and Black Seas (first article. With note by S.M. Usov)]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1839. – Vol. 3. – P. 1-32. (In Russian)

GLINKA F.N. *Podvigi russkikh za Kuban'yu* [The feats of Russians for Kuban]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1821. – Part 5. – P. 25-39, 141-150. (In Russian)

GORCHAKOV P.D. *Rukovodstvo dlya proezzhayushchikh Kavkazskie gory* [Guide for travelers of the Caucasus mountains]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 1822. – Part 12. – P. 212-222. (In Russian)

GOROBII A.V. *Kolichestvennyi kontent-analiz periodicheskoi pechati kak istochnika po istorii otnoshenii SSSR i FRG 1985–1991 gg.* [Quantitative content analysis of periodicals as a source on the history of relations between the USSR and Germany 1985–1991]. IN: *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii.* – 2012. – No 1 (1). – P. 54-71. (In Russian)

GRIGOROVICH D.V. *Literaturnye vospominaniya. Prilozheniya. Iz «Vospominanii» V.A. Panaeva* [Literary memories. Applications. From the «Memoirs» of V.A. Panaev]. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1987. – 333 p. (In Russian)

Iz"yavlenie blagodarnosti ot izdatelya «Otechestvennykh zapisok» [Acknowledgment from the publisher of «Otechestvennye zapiski»]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 1829. – No 116. – P. 499-502. (In Russian)

KARA-MURZA A.A., OLEINIKOV D.I. *Nestor russkoi zhurnalistiki (k 200-letiyu Kraevskogo). 21 aprelya 2010* [Nestor of Russian journalism (on the 200th anniversary of Kraevsky). April 21, 2010]. IN: *Nezavisimaya Gazeta*: website. URL: http://www.ng.ru/ideas/2010-04-21/5_kraevsky.html (access date: 03.03.2020) (In Russian)

KAYSER J. *Le quotidien francais.* – Paris: A. Colin, 1963. – 169 p. (In French)

KOSVEN M.O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke. Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. Caucasian ethnographic collection]. Iss. I. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – 374 p. (In Russian)

KUDRYAVTSEV P.N. *Prodelki na Kavkaze* [The tricks in the Caucasus]. Composition by E. Khamar-Dabanov. SPb., 1844. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1844. – Vol. 34. – P. 67-72. (In Russian)

KULAKOVA I.P. *Gromootvod i barometr: Andrei Kraevskii i ego «Otechestvennye zapiski»* [Lightning rod and barometer: Andrei Kraevsky and his «Otechestvennye zapiski»]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 2002. – No 4-5. IN: *Arkhiv nomerov zhurnala «Otechestvennye zapiski» 2001-2014 godov: sait* [Archive of issues of the journal "Otechestvennye zapiski" 2001-2014: website]. URL: http://www.strana-oz.ru/2002/4/gromootvod-i-barometr (access date: 14.12.2019). (In Russian)

KULESHOV V.I. *«Otechestvennye zapiski» i literatura 40-kh gg. XIX v.* [«Otechestvennye zapiski» and literature of the 40s XIX century]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1958. – 402 p. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A., CHERNOUS V.V. *Dva vzglyada na problemu rossiisko-kavkazskikh otnoshenii v XVI–XIX vekakh, ili razmyshleniya o knige «Zhurtova A.A., Maksimchik A.N. Istoriografiya rossiisko-kavkazskikh otnoshenii v XVI–XIX vv.: dva podkhoda k osmysleniyu problem. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. – 440 s.»* [Two views on the problem of Russian-Caucasian relations in the 16th – 19th centuries, or reflections on the book «Zhurtova A.A.,

Maksimchik A.N. The historiography of Russian-Caucasian relations in the 16th – 19th centuries: two approaches to understanding the problem. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. – 440 p.»]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* – 2018. – No 1. – P. 7-14. DOI: https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-93-1-7-14 (In Russian)

KUZ'MINOV P.A., TAKHUSHEVA I.S. *Kavkaz v redaktsionnoi politike zhurnala «Otechestvennye zapiski» (1818–1867 gg.)* [The Caucasus in the editorial policy of the journal «Otechestvennye zapiski» (1818-1867)]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2016. – No 4. – P. 81-87. DOI: https://doi.org/10.18522/2072-0181-2016-88-4-81-87 (In Russian)

KUZ'MINOV P.A., TAKHUSHEVA I.S. *P.P. Svin'in i translyatsiya istorii narodov Severnogo Kavkaza v «Otechestvennykh zapiskakh» (1818–1838)* [Svinin and the broadcast of the history of the peoples of the North Caucasus in the «Otechestvennye zapiski» (1818-1838)]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* – 2018. – No 2. – P. 41-47. DOI: https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-94-2-41-47 (In Russian)

KUZ'MINOV P.A., TAKHUSHEVA I.S. *Publikatsii o Kavkazskom regione v «Otechestvennykh zapiskakh» v kontekste izdatel'skoi kontseptsii poznaniya Otechestva (1818–1838 gg.)* [Publications about the Caucasus region in «Otechestvennye zapiski» in the context of the publishing concept of knowledge of the Fatherland (1818-1838)]. IN: *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh.* – Vladikavkaz, 2016. – Iss. 15. – P. 71-79. (In Russian)

L'information a travers le monde: presse, radio, télévision, 4-e ed. – Paris: UNESCO, 1966. – 424 p. (In French)

NIKITENKO A.V. *Zapiski i dnevnik*: V 3 t. [Notes and diary: In 3 vols]. – M.: Zakharov, 2005. – Vol. 1. – 640 p. (In Russian)

Obozrenie sovremennogo dvizheniya russkogo zakonodatel'stva i rasporyazhenii po gosudarstvennomu upravleniyu za fevral' 1846 g. [Review of the modern movement of Russian legislation and government orders for February 1846]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1846. – Vol. 45. – P. 9-10. (In Russian)

Obozrenie sovremennogo dvizheniya russkogo zakonodatel'stva i rasporyazhenii po gosudarstvennomu upravleniyu za iyun' 1848 g. [Review of the modern movement of Russian legislation and government orders for June 1848]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1848. – Vol. 59. – P. 33-34. (In Russian)

Obozrenie sovremennogo dvizheniya russkogo zakonodatel'stva i rasporyazhenii po gosudarstvennomu upravleniyu za noyabr' 1847 g. [Review of the modern movement of Russian legislation and government orders for November 1847]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1848. – Vol. 56. – P. 5. (In Russian)

Obozrenie sovremennogo dvizheniya russkogo zakonodatel'stva i rasporyazhenii po gosudarstvennomu upravleniyu za noyabr' 1849 g. [Review of the modern movement of Russian legislation and government orders for November 1849]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1850. – Vol. 68. – P. 5-6. (In Russian)

Obzor nyneshnego sostoyaniya raznykh chastei gosudarstvennogo upravleniya za mai i iyun' mesyatsy 1840 g. [Overview of the current state of different parts of government for May and June of the 1840s]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1840. – Vol. 12. – P. 2-3. (In Russian)

«Otechestvennye zapiski» IN: *Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII-XIX vv. / Pod redaktsiei prof. A.V. Zapadova. – M.: Vysshaya shkola, 1973. – 521 s.* [The history of Russian journalism of the XVIII-XIX centuries. Ed. by A.V. Zapadov. – M.: Vysshaya shkola, 1973. – 521 p.]. IN: *EVARTIST – sait, posvyashchennyi zhurnalistike, reklame i PR (Avtorskii proekt Ekateriny Aleevoi)* [EVARTIST – a site dedicated to journalism, advertising and PR (Author's project by Ekaterina Aleeva): website]. URL: http://evartist.narod.ru/text3/06.htm#%D0%B7_17 (access date 03.03.2020).

PASHINYAN I.A. *Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ogranicheniya* [Content analysis as a research method: advantages and limitations]. IN: *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya.* – 2012. – Vol. 2. – No 3. – P. 13-18. (In Russian)

RADOZHITSKII I.T. *Istoricheskoe izvestie o pokhode Rossiiskikh voisk v 1796 g. v Dagestan i Persiyu pod komandoyu Grafa V.A. Zubova* [Historical news of the campaign of the Russian troops in 1796 in Dagestan and Persia under the command of Count V.A. Zubov]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1827. – Part 31. – P. 127-168, 266-314. (In Russian)

Rossiiskaya natsional'naya biblioteka [Russian National Library]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. (In Russian)

Sovremennaya khronika Rossii: Izvestiya s Kavkaza [Contemporary Chronicle of Russia: news from the Caucasus]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 1860. – Vol. 133. – P. 19-25. (In Russian)

Sovremennaya khronika Rossii: Obozrenie del na Kavkaze [Contemporary Chronicle of Russia: Review of Affairs in the Caucasus]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 1861. – Vol. 135. – P. 56-63. (In Russian)

Sovremennaya khronika Rossii: Ocherk voennykh deistvii na Kavkaze za 1858 g. [Contemporary Chronicle of Russia: An Outline of Military Operations in the Caucasus for 1858]. IN: *Otechestvennye zapiski*. – 1859. – Vol. 122. – P. 3-17. (In Russian)

Sovremennaya khronika Rossii: Poslednie izvestiya s Kavkaza [Contemporary Chronicle of Russia: Latest News from the Caucasus]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1857. – Vol. 113. – P. 63-65. (In Russian)

«Stikhotvoreniya pervoi molodosti. Pesni. Dumy. Poslaniya» E. Verderevskogo [«Poems of the first youth. Songs. Thoughts Messages» by E. Verderevsky]. M., 1857; *«Ot Zaural'ya do Zakavkaz'ya. Yumoristicheskie, sentimental'nye i prakticheskie pis'ma s dorogi» E. Verderevskogo* [«From Trans-Urals to Transcaucasia. Humorous, sentimental and practical letters from the road» by E. Verderevsky]. M., 1857. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1857. – Vol. 115. – P. 91. (In Russian)

SVIN'IN P.P. *O prazdnovanii Bairama v cherkesskom aule* [About the celebration of Bayram in the Circassian aul]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1825. – Part 23. – P. 241-250. (In Russian)

SVIN'IN P.P. *Ob"yavlenie o prodolzhenii izdaniya «Otechestvennykh zapisok» na sleduyushchii 1822 god* [Announcement on the continuation of the publication of «Otechestvennye zapiski» for the next 1822 year]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1821. – Part 7. – P. 397. (In Russian)

SVIN'IN P.P. *Russkii bogatyr' pri stenakh Derbenta* [Russian hero at the walls of Derbent]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1821. – Part 7. – P. 120-124. (In Russian)

TAKHUSHEVA I.S. *Kavkaz v redaktsionnoi politike liberal'no-demokraticheskikh zhurnalov Rossii XIX v.: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [The Caucasus in the editorial policy of liberal democratic journals of Russia in the 19th century: theoretical and methodological aspect]. IN: *Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu izvestnogo uchenogo-kavkazoveda, professora Valentiny Pavlovny Nevskoi* / Otv. red. P.I. Abaikhanova (Magayaeva) [Caucasian studies: experience, problems and prospects. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the famous Caucasian scholar, professor Valentina Pavlovna Nevskaya. Ed. by P.I. Abaikhanova (Magayaeva)]. – Karachaevsk: Karachay-Cherkess State University, 2019. – P. 109-115. (In Russian)

TKACHENKO D.S., KOLOSOVSKAYA T.A. *«My na Kavkaze voevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatelya i uiti…». Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoi armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov)* [«We did not fight in the Caucasus in order to defeat the enemy and leave...». Sociocultural activity of the Caucasian Army (according to the memoirs and research of contemporaries)]. – Stavropol: Izd-vo SGU, 2011. – 303 p. (In Russian)

Voskhozhdenie na Kazbek v 1844 g. doktora Kolenati [Ascent of Kazbek in 1844 by doctor Kolenati]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1845. – Vol. 41. – P. 113-120. (In Russian)

Vospominaniya general-maiora Vasiliya Abramovicha Dokudovskogo [Memoirs of Major General Vasily Abramovich Dokudovsky] IN: *Militera (Voennaya literatura): sait* [Militera

(Military literature): website]. URL: http://militera.lib.ru/memo/0/pdf/russian/dokudovsky_va01.pdf (access date: 26.01.2020). (In Russian)

Zamechaniya general-maiora Debu o sostoyanii Chernomorii i Chernomorskikh kozakov [Major General Debu's remarks on the state of the Black Sea and the Black Sea Cossacks]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1823. – Part 15. – P. 195-223, 315-342. (In Russian)

Zhurnal kampanii po Kavkazskoi linii pokoinogo generala ot infanterii i kavalera Ivana Ivanovicha Germana 1790 goda ot 22 sentyabrya po 30 chislo [Journal of the campaign on the Caucasian line of the late General of the infantry and cavalier Ivan Ivanovich Herman 1790 from September 22 to the 30th]. IN: *Otechestvennye zapiski.* – 1825. – Part 24. – P. 352-382. (In Russian)

ZHURTOVA A.A., MAKSIMCHIK A.N. *Istoriografiya rossiisko-kavkazskikh otnoshenii v XVI–XIX v.: dva podkhoda k osmysleniyu problemy: monografiya* [Historiography of Russian-Caucasian Relations in the 16th – 19th Centuries: Two Approaches to Understanding the Problem: Monograph] / A.A. Zhurtova, A.N. Maksimchik. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. – 440 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 61 (091) (470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-42-66

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И МЕДИЦИНСКОЙ СТАТИСТИКИ В БАЛКАРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Х.К. ГЕГРАЕВ, М.И. БАРАЗБИЕВ, С.С. АПАЖЕВА

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: gegra70@mail.ru, muslim1971@yandex.ru, svetlana.apageva@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – показать, опираясь на фольклорные материалы, архивные документы и материалы исторической публицистики, подверженность населения балкарских горских обществ различным заболеваниям, попытки противодействия им как народными средствами, так и с помощью профессиональной медицинской помощи, становление которой началось в данном регионе со второй половины XIX в., когда Российская империя окончательно закрепила здесь свое политико-административное, социально-экономическое и культурное влияние. В случае с Балкарией это было сопряжено с дополнительными трудностями естественного, природно-географического характера – условиями высокогорья и отдаленности от административных центров Нальчикского округа и Терской области. Несмотря на это, представители местной российской администрации, особенно при вспышках тех или иных болезней, предпринимали значительные усилия для оказания медицинской помощи жителям горских обществ, что способствовало, наряду с выработанной физической устойчивостью организма аборигенных жителей высокогорья, снижению уровня их заболеваемости и смертности.

Ключевые слова: Балкария; высокогорье; заболеваемость населения; эпидемии; медицинская помощь; медицинская и демографическая статистика.

MORBIDITY OF THE POPULATION, FORMATION OF MEDICAL CARE AND MEDICAL STATISTICS IN BALKARIA IN 19TH - THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

H.K. GEGRAEV, M.I. BARAZBIEV, S.S. APAZHEVA

FSBEI of HE "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: gegra70@mail.ru, muslim1971@yandex.ru, svetlana.apageva@mail.ru

Abstract. The goal of this article is to show the susceptibility of the population of the Balkarian mountain societies to various diseases, attempts to prevent them with folk remedies and with the help of professional medical care, the formation of which began in the region from the second half of XIX c. relying on folklore materials, archival documents and historical journalism materials, when the Russian Empire finally consolidated its political-administrative, socio-economic and cultural influence. In the case of Balkaria faced additional difficulties of a natural-geographical nature – the conditions of ridges and remoteness from the administrative centers of the Nalchik district and the Terek region. Despite this, representatives of the local Russian administration, especially during outbreaks of various diseases, made significant attempts to provide medical assistance to residents of mountain communities, which contributed to the reduction of their morbidity and mortality, along with the developed physical stability of the body of indigenous inhabitants of the highlands.

Keywords: Balkaria; mountains; the incidence of the population; epidemics; health care; medical and demographic statistics.

Проблемы заболеваемости населения, становления медицинской помощи и медицинской статистики в Балкарии XIX – начала XX в. являются малоизученными в историческом балкароведении. В то же время, их исследование позволяет глубже понять процессы адаптации высокогорного этноса к природно-климатической среде своего проживания, влияния на него эндогенных и экзогенных факторов, народных методов профилактики и лечения болезней, а также роль русской администрации в становлении системы медицинской помощи, демографической и медицинской статистики. К тому же современный общественный дискурс также демонстрирует сохраняющуюся актуальность проблемы оказания доступной и качественной медицинской помощи, особенно в отдаленных районах страны, как важнейшего фактора предотвращения депопуляции, особенно если мы говорим про малочисленные народы.

Проблемы заболеваемости, народных методов их профилактики и лечения, становления профессиональной медицинской помощи в балкарской среде пока не стали предметом специального монографического исследования, но при этом нашли отражение в некоторых трудах по исторической этнологии [Карачаевцы… 2014: 663-668] и историческому краеведению [Маслов и др. 2005]. Цель данной статьи – показать, опираясь на фольклорные материалы, архивные документы и материалы исторической публицистики, подверженность населения балкарских горских обществ различным заболеваниям, попытки противодействия им как народными средствами, так и с помощью профессиональной медицинской помощи, становление которой началось в данном регионе со второй половины XIX в., когда Российская империя окончательно закрепила здесь свое политико-административное, социально-экономическое и культурное влияние.

При всей противоречивости сведений о населении Балкарии конца первой трети XIX века, мы полагаем, также, как и ряд других исследователей [Азаматов 1968; Битова 1997], что эти сведения показывают сокращение числа жителей горских обществ по сравнению с концом XVIII – началом XIX вв. под

воздействием сильных экзогенных факторов – эпидемии чумы и усилением колонизаторской политики царизма на Центральном Кавказе.

На Северном Кавказе чума свирепствовала в течение 1804-1812 годов [Лавров 1969: 83], нанеся большой людской урон. Однако эти события не нашли должного отражения в письменных источниках того времени, а в большей мере воплотились в устном народном творчестве. Об этой проблеме писал Л.И. Лавров, но только относительно периода до XIX в. и вообще всех стихийных бедствий, происходивших до того на Северном Кавказе: «В то время как фольклор народов Северного Кавказа содержит немало рассказов о чуме, холере и разрушительных явлениях природы, исторические источники почему-то обходят эту тему молчанием. Это неоправданно, так как стихийные бедствия и моровые болезни оказывали огромное влияние на экономическую, *демографическую* (курсив наш – Г.Х.) и политическую ситуацию в крае» [Лавров 1984: 65].

Весь трагизм потерь, пережитый карачаево-балкарским народом во время эпидемий чумы и холеры, нашёл своё отражение в цикле старинных песен под названием «Эмина» (в переводе – «чума»). В одной из них говорится: «От множества умерших не находим / Места для могил / Как ни спросим, нет села, куда бы не зашла эмина…/ Наши старики гибнут, падая как скошенная трава / Как нашла нас эмина? / Проклятая эмина, что теперь она сделает? / Все наши люди умерли» [Старинные… 1993: 116]. В другой песне из этого цикла – «Урусбиевы (Вторая эмина)», – говорится: «Кто пойдёт расскажет нашу историю / Старикам, охраняющим *ныгъыш* (место аульного схода – Г.Х.) В Большом Баксане?.. / Смотрим вокруг, ничего не видим, кроме гор / Жаловаться некому, мы не знаем, что делать / Не будь эмина, от других болезней мы не умираем» [Старинные… 1993: 117, 119]. В третьей песне даже содержится уточнение: «Не эмина (т.е. не чума – Г.Х.) уничтожила село, а холера (балк. – ёлет) / Доведя до сумасшествия умные головы» [Старинные… 1993: 121].

Правда Л.И. Лавров, напротив, поправляя кавказоведа второй половины XIX в. К.Ф. Гана, пишет: «Эмина», то есть чума, конечно, а не холера, как думает К.Ф. Ган, произвела страшное опустошение на Северном Кавказе в течение 1804-1812 гг.» [Лавров 1969: 83].

Из приведённых текстов песен видно, что в народе чума воспринималась как болезнь, пришедшая извне, с которой горцам ранее не приходилось сталкиваться, и что другие болезни не приводили к такой высокой смертности. Не случайно слово «эмина» вошло в ряд пословиц, поговорок, проклятий и идиоматических выражений балкарцев и карачаевцев. И, наверное, во многом с подобного рода моровыми болезнями связано бытование в карачаево-балкарском языке выражения «Ёлюмлю жыл» – Год высокой смертности. Как показывают материалы устного народного творчества балкарцев – песни трагического содержания: «О великой скорби в Большой Балкарии», «Горькая песня Чегема», «Холера в Безенги» – эпидемии конца XVIII – начала XIX вв. затронули все общества Балкарии [Малкондуев 2001: 78-82].

В литературе встречаются несколько противоречивые даты окончания эпидемии на территории Балкарии. Например, Ф.И. Леонтович в своём труде «Адаты кавказских горцев», составленном в 1844 г., такой датой считает 1807 год [Леонтович 1882: 275]. С последствиями эпидемии он связывает понижение калыма среди сословий балкарского общества: у таубиев с 600 рублей серебром до 500 (за вдову 300 рублей); у каракишей с 300 рублей до 220 (за вдову – 150 рублей). Очевидно, что такая мера была связана не только с подрывом материального благосостояния народа в результате эпидемии, но и с необходимостью активизации брачных связей для компенсации людских потерь. В другом документе того времени, представляющим собой выписку из донесения поручика Туганова, датированного июнем 1809г., рассказывается о результатах поездки князя Кучука Джанхотова с группой людей в ущелья Балкарии с целью обследования ситуации с эпидемией: «Все посланные с ним (с князем К. Джанхотовым – Г.Х.) съехались через несколько дней, и оказалось, что язва во многих местах действуя, свирепствует в сильной степени в горах, называемых Чегемскими, смежных с Кабардою со стороны хребта Кавказских гор, где он сам был. Упомянутый владелец Джанхотов сознался Тоганову, что зараза хотя слабее прежнего, но существовала в течение зимы почти беспрерывно в отдалённых к горам селениях» [Из документальной… 2000: 242]. И.М. Шаманов и А.И. Мусукаев в своём исследовании, посвящённом трагической истории карачаевского селения Джамагат, также отмечают, что именно 1809 год был роковым для его жителей, «поскольку уже конец 1809 года характеризуется как начало отступления эпидемии на Северном Кавказе, хотя она и продолжалась вплоть до 1812 года» [Шаманов, Мусукаев 1980: 111].

Как известно, эпидемия чумы периодически вспыхивала в странах средневековой Европы, но с XVIII в. на её Западе она смягчается, оставаясь угрожающей в Восточной Европе, и достигнув в 1770 году Москвы. И каждый раз, как пишет Бродель, болезнь особенно сильно поражает детей до одного года, и, как правило, больше женщин, чем мужчин [Бродель 1986: 98-99]. Он же в числе главных причин эпидемий того времени называет демографическую: «Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, какими оно располагает, изменились. Попутно оно преодолевает «критические точки», и каждый раз вся его структура оказывается под угрозой. Короче говоря, движение никогда не бывает простым и однозначным: возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась – тем, что возможности прокормить людей оказываются недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII в. …И тогда определённый предел повышения благосостояния оказывается непреодолим. Ибо, усиливаясь, демографические подъёмы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают и без того всегда внушительное число недоедающих, нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостаточным питанием, между спросом и предложением рабочей силы, и эти очень жестокие коррекции образуют сильную сторону эпохи Старого порядка <…>. Но по

правде чума – лишь одна из болезней среди множества других. Она примешивается к их странствиям и к частому заражению ими благодаря социальной скученности, крупным скоплениям людей, в которых болезнь затаивается и дремлет, а потом в один прекрасный день происходит новая её вспышка» [Бродель 1986: 42-43, 93].

Выше было отмечено, что именно к рубежу XVIII-XIX вв. в балкарских обществах, также как и в других этнических общностях Северного Кавказа, была достигнута высокая плотность населения, которая вкупе с его низким санитарно-гигиеническим уровнем того времени, могла стать катализатором вспышек эпидемии. К тому же, здесь с человеком традиционно соседствовал такой бич его хозяйства, как суслики (балк. *жубуран*), являющиеся в этом регионе основным носителем возбудителя чумы [Жданов 1964: 257].

30-е годы XIX века и последующие десятилетия уже были отмечены естественным приростом населения балкарских обществ, когда в силу должны были вступить механизмы демографической компенсации (о чем будет сказано ниже). В исторической демографии известно, что «после эпидемий, когда погибала значительная часть населения, обычно довольно скоро заметно возрастала рождаемость и снижалась смертность. Первое, несомненно, было результатом явлений компенсационного порядка, характерных в периоды после войн, эпидемий, второе – большей продолжительностью жизни выжившего, так сказать, иммунизированного населения» [Авербух 1967: 137].

В июне 1849 г. начальником Центра Кавказской линии князем Эристовым было сделано предписание «приставу Балкарских народов Господину Войсковому Старшине и Кавалеру Хоруеву», содержавшее целую программу статистического исследования, где, среди прочего, необходимо было составить «список аулов с показанием примерного числа душ обоего пола в каждом; показать приблизительное число лошадей, овец и рогатого скота, с означением выгод, получаемых жителями от скотоводства; о количестве умирающих и рождающихся средним числом в год приблизительно» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 998. Л. 1об.]. Через год, в июне 1850г., генерал Эристов советовал приставу Хоруеву, что поскольку «гласное собирание этих сведений может породить между азиатцами превратные толки и дать неблагонамеренным людям случай воспользоваться легковерием некото-рых из жителей, то прошу Вас наблюсти при этом крайнюю осторожность, которая бы не допуская волнения умов, могла бы удовлетворить требованию дела, чего тем возможнее достигнуть, что Вы конечно уже имеете у себя многие по сему предварительные данные, значительно облегчающие это поручение окончательном его исполнении» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 998. Л. 6 об., 7]. На данном циркуляре стояла пометка «секретно». Как следует из документа, процитированные предписания были исполнены к 10 августа 1850г., что нашло отражение в «Ведомости о числе дворов и душ обоего пола … скота и лошадей и овец состоящих у жителей горских народов в распоряжении пристава Войскового Старшины Хоруева находящихся» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 998. Л. 6 об., 7]. Суммируя данные «Ведомости…» по отдельным обществам, получаем общую численность населения – 8870 душ обоего пола,

проживавших в 977 дворах. На один двор в среднем тогда приходилось 9,1 жителей, в том числе в балкарском обществе – 10,3, в Безенгиевском – 8 ,7, в Чегеме – 9,1, в Хуламе – 8,7, в Баксане – 4,6, в Курхужане (Гюрхожан – Г.Х.) – 2,5 человека. Обращает на себя внимание существенное преобладание женщин над мужчинами – на 9,8 % (54,9:45,1). Такую разницу можно было бы отнести за счёт недоучёта мужского населения, отличающегося большей мобильностью, особенно при занятии отгонным скотоводством, но такую же существенную диспропорцию в соотношении полов мы наблюдаем среди родившихся: женского пола родилось на 5,2 % больше, чем мужского, тогда как более характерным в демографии считается обратное. Типичным здесь является только преобладание смертных случаев среди мужчин над таковыми у женщин на 9,4 %. Исчисленные нами уровень рождаемости (42,8$^0/_{00}$) и смертности (34,8$^0/_{00}$) соответствовали очень высоким уровням [Казьмина, Пучков 1994: 21-22], что дало невысокий естественный прирост населения за год в 0,8 %. Такое соотношение (высокая рождаемость – высокая смертность – малый прирост) характерно для традиционного типа воспроизводства населения и, в частности, для крестьянского населения эпохи феодализма [Авербух 1967: 127, 207], но насколько это было присуще всей демографической истории балкарцев достатистического периода, мы не можем сказать ввиду отсутствия достаточно регулярных сведений о движении населения за указанный период. Как уже говорилось, сведения о демографических процессах среди населения, принадлежавшего к иным, чем православие, вероисповеданиям, начали централизованно собираться лишь с 1840-х годов. Поэтому, мы можем предположить, что ведомость, составленная Хоруевым, является одной из первых такого рода, где нашли отражение данные о рождаемости, смертности и половом составе населения Балкарии при всей их возможной неполноте и неточности. Эта ведомость также показывает, что на тот момент в Балкарии на каждые 100 жителей приходилось 20 лошадей, примерно 190 голов крупного рогатого скота и около 950 овец. Здесь, как и в дальнейшем, мы приводим абсолютные и относительные количественные показатели скота, поскольку для балкарцев он являлся главнейшим ресурсом жизнеобеспечения, который не мог не находиться во взаимосвязи с воспроизводством населения.

За 1859 г. мы имеем заслуживающее внимание свидетельство о случае вспышки в высокогорном ауле Безенги болезни, которую тогда определили как сапарозная перемежающаяся лихорадка [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 113. Л. 1-1об., 13-13об., 14]. В течение нескольких дней от неё умерло 15 человек. Как писал в своём рапорте начальнику Кабардинского округа полковнику князю Орбелиани старший лекарь Кавказского Сапёрного 2-го батальона Станкевич, «…болезненность в ауле Безенги и смертность в настоящем случае сравнительно с народонаселением аула, местоположением его и примерами смертности многих годов такова, что могла напугать жителей аула и принять болезнь за эпидемическую тем более, что *как жителям гор им может быть ни разу и не случалось видеть опасных для жизни явлений сапарозной перемежающейся лихорадки*» (курсив наш – Г.Х.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 113. Л. 13об.]. Её причины Станкевич видел в сильной жаре летом того

года, какой не помнили, как он пишет, самые старые люди аула. Дневная жара сменялась довольно низкой температурой ночью, а также сюда добавлялись, по его мнению. гниение растительных веществ, недостаток движения воздуха, скудная пища и тесные помещения для жилья [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 113. Л. 1-1об., 13-13об., Л. 14]. В этом документе мы встречаем косвенные свидетельства того, что высокая смертность не была характерна для жителей горной Балкарии.

Здесь мы можем сделать предварительный вывод о том, что по мере усиления в 40-50-е годы XIX в. административного присутствия российских властей на Кавказе вообще и в Балкарии в частности (что выразилось, например, в функционировании в указанные годы института приставов, а в дальнейшем – участковых начальников) наблюдается и усиление интереса этих властей к статистике местного населения, отчего увеличивается достоверность последней, хотя и тогда, и в последующие десятилетия XIX в. сохранялась проблема её систематичности и непротиворечивости. С конца 50-х годов XIX в. Можно говорить о начале организации системы здравоохранения в Кабарде и Балкарии. После создания Кабардинского округа в 1858 г. было организовано медицинское обслуживание местного населения. Впервые вводилась должность окружного врача и фельдшера. Считается, что первым окружным врачом стал доктор медицины, коллежский советник Генрих Фердинандович Шнайдер. Окружной врач находился при окружном начальнике [Маслов и др. 2005: 12]. В течение второй половины XIX в., в качестве окружных врачей, блестяще себя проявили в деле профилактики и излечения от различных болезней у кабардинского и балкарского населения такие русские специалисты, как А.И. Дроздовский, В.С. Баженов, П.Е. Соколовский, В.Н. Грамматиков [Маслов и др. 2005].

Представляют интерес наблюдения, сделанные также в 60-е годы XIX в., об общем состоянии здоровья населения Балкарии и о характерных для него заболеваниях. Так, в статье «О состоянии народного здоровья в Кабардинском округе», опубликованной в августе 1869 г. в газете «Терские ведомости», горский участок (балкарские общества) отмечен как постоянно имеющий самое незначительное число больных, по сравнению с черекским, баксанским и малокабардинским участками [Живая старина 1992: 149]. В то же время, как отмечалось в этой публикации, «горцы, обитающие на высотах, поднятых на несколько тысяч футов над поверхностью моря, в виду снеговых гор, подвержены большею часть года сквозным холодным ветрам, дующим по ущельям и предгорьям, сопровождаемым частыми дождями, с быстрыми переменами в температуре воздуха, в особенности в летнее время. При всей бережливости жителей и привычке их к подобного рода внешним влияниям, только немногие из них свободны от ревматических страданий». Среди болезней, распространённых между кабардинцами и балкарцами, назывались хронические сыпи на коже, чесотка, нарывы, ногтоеды, воспаление подкожной клетчатки, ушибы и раны от холодного и огнестрельного оружия [Живая старина 1992: 149].

В 1863 г. в Балкарию проникла оспа, где «вскоре исчезла, не причинив никакой смертности» [Живая старина 1992: 150]. Весной 1864 г. эпидемия тифозной и возвратной горячек появилась «*между густым народонаселением Чегемского аула в горском участке*» (курсив наш – Г.Х.) и исчезла только с появлением новых морозов. Всего переболело 585 человек (пятая часть народонаселения Чегема), выздоровело 557, умерло 28. Как считали авторы обзора, «смертных случаев было немного». Причины болезней относили на счёт продолжительной и суровой зимы, «что вынуждало горцев оставаться большею частью дома в тесных помещениях» [Живая старина 1992: 150-151]. И, наконец, в 1865 г. та же тифозная горячка посетила все аулы Большой и Малой Кабарды, а в горском участке она была отмечена «в Чегеме, Уруспие и в Балкарии, в Хуламе же и Безенги горячек не было вовсе» [Живая старина 1992: 151]. Таким образом, судя по имеющимся сведениям, несмотря на то, что во второй половине XIX в. в горах Балкарии периодически вспыхивали те или иные болезни, они уже не производили таких массовых опустошений, как это имело место в конце XVIII – начале XIX века, что дало повод наблюдателям того времени говорить о сравнительно низкой заболеваемости и смертности от неё среди жителей Балкарии.

В начале 80-х годов XIX века в Терской области происходят новые административные преобразования. В 1882 году Пятигорский округ ликвидируется и создаётся Нальчикский округ, просуществовавший до 1920 г. В его составе Кабарда и Балкария находились вплоть до создания Горской республики [Административно-территориальные… 2000: 39]. С 80-ми годами XIX века связаны были не только очередные административные преобразования, но и начало нового этапа в развитии демографической статистики и демографической истории балкарцев. В конце XIX – начале XX в. уровень смертности в балкарских обществах находился в пределах очень низкого и низкого, тогда как в целом по Нальчикскому округу в отдельные годы он достигал умеренного уровня. На всем Кавказе в 1901 – 1905 гг. на 1000 населения приходилось 23,3 умерших, а в 1906 – 1910 гг. – 24,5. При этом, показатели смертности населения Кавказа за рассматриваемый период были более низкими по сравнению с соответствующими показателями Европейской России [Рашин 1956: 230-231], в 50 губерниях которой средний коэффициент смертности составлял в 1891 – 1895 гг. – 36,2 $^0/_{00}$; в 1896 – 1900 гг. – 32,1 $^0/_{00}$; в 1901 – 1905 гг. – 31,0 $^0/_{00}$; в 1906 – 1910 гг. – 29,5 $^0/_{00}$ [Рашин 1956: 230-231]. Отдельно у православных и мусульман в 1896-1904 гг. его средний уровень достигал, соответственно, 34,8 $^0/_{00}$ и 27,7 $^0/_{00}$, являясь, в первом случае, очень высоким, а во втором – высоким [Миронов 2003: 207]. В Западной Европе коэффициент смертности в 1891-1900 гг. составил 25,9$^0/_{00}$, в 1900-1910 гг. – 20,6 $^0/_{00}$.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. балкарские общества, имея более низкие показатели рождаемости, в то же время имели и более низкий уровень смертности в расчёте на 1000 человек, чем он был в целом по Нальчикскому округу, Кавказу, Европейской России и Западной Европе. В последней демографическая ситуация на протяжении большей части XIX века

характеризовалась постепенным снижением уровня смертности и высокой рождаемостью. Вопрос о том, что первоначально вызывало рост численности населения – снижение смертности или некоторое увеличение рождаемости – остается дискуссионным [Урланис 1985: 31, 63].

Что касается половых различий в показателях смертности, то в балкарских обществах в период 1894-1910 гг. были годы (1900, 1903, 1910), когда женская смертность превышала мужскую, и годы, когда было наоборот (1894, 1896, 1901, 1904, 1906). За 1899 год данные о смертности по полам в документе неразличимы, а за 1909 год исчисленные коэффициенты абсолютно одинаковы и по мужскому, и по женскому полу – 8,9 $^0/_{00}$. В целом по Нальчикскому округу женская смертность превышала мужскую в 1900, 1903, 1904, 1909, 1910 годах. В остальные годы, кроме 1899, по которому нет сведений о естественном движении населения, в Нальчикском округе в целом преобладала мужская смертность. Например, если в 1900 году в Балкарии коэффициент мужской смертности достигал 11,4$^0/_{00}$, то женской – 13,1$^0/_{00}$; по Нальчикскому округу эти показатели соответственно были равны 16,5$^0/_{00}$ и17,3$^0/_{00}$. В 1910 году в Балкарии мужская смертность составляла 9,8$^0/_{00}$, а женская – 11,3$^0/_{00}$; в Нальчикском округе – соответственно 18,4$^0/_{00}$ и 18,9$^0/_{00}$.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. на территории Балкарии и всего Нальчикского округа окончательно ещё не возобладала устойчивая для XX века тенденция преобладания мужской смертности над женской, характерная для большей части народонаселения мира. Для сравнения отметим, что по расчётам, относящимся к 1897 году, коэффициент смертности у мужчин составлял 34,1; у женщин – 30,6; а общий – 32,3 [Рашин 1956: 204].

Известный отечественный демограф Б.Ц.Урланис подобные факты объяснял тем, что «ещё в конце XIX века большое значение имели биологические факторы, связанные с генеративной функцией женщины. Именно они вследствие низкого уровня лечебной и профилактической медицины того времени приводили к тому, что в отдельные периоды жизни, мужчины, в отношении риска смерти, оказывались даже в более благоприятном положении, чем женщины» [Урланис 1985: 187]. В структуре смертности одними из важнейших показателей являются детская и младенческая смертность. Они оказывают большое влияние на возрастную структуру населения и на среднюю продолжительность жизни членов той или иной этнотерриториальной общности. Младенческая смертность охватывает детей до одного года, однако, данные по ней не нашли отражения в материалах местной статистики за рассматриваемый период. Детская смертность охватывает детей до пяти лет, и данные по ней мы имеем, к сожалению, только за 1894, 1896, 1899 годы. В 1894 году в балкарских обществах 2-го участка Нальчикского округа умерло 88 детей до пяти лет, что составило 34,6% от всех смертей, тогда как в целом по округу этот показатель достигал 45,3% (762 смертных случая в возрасте до пяти лет) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 6-9, 11]. В 1896 году в балкарских обществах было отмечено 49 смертей среди детей до пяти лет (18,5% от общей смертности), а во всем округе – 427 смертей (34,1% от общей смертности) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 414. Л. 36, 37]. За 1899 год

мы располагаем данными по детской смертности только по балкарским обществам. В том году было зафиксировано 43 смертных случая [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 456. Л. 1; Д. 458. Л. 1 об; Д. 459. Л. 2; Д. 463. Л. 2; Д. 479. Л. 2; Д. 515. Л. 3] в возрасте до пяти лет, что от общей смертности составило 22,9%. За последующие годы относительно детской смертности мы имеем только предельно краткую информацию из «Обзора к отчету за 1909 год по Нальчикскому округу» о том, что «смертность детей до 5-летнего возраста составляет почти половину всех умерших в Округе в отчетном году, что при условиях жизни простого класса населения является естественным» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 514. Л. 7].

В Европейской России, по данным за 1908-1910 годы, количество умерших в возрасте до пяти лет составляло почти 3/5 или 60% общего количества умерших. Особенно высокой была смертность детей в грудном возрасте [Рашин 1956: 192]. В 1887-1896 гг. и 1908-1910гг. в 50 губерниях Европейской России на 1000 умерло в возрасте до пяти лет в среднем соответственно 432 и 389 человек [Рашин 1956: 198].

После 1910 года, и вплоть до двадцатых годов мы, к сожалению, не располагаем сведениями о рождаемости и смертности по Нальчикскому округу. Похожая ситуация была и по всей России, где достоверная информация о движении населения отсутствовала после 1914 года также вплоть до двадцатых годов [Денисенко 1991: 138].

Естественно, что с процессами смертности теснейшим образом связан фактор заболеваемости населения. Сведения о болезнях среди горского населения, особенно если они принимали массовый характер, находили определённое отражение в периодической печати и официальных документах того времени. Хотя, конечно, здесь не приходится говорить о хорошо поставленной статистике заболеваемости при отсутствии развитой сети медицинских учреждений среди горского населения в конце XIX – начале XX века. В указанный период, также как и в предыдущие времена, горские общества периодически посещали различные эпидемические болезни. Например, во второй половине 1892 года в Нальчикском округе была вспышка эпидемии холеры. Однако, как было замечено в публикациях того времени, «на низменностях умирало больше, чем в горах. Наибольший процент смертности наблюдался между кабардинцами, составляющими главный контингент населения этого округа. Заболеваний и смертных случаев между балкарцами или, как их здесь называют, горцами, было немного» [Живая старина 1992: 152]. Исследователями уже нашего времени было установлено, что «суровые условия окружающей среды в высокогорье имеют и положительную сторону. Микроорганизмы – возбудители инфекционных заболеваний, а также животные – их переносчики или промежуточные хозяева – оказываются подвержены действию холода или гипоксии (кислородная недостаточность – Г.Х.). Поэтому такие болезни, которые вызывают значительную смертность, особенно в период раннего детства, реже встречаются в высокогорье. Культурные и социальные факторы внутри высокогорных популяций нередко оказываются

связанными с физическими характеристиками окружающей среды и могут иметь важные последствия для воспроизводства населения» [Клегг 1981: 83].

В августе-октябре 1897 года в ряде сёл Чегемского общества детей поразила эпидемия скарлатины. Тогда же, в Чегемском обществе был назначен участковый фельдшер Ковалёв, а Чегемскому сельскому старшине Муссе Барасбиеву окружным врачом Нальчикского округа Грамматиковым предписывалось «принять к точному и немедленному исполнению» указанные им предохранительные меры против распространения на детях скарлатины, сообщать о вновь заболевших участковому фельдшеру и «оказывать последнему полное содействие при пользовании им больных, давать ему безпрепятственно перевозочные средства для поездок по службе в посёлки Чегемского общества, а также и других, как-то Урусбиевского, Хуламского и Безенгиевского…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 409. Л. 74].

Как видно из документов того времени, часть финансирования медицинской помощи жителям горских обществ ложилась на них самих. Так, согласно документу «Сведения о числе жителей и дымов Большой Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа, с которых должны поступить деньги на сельско-врачебную часть в 1896 г. по 30 коп. с дымов», с 2167 дымов (домохозяйств) пяти балкарских обществ и села Гунделеновское (*балк. – Кенделен*) было собрано 650 руб. 10 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Д. 325. Т. 2. Л. 2]. В рапорте начальнику Нальчикского округа от окружного врача назывались причины, которые, на его взгляд, способствовали распространению скарлатины: «невозможная скученность горцев в своих саклях, постоянное общение здоровых с больными, беспрепятственное посещение заболевших посторонними лицами, часто с детишками на руках и т.п. Жители Чегема народ дикий, не обращающий внимание на очевидную заразительность скарлатины и выше всего ставит свои обычаи и обряды: все посещают больных беспрепятственно с целью обычно принятого в таких случаях соболезнования заболевшим, все навещают умерших для оплакивания и совершения установленной молитвы; женщины захватывают при этом своих детей и проводят продолжительное время у постели больных и у кровати умерших; о выделении заболевших детей от здоровых невозможно думать, так как мера эта признаётся немыслимою; осмотрев всех больных и объяснив дело жителям, я предложил Сельскому Старшине Чегемского общества принять меры к устранению подобного отношения населения Чегема и в особенности отцов и матерей к здоровью своих детей; хоронить последних при возможно меньшем количестве людей, не допускать скопища посторонних лиц во дворе, где имеются больные или умершие; принять возможные меры для дезинфекции белья…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 409. Л. 75, 76]. 29 июля 1897 г. старшиной Чегемского общества Мусой Барасбиевым был составлен первый рапорт о появлении скарлатины во вверенном ему обществе, от которой заболел и его сын Исмаил [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 46]. В течение последующих почти трех месяцев, пока продолжалась эпидемия, им еженедельно составлялись и направлялись в администрацию Нальчикского округа ведомости «О движении эпидемической болезни скарлатины в

Чегемском обществе Нальчикского округа». Согласно ведомостям, с 1 августа по 22 октября 1897 года эпидемия затронула 111 детей, из которых умерло 41 (36,9%), а выжило 70 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 409. Л. 54-144]. Перед вспышкой скарлатины в Чегемском обществе были зафиксированы случаи заболевания тифом. Так, помощник старшины Чегемского общества Махмуд Аккизов докладывал 14 июля 1897 г. в Управление Нальчикского округа о появлении здесь тифа, которым заболел местный житель Хаджи-Шавай Шаваев и его жена [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 50]. Как потом докладывал сам старшина общества, – Муса Барасбиев, – с 27 июля по 3 августа 1897 г. новых заболеваний тифа не было, из четверых прежде заболевших выздоровело трое, один продолжал болеть [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 65].

Как показывают архивные документы, начиная с последнего десятилетия XX века профилактика заболеваний, медицинская помощь и медицинская статистика в горских балкарских обществах приобретают все более системный характер со стороны русской администрации Нальчикского округа как относительно всего населения, так и отдельных представителей данных обществ, находившихся на государственной службе. Так, в обращении от исполняющего дела областного (Терская обл.) врача М. Михайлова от 9 августа 1896 г., на имя начальника Нальчикского округа, содержится просьба предложить прапорщику милиции Хан-Гирею Келеметову, происходившему из рода чегемских *таубиев* (горских князей), прибыть для освидетельствования состояния его здоровья, причем он должен представить свидетельство о состоянии своего зрения от окулиста [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 358. Л. 24]. В рапорте от 18 сентября 1896 г., в Управление Нальчикского округа, от начальника 2-го участка данного округа Бекмурзина, во исполнение предписания о подаче сведений о душевнобольных, требующих лечения и призрения, сказано, что таковые лица в обществах, населенных балкарцами (Хуламском, Безенгиевском, Чегемском, Балкарском, Урусбиевском и сел. Гунделен) отсутствуют [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 358. Л. 27]. При этом сохранился «Список душевно больных лиц во 2-м участке Нальчикского округа», по каждому балкарскому обществу, за этот же год, в количестве 25 чел., за подписью исполняющего дела начальника 2-го участка Нальчикского округа штабс-ротмистра Бекмурзина [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 358. Л. 36-39]. Однако, 25 августа 1897 г. окружной врач Нальчикского округа коллежский советник Грамматиков, докладывал начальнику округа о том, в поселке Кашхатау имеется душевнобольной (имя и фамилия приводятся) в маниакальном состоянии, требующий помещения в лечебное заведение [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 77].

Свидетельством озабоченности местных властей вопросами оказания медицинской помощи населению горских обществ является, в частности, ходатайство от 4 февраля 1897 г. начальника Нальчикского округа во врачебное отделение Терского областного Правления, о направлении на постоянное жительство из слободы Нальчик в Чегемское общество фельдшера 2-го участка, который одновременно исполнял обязанности слободского фельдшера,

Михаила Михайлова, с оплатой ему от общества жалования по 300 рублей в год [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 24]. В итоге в Чегемское общество был направлен участковый фельдшер Ковалев, а Чегемскому сельскому старшине и его помощникам предписывалось: принять к точному и немедленному исполнению всех указанных предохранительных мер против распространения скарлатины; о всех вновь заболевших немедленно сообщать участковому фельдшеру Ковалеву, проживающему в Чегеме; оказывать последнему полное содействие при «пользовании им больных». Причем не только в Чегеме, но и в Урусбиевском, Хуламском и Безенгиевском обществах [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 74]. Врачебное отделение Управления Нальчикского округа протоколом от 25 апреля 1897 г. приняло решение учредить новую должность участкового фельдшера, в дополнение к имевшимся по каждому из трех участков Нальчикского округа, в Чегемском обществе, с содержанием ему в год жалования 360 рублей и на наем помещения под участковую аптеку 120 рублей. Это решение объяснялось тем, что горские общества находятся в отдалении от участковых центров, что затрудняет оказание им медицинской помощи [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 435. Л. 41 об.]. А в рапорте старшины Балкарского общества, таубия Анзора Айдаболова, на имя начальника Нальчикского округа говорится о распространении среди детей «болезни горла», то есть скарлатины, от которой с 1 по 11 сентября умерло шесть душ. В связи с чем старшина просил дать распоряжение о командировании участкового фельдшера для оказания помощи заболевшим детям [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 435. Л. 104].

Интересные наблюдения приводятся в рапорте окружного врача Нальчикского округа Грамматикова от 17 ноября 1897 г., на имя начальника округа. В нем он отмечает, что «1) сифилис и другие венерические болезни существуют среди кабардинцев и горцев в сравнительно умеренной степени. Сифилис встречается во всех видах и формах, но вообще редко приходится видеть первичные явления данной болезни на половых органах. Обыкновенно же больные обращаются со вторичными и третичными явлениями. Многие лечатся у разных бабок и так называемых азиатских (кабардинских) лекарей. 2) сифилис и другие венерические болезни имеют своим источником обыкновенно русские поселения, станицы и города Терской области. В особенности во время ярмарок, когда масса туземцев ездят туда за покупками или разного рода продуктами для продажи» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 435. Л. 164]. Есть документы с упоминанием имен народных лекарей из среды балкарцев. Так, в рапорте старшины Безенгиевского общества Тенгиза Суншева, на имя начальника Нальчикского округа от 1 ноября 1898 г., говорится о случае сильной болезни всадника 1-й сотни Терской постоянной милиции Умара Хуламханова, которого вылечил житель Балкарского общества Хажи Хуболов, «который много вылечивает и от других болезней, но Хуламханов в настоящее время жалуется на боль груди и ног». На рапорте имеется резолюция: «Дать двухнедельный срок для поправки» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 435. Л. 308]. В Чегемском обществе имел место случай, разбирательство по которому тянулось с июня 1894 г. по февраль 1895 г,

связанный со смертью от тяжелой непродолжительной болезни («воспаление желудка и кишек») писаря данного общества Баксануко Балкарокова. По просьбе больного, местный знахарь Маммет Газаев приготовил ему лекарство на основе перемолотого в порошок корня «…одной травы, называемой по-горски (по-балкарски – Х.Г.) аравант». Поскольку название травы дано явно в искаженном виде, пока не представляется возможным идентифицировать ее с каким-либо видом растения. После употребления этого лекарства Балкарокову стало хуже и в течение четырех дней он скончался. Как указывал один из свидетелей из числа местных жителей, Газаев «…кроме лечения ран никаким другим лечением не занимается, и если дал лекарства Балкарокову для рвоты, которые держит для себя самаго, то единственно из снисхождения к его настоятельной просьбе и будучи уверен, что от него никакого вреда произойти не могло» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 317. Л. 48-78 об.]. Спустя много месяцев была даже проведена эксгумация тела Балкарокова, но факт отравления его снадобьем доказан не был. В деле упоминается, в качестве понятого, имя Османа Шахмурзаева, также, в свое время, известного в народе своими знахарскими способностями, – отца одного из классиков балкарской литературы, фольклориста и государственного деятеля советского периода, – Саида Шахмурзаева. Похожий случай, с расследованием деятельности известного местного лекаря из Верхней Балкарии Кизильбека Казакова, имел место в 1926-1927 годах. К. Казакова обвинили в незаконном врачевании, поскольку он не имел медицинского образования и вообще был неграмотным, после смерти местного жителя Шаухала Уянова, который по прибытии из Грузии пожаловался своим близким на боли в животе и голове. Жена Уянова обратилась к Казакову с просьбой дать для мужа так называемую «английскую соль» (по-научному – сульфат магния; лекарственное средство минерального происхождения, с универсальным действием, употребляемое как желчегонное, слабительное, спазмолитическое, успокоительное средство), после принятия которой тот почувствовал себя еще хуже, впал в коматозное состояние и вскоре умер. По итогам следствия, где была даже эксгумация трупа для проведения судебно-медицинской экспертизы, и судебного разбирательства, Казакова признали виновным в незаконном врачевании, но, с учетом почтенного возраста (92 года), наличия большой семьи (7 взрослых членов семьи) и имущественного положения (бедняк), не стал лишать его свободы, но запретил ему заниматься всяким врачеванием. При этом сам Казаков свою вину не признал, поскольку, как считал, не давал рекомендаций больному употреблять английскую соль, а имел ее у себя, поскольку страдал плохим пищеварением. Также он добавил, что еще до революции оказывал помощь односельчанам при вывихах, переломах и глазных болезнях, на что имел разрешающий документ. При Советской власти таким правом он уже не обладал. И, действительно, в данном архивном деле имеется целый ряд свидетельств и удостоверений от правлений различных сельских обществ Нальчикского округа Терской области и Баталпашинского отдела Кубанской области, в которых подтверждаются феноменальные способности Кизилбека Казакова к врачеванию, особенно – глазных болезней. В них приводятся имена и фамилии жителей, которых он

излечил, при чем утверждается, что многие из них страдали слепотой. Такие свидетельства в 80-90-е годы XIX века были выданы правлениями Балкарского, Чегемского, Хуламского обществ, карачаевского аула Карт-Джурт, кабардинских Жанхотово и Кучмазкино, абазинского Бибердовского и еще целым рядом других. Как видно по географии, К. Казаков имел довольно широкую известность, благодаря свои способностям к врачеванию. Примечательно, что, как следует из документов, искусству врачевания Казаков учился у своего отца и даже в этом его превзошел. В 1885 году старшиной Балкарского общества Ш. Шахановым был составлен список лиц, вылеченных от глазной болезни жителем общества Балкарского Кизильбеком Казаковым в течение трех лет. В списке значится 41 человек из разных сельских обществ Нальчикского округа и Баталпашинского отдела [ЦГА КБР. Р-164. Д. 207. Л. 1-53][1].

Для того времени, применительно к балкарским горским обществам, большой проблемой для оказания профессиональной медицинской помощи была их труднодоступность. Поэтому в служебной переписке должностных лиц Нальчикского округа остро ставится вопрос обеспечения средствами передвижения врачей, обслуживавших горские общества. Так, например, в рапорте от 30 августа 1898 г. начальнику Нальчикского округа от окружного врача Грамматикова, говорится о проблеме передвижения участкового врача Ковалева, обслуживавшего горские общества, сопряженного с обеспечением его лошадьми со стороны местного населения. Приводится случай кражи сбруи, падежа во время долгого перехода с равнины в горы и обратно. Грамматиков в своем рапорте ставит вопрос: «недьзя ли купить за счет обществ Чегемского, Хуламского, Безенгиевского и Урусбиевского одну хорошую лошадь с седлом в распоряжение исключительно участкового фельдшера и отпускать ему на содержание этой лошади определенную сумму, избавив население как горское, так и кабардинское от отбывания повинности по выдаче фельдшеру лошади, оставив лишь по-прежнему отпуск проводника для переездов по участку и вьючной лошади один раз в месяц из Нальчика» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 487. Л. 44].

Вообще личность Василия Николаевича Грамматикова, неоднократно упоминавшегося в вышеприведенных документах, заслуживает отдельного рассмотрения. В 90-е годы XIX в. Он работал окружным врачом Нальчикского округа. По сохранившимся воспоминаниям и архивным документам видно, что это был человек долга и кипучей энергии. Помимо оказания врачебной помощи населению, В.Н. Грамматиков живо интересовался бытом, культурой горцев. Известно, что он и Адрахман Искендеров были первыми, кто добивался разработки молибдена. Благодаря деятельности В.Н. Грамматикова были открыты фельдшерские пункты в Балкарии и Чечне [Этюды… 2007: 276]. Памяти В.Н. Грамматикова, умершего в 1899 г., был посвящен проникновенный некролог, написанный известным балкарским просветителем

[1] Выражаем благодарность к.и.н. Башиеву Азамату Муратовичу за любезно предоставленный архивный источник.

и юристом Басиятом Шахановым, который был опубликован в газете «Казбек»: «23 ноября в Нальчике скончался от чахотки врач Василий Николаевич Грамматиков. Долго не изгладится память о покойном в Нальчикском округе. Это была какая-то кипучая натура, вечно чем-нибудь занятая, над чем-нибудь бьющаяся. …Последнее время В.Н. заинтересовала разница между типом горцев-таубиев (балкарских князей – Г.Х.) и простых горцев, и он усиленно занялся антропологическими исследованиями, думая найти таким путем ключ к загадке происхождения таубиев, как элемента прошлого. В медицине Вас. Ник. был таким же, как и во всем остальном, нередко скитался неделями по горам, из общества в общество, укоряя фельдшеров и старшин в бездействии, убеждая население не скрывать болезней и относиться с большим доверием к нему и его науке. Страстность, горячность, вносимые им в каждое дело, порождали о нем в туземной среде немало курьезных рассказов, но вместе с тем туземец-дикарь чувствовал инстинктом, что это человек действительно к нему расположенный, и шел охотно со своими болезнями и недугами в знакомую всей Кабарде квартиру «дохтура» в Нальчике. Вечная тебе память, добрый человек, за твою отзывчивость, за сердечность, с которой относился к нам, и за искреннее желание помочь в борьбе с мраком и невежеством аульной жизни» [Этюды… 2007: 276]. Причем отцом автора некролога был Абай Шаулухович Шаханов (в крещении – Александр Дмитриевич Шаханов) – первый среди балкарцев и народов Северного Кавказа представитель, получивший высшее медицинское образование после окончания в 1876 г. Петербургской медико-хирургической академии. Проявивший себя в большей степени как военный медик, он с 1880 по 1882 годы занимался врачебной практикой и медицинским просветительством среди своих соплеменников, отбыв затем на службу на Дальний Восток [Этюды… 2007: 195-196]. Примечательно, что будучи воспитанником Нальчикской школы аманатов, в январе 1859 г., по рекомендации окружного врача, Абай Шаханов, в числе десяти воспитанников этой школы, среди которых были выходцы из кабардинских и балкарских дворянских семей, был отправлен за казенный счет в Пятигорский военный госпиталь лечиться серными минеральными водами по поводу головной чесотки [Маслов и др. 2005: 14].

К числу первых профессиональных врачей не только среди балкарцев, но и народов Северного Кавказа относится сын известного балкарского историка, просветителя, публициста и государственного деятеля Мисоста Кучуковича Абаева – Исмаил Абаев (1888-1928). Он учился в Киевском медицинском институте, участвовал в Первой мировой войне. Первым возглавил здравоохранение в Кабардино-Балкарии после установления Советской власти. Перу И. Абаева принадлежит серия статей, посвященных вопросам медицинского просвещения. Первые его студенческие статьи были опубликованы в газете «Кубанские областные ведомости» и в журнале «Мусульманин» в начале XX века. Они были посвящены поиску путей искоренения различных болезней среди горцев Северного Кавказа [Этюды… 2007: 192]. Важно отметить, что в конце 90-х годов XIX в., в горских обществах появляется должность санитарного попечителя, обязанностью которого было

следить за санитарно-гигиеническим состоянием горных сел. Так, старшина сел. Гунделен (Кенделен) А. Малкаров в своем рапорте за август 1899 г. представил по одному санитарному попечителю на каждый из трех кварталов данного сельского общества [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 487. Л. 76-77]. По другим балкарским сельским обществам, в указанный год, их старшинами также были представлены кандидатуры санитарных попечителей: по аулам Урусбиевского общества – 17 чел.; Чегемского общества – 21 чел.; Хуламского общества – 10 чел.; самого большого Балкарского – 22 чел.; по Хасаутскому сельскому обществу – 2 чел.; по Безенгиевскому обществу – 5 чел., в числе которых по аулу Шики значится основоположник балкарской письменной литературы Кязим Бекиевич Мечиев, пользовавшийся в народе большим личным авторитетом [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 487. Л. 89-161].

Одним из первых документальных упоминаний об оказании врачебной помощи представителям коренных народов Кабарды и Балкарии, в системе российских медицинских учреждений, является «Список кабардинским народам, находившимся в полковом лазарете Кубанского егерского полка». Документ был составлен в 1855 году. В нем значатся, среди прочих, воспитанники Кабардинской горской школы, – одного из первых учебных заведений в Кабарде и Балкарии, – находившихся на лечении в указанном лазарете. Среди них значится имя Султан-Бека Абаева – будущего первого профессионального скрипача не только из числа балкарцев, но и вообще горских народов Северного Кавказа [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед.хр. 1719. Л. 110].

В начале XX века исследователь балкарского общественного быта Н.П. Тульчинский отмечал, что «горцы до самой глубокой старости пользуются отменным здоровьем, почти никогда не болеют и *большинство доживает до 100 и более лет* (курсив наш – Г.Х.). В 70-80 лет они ещё не считаются старыми людьми, по крайней мере на вид им можно дать не более 50 лет: ни одной седины, зрение и слух остры, ноги крепки и ходки, белые зубы целы и крепки и т.д., поэтому эти старики наравне с молодыми исполняют все работы дома и в поле. В Баксанском ущелье я не везде, а так между прочим, записал поимённо больше 20 человек мужчин и женщин в возрасте от 70 до 120 лет (последний возраст преобладает) и крайне сожалею, что не вёл правильную статистику старческому возрасту во всех пяти горских обществах, чтобы так сказать, этими красноречивыми цифрами подтвердить своё показание» [Тульчинский 1903: 197]. Здесь мы имеем тот редкий для того времени случай, когда литературный источник подкрепляет статистические выкладки.

При популяционной форме высокогорной адаптации (а именно таковую мы предполагаем для населения пяти балкарских обществ, имевшего небольшую численность и компактно расселенного) ведущую роль играют как поведенческие, так и долговременные механизмы приспособления, связанные, в частности, с особенностями функционирования сердечно-сосудистой и легочной системы. Так, обнаружено, что у практически здоровых аборигенов относительно больших высот на фоне умеренного напряжения вентиляции системы дыхания, выявляемого в покое, имеет место существенное увеличение

массы циркулирующих эритроцитов и гемоглобина [Миррахимов, Хамзамулин 1981: 11]. Данный феномен рассматривается как результат адаптации к высокогорной гипоксии, что приводит к минимизации энергетического обмена в тканях и к возрастанию работы транспортных функций – дыхания и кровообращения [Слоним 1981: 23]. Вследствие этого, «на высоте практически отсутствуют тучные люди и, очевидно, отношение жира к весу тела у «горцев» понижено по сравнению с людьми, живущими на уровне моря» [Агаджанян, Миррахимов 1970: 105]. Также одной из существенных физиологических характеристик высокогорных популяций оказывается довольно низкий уровень артериального давления и, связанный с этим, низкий процент сердечно-сосудистых заболеваний [Алексеева 1986: 104].

Как показывает накопленный к настоящему времени большой экспериментальный материал, активная адаптация к одному, казалось бы такому неблагоприятному фактору, как гипоксия, нередко повышает резистентность (сопротивляемость) организма к целому комплексу других факторов, то есть происходит перекрестная адаптация, а значит, повышается и общая устойчивость человека к физическим нагрузкам [Агаджанян, Миррахимов 1970: 102, 111]. «Как бы ни трактовать природу адаптивных черт высокогорных популяций, – подчёркивает Т.И. Алексеева, – следует признать, что эти черты необратимы» [Алексеева 1986: 109].

По мнению исследователей, одним из основных факторов, обеспечивающих относительно высокую устойчивость адаптированных к горам людей, по-видимому, является увеличение резервной функции организма. Благодаря ей, уроженец высокогорья, как правило, способен более продолжительно выполнять физическую нагрузку, требующую максимального напряжения [Агаджанян, Миррахимов 1970: 105, 164]. Феноменальная выносливость горцев к гипоксии, физическим и иным нагрузкам уже давно поражала путешественников и естествоиспытателей. Такого рода свидетельства относительно балкарцев нашли отражение в работах ряда авторов XIX – начала XX в., непосредственно наблюдавших их хозяйственный и общественный быт, черты психологии, физический облик и т.д. При этом они, как правило, соотносили названные факторы с природно-географическими условиями проживания балкарцев. Мисост Абаев, сам выросший в этих условиях, писал по этому поводу: «Климат в горах довольно суровый, лето короткое, зима длинная, и хотя очень больших морозов в долинах не бывает, но часто бушует ветер, и в период коротких дней солнце поздно встает и рано заходит. Лесов мало, а в некоторых ущельях их уже нет вовсе. Несмотря на все эти неблагоприятные условия, горцы не жаловались на бедность благодаря крайнему своему трудолюбию, скромной и здоровой жизни и привычке удовлетворяться малым. Благодаря климатическим условиям и трезвой жизни горцев болезней в горах не встречалось и народ был здоровый, только в последнее время были занесены туда лихорадка, брюшной тиф, разные характерные накожные болезни …» [Абаев 1992: 20].

Об устойчивости горцев-балкарцев к различным болезням и их поразительной выносливости Н.П. Тульчинский писал следующее: «Само

собой разумеется, что и горцы не гарантированы от простудных болезней; они также болеют лихорадкой и разными острыми воспалениями, но гораздо реже, чем культурные люди. Также горцы не избавлены от детских болезней: дифтерита, скарлатины и т.п., хотя болеют ими тоже редко; но когда эти болезни посещают горы, то дети мрут как мухи … Эпидемических болезней, вроде холеры, горы не знают. В 1892 году, во время холеры в России и Терской области, когда кругом по соседству гор в Нальчике и Кабарде умирала масса народу, в горском населении не только не было ни одного случая смерти, но и самая болезнь отсутствовала <…> Выносливость горцев при всех невзгодах жизни поистине изумительна. К холоду они так привычны, что ходят босиком и в одних рубахах даже зимой по снегу». Это при том, что горцы, по наблюдению Тульчинского, имели «крайне скудное питание в качестве и количестве». Тем не менее, этот же автор приходит к убеждению, что «современный культурный человек, преждевременно увядающий, седеющий, теряющий зрение, зубы, волосы и обремененный всевозможными хроническими болезнями, может вполне позавидовать детям гор, которым эти плоды современного просвещения незнакомы» [Тульчинский 1903: 197-198].

Крепкому здоровью и феноменальной выносливости горцев балкарских обществ соответствовал их физический облик, который также не остался без внимания авторов того времени. Так, например, Н.А. Караулов отмечал: «Балкарцы видный, красивый и рослый народ. Телосложение плотное. Люди отличаются крепким и выносливым здоровьем. Работа на горном воздухе, охота, хождение по горам – это все закалило народ и выработало в нем значительную физическую силу». Средний рост балкарцев Н.А. Караулов определяет в 170,91 см., отдельно для мужчин – как «вышесредний, и даже высокий», а для женщин – как средний [Караулов 1908: 137].

М. Ковалевский и Вс. Миллер отмечали, что «горцы (балкарцы – Г.Х.) отличаются быстротой в движении, они высоки ростом и стройны» [Ковалевский, Миллер 1884: 549]. Н.П. Тульчинский, также подмечая хорошее телосложение балкарцев и характерный для мужчин средний рост, проводил интересную связь между особенностями походки горцев и местным ландшафтом: «ходят медленно, несколько наклоняя корпус вперед, делают длинные шаги, к чему приучили их родные горы» [Тульчинский 1903: 193]. Возвращаясь к дошедшим до нас сведениям о состоянии физического здоровья балкарцев, можно привести также наблюдение, побывавшего в начале 90-х годов XIX в. в Чегемском ущелье М.С. Далгата: «На коше сидело трое мальчиков – пастухов с круглыми, здоровыми и полными лицами, благодаря тому, что они находятся все время на ледниках и питаются одним овечьим молоком и сыром (пребывание на ледниках и употребление козьего молока излечивает даже чахоточных)» [Далгат 1896: 41-42]. Далее Далгат приводит оригинальный народный способ лечения Нарзаном (название источника в Чегемском обществе – Г.Х.) больных ревматизмом, которых погружали в него закутанными в овчину и войлок, давая сильнее пропотеть [Далгат 1896: 43-44].

Именно в процессе приспособления к географической среде возникают хозяйственно-культурные типы, которые «служат своего рода фильтром, через

который осуществляется влияние этой среды на организм человека и в котором нейтрализуются некоторые неблагоприятные ее воздействия» [Алексеева 1977: 250]. К тому же организм человека (или популяция в целом) может испытывать, и, как правило, испытывает неблагоприятное воздействие не только природной, но также внутренней (или собственно этнической) и внешней (пытающейся навязать политическую или экономическую зависимость) социальной среды. Выработка механизмов эколого-биологической и хозяйственно-культурной адаптации особенно интенсивно должна протекать на ее ранних этапах, когда популяция (этническая общность) окончательно обретала ареал своего проживания. Комплексному производящему хозяйству балкарцев, основанному на отгонном скотоводстве и земледелии, соответствовал ежедневный пищевой рацион, сочетавший в себе продукты животноводства и земледелия, что также оказывало благотворное влияние на общее состояние их здоровья и резервные возможности организма.

Авторы изучаемого нами периода, исследовавшие балкарский быт, как правило, не обходили вниманием особенности их традиционного питания. «Пищу горцев, – писал М.Абаев, – составляли ячменный чурек, молочные продукты и мясо, а питье – домашнее пиво из ячменя, буза из овса (род русской браги), «айран» и «гыпы» (кефир) из молока» [Абаев 1992: 21]. Здесь обращает на себя внимание последовательность, возможно не случайная, в которой названы основные продукты питания балкарцев, где мясо стоит на последнем месте после продуктов растительного и молочного происхождения. Об этом же пишут и другие авторы, например, Н.А. Караулов: «Балкарцы ежедневно едят хлеб, сыр, молоко и овощи, зимой мясо. Богатые люди едят мясо круглый год» [Караулов 1908: 139].

О неприхотливости балкарцев в пище и ее употреблении в умеренном количестве писал Е.З. Баранов. «Каждодневная пища горца, – отмечал он, – очень проста и состоит обыкновенно из киржина, пресных ячменных лепешек, выпеченных в горячей золе, козьего сыра и айрана, напитка из кислого молока; мясо же бывает не каждый день на обеденном столе горца» [Баранов 1894]. Н.П. Тульчинский также подтверждает, что «в количественном отношении … горцы питаются очень мало. Главная пища их молочные продукты и лепешки из кукурузной и ячменной муки, испеченные в горячей золе. Молоко в сыром виде горцы никогда не употребляют, оно перерабатывается в сыр или айран». Традиционная повседневная пища балкарцев, как это было видно из вышеприведенных ее характеристик, при всей ее умеренности, как в количественном, так и в компонентном отношении включала в себя продукты, содержащие все необходимые для человеческого организма вещества. Так, скажем, продукты, приготовленные из хлебных злаков (у балкарцев – преимущественно из ячменя), наряду с появившимся позже в горах картофелем, являлись поставщиками углеводов. Содержание последних в хлебных злаках достигает 60-70 % [Фрумкин, Саровайская 1979: 155]. Мясные продукты служат в питании человека главными источниками полноценного белка (его содержание в мясе достигает 15-20 %). И, наконец, в молоке и молочных продуктах, также являвшихся одним из важнейших компонентов балкарской

традиционной пищи, содержатся в оптимальном соотношении все необходимые для синтеза тканей компоненты – кальций, фосфор, углеводы животного происхождения [Фрумкин, Саровайская 1979: 158-159] . Таким образом, в условиях суровой горной среды балкарцы имели достаточно сбалансированный пищевой комплекс, способный обеспечивать восполнение энергозатрат и воспроизводство жизненных сил горского населения.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, успешность адаптации балкарского населения к условиям высокогорья позволяла им эффективно противодействовать распространению болезней, которые бы приводили к высокой смертности; с другой стороны, вспышки некоторых заболеваний в горской среде в рассматриваемый нами период требовали вмешательства профессиональных медиков, которые в то время имелись только в распоряжении русских военных и гражданских властей. При возникновении срочной необходимости они направляли профессиональных медиков в труднодоступные горные районы для оказания медицинской помощи местным жителям. При этом была налажена отчетность сельских старшин по состоянию здоровья горского населения, особенно в периоды эпидемий, процессам его естественного движения, были заложены основы санитарно-гигиенического контроля и профилактики болезней, что не могло не сыграть положительной роли в улучшении здравоохранения жителей балкарских обществ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1992 – *Абаев М.* Балкария. Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.

Авербух 1967 – *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций. – М.: Наука, 1967. – 207 с.

Агаджанян, Миррахимов 1970 – *Агаджанян Н.А., Миррахимов М.М.* Горы и резистентность организма. – М.: Наука, 1970. – 183 с.

Административно-территориальные… 2000 – *Административно-территориальные* преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 732 с.

Азаматов 1968 – *Азаматов К.Г.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. – Нальчик: 1968. – 108 с.

Алексеева 1977 – *Алексева Т.И.* Географическая среда и биология человека. – М.: Мысль, 1977. – 302 с.

Алексеева 1986 – *Алексеева Т.И.* Адаптивные процессы в популяциях человека. – М.: МГУ, 1986. – 215 с.

Баранов 1894 – *Баранов Е.З.* Очерки из жизни горских татар Кабарды // Терские ведомости. – 1894. – № 141.

Битова 1997 – *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX в.: Сельская община. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 176 с.

Бродель 1986 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.

Далгат 1896 – *Далгат М.Б.* Поездка к Чегемским ледникам Центрального Кавказа. – Владикавказ: [Б.и.], 1896. – 46 с.

Денисенко 1991 – *Денисенко М.Б.* Особенности изучения демографических процессов в СССР // Народонаселение. Современное состояние научного знания / Под ред. Д.И. Валентея, А.С. Первушина. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 227 с.

Жданов 1964 – *Жданов В.М.* Эволюция заразных болезней человека. – М.: Медицина, 1964. – 376 с.

Живая старина 1992 – *Живая старина.* – Нальчик, 1992. – № 2. – С. 149-151.

Из документальной… 2000 – *Из документальной* истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 478 с.

Казьмина, Пучков 1994 – *Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Основы этнодемографии. – М.: Наука, 1994. – 253 с.

Караулов 1908 – *Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующаго гражданскою частию на Кавказе, 1908. – Вып. 38. – С. 132-154.

Карачаевцы… 2014 – *Карачаевцы*. Балкарцы / Отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – 815 с.

Клегг 1981 – *Клегг Е.Дж.* Плодовитость и ранний рост // Биология жителей высокогорья / Под ред. П. Бейкера. – М.: Мир, 1981. – С. 78-135.

Ковалевский, Миллер 1884 – *Ковалевский М., Миллер Вс.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. – 1884.– Т. 2. – Кн. 4. – С. 540-588.

Лавров 1969 – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М.: Издательство АН СССР, 1969. – Т. 4. – С. 55-119.

Лавров 1984 – *Лавров Л.И.* Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М.: Издательство АН СССР, 1984. – Т. VIII. – С. 65-71.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа: в 2-х выпусках. Вып. 1. – Одесса: Тип. П.А. Зеленаго, 1882. – 437 с.

Малкондуев 2001 – *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.

Маслов и др. 2005 – *Маслов А.А., Карданов А.Б., Шомахов А.О., Беров М.Л.* История медицины Кабардинского округа. События и лица. – Нальчик, Полиграфсервис и Т, 2005. – 300 с.

Миронов 2003 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.

Миррахимов, Хамзамулин 1981 – *Миррахимов М.М., Хамзамулин Р.О.* Об основных механизмах и закономерностях высокогорной адаптации человека // Адаптация человека в различных климато-географических и производственных условиях. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции, г. Ашхабад, 8-10 декабря 1981 г. – Новосибирск: СО АМН СССР, 1981. – Т. 1. – С. 10-11.

Рашин 1956 – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.

Слоним 1981 – *Слоним А.Д.* Итоги изучения физиологических адаптаций к природным факторам среды // Адаптация человека в различных климато-географических и производственных условиях. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции, г. Ашхабад, 8-10 декабря 1981 г. – Новосибирск: СО АМН СССР, 1981. – Т. 1. – С. 21-23.

Старинные… 1993 – *Старинные* песни. Из песенной сокровищницы Карачая и Балкарии / Сост. Х. Журтубаев // Минги Тау (на балк. языке). – Нальчик, 1993. – № 4.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. – Вып. 5. – Владикавказ, 1903. – С. 167-200.

Урланис 1985 – *Урланис Б.Ц.* Избранное. – М.: Мысль, 1985. – 255 с.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы КБР*.

Фрумкин, Саровайская 1979 – *Фрумкин П.А., Саровайская Л.И*. Питание и здоровье человека // Окружающая среда и здоровье человека. – М.: Наука, 1979. – С. 150-170.

Шаманов Мусукаев 1980 – *Шаманов И.М., Мусукаев А.И.* К этнической истории карачаевского селения Джамагат // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.: Проблемы социально-экономического развития. – Ставрополь: Ставроп. ГПИ, 1980. – С. 104-113.

Этюды… 2007 – Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / Сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттирова. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 408 с.

REFERENCES

ABAEV M. *Balkariya. Istoricheskii ocherk* [Historical essay]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russian)

Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremennost' [Administrative and territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity]. – Nalchik: El'-Fa, 2000. – 732 p. (In Russian)

AGADZHANYAN N.A., MIRRAKHIMOV M.M. *Gory i rezistentnost' organizma* [Mountains and body resistance]. – M.: Nauka, 1970. – 183 p. (In Russian)

ALEKSEEVA T. I. *Adaptivnye protsessy v populyatsiyakh cheloveka* [Adaptive processes in human population]. – M.: MGU, 1986. – 215 p. (In Russian)

ALEKSEVA T.I. *Geograficheskaya sreda i biologiya cheloveka* [Geographical environment and human biology]. – M.: Mysl', 1977. – 302 p. (In Russian)

AVERBUKH M.S. *Zakony narodonaseleniya dokapitalisticheskikh formatsii* [The laws of pre-capitalist population formations]. – M.: Nauka, 1967. – 207 p. (In Russian)

AZAMATOV K.G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie i obychnoe pravo balkartsev v pervoi polovine XIX v.* [Socio-economic situation and customary law of the Balkars in the first half of the XIX century.]. – Nalchik: 1968. – 108 p. (In Russian)

BARANOV E.Z. *Ocherki iz zhizni gorskikh tatar Kabardy* [Essays about the life of the mountain Tatars of Kabarda]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1894. – No 141. (In Russian)

BITOVA E.G. *Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX v.: Sel'skaya obshchina* [Social history of Balkaria in the 19th century: rural community]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 176 p. (In Russian)

BRODEL F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economics and capitalism, XV-XVIII centuries. Vol. 1. Structures of everyday life: possible and impossible]. – M.: Progress, 1986. – 622 p. (In Russian)

DALGAT M.B. *Poezdka k Chegemskim lednikam Tsentral'nogo Kavkaza* [A trip to the Chegem glaciers of the Central Caucasus]. – Vladikavkaz: [W.p.], 1896. – 46 p. (In Russian)

DENISENKO M.B. *Osobennosti izucheniya demograficheskikh protsessov v SSSR* [Study eatures of the demographic processes in the USSR]. IN: *Narodonaselenie. Sovremennoe sostoyanie nauchnogo znaniya* [Population. The current state of scientific knowledge]. Ed. by D.I. Valentei, A.C. Pervushin. – M.: Izd-vo MGU, 1991. – 227 p. (In Russian)

Etyudy o Balkarii: Urusbievy, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov [Studies on the Balkaria: Urusbievy, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov]. Ed. by T.Sh. Bittirova. – Nalchik: El'brus, 2007. – 408 p. (In Russian)

FRUMKIN P.A., SAROVAISKAYA L.I. *Pitanie i zdorov'e cheloveka* [Nutrition and human health]. IN: *Okruzhayushchaya sreda i zdorov'e cheloveka* [Environment and human health]. – M.: Nauka, 1979. – P. 150-170. (In Russian)

Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii. Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v. [From the documentary history of Kabardino-Russian relations. The second half of the XVIII - the first half of the XIX century]. Compiled by, ed. by Kh.M. Dumanov. – Nalchik: El'brus, 2000. – 478 p. (In Russian)

Karachaevtsy. Balkartsy [Karachai. Balkarians]. Ed by. M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev. – M.: Nauka, 2014. – 815 p. (In Russian)

KARAULOV N.A. *Bolkary na Kavkaze* [Bolkars on the Caucasus]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of the localities and the peoples of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchago grazhdanskoyu chastiyu na Kavkaze, 1908. – Iss. 38. – P. 132-154. (In Russian)

KAZ'MINA O.E., PUCHKOV P.I. *Osnovy etnodemografii* [Basics of Ethnodemography]. – M.: Nauka, 1994. – 253 p. (In Russian)

KLEGG E.Dzh. *Plodovitost' i rannii rost* [Fertility and early growth]. IN: *Biologiya zhitelei vysokogor'ya* [The Highland Biology of the population]. Ed. by P. Beiker. – M.: Mir, 1981. – P. 78-135. (In Russian)

KOVALEVSKII M., MILLER Vs. *V gorskikh obshchestvakh Kabardy* [In the mountain societies of Kabarda]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1884.– Vol. 2. – Book 4. – P. 540-588. (In Russian)

LAVROV L.I. *Karachai i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria until the 30s of the XIX century.]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1969. – Vol. 4. – P. 55-119. (In Russian)

LAVROV L.I. *Stikhiinye bedstviya na Severnom Kavkaze do XIX v.* [Natural disasters in the North Caucasus until the 19th century]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1984. – Vol. VIII. – P. 65-71. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adates of the Caucasian Highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus: in 2 issues. Vol. 1]: in 2 iss. Iss. 1. – Odessa: Tip. P.A. Zelenago, 1882. – 437 p. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Etnicheskaya kul'tura balkartsev i karachaevtsev* [Ethnic culture of Balkars and Karachais]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 176 p. (In Russian)

MASLOV A.A., KARDANOV A.B., SHOMAKHOV A.O., BEROV M.L. *Istoriya meditsiny Kabardinskogo okruga. Sobytiya i litsa* [The history of medicine of the Kabarda region. Events and Persons]. – Nalchik, Poligrafservis i T, 2005. – 300 p. (In Russian)

MIRONOV B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The social history of Russia during the period of the empire (XVIII - early XX centuries)]: in 2 vols. Vol. 1. *Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Genesis of the individual, a democratic family, civil society and the rule of law]. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. – 548 p. (In Russian)

MIRRAKHIMOV M.M., KHAMZAMULIN R.O. *Ob osnovnykh mekhanizmakh i zakonomernostyakh vysokogornoi adaptatsii cheloveka* [About the basic mechanisms and laws of high-altitude adaptation of a person]. IN: *Adaptatsiya cheloveka v razlichnykh klimato-geograficheskikh i proizvodstvennykh usloviyakh. Tezisy dokladov III Vsesoyuznoi konferentsii, g. Ashkhabad, 8-10 dekabrya 1981 g.* [Adaptation of a person in various climatic, geographical and industrial conditions. Abstracts of the III All-Union Conference, Ashgabat, December 8-10, 1981]. – Novosibirsk: SO AMN SSSR, 1981. – Vol. 1. – P. 10-11. (In Russian)

RASHIN A.G. *Naselenie Rossii za 100 let* [The population of Russia for 100 years]. – M.: Gosstatizdat, 1956. – 352 p. (In Russian)

SHAMANOV I.M., MUSUKAEV A.I. *K etnicheskoi istorii karachaevskogo seleniya Dzhamagat* [On the ethnic history of the Karachai village of Jamagat]. IN: *Istoriya gorskikh i kochevykh narodov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv.: Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [History of the North Caucasus mountain and nomadic peoples in the 19th – early 20th centuries: Problems of socio-economic development]. – Stavropol: Stavrop. GPI, 1980. – P. 104-113. (In Russian)

SLONIM A.D. *Itogi izucheniya fiziologicheskikh adaptatsii k prirodnym faktoram sredy* [The results of the study of physiological adaptations to natural environmental factors]. IN: *Adaptatsiya cheloveka v razlichnykh klimato-geograficheskikh i proizvodstvennykh usloviyakh.*

Tezisy dokladov III Vsesoyuznoi konferentsii, g. Ashkhabad, 8-10 dekabrya 1981 g. [Adaptation of a person in various climatic, geographical and industrial conditions. Abstracts of the III All-Union Conference, Ashgabat, December 8-10, 1981]. – Novosibirsk: SO AMN SSSR, 1981. – Vol. 1. – P. 21-23. (In Russian)

Starinnye pesni. Iz pesennoi sokrovishchnitsy Karachaya i Balkarii [Ancient songs. From the treasure song of Karachai and Balkaria]. Compiled by Kh. Zhurtubaev. IN: Mingi Tau (na balk. yazyke). – Nalchik, 1993. – No 4. (In Balkar)

TUL'CHINSKII N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy* [Five mountain societies of Kabarda]. IN: *Terskii sbornik*. – Iss. 5. – Vladikavkaz, 1903. – P. 167-200. (In Russian)

URLANIS B.Ts. *Izbrannoe* [favourites]. – M.: Mysl', 1985. – 255 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby KBR [Department of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardin-Balkarian Republic]. (In Russian)

ZHDANOV V.M. *Evolyutsiya zaraznykh boleznei cheloveka* [The evolution of human infectious diseases]. – M.: Meditsina, 1964. – 376 p. (In Russian)

Zhivaya starina. – Nalchik, 1992. – No 2. – P. 149-151.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-67-78

«НЕЛЬЗЯ СМОТРЕТЬ КАК НА ОФИЦИАЛЬНОЕ СОСЛОВНОЕ СОБРАНИЕ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ»: РЕГЛАМЕНТ СЪЕЗДОВ ДОВЕРЕННЫХ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ

Д.Н. ПРАСОЛОВ

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com

Аннотация. На основе сопоставления нормативных и делопроизводственных материалов исследуются содержательные особенности регламента деятельности съездов доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Нормативно оформленные функции съезда доверенных в ограниченном виде были утверждены лишь несколькими фрагментами постановлений Кавказских наместников в 1860, 1905 и 1908 гг. Этот порядок определял лишь самые общие рамки, предусматривающие территориальное представительство выборных от селений при регулярном избрании депутатов и кадия окружного суда, а также распоряжение под контролем короной администрации Зольскими и Горными общественными пастбищами. Выявлена более детальная регламентация, осуществлявшаяся в административной переписке, которая сопровождала подготовку очередного съезда. Циркулярами и распоряжениями первоначально определялся социальный состав доверенных, согласовывалась повестка, порядок рассмотрения и принятия решений, условия материально-бытового обеспечения доверенных в окружном центре и т.п. Обоснован вывод, что недостаточная законодательная определенность функций съезда доверенных являлась удобным для коронных властей форматом организации судебно-административного порядка в Нальчикском округе Терской области. Отсутствие четкой и подробной регламентации оставляло возможности для «административного благоусмотрения», ситуативных управленческих решений, позволяя более гибко направлять общественную жизнь местного населения.

Ключевые слова: кабардинцы; балкарцы; Нальчикский округ; Терская область; Кавказское наместничество; съезд доверенных; не земское самоуправление.

"CAN'T BE SEEN AS AN OFFICIAL CLASS MEETING OR REPRESENTATIVE INSTITUTION": REGULATIONS FOR THE CONGRESS OF ENTRUSTED KABARDIANS AND BALKARS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

D.N. PRASOLOV

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com

Abstract. On the basis of comparison of normative and materials the substantial features of activity regulations of congresses of trusted rural societies of Big and Small Kabardy and five mountain societies are studied. Normative functions of congresses of proxies in a limited form were approved only by a few fragments of decrees of Caucasian viceroys in 1860, 1905 and 1908. This order determined only the most general framework providing territorial representation of elected from villages at regular election of deputies and kady of district court, as well as the order of Zolski and Mountain public pastures under crown control of administration. More detailed regulation was revealed, which was carried out in administrative correspondence, which accompanied the preparation of the next congress. Circulars and orders initially determined the social composition of the trustees, agreed on the subpoena, the order of consideration and decision-making, the conditions of material and household support of the trustees in the district center, etc. The conclusion was grounded that insufficient legislative certainty of functions of the congress of trustees was a convenient format for the crown authorities to organize judicial and administrative order in Nalchik district of Tersky oblast'. The lack of clear and detailed regulation left room for "administrative discretion" of situational management decisions, allowing more flexibility in directing public life of the local population.

Keywords: Kabardians; Balkars; Nalchik district; Terskaya oblast'; Caucasian vicegerency; congress of entrusted; not zemstvo self-government.

Выступая за введение земств в Терской области, Г. Баев в 1901 г. обосновывал готовность местного населения к восприятию общероссийских форм самоуправления примером регулярной деятельности съезда доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, а также опытом народных сборов осетин, ингушей и др. народов. Он был убежден, что для своего развития это самобытное не земское окружное самоуправление нуждается только «в более правильной организации и законодательной санкции, ибо оно существует по милости обычая и административного благоусмотрения, но не на прочном фундаменте закона» [Баев 2011: 123]. Однако в 1908 г., говоря о перспективах учреждения в Нальчикском округе Народного банка, автор указывает, что деятельность съездов доверенных в Нальчикском округе была основана «на целом ряде законодательных актов» [Баев 1908: 33-34]. Такая неопределенность в характеристике правового статуса съездов доверенных объяснялась тем, что на протяжении 1860-1917 гг. съезды доверенных так и не получили специального узаконенного регламента своей деятельности, и только многочисленные циркуляры, распоряжения и другое административное делопроизводство определяли для них нормативные рамки выполнения самых разнообразных функций в общественной жизни.

Наиболее вероятным основанием для второго заключения Г. Баева стала публикация утвержденных 31 июля 1905 г. кавказским наместником И.И. Воронцовым-Дашковым обновленных правил пользования Зольскими и Горными общественными пастбищами. Новый регламент содержал положение о том, что «распределение земель производится по приговору доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ и утверждается главнокомандующим войсками Кавказского военного округа» [Правила… 1905]. Парадоксальность ситуации состояла в том, что Съезд доверенных в 1889 г. составил прежние Правила пастбищного землепользования, утвержденные затем высшими кавказскими властями и опубликованные в 1891 г. в Собрании узаконений и распоряжении Правительства [Аграрные… 2008: 90]. Однако только в 1905 г. получил официально оформленные полномочия распределять общественные пастбища, хотя ежегодно фактически являлся их распорядителем. Таким образом, уточнение 1905 г. лишь узаконивало давно действующий порядок. Однако первые формы ограниченности такой нормативной регламентации были заложены другим кавказским наместником.

23 марта 1860 г. наместник на Кавказе кн. А.И. Барятинский утвердил административную инструкцию для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии, которую можно считать первым регламентом деятельности съездов доверенных. Документ содержал только общие правила избрания состава «народных окружных и участковых судов». В частности, предписывалось, чтобы состав суда избирался «следующим порядком: каждый аул назначает двух или трех доверенных лиц, которые в определённый день собираются к участковому начальнику и в присутствии его избирают не менее двух лиц, долженствующих занимать должность кадия, депутата и кандидата. … выбор этот утверждается подписью или рукоприкладством участкового начальника», который «представляет выборный лист за подписью всех избирателей и за своим засвидетельствованием ко мне для окончательного выбора… право быть избирателем и избираемым предоставляются всем совершеннолетним мужского пола, т.е. достигшим 18 летнего возраста… не могут быть ни избирателями, не избираемыми люди, известные дурным повеление и вредным образом мысли» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 4об.-5]. Таким образом, изначально основным предназначением съездов доверенных являлось ежегодное избрание судей и никаких других регулярных функций нормативным документом не предусматривалось.

Для применения этого порядка на практике в Кабардинском округе понадобились уточнения, соответствующие местной специфике. В инструкции 1860 г. о порядке созыва доверенных для избрания судей окружного народного суда определялись критерии территориального и сословного представительства – 2-3 выборных от каждого кабардинского селения [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 21-23 об.]. От балкарских обществ вызывали «с каждого ущелья по два таубия и по два каракиша» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 19 об.]. После освобождения зависимых сословий в 1866-1867 гг. принцип представительства конкретизировался по традиционному сословному статусу. Например, 25 ноября 1874 г. начальник округа распорядился «избрать по три

доверенных лица от каждого общества одного из князей и узденей 1-й степени, другого из узденей 2-й степени и третьего из вольноотпущенников и бывших временнообязанных, которые с письменными доверенностями от обществ должны прибыть в окружное управление непременно к 15 числу будущего декабря месяца для обсуждения общественных дел и наделении землею и для выбора депутатов в Нальчикский горский словесный суд для заседания на будущий 1875 г.». Аналогичные съезды созывались 15 ноября 1875 г. для выбора состава суда на 1876 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 154. Л. 1-1 об., 3]. Если же князей в селении не было, то избиралось по два доверенных: от узденей и «простого народа» [УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 27, 30, 31, 33, 39об., 42, 44об., 45-45об., 46, 48, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65; Антология… 2014: 367]. Последний раз сословный ценз как критерий регулярного избрания доверенных архивные источники фиксируют на декабрьском съезде 1879 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 400. Л. 1-38; ЦГА РСО-Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 67. Л. 4].

С начала 1880-х гг. процедура делегирования доверенных на съезд уже не содержала официальных требований сословного представительства. Избрание определялось только территориальным цензом – по два от кабардинских селений и каждого из пяти горских обществ, а также от новообразованных балкарских селений Гунделен и Хасаут.

Но случались и исключения. На съезд 3-8 ноября 1889 г. для рассмотрения новых пастбищных правил было приглашено по три доверенных: один от привилегированных сословий и двое от простого [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 42-45]. Такой состав подтверждается сообщением о 148 уполномоченных от селений Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ [Аграрные… 2008: 82]. По не объясненным причинам на очередной съезд 1-3 ноября 1891 г. сельскими сходами было избрано по три доверенных от Балкарского, Чегемского и Хуламского обществ [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 197. Т. 1. Л. 72, 74, 78].

Документы, делегирующие сельских представителей на окружные съезды, всегда составлялись по циркулярам начальника округа, но, в силу отсутствия делопроизводственной унификации, существенно дополняют представление об особенностях взаимодействия сельских сходов, окружного управления и съездов доверенных. В 1880-х гг. некоторыми обществами своим представителям оформлялись доверенности [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 29, 37, 77, 104]. Приговоры об избрании доверенных, утверждались сельскими сходами, а с 1905 г. сборами десятидворных доверенных. В них отражена информация об избранных, в единичных случаях с данными о распределении голосов при голосовании [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп.1. Д. 723. Т. 2. Л. 59], состав сельских сходов, основные вопросы программы съезда. На основании обобщения сведений из приговоров составлялись списки доверенных каждого съезда [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 1-2об.; Д. 673. Т. 2. Л. 46-48об.].

В административной практике устоялся порядок, согласно которому доверенные уполномочивались сельскими сходами на решение строго

определенных вопросов, внесенных в повестку и согласованных с администрацией. Поэтому приговор также удостоверял ознакомление участников схода с программой съезда доверенных. Такая формализация при необходимости позволяла коронным властям отклонять при рассмотрении вопросы, на которые доверенные не уполномочивались [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 197. Т. 1. Л. 120; Д. 639. Т. 2. Л. 140, 146; Д. 673. Т. 2. Л. 29-30; 34-35].

С начала XX в. циркулярно рассылался полный перечень вопросов, включенных в повестку съезда доверенных [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 42; Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 2. Л. 42; ЦГА РСО-Алания. Ф.11. Оп. 13. Д. 933. Л. 1; Ф.11. Оп. 13. Д. 998. Л. 1, 15], а также вопросы, не вошедшие в повестку «ввиду поступления сих вопросов уже после составления и рассылки программы на общественные сходы» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 81-82об.]. Также для ознакомления сходов распространялся список приговоров, утвержденных вышестоящим начальством [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 2. Л. 106; Д. 725. Т. 2. Л. 4-6; Д. 826. Т. 3. Л. 157-158, 161].

В отдельных случаях для коронной администрации возникала необходимость специального разъяснения, уточнения или даже дополнения регламента деятельности съезда доверенных. В рапорте командующему войсками Кавказского военного округа о развитии ситуации со скандальными ходатайствами отставного генерал-лейтенанта Т. Шипшева, начальник Терской области генерал-лейтенант С. Каханов в июне 1897 г. распорядился произвести новые выборы депутатов НГСС от Большой Кабарды при посредстве закрытой баллотировки с тем, чтобы в число доверенных от сельских обществ, выбирающих депутатов, не допускались сельские старшины и другие лица, служащие по администрации» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1318. Л. 35об.-36]. При этом приговоры 1870-х гг. свидетельствуют, что старшина регулярно включался в число трех доверенных [УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 28, 33, 35].

16 декабря 1897 г. начальник Терской области предписал начальнику Нальчикского округа «предложить на разрешение предстоящего собрания выборных Кабардинского народа и сопредельных с ними пяти Горских обществ, помимо очередных вопросов, еще следующие:

1) Выбрать особого казначея для заведывания кабардинскими суммами, отнюдь не допуская соединения этой должности с какою-либо другою общественной должностью. Предварительно выбора на должность казначея должно быть определено ему содержание.

2) Выбор комиссии из трех лиц, которая совместно со вновь назначенным казначеем должна поверить правильность расходования кабардинских общественных сумм за последнее время и затем о результатах поверки представить мне.

3) Выбор комиссии из пяти лиц для пересмотра правил эксплуатирования запасных кабардинских земель, причем иметь в виду, что в пользовании кабардинцев и горцев находится только поверхность земли, а недра принадлежат Государству; предоставление же пользования, помимо

поверхности, также и недрами, может последовать только с особого Высочайшего соизволения».

Затем определялись правила обсуждения вопросов повестки на съезде доверенных: «1) Никто, кроме выборных не может принимать участие в обсуждении всех вопросов и в производстве выборов.

2) Заседания выборных должны происходить под председательством начальника округа, который и предлагает вопросы на обсуждение. Выборными могут предлагаться вопросы на обсуждение только через председателя и с его согласия. Если бы начальник округа затруднился допустить какой-либо вопрос на обсуждение, то должен испрашивать мое на то разрешение по телеграфу.

3) Изложенное в предыдущих двух пунктах объявить выборным под их расписку до начала заседаний» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 349. Л. 81-82].

В марте 1907 г., разъясняя причины отклонения нескольких приговоров из программы недавнего съезда, начальник Терской области, разъяснял: «На обсуждение минувшего Съезда депутатов Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ Нальчикского округа было одиннадцать вопросов, не предусмотренных в повестках, разосланных во все заинтересованные селения перед выбором депутатов, а потому последние рассматривали их на съезде, не ознакомившись предварительно со взглядами своих односельцев. Ввиду того, что при таком порядке съезд депутатов не может быть истинным выразителем взглядов всего заинтересованного населения и мог принять случайное решение, не соответствующее желаниям большинства, все одиннадцать приговоров по вопросам, не вошедшим в предварительно разосланные повестки, возвратить начальнику Нальчикского округа без утверждения для пересмотра этих вопросов на следующем очередном съезде». Во избежание таких недоразумений было дано распоряжение: «На будущее же время установить, чтобы все вопросы, вносимые на обсуждение съезда депутатов, заявлялись начальнику округа не позднее как за полтора месяца до съезда, для внесения их в программу съезда, которая должна быть опубликована по всем сельским обществам для предварительного обсуждения на сельских сходах» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 2].

В ноябре 1907 г. в переписке с доверенным от сел. Докшукино М.-Г. Шипшевым, предложившим расширить полномочия окружного собрания сельских представителей, начальник Нальчикского округа, напротив, жестко указал на ограниченность их компетенции: «На съезд доверенных, существующий в Кабарде для избрания депутатов в Горский словесный суд и решения некоторых чисто экономических вопросов в отношении пользования высочайше дарованными кабардинскому народу земли и кабардинского общественного капитала нельзя смотреть как на официальное сословное собрание или представительное учреждение, которое вырабатывало бы порядок ведения своих дел» » [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 52-52об.]. Такая возможность по-прежнему предоставлялась только представителям коронной администрации.

23 ноября 1908 г. наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков утвердил инструкцию о порядке избрания депутатов, кадиев и кандидатов к ним для

Горских словесных судов [Материалы… 1912: 59-60]. Главным нововведением стал переход от ежегодного избрания состава судов к трехлетнему сроку полномочий. Утверждённый документ нормативно закреплял существовавшую и прежде практику избрания доверенных, но по утверждении наместником обновленный порядок стал строже контролироваться окружными властями. Поэтому его основные положения и еще ранее выработавшиеся традиции стали регулярно повторяться в административной переписке. В распоряжении о созыве сбора на 16 декабря 1908 г. для переизбрания на 3 года судей НГСС предписывалось, что «доверенными ни в каком случае не могут быть избираемы старшины, помощники их и вообще сельские должностные лица [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 725. Т. 1. Л. 41].

Согласно циркуляру о проведении съезда 22 октября 1909 г. сельские старшины должны были «собрать сход выборных и предложить предварительно обсудить вышеизложенные вопросы и избрать из своей среды по два доверенных от каждого общества для рассмотрения и решения на съезде этих вопросов. О выборе доверенных составить приговоры» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 2. Л. 42 об.]. Здесь уже последовательно реализуется новый порядок делегирования доверенных не полными сельскими сходами, а сборами выборных. Эти институты сельского самоуправления были учреждены в 1905 г. и состояли из представителей от каждых десяти дворов в сельском обществе.

Преимущества предварительного обсуждения в сельских обществах повестки дня уже по итогам октябрьского съезда 1909 г. отмечал корреспондент газеты «Терек»: «Еще одна хорошая сторона народоправства: все участники съезда отлично в курсе всех своих общественных дел, все знают касающиеся их правительственные распоряжения, одним словом в курсе всей своей жизни, обо всем мыслят, все соображают, а с депутатами следовательно мыслит и соображает весь уполномочивший их народ». Заметив, как быстро решаются вопросы на съезде, автор поясняет: «Дело в том, что все вопросы, подлежащие обсуждению съезда, решены уже там, дома, в селах, на сельских сходах, а затем уже ставятся в программу съезда. Без предварительного обсуждения на сельских сходах ни один вопрос обсуждаться на съезде не должен. И все депутаты, по каждому вопросу, получили должные инструкции» [Л.М. 1909].

Типовая инструкция начальника округа с четким распределением этапов подготовки окружного собрания была распространена к мартовскому съезду 1911 г.: «Предписываю Вам по получении сего немедленно созвать в каждом селении сбор выборных и предложить, по предварительном обсуждение указанных вопросов, избрать по два доверенных от каждого селения, которых уполномочить приговорами для решения этих вопросов в слободе Нальчик на общем съезде доверенных. Приговоры об избрании доверенных представить в управление округа не позже 8-го марта, а избранным доверенным объявить, чтобы они явились в управление округа обязательно к 9 часам утра 10-го марта сего года». При этом предлагалось, чтобы «для упрощения процесса делегирования представительских полномочий рекомендовалось доверенными избрать тех же лиц, которые были на съезде в октябре 1910 года, с заменой

другими лицами в случае болезни или отсутствия кого-либо из них» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 1. Л. 13].

Наиболее исчерпывающую информацию содержало распоряжение начальника Нальчикского округа от 28 октября 1911 г. старшинам селений с перечнем 42 вопросов повестки съезда доверенных, назначенного на 24 ноября 1911 г. Документом предписывалось «старшинам селений по получении сего немедленно созвать сбор выборных в каждом селении и предложить им предварительно обсудить изложенные здесь вопросы и избрать по два доверенных, которых уполномочить приговорами на решение этих вопросов на общем съезде в слободе Нальчик. Доверенными не могут быть избраны сельские старшины, помощники их и вообще сельские должностные лица. Приговоры на избранных доверенных выслать в управление округа не позже 29-го ноября, а избранным доверенным объявить, чтобы они явились в Нальчик обязательно к 9 часам утра 24-го ноября сего года [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 73].

Необычный прецедент случился на съезде 31 октября 1908 г. Доверенные приняли приговор об установлении санкций за нарушение регламента: «Обсудив вопрос о том, что некоторые из доверенных неаккуратно являются на съезд и собрание, вследствие чего заседания открываются не в назначенное время и всегда замедляются в ущерб интересам сельских обществ, посылающих их на съезд, ПОСТАНОВИЛИ: штрафовать за каждую несвоевременную явку на заседание съезда, а также на собрание и за оставление заседаний без уважительных причин от 5-ти до 25-ти рублей властью председателя собрания и деньги обращать на постройку предполагаемой мечети в слободе Нальчик» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 725. Т. 1. Л. 200]. Областное правление отказало в утверждении постановления доверенных, «так как депутатскому собранию существующими правилами не предоставлено делать постановления о наложении штрафа за неявку на съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ». Вместе с тем начальником округа было предложено «выработать и представить на утверждение проект правил о съездах доверенных, в каковом проекте разработать число доверенных, порядок их избрания, срок служения, права и обязанности и т.п.» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 725. Т. 1. Л. 198-199]. Только в 1916 г. на рассмотрение в областное правление был представлен проект «Положения о заведывании кабардино-горским имуществом» [Калмыков 1995: 114-117]. Его разработал Б. Шаханов – присяжный поверенный, бывший до 1915 г. юрисконсультом Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ.

Административной перепиской каждый раз определялся и вопрос о помещении для проведения съезда доверенных. В циркулярах о созыве съезда сообщалось, куда и в какое время доверенные должны явиться. Первоначально заседания происходили в помещении окружного правления или слободского клуба в парке [-О.- 1885]. В 1911 г. для этих целей был выделен зал Нальчикского общественного собрания [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 1. Л. 28]. С осени 1913 г. съезды стали проводиться в большом актовом зале Реального училища [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 891. Л. 49], построенного

при софинансировании из общественного капитала и открытого к празднованию 300-летия воцарения династии Романовых. Из финансового делопроизводства Кабардинской общественной суммы следует, что в 1912-1914 гг. частным лицам оплачивалась аренда мебели за отпущенные «стулья на три вечера для съезда представителей Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ» [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 1. Л. 7об.].

В связи с тем, что социально-бытовые условия деятельности доверенных в Нальчикской слободе мало отразились в источниках, определенный интерес представляет предписание, разосланное по сельским обществам к апрельскому съезду доверенных в 1897 г. Распорядившись о том, чтобы «доверенные для избрания судей явились 2-го апреля и закончили 3-го апреля» глава округа приказал, чтобы они «были удовлетворены обществами суточными деньгами за двое суток». Исполняя это предписание, старшина селения Иналово сообщал примечательные подробности о нормативах командировочных расходов: «Общество сел. Иналова на содержание на 2-е суток в слоб. Нальчик, уполномоченным 2-м доверенным, высланным на 2 апреля для выбора депутатов и кадия в Нальчикский горский словесный суд на 1897 г., отчисляло из общественных сельских сумм денег по следующему расчету: на уплату квартиры за 2-е суток, за 2 лошади с сеном по 30 к. на лошадь в сутки - 1 р. 20 к., на довольствие 3-х человек: за поставку самовара 4 раза по 10 к. – 40 к., чаю 1/8 ф. 20 к., 2 ф. сахару 24 к. на каждого человека в сутки, по 5 ф. хлеба по 2 1/2 к. ф. – 30 фун. 75 к. по 1-й порции на человека в сутки 6 порций – по 10 к. – 60 к. свеча на 2-е суток 5 к. и на другие непредвиденные расходы 46 к., а всего 4 руб. сер., каковую сумму уполномоченные получили при отъезде в Нальчик. На другие расходы общество им денег не определяло и занимать их где-либо не поручало. Подвода, извозчик и довольствие на них – общественное [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 349. Л. 30-31]

Отличительной особенностью регламента съезда доверенных являлось еще и то, что он не был организован строго по административному принципу. В его работе не участвовали представители нескольких русских и казачьих общин Нальчикского округа. Хотя из территориальных и национальных цензов случались исключения. На съезд 2 апреля 1897 г. на съезд были избраны доверенные от селения Лексен с преимущественно осетинским населением [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 349. Л. 28].

В основном же наименование – Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, – отражало не административную принадлежность съезда, а этнический состав его представительства, выходивший за рамки существовавших в определенное время административных единиц. После административных преобразований в Терской области в 1888 г., Малая Кабарда была выделена из Нальчикского округа и передана в состав Сунженского отдела при сохранении прав участия в пользовании кабардинскими общественными пастбищами, общественной суммой, возможности обращения в Нальчикский горский словесный суд и обучения в Нальчикской горской школе. Представители Малой Кабарды официально ходатайствовали в 1893 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 384.

Л. 1-2] и в 1900 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 621. Л. 9] о восстановлении административного единства с Нальчикским округом. При этом отказ в удовлетворении ходатайства мотивировался тем, что жители малокабардинских селений беспрепятственно пользовались прежними правами кабардинского самоуправления. Только с третьей попытки ходатайство было удовлетворено и воссоединение оформлено приказом по Терской области от 24 августа 1905 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 668. Л. 38].

Постоянными участниками окружного съезда в Нальчике были доверенные от Абуковского сельского общества, входившего в состав Пятигорского отдела Терской области. Представительство было на общих оснований – 3, а затем 2 доверенных. Но в апреле 1897 г., по распоряжению начальника области, для перевыборов депутатов Нальчикского горского словесного суда старшина селения Абуково «выслал» одного доверенного на съезд в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 349. Л. 2об., 5об.]. Участие абуковских доверенных в нальчикских съездах было регулярным до ноября 1919 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 4. Л. 3]. Примечательно, что в декабре 1888 г. Абуковское общество заявило о том, что «для высылки двух доверенных в слободу Нальчик на 12 декабря… для обсуждения вопроса о преобразовании Нальчикской горской школы в реальное училище и избрании членов Горского словесного суда желающих не оказалось» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 135. Л. 34-34об.]. Очевидно, что, несмотря на последний демарш и разделение административными границами, съезд доверенных в Нальчике обеспечивал поддержание интеграционных связей внутри кабардинского общества.

Таким образом, нормативно оформленные функции съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ в ограниченном виде были утверждены лишь несколькими фрагментами постановлений Кавказских наместников в 1860, 1905 и 1908 гг. Недостаточная законодательная определенность функций съезда доверенных являлась удобным для коронных властей форматом организации судебно-административного порядка в Нальчикском округе Терской области. Отсутствие четкой и подробной регламентации оставляло возможности для «административного благоусмотрения» ситуативных управленческих решений, позволяя более гибко направлять общественную жизнь местного населения. Каждый раз согласовывая повестку съезда доверенных коронные власти, по существу, детально санкционировали круг полномочий ближайшего окружного собрания. Регулярно воспроизводившееся в делопроизводстве формальное требование оглашения повестки на сельских сходах, избиравших доверенных, символически усиливало легитимизацию полномочий сельского представителя, прибывавшего в Нальчик. В функционировавшей таким образом административной традиции право на принятие общественных постановлений определялось не ограниченными рамками официального регламента, а ситуативными практиками военно-народного управления. Свои преимущества и перспективы в этой ситуации видел и Г. Баев: «Жизнь в данном случае в своем вечно поступательном движении вперед опередила закон и облегчила

законодателю задачу по введению земских учреждений обычного упрощенного типа» [Баев 2011: 123]. В современной обобщающей работе по истории Северного Кавказа в составе Российской империи утверждается, что в 1870-80-х гг. в регионе «произошел отказ от военно-народного управления, сначала в пользу общегражданского, а вскоре – военного режима» [Северный Кавказ… 2007: 198]. Эволюция деятельности съездов доверенных наглядно свидетельствовала о развитии в Нальчикском округе первоначальных принципов военно-народного управления в более однозначном направлении общегражданских распорядков. Накопленный опыт деятельного участия общественных представителей в решении многих общественных проблем сыграл значительную роль в процессах самоопределения кабардинцев и балкарцев после крушения политической системы российского самодержавия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аграрные… 2008 – *Аграрные* отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования в 2-х томах. Т. II. / Сост. П.А. Кузьминов. – Нальчик, 2008. – 552 с.

АКАК 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Антология… 2014 – *Антология* памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе / Сост.: Д.Ю. Шапсугов, С.Ш. Салакая, У. Берзедж, М.В. Дышеков, А.Х. Абазов, К.М. Ажахов, А.К. Ажахов, М.Х. Экзеков. – Ростов н/Д: Редакционно-издательский центр Южно-Российского института управления – филиал РАНХ и ГС, 2014. – 624 с.

Баев 1908 – *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.

Баев 2011 – *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. – 2011. – № 6 (45). – С. 114-126.

Л.М. 1909 – *Л.М.* У кабардинцев // Терек. – 1909. – № 3568. – С. 3.

Материалы… 1912 – *Материалы* по обозрению горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением Н.М. Рейнке Н.М. Агишевым и В.Д. Бушеном. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – 290 с.

-О.- 1885 – -*О.*- Съезд представителей Кабардинского народа в Нальчике // Терские ведомости. 1885. – № 88. – С. 3-4.

Правила… 1905 – *Правила* о порядке пользования кабардинцами и сопредельными с ними Пятью Горскими обществами предоставленными им на основании Высочайшего повеления от 21 мая 1889 года в постоянное пользование пастбищными землями и лесными угодьями, выработанные Терским областным правлением, утвержденные 31 июля 1905 г. главнокомандующим войсками Кавказского военного округа генерал-адъютантом генералом от кавалерии графом Воронцовым-Дашковым // Терские ведомости. – 1905. – № 179. – С. 1-2.

Северный Кавказ… 2007 – *Северный Кавказ* в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

REFERENCES

AKAK – *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: V 12 t. T. 12* [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

Agrarnye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza v rossiiskoi politike XVIII – nachala KhKh veka. Arkhivnye materialy i nauchnye issledovaniya v 2-kh tomakh. – T. II. [Agrarian relations among the peoples of the North Caucasus in Russian politics of the 18th – early 20th century] / Comp. P.A. Kuz'minov. – Nalchik, 2008. – 552 p. (In Russian)

Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. T. 16. Zavershenie Kavkazskoi voiny i formirovanie yuridicheskogo prostranstva Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze [Anthology of monuments of law of the peoples of the Caucasus. Vol. 16. Completion of the Caucasian war and formation of legal space of the Russian Empire in the North Caucasus] / Comp. D.Yu. Shapsugov, S.Sh. Salakaya, U. Berzedzh, M.V. Dyshekov, A.Kh. Abazov, K.M. Azhakhov, A.K. Azhakhov, M.Kh. Ekzekov. – Rostov n/D: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr Yuzhno-Rossiiskogo instituta upravleniya – filial RANKh i GS, 2014. – 624 p. (In Russian)

Baev G. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's credit in Tersk oblast’]. – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. – 56 p. (In Russian)

Baev G. *O vvedenii zemskogo samoupravleniya v Terskoi oblasti* [On the introduction of Zemstvo self-government in the Tersk region]. IN: Izvestiya SOIGSI. – 2011. – No 6 (45). – P. 114-126. (In Russian)

L.M. *U kabardintsev* [In Kabarda]. IN: Terek. – Vladikavkaz. – 1909. – No 3568. – P. 3. (In Russian)

Materialy po obozreniyu gorskikh i narodnykh sudov Kavkazskogo kraya. Sobrany pod nablyudeniem N.M. Reinke N.M. Agishevym i V.D. Bushenom [Materials on the review of the mountain and people's courts of the Caucasus region. Eds: N.M. Reinke N.M. Agishev i V.D. Bushen]. – SPb.: Senatskaya tipografiya, 1912. – 290 p. (In Russian)

-O.- *S"ezd predstavitelei Kabardinskogo naroda v Nal'chike* [Kabardian People's Congress in Nalchik]. IN: Terskie vedomosti. 1885. – Vladikavkaz. – No 88. – P. 3-4. (In Russian)

Pravila o poryadke pol'zovaniya kabardintsami i sopredel'nymi s nimi Pyat'yu Gorskimi obshchestvami predostavlennymi im na osnovanii Vysochaishego poveleniya ot 21 maya 1889 goda v postoyannoe pol'zovanie pastbishchnymi zemlyami i lesnymi ugod'yami, vyrabotannye Terskim oblastnym pravleniem, utverzhdennye 31 iyulya 1905 g. glavnokomanduyushchim voiskami Kavkazskogo voennogo okruga general-ad"yutantom generalom ot kavalerii grafom Vorontsovym-Dashkovym [Regulations on the use of Kabardinians and their neighbors by the Five Mountain Societies granted to them on the basis of the highest order of May 21, 1889, for the permanent use of pasture lands and forest lands]. IN: Terskie vedomosti. – Vladikavkaz. – 1905. – No 179. – P. 1-2. (In Russian)

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 460 p. (In Russian)

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Management of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic].

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Гипотезы, дискуссионные проблемы

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-79-119

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВЛАДЕНИЙ И ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОБЗОР

А.Х. БОРОВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН 360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Е.Г. МУРАТОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru

Ю.М. АЗИКОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Аннотация. Авторы статьи полагают назревшим профессиональное обсуждение в академической среде «трудных вопросов» региональной истории, чтобы достигнутый таким образом научный консенсус мог лечь в основу общей интерпретации истории Кабардино-Балкарии. Одним из таких вопросов является корректное представление места и роли каждого из народов региона в его общей истории. Первым шагом к его решению является ревизия и консолидация источникового материала, на который опирались до сих пор исследователи различных аспектов проблемы. Цель статьи – свести воедино тот круг документов, который использовался ранее в литературе выборочно и фрагментарно в контексте определенных исследовательских задач и максимально полно эксплицировать содержание источников, не пытаясь вывести из них то или иное решение самой проблемы. Анализ показал, что документы XVI – первой трети XIX в. свидетельствуют о непрерывной традиции интер-социального взаимодействия в регионе. Связи, обмен, взаимодействие с внешней социально-политической средой были важным фактором воспроизводства хозяйственной, социальной и политической жизни местных обществ. Документальные свидетельства отражают три константные характеристики интер-социального ландшафта Центрального Кавказа в этот период. Во-первых, наиболее интенсивное взаимодействие

горские общества имели не между собой, а с предгорной и равнинной зоной. Во-вторых, источники описывают не хозяйственные, социальные и политические связи по отдельности, а как бы «кластерное» состояние отношений между социально-территориальными единицами регионального пространства. В-третьих, в качестве субъектов интер-социальных взаимодействий в источниках выступают не этносы, не народы в современном смысле этого слова, а локальные этносоциальные организмы (общества) или социально-потестарные образования (владения). Вместе с тем хронологически последовательный обзор источников позволяет увидеть эволюцию содержания и форм социально-политических взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа. В источниках XVI-XVII вв. намечена картина становления системы интер-социальных взаимодействий в регионе. Документы первой половины XVIII в. дают более определенное представление об устоявшихся, превратившихся в традицию отношениях зависимости горских обществ от кабардинских князей. В источниках, относящихся к последней трети XVIII в. прочитывается уже кризис сложившейся ранее системы социально-политических отношений на Центральном Кавказе, который приобрел в первой трети XIX в. необратимый характер.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XVI-XIX вв.; владения; общества; социально-политические взаимосвязи; источники.

SOCIO-POLITICAL INTERCONNECTIONS OF LORDSHIPS AND SOCIETIES OF THE CENTRAL CAUCASUS IN THE 16TH - FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY: A DOCUMENTARY REVIEW

A.Kh. BOROV

FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru

E.G. MURATOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: lena_gm@mail.ru

Yu.M. AZIKOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Abstract. The authors of the article believe that a professional discussion in the academy of the "controversial issues" of regional history came to a head, so that the scientific consensus reached in this way can form the basis for an overarching interpretation of the history of Kabardino-Balkaria. One of such issues is the correct presentation of the place and role of each of the peoples of the region in its common history. The first step towards its solution is the revision and consolidation of the source material, which researchers of various aspects of the problem have relied on so far. The purpose of the article is to bring together the range of documents that were previously used

selectively and fragmentarily in the literature in the context of certain research problems and to explicate the content of sources at the most possible degree, without trying to derive from them a definite solution to the problem itself. The analysis showed that the documents of the 16th - the first third of the 19th century testify to the continuous tradition of inter-social interaction in the region. Communications, exchanges, interactions with the external socio-political environment were an important factor in the reproduction of the economic, social and political life of local societies. The documentary evidence reflects three constant characteristics of the inter-social landscape of the Central Caucasus during this period. First, mountain societies had the most intense interaction not among themselves, but with the foothill and lowland zones. Secondly, the sources do not describe separately the economic, social and political relations, but the "cluster" state of relations between the socio-territorial units of the regional space. Thirdly, the parties or subjects of inter-social interactions in the sources are not ethnic groups, not peoples in the modern sense of the word, but local ethno-social organisms (communities) or socio-potestary formations (lordships). At the same time, a chronologically consistent review of the sources allows us to see the evolution of the content and forms of socio-political relations between the lordships and societies of the Central Caucasus. In the sources of the 16th – 17th centuries the picture of the formation of a system of inter-social interaction in the region is outlined. Documents of the first half of the 18th century give a more definite idea of the firmly established dependence of mountain societies from Kabardian princes, which appeared now as tradition. In sources related to the last third of the 18th century one can read out the crisis of the previously existing system of socio-political relations in the Central Caucasus, which acquired in the first third of the 19th century irreversible character.

Keywords: North Caucasus; 16th-19th centuries; lordships; societies; socio-political interconnections; sources.

Современная историографическая ситуация на Северном Кавказе отмечена одной характеристикой, которая не получила, на наш взгляд, должного внимания и оценки. К середине 2010-х гг. были опубликованы (в некоторых случаях вторым изданием) обобщающие труды по истории Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Адыгеи. Вне этого ряда остались Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. В Кабардино-Балкарии одним из факторов, не позволивших реализовать, начатый еще во второй половине 1990-х гг. проект написания трехтомной истории Кабардино-Балкарии, стали разногласия вокруг вопроса, какое место в ней должен занять каждый из народов республики. Изданный в 1995 г. под грифом Министерства образования и науки КБР школьный учебник истории народов Кабардино-Балкарии и изданная в 2005 г. без официального грифа «История Кабарды и Балкарии», которую автор обозначил как учебник, рассчитанный на широкий круг учащихся, с разных сторон подверглись жесткой критике.

В актуальном общественном дискурсе все более утверждается такое видение прошлого, в котором кабардинский и балкарский народы выступают в качестве субъектов только «своей собственной» истории, а Кабарда и Балкария в качестве сугубо самостоятельных этнополитических образований. История Кабардино-Балкарии как определенной преемственной единицы социально-исторического процесса в прошлом, лишается предмета. Но в этом случае и ее настоящее выступает как «форма без содержания», а будущее оказывается под вопросом. Парадоксальность ситуации состоит в том, что при наличии полярных позиций по ряду ключевых вопросов истории они не получают

статуса дискуссионных научных проблем. Применительно к изучению проблем социально-политической истории карачаевцев и балкарцев , включая вопросы взаимоотношений с окружающей социально-политической средой, недавно был высказан призыв перенести споры по этим вопросам «из области пререканий в область глубокого научного анализа» [Сабанчиев 2019: 333].

Мы также полагаем назревшим профессиональное обсуждение в академической среде «трудных вопросов» региональной истории с тем, чтобы достигнутый таким образом научный консенсус мог лечь в основу обобщающей истории Кабардино-Балкарии. В свое время было высказано суждение, что к числу наиболее сложных и дискуссионных проблем политической истории Балкарии XVIII в. принадлежит вопрос о характере отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями [Муратова 2007: 141]. Уже сформирована солидная историографическая основа для достижения его единого понимания, включающая как научное наследие исторического кавказоведения предшествующих периодов, так и специальные разработки проблемы в новейшей литературе [Баразбиев 2000; Тебуев, Хатуев 2002; Кожев 2005; Батчаев 2006; Муратова 2007; Бегеулов 2009; Кожев 2016;]. Но мы считаем важным, чтобы профессиональное сообщество историков региона последовательно «отрабатывало» исследовательский алгоритм: ревизия и консолидация источникового материала – подведение концептуальных итогов историографии проблемы – выработка обобщающей интерпретации.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы внести вклад в выполнение первого этапа описанной исследовательской процедуры. При этом нами принято несколько принципов и ограничений.

Во-первых, свести воедино тот круг источников, который использовался ранее в литературе выборочно и фрагментарно в контексте определенных исследовательских задач.

Во-вторых, расширить пространственные рамки рассмотрения предмета, поскольку специфику взаимоотношений кабардинских князей с балкарскими владельцами и обществами можно более надежно определить в контексте всей панорамы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе.

В-третьих, расширить хронологический охват анализа, включив в него материалы от XVI до XIX в., но ограничить его видовой состав главным образом материалами русского дипломатического и военно-административного делопроизводства.

В-четвертых, максимально полно, насколько это возможно в статье, эксплицировать содержание источников, не пытаясь вывести из них то или иное решение самой проблемы. Отсюда – жанр статьи мы определяем как документальный обзор.

Сознавая все эти ограничения, авторы рассчитывают, что специалисты откликнутся на эту публикацию и предложат свои дополнения, исправления и уточнения в приводимый здесь материал, с тем чтобы совместно сделать следующий шаг к достижению научного консенсуса по одной из ключевых проблем истории Кабардино-Балкарии.

* * *

Отмеченное в литературе наиболее раннее известие о наличии социально-политической взаимосвязи тех или иных владельцев Кабарды и этносоциальных общностей за ее пределами относится к 1560-м гг. В летописном тексте за 1558-1567 гг., которым продолжается Никоновский свод, содержится фрагмент, повествующий о том, что в 1563 г. «октября в 3 день приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии Григорей Семенов сын Плещеева ис Черкас Пятигорских, а посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темгрюку-князю Айдаровичю посольством и оберегати его от его недругов от черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили. […] И Темгрюк со государьскими людьми недругом своим не- дружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добили челом Темгрюку-князю, и дань Темгрюк-князь на них положил. И воевали землю их одинатцеть дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали…» [ПСРЛ 1906: 371]. Упомянутые в документе названия «землиц» и «народцев» не идентифицированы исследователями [Кушева 1963: 121]. Но можно полагать, что источник в целом отражает зависимость и данничество «Татцких земель», «Скиньских городков», «Мшанских и Сонских кабаков» по отношению к кабардинским князьям Пшеапшоко, а затем – Темрюку Идаровичу, поскольку описывает события ноября-декабря 1562 г., в которых непосредственно участвовали послы и воеводы царя в сопровождении довольно многочисленного отряда стрельцов и казаков. Установить более определенно, что именно подразумевает выражение «те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добили челом Темгрюку-князю», не представляется возможным.

От начала XVII в. дошли сведения об отношениях горцев, живших в районе Дарьяльского ущелья с кабардинскими владельцами. Они приведены в опубликованных С.А. Белокуровым материалах о посольстве в Грузию (Кахетию и Карталинию) М.И. Татищева и дьяка Андрея Иванова в 1604-1605 гг. М.И. Татищев и А. Иванов в отписке на имя царя Б. Годунова сообщали: «Пришли мы, холопи твои, и с нами Иверского Александра царя посол старец Кирилл к горам к Айтек-мурзиным и Алкасовых детей кабакам и к щелям июля в 26 день… И Айтек мурза и Алкасовы дети нам, холопам твоим, сказали, что они холопы твои государевы и нас провожать готовы. Да Алкасовы ж, государь, дети говорили, что тою дорогою в горах к Сонской земле кабаки Айтек-мурзины и промысел весь будет в дороге и в местах Айтек-мурзин; а они в то не вступаются и с него того не съимают… А как мы, холопи твои, пришли к Айтек-мурзиным кабакам, – и были у нас, у холопей твоих, Шолохов брат Ибак мурза, да Шолохов сын Хорошай мурза, да Казыя мурзы Пшеапшокова брат Янсохов княжой сын Топчук мурза… и о том нам, холопам твоим, Шолохов брат Ибак мурза и Казы мурзин брат Топчук говорили: которые люди живут в

горах, те им непослушны, а владеет ими Айтек мурза; и они, государь, не токмо нас провожать, – и сами в горы в щели ездить не смеют… А пошли, государь, мы, холопи твои, от Ларсова кабака в щели августа в 1 день; а снами, холопи твоими, послал Айтек мурза проводить до Сонских земли брата своег Мурза-бека да сына своего Магмета… Пошли мы, холопи твои, к Сонской земле от Ларсова кабака августа в третий день. И приходили, государь, на нас на первом стану в ночи горские люди с вогненным боем; а у нас, государь, для бережения была застава и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и сними бились, из пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих из них переранили. А Сонские, государь, люди, которые нам навстречу приехали для мостов, сказывали, что те люди из гор Калканцы; преж сего они были послушны Алкас-мурзе, а ныне они послушны Айтек-мурзе» [Белокуров 1889: 453-456].

Далее в документе содержится запись со слов представителей Картлийского царя Юрия (Георгия X) о том, что «меж Черкасские и Юрьевы царевы земли есть горские люди словут Осинцы, всего их человек з 200», которые «бывали за Айтек мурзою Черкасским, да от него отложились». И картлийские представители и Айтек мурза говорили о том, что если бы царь дал своих людей, то можно было бы «их извоевать с Черкасы не многими людьми» и тогда будет дорога из Карталинской земли «к государевой отчине к Кабардинской земле прямая и просторная». Русские послы обещали, что по возвращении в Терки «государевым воеводам поговорят» о посылке государевой рати и Айтек мурзы Черкасского с его людьми на «Осинцев» [Белокуров 1889: 508].

Из этих материалов Е.Н. Кушева заключила, что в конце XVI – начале XVII в. контроль за путем с Северного Кавказа в Грузию через Дарьяльское ущелье стремились захватить мурзы Малой Кабарды Алхас (Алкас) и его сыновья Айтек и Мудар Алхасовы [Кушева 1963: 82]. Судя по всему здесь возобладали притязания Айтека Алхасова, к которому перешел контроль над входом в Дарьяльское ущелье и определенной его частью, протяженность которой неясна. Подчинилась ему и часть местного населения. Свидетельство представителей других кабардинских княжеских фамилий о том, что «дорогою в горах к Сонской земле кабаки Айтек-мурзины» можно считать достоверным, хотя неясно было ли население этих кабаков кабардинским или каким-то иным. Во всяком случае, упомянутые в документе «калканцы» и «осинцы», идентифицируются как ингуши-галгаевцы и осетины. Но какова природа их зависимости не до конца ясно. Использованные в документе понятия «послушны Айтек-мурзе» или «бывали за Айтек мурзою» недостаточно конкретны. «Послушные» Айтеку калканцы совершают нападение на русское посольство, сопровождаемое его братом и сыном. «Отложившиеся» от него «осинцы» оказываются способны и успешно сопротивляться кабардинскому владельцу, и «чинить тесноту» «Карталинским людям». «Всего их человек з 200» – говорит источник, но, видимо, это все же 200 человек вооруженного мужского населения, представлявшего в горных условиях значительную силу. Судя по всему, подчинение или неподчинение горского населения

кабардинским владельцам определялось соотношением сил, носило неполный и неустойчивый характер. Для восстановления утраченной власти Черкасского мурзы над горцами требовалась помощь государевой рати из Терского города.

Терский воевода П.П. Головин сообщал в июле 1614 г. Астраханскому воеводе И.Н. Одоевскому, что приехали к нему «из Кабарды, от Казыя-князя Шепшукова, брат его Кул-мурза Канукин да абазинский Алкаш-князь Карданукoв» просить о посылке «государственных ратных людей» против врагов Казыя, причем брат Казыя Кул-мурза и «абазинский князь Алкаш Карданукoв» задержались на Тереке, ожидая ответа на просьбу [КРО 1957а: 82]. Источники только фиксируют присутствие абазинских владельцев в окружении кабардинских князей, никак не обозначая характер их взаимоотношений, но упоминания в русских документах XVII в. абазинских мурз, сопровождающих того или иного князя или мурзу Большой Кабарды Е.Н. Кушева расценивала как подтверждение раннего установления зависимости абазин от феодалов Большой Кабарды. Вместе с тем она приводит и факты самостоятельного оформления абазинскими владельцами своих отношений с Русским государством. В 1634 г. терские воеводы доносили царю, что из «абазинской землицы» прибыл к ним «мурза Кумургука Отлепщукин Ловов», т.е. один из тапантовских князей Лоовых, в сопровождении своих узденей и сообщил: «Брат его большой, Цека-мурза абазинской владелец, с ними, з братьею своей 12 человек, и со всеми своими абазинскими людьми, прислали ево, Кумургуку, бити челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел им, Цеке з братьею, и со всеми абазинскими людьми быть под своею государевою высокою рукою в холопстве и во всем твоем государеве поведенье со всеми своими людьми Абазинские землицы навеки неотступным» [Кушева 1963: 156, 160].

С точки зрения взаимоотношений кабардинских князей с абазинскими владельцами несколько иначе прочитываются сведения, содержащиеся в статейном списке Федота Елчина о посольстве 1639-1640 гг. в Грузию. «В Алегукину Кабарду приехали октября во 2-й день», сообщал он, и «Алегуки в Кабарде не было, а был в Абазах». Не дожидаясь его, послы отправились «до Корачаев из Кабарды» и «в Корочаеву Кабарду пришли октября в 13-й день». «Карачаевским князьям», двум братьям, Елбуздуку и Елистану, были даны дары так же, как в Кабарде они были даны родственникам Алегуки. Во время пребывания послов в Карачае, сообщает далее Федот Елчин: «Олегука прислал из Обазы октября в 29-й день узденя своего Уранбу, а велел у меня у Федота взять четыре аршина сукна краснова англискава» [Посольство… 1887: 317-318]. Л.И. Лавров замечал, что это произошло на 27-й день «пребывания послов во владениях Алегуки» и предполагал, что его длительное нахождение в абазинской земле не было военным набегом: «Скорее это была поездка сюзерена к своим вассалам. Очень может быть, что и Уранбий, названный здесь узденем Алегуки, был одним из абазинских князей» [Лавров 1955: 11]. Действительно, интерпретация данного сюжета может носить только характер предположения, но сделанные Л.И. Лавровым заключения наиболее вероятным

образом объясняют фактическое содержание источника. Здесь также вызывает вопросы формула «Корачаева Кабарда», использованная Ф. Елчиным. С одной стороны, он говорит о «Карачаевских князьях», никоим образом не фиксируя их зависимое от Алегуки положение. С другой, складывается впечатление, что перемещаясь в Карачай, он не заметил, что оказался уже не в Кабарде, а в другом владении.

В 1643 г. терский воевода М.И. Волынский докладывал в Посольский приказ о длительных переговорах с племянником Казыя Пшеапшокова Алегуко Шегануковым и сыном Казыя Ходождуко о приведении Казыевой Кабарды к шерти. При этом, от них требовали способствовать принесению шерти также мурзами Малой ногайской орды, находившимися с ними «в единачестве». В частности сообщалось, что весной, когда Алегуко и Ходождуко, выехав из своих кабаков, стояли в Пятигорье, с ними находились «Малово Нагаю мурзы Ураковой половины…, да кабардинской Казыевой же Кабарды Бутак-мурза Тактамышев, да абазинские мурзы Хачака-мурза Янтемир-мурзин, да Саралп-мурза Левов, да Казый-мурза Доруков, да Кансох-мурза Бийбердеев, да Алкас-мурза Бегишев, да Джаным-мурза Бабуков…» [КРО I: №144]. Е.Н. Кушева обращает внимание, что здесь перечислены мурзы четырех из известных позднее шести племен абазин-тапантовцев: Джантемировых, Лоовых, Бибердовых, Дударуковых [Кушева 1963: 156-157]. Целью сбора была встреча с Муцалом Сунчалеевичем Черкасским для переговоров о принесении шерти царю Михаилу Федоровичу. Но встреча не состоялась, и 20 мая Алегуко Шегануков приехал в Терский город для дальнейших переговоров в сопровождении кабардинского Бутак-мурзы Тактамышева, абазинского Саралп-мурзы Левова и аталыков ногайских мурз Асланбека и Урака Каспулатовых [КРО 1957а: 228]. Во всей этой истории обращает на себя внимание то обстоятельство, что абазинские владельцы непременно участвуют во всех контакта владельцев Казыевой Кабарды с представителями царя, но когда речь идет о том, от кого ожидается принесение шерти, то как самостоятельные владельцы называются только мурзы Казыевой Кабарды и Малого Ногая. Складывается впечатление, что царские переговорщики, сообщая о готовности Алегуко Шеганукова «со всем своим владеньем» под «царскою высокою рукою быть в вечном холопстве» и учинить о том шерть на Коране, подразумевали принадлежность к этому «владенью» и абазин. По Е.Н. Кушевой, абазины «участвовали» в присяге Алегуки [Кушева 1963: 157, 160]. Муцал Сунчалеевич Черкасский в своей челобитной царю докладывал, что «Алегука-мурза, и мурзы, и козлары, и нагайские аталыки, которые с ним приезжали, договорясь тебе, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси шерть учинили» [КРО 1957а: 238]. И снова, Абазинский мурза не выделен из общего ряда кабардинских мурз, сопровождавших Алегуку. Это может означать, что данный абазинский владелец Саралп-мурза из рода Лоовых был связан с Алегукой сюзерен-вассальными отношениями.

Не остались незамеченными в литературе беглые упоминания в источниках 1640-х гг. о «ясачных» людях кабардинских князей в некоторых

чеченских обществах (шибутан и мичиковцев). В 1643 г. Терский воевода сообщал в Посольский приказ о том, что «Тотархан мурза Арсланов» был «в шибутцкой землице, у ясашных своих людей в Дикееве деревне», и привез оттуда в Теский город письмо от грузинского царя, которое доставил из Грузии «шибутенин Дикеев сын Алхан» [Посольство… 1928: 81]. В 1646 г. на того же Татархана Арсланова подавал челобитную Муцал Сунчалеевич Черкасский, обвинявший его, в частности, в разгроме «ясачных мичкисских людей» [КРО 1957а: 417]. По происхождению Татархан Арсланов принадлежал к кабардинскому княжескому роду Клехстановых, но он, как и его отец, служил в Терском городе. На русской службе пребывал и Муцал Сунчалеевич Черкасский, назначенный в 1645 г. княжить над нерусским населением Терского города. В каком качестве они добились зависимости от себя шибутан и мичиковцев – как кабардинские владельцы или как терские служилые мурзы – остается неясным.

От второй четверти XVII в. дошли первые свидетельства о взаимоотношениях кабардинских владельцев с балкарским и некоторыми осетинскими обществами. Они связаны с мероприятиями царских властей по поиску месторождений серебра. Осенью 1627 г. служившие в Терском городе представители рода Идаровых Пшимаха Канбулатович Черкасский и его двоюродный племянник Каншов-мурза Битемрюков, сообщили Терскому, а затем Астраханскому воеводам, что «[Е]сть в Кабарде землица невелика, словет Таабыста», в которой «есть серебряная руда» [КРО 1957а: 113].

В расспросных речах Каншов-мурзы Битемрюкова в Посольском приказе в январе 1628 г. записано, «что есть в черкаских горах, где живет черкаской Ибак-мурза з братьею, серебряная руда и свинец». Далее там же сказано, что «то место Табиста блиско Ибаковых кабаков» [КРО 1957а: 113]. В отписке терского воеводы И.А. Дашкова в Посольский приказ о разведках залежей серебряной руды во второй половине 1628 г. расширяется и несколько конкретизируется география этих поисков. С одной стороны, говорится, что люди из Терского города были посланы «с Коншов-мурзою в Кабарду для серебряные и медные руды», а с другой – «ис Кабарды» он «поехал в горы» «до горских кабаков за двадцать верст», а часть людей «оставил в Кабарде». Указано, что к рудным местам надо добираться по рекам Сюгансу, Черехе, Хазыне, Ардане и Урухе. Помимо «землицы Абасты» названы еще «гора Годыр» и «место Балкары». Иными словами, речь идет об Алагирском, Дигорском и Черекском ущельях, к которым с севера примыкали кабардинские земли [КРО 1957а: 120-121].

О населении «землицы Табыста» вначале сказано, что «живут в ней люди вольные, такие же, что и они, черкасы», «а в той землице князь Ибаков сын Илдар», и «горские… черкасы тое землицу обижают и емлют с них дань себе» [КРО 1957а: 113]. Затем январская 1628 г. отписка И.А. Дашкова «землицу Абасте» «по Ардане реке» [Алагирское ущелье – авт.] обозначает как место («гору»), «где живут Ибак-мурзы дети Илдар з братьею». В местности Годыр [Дигор – авт.] по Уруху, согласно этому же документу живут «ясачные люди кабардинских мурз Илдара з братьею Ибаковых детей». Здесь имеется одно из

наиболее ранних указаний на хозяйственные основы зависимости горцев: «А которые ясачные мужики ис Кабарды носят хлеб, покупаючи, в мешках на себе в горы для того, что телегами проехати теми месты немочно» [КРО 1957а: 121].

Доставив в ноябре 1628 г. образцы руды из Балкар, Коншов-мурза Битемрюков сообщил, что тем «местом Балкары владеет его, Коншов-мурзы племянник Абшита Взреков» [КРО 1957а: 121]. Приехав в Терский город из Кабарды 21 февраля 1629 г. князь Пшимаха Канбулатович Черкасский сообщал о недовольстве кабардинских владельцев производимыми изысканиями и о том, что они совместно с Илдаром и Суркаем Ибаковыми и кумыкским владельцем Айдемир Салтан-Мамутовым «собрався с ратными людьми, пошли в горы в Балкары в то место, где ту серебряную руду имали на его, князь Пшимахиных, ясачных людей да на Коншов мурзы племянников на Абшины з братьею Тазримовых детей на ясачных людей кабаки войною. И Апшика деи, государь, з братьею против Айдемиря да Илдара да Суркая стоят и с ними бьютца» [КРО 1957а: 124].

Присланные в Москву из Терского города крещеные черкесы Сидор Семенов и Марк Агапитов показали в марте 1629 г.: «То место, где они с Каншов-мурзою ездили, владеют черкаских мурз Апши да Абдауллы мурзы Болкарских князей, а которого мурзы дети, того они не ведают, а князь Пшимаху они Канбулатовичю Черкаскому по сестре племянники, мать их князю Пшимаху сестра. А государю де те мурзы не послушны, живут о себе, и закладов их в Терском городе нет, а слушают они черкаского Алегука-мурзы Шеганукова. А люди с ними живут небольшие, только де по сторонам около их в горах людей много иных мурз. А государю Алегук-мурза послушен и заклады его в Терском городе есть, сын ево Темир-Аксак, и двор де у Алегука-мурзы для его приезду есть. И только де Алегук-мурза пошлет к ним о том, и чают того они, что они в том ево послушают, а подлинно того сказать не умеют, послушают ли те мурзы Алегука-мурзы и дадут ли в том месте руды искать или нет, того они не ведают» [КРО 1957а: 124-125].

Прежде всего, противоречивость приведенных свидетельств говорит о том, что прочно установившиеся, однозначные по характеру отношения балкарских владельцев с кабардинскими к этому времени не сложились. Относительно их родственных связей, видимо, ближе к истине свидетельства Каншов-мурзы и Пшимахи Канбулатовича о том, что Апшика и его братья приходились племянниками Каншову, а не Пшимахе. В свою очередь Каншов Битемрюков приходился Пшимахе двоюродным племянником. Может быть на этом основании (как старший представитель Канбулатовой ветви княжеской фамилии Идаровых) Пшимаха Канбулатович называет их своими «ясачными людьми». При этом, рассказывая об их «войне» с Ибакоавыми детьми, он никак не выражает своей готовности встать на их защиту. Столь же невнятно обрисованы отношения балкарских владельцев с Алегукой Шегануковым. С одной стороны, они «слушают» не Каншов-мурзу и Пшимаху Канбулатовича, а Алегуку, но «послушают ли те мурзы Алегука-мурзы и дадут ли в том месте руды искать или нет» свидетели «не ведают». Все это может быть понято в контексте сложной расстановки сил в кабардинской княжеской среде первой

половины XVII в., когда происходит обособление Малой Кабарды (Ибаковы дети принадлежат к Талостановой фамилии кабардинских князей); все больше ослабевают Идаровичи (получив в 1624 г. от царя жалованную грамоту на титул старшего князя Пшимаха Канбулатович не был признан в этом качестве в Кабарде); нарастает влияние владетелей Казыевой Кабарды (Алегуко Шегануков – племянник Казыя Пшеапшокова). Все эти группы вынуждены были демонстрировать большую или меньшую лояльность Москве и Терским воеводам, но между ними и внутри них продолжалось острое соперничество. Термин «слушают» свидетельствует, видимо, о политическом авторитете Алегуки, но не о его власти или безоговорочном влиянии на балкарских владельцев.

О степени неприятия кабардинскими владельцами поисков рудных залежей и о фактической самостоятельности горских владельцев и обществ свидетельствуют настойчивые предупреждения инициаторов и исполнителей этого плана о необходимости подкрепить его выполнение вооруженной силой. Пшимаха Канбулатович предупреждал, что вести работы «в землице Таабысте» можно будет «со многими ратными людьми, сперва острастя кабардинских и горских князей и мурз и всех кабардинских и горских людей» [КРО 1957а: 125]. Сидор Семенов и Марк Агапитов говорили о перспективах розысков на Череке в «месте Балкары»: «А только будет изволит государь в то место послать для того дела, и они чают, что без ратных людей быть нельзе; только ратным людем не быть, и опасатца того, чтоб от тутошних людей государевым людем, которые для того дела посланы будут, тесноты не было. А сколько ратных людей послать, и в том волен бог да государь, им того знать не уметь, а что людей послать больши, и лутче» [КРО 1957а: 126].

Материалы посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. более четко свидетельствуют о различном положении балкарских и дигорских владельцев по отношению к кабардинским. Они показывают, что отношения между «болхарскими владельцами» и Анзоровой Кабардой носили ровный характер. Коммуникации по Черекскому ущелью были открыты и представляли собой наиболее безопасный маршрут из Терского города в Имеретию. Русских послов из «Онзоров Кабарды» до «Болхар» сопровождали кабардинский владелец «Зозорука мурза с братьею», а «с ними болхарские владельцы Алибек да Чеполов с братьею и с детьми» [Посольство… 1926: 36]. Когда надо было отправить в Имеретию посольского толмача вместе с азнауром имеретинского царя Александра Зазарука «велел их проводить до Балхар и велел их отдать болхарским мурзам Алибеку, да Чеполову, да Канбулатову дядьке Черкасского Андабалу мурзе» [Посольство… 1926: 117]. Здесь отсутствуют какие-либо указания на то, что балкарские владельцы кого-то «слушают» или являются чьими-то «ясачными людьми». Вместе с тем, очевидны их длительные и прочные связи с кабардинскими князьями. Андабал (Айдебол) из сведений 1650-1651 гг., скорее всего, это брат Апшики Абдаулла из материалов о разведке руд 1628-1629 гг. Они так или иначе были связаны кровным родством с Пшимахой Канбулатовичем Черкасским, а затем Абдаулла (Андабал, Айдебол) стал «дядькой», т.е.

воспитателем (аталыком) уже сына Пшимахи Канбулата. В общем плане это обстоятельство может свидетельствовать о двух вещах. Во-первых, о неравном статусе Пшимахи и Айдебола – в качестве аталыков кабардинских князей как правило выступали лица более низкого владельческого статуса. Во-вторых, о том, что Айдебол пользовался покровительством со стороны своего воспитанника и его отца.

Иначе выглядит положение дигорцев в материалах посольства Толочанова и Иевлева. В них сообщается, что «приходили из гор в Анзорову Кабарду, к Зазаруке в кабаки, два человека дигорцов смотреть государевых послов». В ответ на расспросы дьяка Иевлева они сообщили: «Жилище их в горах, вверх по реке по Урухе, а владелец у них Алкас мурза Карабгоев; а владенья его четыре кабака. И за ними же де, позади дигор, другое владенье, стургорцы, двадцать кабаков. А в кабаке, сказали, жильцов дворов по двести и больше. А для сберегания ясак дают Алегуке да Ходождуке мурзам Черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову, с кабака по десяти коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса… Да они же дигорцы говорили: только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они де дигорцы и все горские люди будут ево государевы холопи. И что дают черкасским мурзам ясак, и тот ясак учнут давать московскому государю» [Посольство… 1926: 119-120]. Здесь также прочитываются два обстоятельства. Во-первых, речь идет не об отношениях господ с подвластным населением, а о взаимных обязательствах. Кабардинские владельцы должны предоставлять горским обществам защиту, а последние должны платить за нее. Во-вторых, дигорцы тяготятся этими отношениями и просят об опеке со стороны русского царя. Это может означать, что либо защита им навязана, либо защитников слишком много, что фактически делает ее ненадежной и слишком дорогостоящей.

* * *

В описании Черкесии, составленном в 1724 г. французским консулом в Крыму Ксаверио Главани, содержатся некоторые сведения о взаимоотношениях владений и обществ Центрального Кавказа. В частности, отмечено, что в зависимости от округа «Гилаксан» «состоят пять селений в Кавказских горах». Затем Главани перечисляет несколько округов, находящихся в зависимости от кабардинских, бесленеевских и темиргоевских владельцев: «Первый округ между черкесами есть Чегем, имеющий 500 жилищ и зависимый от Кабарты. Второй называется Дюгер-Талкареки, состоящий тоже в зависимости от Кабарты; в нем 500 жилищ. Третий называется Эбаги-Бараки, зависит от Бессини и имеет 200 жилищ. Четвертый – Каракай, с 200 жилищ, зависит от Кабарты. Пятый – Карабай, имеет 600 жилищ и состоит в зависимости от Гемиргоя» [АБКИЕА 1974: 160-161]. «Зависимый от Кабарты» первый округ идентифицируется как балкарский Чегем; второй – как Дигор, хотя вторая часть названия не получила объяснения; четвертый – как Карачай.

В связи с известиями о намерении Турции построить близ Кабарды крепость генерал-фельдмаршал В.В. Долгоруков осенью 1729 г. высказывал соображения о том, как мобилизовать кабардинцев и горцев для противодействия этим планам. В частности на случай если турки «станут строить крепость у прохода ущелья с грузинской стороны» то следовало, по его мнению, им «кабардинским владельцам, возбудить тавлинцов [горцев – авт.] и протчих в том ущелье живущих народов, дабы они всеми мерами старались то их [турок – авт.] намерение препятствовать». Для этой цели он считал нужным действовать через малокабардинского владельца Кази (из князей Ахловых Клехстановой фамилии), который «живет в самом ущелье, где проход в Грузию, и тавлинцы в его послушании». Речь, видимо, идет о Дарьяльском ущелье. «Иною дорогою, кроме того ущелья, никак пройти [не] можно, – замечает В.В. Головин. – И когда посылаемые от нас в Грузию все чрез то ущелье путь имеют, а кроме никак нельзя, и берут провожатых от помянутого Кази, понеже живущие в том ущелье все ему послушны» [КРО 1957b: 40]. О социальном содержании отношений малокабардинского князя с горцами судить по этому документу нельзя – его автора интересует только, как разрешить возникшую военно-политическую проблему.

С начала 1730-х гг. в отношениях России, Крыма и Османской империи нарастает напряженность вокруг «кабардинского вопроса». Россия отстаивает тезис о «древнем подданстве» ей кабардинцев, но не желая втягиваться в открытый конфликт выдвигает идеи о «нейтрализации» Кабарды, как это видно из Промемории, поданной Блистательной Порте русским резидентом И.И. Неплюевым 10 августа 1731 г. [КРО 1957b: 43-45]. Одним из факторов, затруднявших дипломатические усилия России, было намерение кабардинских владельцев, «когда придет к ним российская помощь иттить на Кубань для возвращения абазинцев» [КРО 1957b: 52]. Коллегия иностранных дел предписывала коменданту крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкину удержать кабардинцев от похода на Кубань. Речь шла об абазинцах, насильственно переселенных на Кубань во время похода крымцев на Кабарду в 1720 г. В «листе» кабардинских владельцев к императрице Анне Иоанновне, доставленном в августе 1731 г. кабардинским послом, князем Большой Кабарды Магометом Атажукиным, в частности, говорилось: «Имеется же при реке Кубан деревня наша, в которой живет народ абазинской. И ныне оная деревня наша под крымским владением, которую мы к себе паки присовокупить не можем. А ежели в. и. в. к нам милость будет, то оную деревню мы отобрать возможем» [КРО 1957b: 46]. При расспросе Магмета Атажукина в Коллегии иностранных дел ему был поставлен вопрос: «Абазинский народ сколь давно у них, кабардинских владельцов, жили и почему оне им крепки, и каким образом от них отошли, и ныне где и под чьею протекциею живут, и сколько их»? На это М. Атажукин пояснил: «Абазинской народ из древних лет еще у предков их, кабардинцов, во владении были и жили они, абазинцы, при реке Баксане, на луговой стороне, которого народу было 800 дворов, а в тех дворах военных людей конных и пехотных з 2000 человек; и тому лет з 9 как Дели-Салтан с Саадет-Гирей с крымским и кубанским войском

приходили на Большую Кабарду. И оные султаны тогда вышеписанной абазинской народ от них, кабардинцов, силою взяли и перевезли на реку Кубань, и тамо при реке Кубане поселили, до которых от Большой Кабарды переезду два дни. И ныне живут оные под владением крымского хана» [КРО 1957b: 59]. В ответе Коллегии иностранных дел на прошение о помощи «ко отобранию у крымцов деревни своей, в которой живет народ абазинской» было сказано, что «сего також де со стороны е. и. в. ныне, когда мир с турками содержитца, учинить невозможно» [КРО 1957b: 70-71].

В 1738 г., во время новой русско-турецкой войны, кабардинцы были в кубанском походе вместе с калмыками «и между прочими кубанскими татары взяли и абазинских черкес, и перевели к себе в Кабарду». В связи с этим Анна Иоанновна велела кабардинским князьям «тех абазинцов содержать в крепком смотрении, дабы оные каких противностей не учинили и по-прежнему на Кубань уйти не могли, или б тамошние татары их к себе не увели» [КРО 1957b: 97]. Поскольку трения кабардинцев с крымцами, в том числе, в связи с обоюдными притязаниями на абазин, продолжались, о чем Османское правительство сделало представление российскому резиденту И.И. Неплюеву, астраханский губернатор по указанию Елизаветы Петровны направил в мае 1747 г. в Кабарду для разбирательства капитана Барковского, ротмистра Татарова и дворянина Мещерякова [КРО 1957b: 138-140]. Кабардинские князья вновь объяснили: «Абазинцы, шесть частей или родов, кочуюсчия по Кубану, их, кабардинских владельцов, издревле подданныя, с которыми они доднесь всякие подати берут, и есть потребно от них войска, то и на войну с ними ходят, и жили прежде вместе с ними, кабардинцами, по Малку, Баксану и Куме» [КРО 1957b: 141].

Обращает на себя внимание прозвучавшая здесь тема исторической глубины, сложности и переменчивости кабардино-абазинских социально-политических связей. В «Выписке об абазинцах» и «Описании кабардинского народа» составленных в 1748 г. в Коллегии иностранных дел приводилось свидетельство Магомета Атажукина о том, что «абазинскими шестью деревнями еще прадед их Кази владел» [КРО 1957b: 152, 156]. Речь идет о Кази Пшеапшокове, княжившем в конце XVI – начале XVII в. В 1753 г. в своем прошении на имя Елизаветы Петровны кабардинские владельцы баксанской партии указывали на еще более давние корни абазино-кабардинских связей, «ибо абазинский народ из гор произошел, сначала с имянуемым Хаджи Ахмедом две фамилии вышли…, а потом по две и по три фамилии из гор к нам выходили, и неоднократно паки от нас отходили», причем «Хаджи Ахмед когда из гор вышел к прапрадеду нашему Иналу пришел» [КРО 1957b: 189]. Сам разброс в 2-3 века между этими датировками подтверждает давность абазино-кабардинских связей, не позволяющую удержать в социальной памяти достаточно точные хронологические ориентиры. Но эти свидетельства, так же как и сама история абазин-алтыкесеков, высвечивают еще два обстоятельства, объясняющие их более тесные и одновременно более неустойчивые социально-политические отношения с кабардинскими владельцами. Во-первых, «выход» абазин-тапантовцев или алтыкесеков из гор и их пространственное «сцепление»

с кабардинскими владениями, тогда как все другие этносоциальные единицы, вовлеченные в социально-политическое взаимодействие с кабардинскими владениями сохраняли относительную пространственную изоляцию в горных ущельях. Во-вторых, размещение абазинского населения на территориях вблизи верховьев Кубани, превратившее его в объект постоянного, в буквальном смысле слова, «перетягивания» между Крымским ханством и кабардинскими князьями. Видимо, по этой причине «абазинский вопрос» оказался наиболее часто упоминаемым в источниках первой половины XVIII в.

От этого периода дошли и свидетельства, дающие представление о более широкой панораме отношений кабардинских владельцев с этносоциальными общностями Центрального Кавказа. Прежде всего, это «Известия о горских народах, полученные от кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и костиковского владельца Алиша Хамзина» в Коллегии иностранных дел асессором Бакуниным в 1743 г. Здесь перечислены 7 «народов»: Большая Абаза (абадзехи); шапсо (шапсуги); харачаи (карачаевцы); соны (сваны); «пятой народ», который состоит в пяти волостях: Чегем, Безенге, Хулам, Хусырь, Малкар. Шестым народом назван дюгор (дигор) и седьмым – сюрдигор (стырдигор) [Русско-осетинские… 1976: 36-37].

Какие-либо формы социально-политических связей с кабардинскими владельцами отмечены в документе только для пятого, шестого и седьмого народов, т.е. для балкарских и дигорских обществ. Определенно сказано, что чегемцы, живущие «на вершинах реки Чегема… особливых малых владельцов имеют, и все дают дань старшему кабардинскому владельцу Магомед Кургокину». Относительно «волостей» Безенге, Хулам, Хусырь и Малкар говорится, что «некоторые из оных дают малую подать вышеписанному Магомету Кургокину и Арасламбеку Каитукину», без уточнения – какие именно. Дигорцы «живут в горах, по вершинам рек Урюха и других ближних рек, против Малой Кабарды, разстоянием от деревни владельца Адильгирея Гиляксанова день езды, и с тою Малою Кабардою постоянной имеют мир, и некоторую малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собою женятца, дюгоры и сюрдигоры на кабардинках, а кабардинцы на их дочерях…» [Русско-осетинские… 1976: 37].

Весьма ценными представляются сведения о факторах и формах взаимодействия указанных горских «волостей» с Кабардой. «Малую подать» кабардинским князьям они платят «для того, что оные, приезжая в Кабарду, покупают соль, также хлеба и рыбы по нескольку, а особливо в кабардинских угодьях, через несколько в году месяцев скот свой пасут, а когда у них в горах хлеб и трава родится довольная, и тогда оные соль покупают в Грузии и в горах, отъезжая в дальные места, достают воды и из оной варят и скоты свои из гор не выгоняют, и сами в Кабарду уже не ездят, и кабардинцов к себе не пускают, за что с ними бывают ссоры и драки». Дело выглядит так, что горцы покупают продукты и пользуются пастбищами во владениях кабардинских князей и за это платят им некоторую «подать». Но эта практика не носит формально закрепленного характера и зависит от меры самообеспечения хлебом, состояния пастбищ и сенокосных угодий в том или ином году. В

благоприятные годы они не только сами в Кабарду не ездят, но «и кабардинцов к себе не пускают» [Русско-осетинские…1976: 37]. Это позволяет предположить, что горские владельцы и общества не считали себя связанными отношениями безусловной зависимости от кабардинских князей, тогда как последние, скорее всего, считали горцев обязанными себе «по обычаю» на постоянной основе. Такое разное восприятие друг друга и может объяснить «ссоры и драки», бывавшие между ними только от того, что горцы не купили чего-то или не пользовались пастбищами в Кабарде.

При этом, военное превосходство кабардинских владельцев над горцами неочевидно, поскольку «оные народы весьма военные», «ни под чьею протекциею не состоят и никому ими действительно овладеть не возможно затем, что живут в крепких и непроходимых местах, и когда Большой Кабарды владельцам случаетца над ближними им народы чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от 50 и до 200 человек, и наперед, тайным образом осмотря, захватят тесные проходы, и для охранения тех проходов оставляют несколько человек кабардинцов пеших с ружьем, и таким образом, учиняя поиски, возвращаются с добычею, а ежели при приходе их, кабардинцов, на тесных проходах усмотря горские караулы, и в таком случае они, кабардинцы, возвращаютца в домы свои без добычи, напротиву того ис тех горских народов по нескольку человек ночным временем приходят и зажигают их кабардинские деревни, от чего им и немалые разорении приключаютца» [Русско-осетинские… 1976: 38]. Эти сведения исходят от самих кабардинских владельцев, а потому выступающая здесь неоднозначная картина горско-кабардинских отношений представляется достаточно реалистичной. Вместе с тем, они относятся только к населению Черекского ущелья.

Еще один документ, рисующий широкую картину интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в 1740-х гг. был в свое время введен в научный оборот Е.Дж. Налоевой и с тех пор неоднократно использовался при обсуждении вопроса о характере отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями [Налоева 1972; Муратова 2007: 141-142].

В 1747 г., как было отмечено выше, в Кабарду с особым поручением был направлен капитан И. Барковский. В это время князья Мисостовы во главе с Касаем Атажукиным потерпели поражение от Атажукиных во главе с Баматом Кургокиным и Бекмурзиных во главе со старшим князем Кабарды в 1744-1749 гг. Батоко Бекмурзиным. Мисостовы были вынуждены бежать из Кабарды. И. Барковский рапортовал в Астрахань, что в Кабарде обнаружил «збор множества старшин чеченских, дугурских, балкарских, карачай… абазинских», о чем поручил Яковлеву разведать. Яковлев в своем доезде докладывал: старшины «объявили ему, Яковлеву, что из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину, з братьями [Мисостовым – авт.], и призвали де нас для того, что б ныне по ссоре Бамата Кургокина с реченными их владельцами, нам подвластными их людьми не называться, и разделили де нас Батока и Бамат з братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самых [Мисостовых – авт.] и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать… и, ежели у кого есть оных владельцев, Месоусовых, холопов или

какой скот, – оных им [Батоке и Бамату – авт.] объявить, а тем владельцам [Мисостовым – авт.] не отдавать. И в этом берут с нас присягу» [Налоева 1972: 77-78].

Какой бы смысл ни вкладывали сами «старшины» в то, что передано русскими офицерами словом «подвластны», представляется, что оно адекватно передает значения «прав и возможностей распоряжаться, подчинять кого-либо своей воле» и «оказывать определяющее воздействие на чье-либо поведение». Прочитывается здесь и мотив «политического господства». Формула «разделили де нас Батока и Бамат з братьями по себе» подкрепляет такую интерпретацию. Наконец, чеченским, дигорским, балкарским, карачаевским, абазинским «старшинам» диктуется определенное политическое поведение, что оформляется присягой. Вместе с тем, только «некоторая часть» перечисленных обществ была подвластна Мисостовым. Скорее всего, неподвластны им были представленные там чеченские общества, и балкарские владельцы Черекского ущелья.

В этом документе прочитывается еще одно важное обстоятельство. «Ресурсная» зависимость горских обществ от кабардинских князей не объясняет форму описываемого действия. Вряд ли (и это никак на отражено в документе) кабардинские князья угрожали лишить собранных старшин доступа к предгорным и равнинным угодьям. Судя по всему, основанием для проведения «сбора» для них служило представление о своем более высоком владельческом статусе, позволяющем претендовать на своего рода коллективный сюзеренитет над соседними владениями и обществами. Не исключено, что такого рода феодально-статусное самосознание лежало и в основе особого положения балкарских владельцев Черекского ущелья в этой системе отношений. В связи с этим по новому прочитывается свидетельство из «Географии Грузии» Вахушти, составленной в 1745 г.: «По западной стороне от Дигории находится большое ущелье – Басиани... Ущелье это простирается от Кавказа до Черкезис-мта… Басиани страна населенная, с урочищами. Здешние овсы знатнее всех прочих овсов и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян» [Описание… 1897: 77-78]. Близкое с этим суждение имеется в материалах П.Г. Буткова, опубликованных Е.Г. Битовой (Муратовой): «Балкарцы имеют древних собственных владельцев фамилии Басиат, которые подобно владельцам ... и кабардинские владельцы вступают с ними в родственные связи… Сии владельцы имеют своих узденей. Правление гор во многом подобно кабардинскому» [Битова 1997: 158].

Применительно к этим владельцам навязывание своей воли кабардинскими князьями носило, видимо, не институализированный, а ситуативный характер. Но хозяйственные и социальные связи между балкарскими и кабардинскими владельцами имели устойчивый характер. Выше приводились сведения от середины XVII в. о том, что балкарский владелец Андабал [Айдебол] был «дядькой», т.е. воспитателем Канбулата Пшимаховича Черкасского [Посольство… 1926: 117]. Не будучи непосредственно связанными с политическими событиями, такие сведения не находили частого отражения в источниках, но периодически высвечивались на фоне политических коллизий.

В рапорте командующего войсками в Кизляре А.П. Девица о результатах посылки в Кабарду капитана Барковского для расследования жалоб крымского хана на кабардинцев сообщалось: «Владельца Касая Атажукина емчик балгарец Азамат Абаев сказывал…, что от владельца Хаммурзы удень Гирей Канбиев под претекстом поездки на Кубань, для отыскания взятого в баранту ясыря, посылан х крымскому хану с письмами, с которым приехало три человека и содержат оных в тайности» [КРО 1957b: 141]. Осведомленность балкарского владельца о деталях «закулисных» политических действий кабардинских князей, свидетельствует о его собственной вовлеченности во внутрикабардинские коллизии. К рапорту кизлярского коменданта Н.А. Потапова от 2 декабря 1768 г. с изложением его мнения о мерах приведения в покорность горских народов в условиях войны с Турцией были приложен реестр взятого им в баранту у кабардинских князей и узденей скота. Помимо прочего в него включен и Майхамат Биев – емчек кабардинского владельца Казия Кайсинова, имевший, судя по всему, свой кош в Кабарде [КРО 1957b: 282-286]. И снова, то обстоятельство, что балкарский мурза подпал под карательные действия царских властей, направленные в целом против кабардинцев, свидетельствует о прочности социальной «сцепки» кабардинских и балкарских владельцев.

В «Изъяснении об абазинцах», составленном в Коллегии иностранных дел в 1753 г. для объяснения того, что абазины, живущие за Кубанью на Зеленчуке (т.е. в сфере контроля Крыма и Турции), тем не менее «принадлежат к кабардинцам» приводился тот аргумент, что Терек «течение имеет в границах Российской империи», но «со всем тем в вершинах оной в горах сверх кабардинцов разные находятся народы, как то чегемцы и другие им подобные, которые у Всероссийской империи не в подданстве; а напротиву того многие из них во владении у тех же кабардинских владельцов» [КРО 1957b: 188].

Но как раз с середины XVIII в. начинает существенно меняться общеполитический контекст социально-политических взаимосвязей на Центральном Кавказе. С одной стороны, российские власти проявляют все больший интерес к районам Центрального Кавказа, прилегающим к Кабарде, но не подпадающим, с их точки зрения, под ограничения, налагаемые на Россию положениями Белградского договора о нейтрализации Большой и Малой Кабарды. С другой стороны, приближение России по левобережью Терека к урочищу Моздок, открывало для осетинских и ингушских обществ возможность освободиться от обязанностей перед кабардинскими владельцами и начать, под защитой российских властей, процесс переселения на плоскость. Основанием для того, чтобы Россия взяла их под свою протекцию могло стать принятие ими христианства. В 1745 г. начала свою деятельность Осетинская духовная комиссия. Уже осенью 1747 г. императрица поставила перед коллегией иностранных дел вопрос не будет ли «по крещении в православную греческаго исповедания веру» приведение осетинского народа к присяге «в верности и подданстве ея императорскому величеству» противоречить договорам с Оттоманской Портой или Персией [Русско-осетинские… 1976: 120]. В ответном донесении Коллегии было отмечено, что «осетинский народ

разными по уездам званиями имянующейся и в Кавказских горах между обеими Кабардами в пограничности к Грузии живущей, вольной есть, и ни у кого в подданстве не состоящей, а только некоторыя из оных кабардинским владельцам малую подать дают». Вместе с тем, по мнению Коллегии приведение осетин к присяге на российское подданство «весьма ранновременно быть видится» [Русско-осетинские 1976: 121]. Но вызванное новыми обстоятельствами движение в осетинских обществах подрывало сложившиеся к этому времени отношения с кабардинскими владельцами. Прибывший из Осетии иеродиакон Григорий сообщал в июне 1749 г.: «Малой Ахловой Кабарды владелец Казий в прошлом (1)748-м году в осеннее время был в Осетии в Кутанском уезде и требовал от того уезду с каждого двора, по древним их обычаям, по одному барану и на то оныя осетинцы ему Казию объявили, что они той подати ему не дадут, как они просвещаются веры греческаго исповедывания и желают быть во всевысочайшей протекции ея императорскаго величества. И за то он, Кази, им угрожал, естли они той подати ему не дадут, то он их будет разорять и брать в полон, и продавать и, того убоясь, некоторые ту подать ему отдали и от крещения стали удаляться» [Русско-осетинские… 1976: 201-202].

В этом контексте возникает тенденция оспаривать и зависимость от кабардинских владельцев и принадлежность им тех или иных земель, на которые жители ущелий хотели бы переселиться. В 1748 г. «крещеные старшины Кутатской и Чимитской волостей», жившие «в горах выше Малой Кабарды… разстоянием от кабардинских 5-ти деревень, называемых Алимурзиных… верстах во сте и больше», заявляли о своем желании поселиться «выше кабардинских Алимурзиных и Анзоровых деревень от 10-ти до 15-ти верст». При этом они утверждали, что «места, где они хотят поселиться к Кабарде не принадлежат» [Русско-осетинские… 1976: 303-304]. В марте 1755 г. тагаурские старшины подали в Кизляре челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны о переселении их на равнины Северного Кавказа и защите от внешних нападений. В ней они писали, что «отъискали для поселения место близ тех же гор, где мы жительствуем, лежащую впусте ни под чьим владением, а имянно между двумя реками едучи ис Кизляра чрез Татартуп в Осетию в левой стороне, а разстояние имеет от того Татартупа более в пятидесяти верстах». А о защите просили русские власти «понеже нам, хотя некоторыя и Большой Кабарды владельцы объявляют, дабы мы под их власти состояли, а для неопасности при поселении нашева на тех местах обещал своего человека дать, токмо мы, как и прежде сего, под их власти не были, так и ныне того учинить не желаем, ибо мы для желаемого православной веры намерены быть под протекцыю вашего императорскаго величества» [Русско-осетинские… 1976: 376]. В свое время Г.А. Кокиев отмечал, что это сообщение осетинских владельцев «не заслуживает никакого доверия, как не соответствующее исторической действительности», поскольку «[в]ладения кабардинских феодалов простирались до самых устьев осетинских ущелий», у самого входа в Куртатинское ущелье еще в 60-х гг. XVIII в. находилось феодальное владение крупного кабардинского феодала Гиляксана, а к западу от

него вдоль горного хребта располагался ряд других владений, «густой сетью покрывавших всю Северо-Кавказскую равнину» [Кокиев 2005: 147]. Но это было известно и царским властям. В «Рассуждении» Коллегии иностранных дел по проекту о переселении осетин в район Моздока в 1757 г. указывалось, что более ранние подобные обращения осетин не могли быть удовлетворены, поскольку вызвали бы протесты со стороны Османской империи, как нарушающие обязательства России о нейтральном статусе Кабарды. «А из того чтоб им, осетинцам, позволить выселиться, как некоторые из них старшины, будучи в 1755 году в Кизляре, просили близ тех же гор, в которой они ныне живут, на место в 50-ти только верстах от знатной в Малой Кабарде горы, называемой Татартуп, лежащего, и самое бы предосуждение быть могло, для того, что оное место, по справке в Кизляре, принадлежит к Малой Кабарде» [Русско-осетинские… 1976: 398].

В июне 1756 г. на большом собрании на Тереке ингуши («киштинцы» – на языке документа) «все обещались веровать в Христа и креститца и под покровом всемилосивейшей нашей государыни быть верным и указам ея императорскаго величества и в том учинили присягу». А в августе архимандрит Арсений отправился с братией «в жилища их… и окрестили тамо из них начальных людей 5, да протчих 30 человек» [Русско-осетинские… 1976: 393-395]. Но как сообщал киштинский (ингушский) старшина Авраам Пахомиев в мае 1760 г. «после того, как в народе нашем киштинском стало грекороссийский закон распространяться, то Большой Кабарды кабардинцы по своему варварскому обыкновению возымели на нас ненависть и злобу и стали нам злодействовать, чинить нам разные обиды, смертоубийство и воровски увозить нашего народа людей, отгоном лошадей, баранов, тако ж для пахания и кошения сена на наши степные места нас не допускают и в святом крещении чинят нам немалыя препятствия и завсегда они, кабардинцы, нам говорят, зачем мы крестимся и в протекции ея императорскаго величества быть желаем» [Русско-осетинские… 1976: 419].

Итогом неоднократных обсуждений вопроса о притеснениях, чинимых кабардинскими владельцами желающим креститься и принять российское подданство осетинах и ингушах стал доклад Сената императрице Екатерине II от 9 октября 1762 г. о возможности их переселения «для житья в здешние границы». В качестве удобного к тому способа расценивалась просьба «крестившегося Малой Кабарды владельца Кончокина… об отведении для жительства… места по реке Тереку между урочищ Моздока и Мекеня», которые, по мнению Сената, «принадлежат бесспорно к здешним границам и к поселению удобны». Предложение Сената было утверждено резолюцией Екатерины II [Русско-осетинские… 1976: 449-451].

Фактически, более или менее широкого переселенческого движения осетин и ингушей в район Моздока не наблюдалось, но стремление избавиться от влияния кабардинских владельцев и получить возможность освоения контролируемых ими плоскостных земель при помощи российских властей стало перманентным фактором социально-политических взаимовоздействий на Центральном Кавказе. В мае 1768 г. кизлярскому коменданту Н.А. Потапову

доносили об осетинах и ингушах, принявших крещение: «… едино только ищут они чтоб в нынешних их жилищах были защищены от насилия кабардинскаго, чего они самым делом желают, а на Моздок переходить дальной желаемости в них нет» [Русско-осетинские… 1984: 143]. В записке С. Вонявина о необходимости начать разработку месторождений цветных металлов в Осетии от сентября 1768 г. сообщалось, что старшины куртатинских и ардонских горских жителей «неоднократно с большим усердием выговаривались находящемуся при мне ротмистру Киреева, что они с крайнею охотою желают выдти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора» [Русско-осетинские… 1984: 191]. Основания для такого рода желания были у целого ряда владельцев и обществ Центрального Кавказа. Моздокский ротмистр А. Щелков в октябре 1768 г. сообщал в Коллегию иностранных дел, что «начиная от вершины реки Кумы внутри Кавкаских гор даже до Осети, простираются разнаго звания народы», в том числе карачаевцы, чегемцы, и балкарцы, и что «оных со всех кабардинцы подать берут и в поход их наряжают» [КРО 1957b: 281]. В марте 1770 г. присягу на российское подданство приняли ингуши «Ингушевского уезда» (предгорного аула Ангушт), о чем кизлярский комендант И.Д. Неймич сообщал Синоду в донесении от 3 апреля 1770 г. [Русско-осетинские… 1984: 214].

Новый характер взаимоотношений между кабардинскими владельцами, горскими обществами Центрального Кавказа и российскими властями четко выражен в письме командующего корпусом войск на Северном Кавказе И.Ф. де Медема от 10 марта 1773 г. кабардинским владельцам с требованием прекратить нападения на ингушей. Он указывал, что нападение на вступивших в 1770 г. в российское подданство ингушей, нарушает взятые на себя кабардинскими владельцами обязательства «о нечинении злодейства» и совершено «разве за то только, что они, ингушевцы, противу вас малосильны и не имеют противиться и что они единственно прежде сего давали вам за то только подать, когда они выходили для работы своей к хлебопашеству, а ныне не дают, то мне кажется все сие претензие к резону иметь не следственно, ибо я изъяснял вам выше сего, что они никогда вам подвластными не были, так как и посланники ваши мне объявили» [КРО 1957b: 307]. Последнее утверждение генерала вряд ли соответствовало действительности. Уже через несколько дней пристав при кабардинцах Д.В. Тоганов, в рапорте И. Ф. де Медему об ответе кабардинских князей относительно взимания ими дани с ингушевского народа сообщал, что старший князь Большой Кабарды Касай Атажукин (из Мисостовой фамилии) ему «объявил, естли де ваше превосходительство вступитесь за ингушевцов, то они как и на первоприсланное от вашего превосходительства письмо ответствовали, то и теперь то ж подтвердил, что они совсем отложиться от протекции е. и. в. намерены, потому что де ингушевской народ был издревле ими завоеван, и Всегда они с них по обычаю подать брали, а ныне де не только дают подать, но еще крадут у кабардинцов скот и увозят. И так де иным способом с ними зделатся не можно, окроме того, чтоб их усмирять оружием» [КРО 1957b: 308]. Те или другие кабардинские владельцы могли делать различные политические «выводы» из возникшей

напряженности, но при этом опирались на одни и те же представления об исторически сложившихся отношениях между ними и осетинскими и ингушскими обществами. Малокабардинские князья Кайтука и Келмет Ахловы писали в октябре 1774 г. астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову: «За сим еще, не умалчивая вам изъясняем, что на котором месте ныне стоит Осетинское подворье, а оное место было пред сим в подвласти отцов наших, для того вашего превосходительства покорно просим приказать тем местом владеть нам попрежнему, осетинскому подворью быть тут же, мы в том не препятствуем, только б жили с нами во обществе, с тем, что паче чаяния когда им от куртатцев и от наших подвластных горских народов причинятца какие обиды или притеснени, в таком случае должны мы их защищать, а ежели от кабардинцов [Большой Кабарды – авт.], ингушевцов и чеченцов будет притеснение, то вашего превосходительства покорно просим соизволите как их, так и нас защищать» [Русско-осетинские… 1984: 319].

Помимо прочего, этот документ напоминает, что насилие как способ регулирования отношений являлось частью повседневных практик всех сторон социально-политических взаимодействий на Центральном Кавказе. Но горские владельцы и общества, искавшие покровительства России, в переговорах с российскими представителями всячески акцентировали притеснения со стороны кабардинских владельцев, причиной которых называли принятие горцами христианства и российского подданства. Сам этот шаг трактовался ими иногда как своего рода освободительный акт. В прошении осетинского посольства, поданном астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову во время русско-осетинских переговоров 1774 г. в Моздоке говорилось: «… как по высочайшему соизволению всегда нам объявляетца, что мы противу желания нашего оставлены не будем и будем под протекциею всемилостивейшей нашей государыни, яко то вольные не зависящи в подданстве никому Большой и Малой Кабарды владельцы, а особливо Малой Кабрды владельцы, а имянно Ахлоевы и Мударовы фамилеи, теснят ловлением проезжающих в Моздок и отъезжающих отсюда людей наших без всяких вин…» [Русско-осетинские… 1984: 320]. Такое понимание социально-политических взаимодействий на Центральном Кавказе устраивала российские власти, взявшие курс на утверждение в регионе своего суверенитета. В докладе П.Н. Кречетникова Екатерине II от апреля 1775 г. с описанием внутреннего устройства Осетии подтверждалось, что место, где прежде было Осетинское подворье в 90 верстах от Моздока «принадлежит, как и все осетинцы» князьям Ахловым и «хотя оне управляютца своими старшинами, не завися ни от ково, однакож сим владельцам дань дают». Кроме того, будучи малочисленны и слабы в военном отношении, они крайне притеснены «от владельцев Большой Кабарды, кои гораздо их сильняя, и не в дальнем разстояни живут и, набегая на их жительства, разоряют или принуждают себе дань платить и быть под их властию». Именно от этого «сильного и варварского притеснения сии народы необходимо принуждены себе сыскивать защищения» [Русско-осетинские… 1984: 354-355]. Эти же мотивы повторяются в рапорте подполковника В. Фромгольта кизлярскому коменданту Ф.И. Фабрициану о принятии в 1778 г.

русского подданства дигорцами и осложнении в связи с этим их отношений с кабардинскими владельцами. В нем говорится, в частности, что «как ныне кабардинцы покорены, то Дигорскаго уезду жители, услыша сие, и что оне от кабардинцев не зависимы, уповали себе спокойную жизнь получить и свободнее вступать и принимать святое крещение» [Русско-осетинские… 1984: 382].

Такого рода настроения после Русско-турецкой войны 1768-1774 г. и заключения Кючук-Кайнарджийского договора, предоставившего России свободу действий на Центральном Кавказе, видимо, охватили многие общества региона, ранее платившие дань кабардинским князьям за политическое покровительство и пользование зимними пастбищами [Муратова 2007: 147]. Все более ограниченные российским присутствием в возможности самостоятельно обеспечивать поддержание прежних порядков, кабардинские князья сами оказались вынуждены искать опору в российском военно-административном аппарате, складывающемся в регионе. Об этом свидетельствуют материалы П.Г. Буткова: «С наступлением 1783 года владельцы и узденi Большой и Малой Кабард просили чрез депутатов своих – трех владельцев и трех узденей – князя Потемкина о позволении им прав на древних данников их… На сие князь Потемкин, яко уполномоченный по делам азиатским, ответствовал им 31 июля того же года письмом ко всем кабардинским владельцам и узденям следующее: “Что требование податей с прежних данников их, в горах пребывающих, им не воспрещается, за исключением, однако, из того народов, пользующихся покровительством российской державы”(?)» [Бутков 1869: 107-108]. Кавказские военные власти признавали, как это видно из «Краткого описания о кабардинских народах», сделанного в 1784 г. генерал-губернатором П.С. Потемкиным, что кабардинцы «между всеми горскими народами, кроме дагестанцов, имеют преимущество, все протчия роды, как-то: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андисцы, асетинцы, абазинцы, беслинейцы, кигушевцы и протчия не только подражают оным во нравах, во всех обычаях, но отчасти от них зависели и платили им дань» [КРО 1957b: 359].

С одной стороны, кабардинские владельцы попытались воспользоваться выраженным в письме Г.А. Потемкина в общем виде разрешением требовать подати с горцев, не вдаваясь в смысл сделанной им оговорки. Уже в январе 1784 г. в делах Кавказской губернии появляется запись: «По принесенной от Осетинцев на владельцов и узденей Большой Кабарды жалобе о насильственном отнимании под видом какой-то подати людей и скота, следствием открылось, что Кабардинцы с Осетинцев побор чинят скоту и прочему по прежним их обычаям, а при том ссылались еще в праве и на лист свет. кн. Потемкина им данной, которым таковыя подати чинить им с подверженных им народов, живущих в вершинах Баксана даже до Карачаевцев, не возбранено» [АКАК 1868: 1113]. Когда в 1787 г. началась Русско-турецкая война кабардинские владельцы изъявили готовность оказать военную помощь и просили генерала Текелли «о позволении идти им за Кубань для поисков, которое им было дано». По оценке П.Г. Буткова в этом предприятии

«скрывалось только одно то, чтоб под видом услуги своей России вновь обязать древних данников своих за Кубанью обитающих к зависимости, которую они низлагали уже по занятию Кабардинцов в домашних делах и по запрещению от российскаго начальстваделать явные подвиги за Кубанью». [Бутков 1869: 205]. Речь шла, прежде всего, о абазинах алтыкесек: «И подлинно кабардинцы Большой и некоторые из Малой Кабарды отправясь за Кубань 29 октября 1787 г. … напали во первых на находящихся на противном берегу Кубани шестиродных Абазинцов и Башильбаев, и первых переведя на сию сторону Кубани поселили в близости к Кабарде, между истоков реки Кумы…» [Бутков 1969: 206].

С другой стороны, в развернувшееся ранее среди осетин и ингушей движение за переход в русское подданство включаются теперь карачаевские и балкарские владельцы, которые увидели, что тем самым для них открывается возможность избавиться от засилья кабардинских князей. Л.И. Лавров приводил сообщение П.С. Палласа о том, что балкарцы «ищут способа прийти под русское покровительство, чему черкесы всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого от них не пропускают на линию. В 1783 году несколько базиан [балкарцев – авт.], посланных искать этого покровительства, пробились окольными путями к обер-лейтенанту Л.Л. Штедеру. Но возвратились они лишь с голыми обещаниями» [Лавров 1961: 92]. В ордере ген. Шемякина Кабардинскому приставу Уракову от 8-го февраля 1786 г. говорилось: «Карачаевские старшины 9 человек, приехав к ген. Потемкину [генерал-поручику П.С. Потемкину – авт.], просили защиты от Кабардинцев и об их обращении в веру Греческаго исповедания с семействами и подвластными их, кои живут в вершине Белой речки во 120 дворах, для чего и предписано было приставу Уракову, взяв от Осетинской Комиссии протопопа и священников, отправиться в те селения и окрестить, а Кабардинцам воспретить, чтобы они никак не осмеливались делать сему народу обид и притеснений» [АКАК 1868: 1116]. О балкарцах Бутков сообщает: «От зависимости от Кабардинцов еще в марте 1787 года отреклись и просили принять их в подданство с тем, чтобы дано было им защищение от нападений Кабардинцов, которые видя слабое Балкарцов состояние, начали в даль простирать свое на них притязание…» [Бутков 1869: 205]. Слабость горских владельцев здесь преувеличена, а их способность консолидироваться в противостоянии кабардинским князьям недооценена, если судить по описанию драматических событий 1787 г. в рапорте пристава Кабарды Уракова: «Балкарские четыре владельца, приехав от своего общества к приставу Уракову, приносили жалобу на Кабардинских владельцов, что они их раззоряют, и требовали от нас защиты и покровительства; кн. Ураков…, приняв благосклонно, предлагал им, что они не иначе могут получить с нашей стороны защиту, как только тогда, когда примут на подданство присягу, на что они охотно согласились, и потому кн. Ураков отправил их с сею просьбою к ген. Потемкину, а узнав о сем, Кабардинцы сделались недовольными; но между сим временем июня 25-го числа Балкарцы с Кабардинцами умышленно помирились и вскоре после того в отмщение обид, Кабардинцами им нанесенных, у владельца Адиль-Гирея

Татарханова отогнали великое число овец и убили одного узденя. Потом Балкарцы, согласясь с прочими горскими соседними народами, именуемыми Чегемы, Халымы и Безынчи, поставили по всем дорогам, лежащим от Кабардинцев, караулы, чем и принуждены были сами Кабардинцы просить у Балкарцев вторичнаго миру и поступать с ними по прежним их обычаям» [АКАК 1868: 1117]. Из этого следует, что толчком к конфликту послужила попытка кабардинских князей усилить давление на балкарцев Черекского ущелья в нарушение «прежних их обычаев». Некоторое представление о том, в чем они состояли дает рукопись П.Г. Буткова из фондов Российского государственного военно-исторического архива, введенная в научный оборот Е.Г. Битовой (Муратовой). В ней, в частности сказано о балкарцах: «Как они непосредственно граничат с Большую Кабардой и не имеют другого прохода в линию Кавказа как через Кабарду, то ...по сей причине, чтобы быть менее тревожимы от воинственных кабардинцев, балкарцы дают с давних времен в виде дани по одному барану Большой Кабарды владельцам... кабардинские владельцы должны между собою по притеснений им... однако по неспокойному духу кабардинцев они нередко простирали претензии свои на балкарцев, о чем особенно... балкарцы... свои российскому правительству 1787-1794 гг., представив себя в российское подданство и просят дать им от кабардинцев защиту, но дело потом обошлось без сей меры» [Битова 1997: 158]. Отточиями обозначены места рукописи, которые не читаются, но можно видеть три обстоятельства, важные для понимания текста. Во-первых, «дань», о которой здесь говорится обусловлена тем, что иначе как через Кабарду балкарцы не имели доступа к российским властям на Кавказской линии. Во-вторых, балкарцы были «тревожимы» кабардинскими князьями, но «претензии», нередко простираемые на балкарцев, не привели к установлению их зависимости от кабардинских князей. В-третьих, обращенные к российским властям в 1787 и 1794 гг. просьбы балкарских владельцев о принятии их подданство и защите от кабардинцев остались тогда без последствий.

В качестве отдельной группы источников, содержащей сведения о системе интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе обычно рассматривают сообщения европейских наблюдателей и материалы российских академических экспедиций на Кавказ. С точки зрения фиксации в них непосредственных наблюдений, записей полевого материала, использования источников, которые были впоследствии утрачены, систематизации географических, этнографических, исторических знаний о Северном Кавказе их ценность не может быть преувеличена. Факты и интерпретации относительно состояния интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе присутствуют в опубликованных работах И.А. Гюльденштедта, Я. Рейнеггса, П.С. Палласа, Г.-Ю. Клапрота. Однако при внимательном прочтении соответствующих фрагментов их работ обнаруживаются два обстоятельства.

Во-первых, характеристики взаимоотношений горских обществ и кабардинских князей во многом повторяются. Так, И.А. Гюльденштедт сообщает о балкарцах: «Но тем более сношения имеют базианцы с кабардинцами, ибо различные Базианские округи платят разным кабардинским

князьям дань, обыкновенно с каждой семьи в год по овце. Кроме того, что кабардинцы гораздо могущественнее, базианцы выгоняют в зимнее время скот свой на кабардинскую землю, и уже потому должны им покоряться» [Гюльденштедт 1974: 208]. Я. Рейнеггс констатирует то же: «…На юге она [Большая Кабарда] оканчивается у подножья Кавказских гор, где живут некоторые татарские племена, которые подвластны кабардинцам и платят им ежегодную дань…» [Рейнеггс 1974: 212]. П.С. Паллас подтверждает: «Горные народы, сделавшиеся данниками черкесских князей…, платят им обычно с каждой семьи по одной овце или ее стоимость… Каждый, кто имеет овец, независимо от величины стада, дает князю летом, когда стадо выводят на пастбища, по овце» [Паллас 1974: 220]. Это естественно, потому что каждый из этих авторов опирался на труды своих предшественников. В литературе в свое время было показано, например, что работа И.А. Гюльденштедта «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем», впервые опубликованная в 1790 г. в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы», послужила одним из важных источников для следующих поколений историков-кавказоведов [Дзамихов 1994: 112-113].

Во-вторых, факт определенной зависимости горских обществ от кабардинских владельцев предстает в этих материалах как некая данность, общеизвестная истина. Это служит дополнительным признаком того, что действительно такова была реальность интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе XVIII в., но мало что добавляет к известному по данным предшествующего периода. А в некоторых случаях просто воспроизводятся сведения более ранних документов дипломатического и военно-административного делопроизводства. Так, описание взаимоотношений «балкар» или «басиан» с кабардинскими владельцами у Г.-Ю. Клапрота представляет собой пересказ сведений о «пятом народе», т.е. балкарцах Черекского ущелья, из известий о горских народах, полученных в 1743 г. от кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и костековского владельца Алиша Хамзина в Коллегии иностранных дел [Русско-осетинские… 1976: 37].

Вместе с тем некоторые детали, привнесенные авторскими представлениями предмета в названных трудах, противоречивы и требуют прояснения. Таково, относящееся к балкарскому, безенгиевскому, чегемскому и урусбиевскому обществам сообщение Я. Рейнеггса (он их называет племенами): «Господство над этими именами [племенами – авт.] такое же, как и в Большой Кабарде; они разделены и названы по имени кабардинских княжеских фамилий. Фамилия Хадогшуга занимает всю область вдоль реки Баксан до реки Чегров, семья Джампулада расселена от этого места до реки Зенд и Эльбруса» [Рейнеггс 1974: 213]. Неясно также, кого П.С. Паллас называет «басиян», а кого «балкар», ставя их рядом в своем перечислении «горных народов, сделавшихся данниками черкесских князей» [Паллас 1974: 220]. Г.-Ю. Клапрот приводит сведения из «Известий о горских народов…» 1743 г. о том, что балкарцы могут не пользоваться кабардинскими пастбищами,

не платить им и не пускать их к себе в благоприятные годы, но одновременно в общем виде постулирует: «Освободившиеся от грузин балкары подпали под господство кабардинцев… Они зависят преимущественно от двух княжеских фамилий: Кургок и Кайтук, которым каждая семья обязана ежегодно платить подать…» [Клапрот 1974: 244]. Проверка достоверности такого рода суждений затруднена тем, что они не сопровождаются информацией о происхождении приводимых сведений и о конкретных обстоятельствах, в которых указываемые факты имеют место. Делопроизводственная документация в этом отношении выгодно отличается от вышеприведенных материалов, поскольку она практически всегда несет информацию о происхождении приводимых в ней сведений и часто сообщает о контексте, в котором генерировалась та или иная информация.

* * *

В целом, при всех изменениях второй половины XVIII в., связанных с установлением суверенитета Российской империи и началом выстраивания имперской системы судебно-административного контроля и управления в регионе, традиционная система социально-политических взаимосвязей Кабарды с владельцами и обществами горцев Центрального Кавказа не претерпела кардинальной ломки. Устойчивость традиционной картины мира в сознании кабардинской княжеской элиты начала XIX в. хорошо иллюстрируется материалами к наследию Измаила Атажукина, опубликованными К.Ф. Дзамиховым [Дзамихов 1994: 72-102]. Составленное И. Атажукиным «Краткое описание жителей горских черкес» дает следующее представление «общего вида» Большой и Малой Кабарды: «Горские черкесы, расположенные по сю сторону между рек Кубани и Терека… суть Большая и Малая Кабарда, а во оных нации в зависимости Большой Кабарды, разделенные на три части и трем кабардинским князьям Атажуковым, Мисостовым и Жамбулатовым принадлежащия, в коих состоят разные селения, как то: Абаза, или по турецкому наименованию Алтыкесекских Абаза… Потом Карачай, Чегемы и Малкары…За ними следуют Дугор, Кубатии, Куртат, Татаур [Тагаур – авт.], и Ингушевцы, с прочими малыми селениями вообще под названием Асетинцев именуемые, состоят под владением Большой же Кабарды со вмещением некоторой части и Малой Кабарды» [Дзамихов 1994: 81-82]. В свою очередь А.П. Ермолов в своих записках так характеризовал состояние, в каком нашел он кабардинцев и «некогда многолюдную» Кабарду, «прибывши в здешний край» в 1817 г.: «С давнего времени были кабардинцы подданными нашими, имели от царей российских грамоты. Среди них имел пребывание чиновник в качестве пристава, учреждены были суды, в коих заседали лучших фамилий князья их. Многие из них служили в наших армиях. Но давно уже нарушение присяги сделалось действием обыкновенным, давно войска наши наказуют измены, и оные возрождаются беспрерывно… Моровая язва была союзницею нашею против кабардинцев; ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их

ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах...» [Записки… 1991: 283-284]. И все же далее А.П. Ермолов отмечает: «Смежные с кабардинцами в местах ближайших к хребту Кавказа живут осетины [осетинами в русских военных источниках первой половины XIX называли, в том числе, и балкарцев – авт.]. Некоторая часть оных в совершенной покорности у кабардинцев со времени могущества сих последних» [Записки… 1991: 285].

Деятельность самого Ермолова и последующие ближайшие за ней события существенно подрывали основы традиционной системы социально-политических взаимосвязей на Центральном Кавказе. «Покорение Кабарды», осуществленное Ермоловым в 1818-1822 гг., сопровождалось не только ликвидацией той автономии, которая здесь сохранялась в период «шариатского правления», но и глубокой перестройкой социально-территориальной организации региона. В 1822 г. была построена «передовая кабардинская кордонная линия, составленная у предгорий из цепи верхних укреплений и казачьих постов, за которой запрещалось жить кабардинцам… и при существовании которой горцы без стеснений от кабардинцев могли занимать необходимые им пастбища; но все-таки и в это время, как и прежде, горские овцеводы, выходя со стадами на плоскость, по установившемуся обычаю, одаряли влиятельных кабардинцев, принадлежавших обыкновенно к высшим кабардинским сословиям» [Гаврилов 1869: 11]. Отдельные приставства учреждались для осетин и ингушей, шел процесс их переселения на плоскость, что затрудняло для кабардинских владельцев поддержание традиционных отношений с ними. В целом, происходила эрозия их контроля над плоскостными и предгорными территориями Центрального Кавказа, который лежал в основе всей системы их хозяйственных и социально-политических отношений с горским населением региона. Принятие российского подданства балкарскими и дигорскими владельцами в январе 1827 и карачаевцами в октябре 1828 г. сулило дальнейшее углубление этого процесса.

Утратив свое прежнее могущество, но стремясь сохранить зависимое от себя положение ряда соседних горских обществ, теперь уже сами кабардинские владельцы апеллируют к российским военным властям. Они, воспользовавшись проездом через Кабарду в 1827 г. начальника Главного штаба генерал-адъютанта И.И. Дибича, подали ему жалобу на действия А.П. Ермолова с просьбой о сохранении их прав и обычаев старины. Подробный отчет с изложением просьб и объяснений кабардинских князей, сопровождаемый замечаниями Командующего на Кавказской линии генерала Г.А. Эмануэля и товарища министра внутренних дел Дашкова И.И. Дибич представил главнокомандующему на Кавказе И.Ф. Паскевичу в феврале 1829 г. [АКАК 1878: 864-869]. Свои замечания «касательно просьбы Кабардинскаго народа» представил И.Ф. Паскевичу в сентябре 1829 г. и генерал Ф.А. Бекович-Черкасский [АКАК 1878: 871-873].

В седьмом параграфе отчета Г.А. Эмануэля была приведена просьба кабардинских владельцев «О возобновлении подати, платившейся прежде Осетинами за земли и от коей они отказались, пользуясь обстоятельствами при

занятии Кабарды Российскими войсками». Кабардинские владельцы объясняли, что «податью» «с Осетин и других народов» они пользовались по 1822 год, когда Ермолов прислал в Кабарду войска «для наказания народа», причем «Кабардинцы принуждены были к переселению с прежних мест на равнину, Осетины же и другие народы остались в горах». Им запрещено было пускать к себе закубанцев и беглых кабардинцев и с них были взяты аманаты – «чрез то и подать платить Кабардинцам отказались». Кабардинские владельцы просили «позволения брать с них по прежним обрядам подать и чтобы были возвращены Осетинам аманаты», ручаясь при этом «удержать их на будущее время от всех неблагонамеренных для России поступков, так как все народы, в горах живущие, равно и земли ими населенныя, издревле принадлежали кабардинцам» [АКАК 1878: 866].

В своих замечаниях генерал Г.А. Эмануэль признавал, что кабардинские князья, «пользуясь правом сильнаго, действительно получали дань от соседственных им народов и в том числе от Осетин», но в усиленных просьбах их «на счет возвращения им прежних прав над Осетинами» усматривал и другой мотив – стремление вновь привлечь их к совместному «хищничеству в наших границах». При этом он ссылался на пример карачаевцев, которым со стороны России «не было делаемо никогда ничего неприязненного, причем еще позволено им занимать под пастбища смежные земли, бывшие прежде во владении Кабардинцев» и которые, тем не менее неоднократно замечены «в покушениях с беглыми Кабардинцами на хищничества и убийства в наших границах» [АКАК 1878: 866]. Его вывод гласил, что «Кавказские народы, чем более имеют между собою связей, тем они непреклоннее к повиновению, и потому изменение настоящих отношений Осетин к Кабардинцам я не нахожу совместным с настоящими обстоятельствами» [АКАК 1878: 867]. И.Ф. Паскевич также считал, что в просьбе о возобновлении подати, «которую некогда платили Осетины Кабардинцам по праву сильнаго, решительно следует отказать, и вообще для Российскаго правительства полезно иметь разныя племена горских народов одно от другаго совершенно независимыми» [АКАК 1878: 870]. В замечаниях кн. Ф.А. Бековича-Черкасского, представленных в рапорте И.Ф. Паскевичу эта мысль конкретизировалась: «Карачаевцы, Чеченцы (следует читать «чегемцы» – авт.), Балкары, Хуламцы, живущие на самых дальних горах, не составляющие большого целого, всегда были угнетаемы кабардинцами, как народом сильным, которому они даже платили дань... По поводу сего необходимо воспретить кабардинцам селиться в вершинах рек, ибо в противном случае вышесказанные народы снова подпадут игу, будучи ближними соседями, долженствующими иметь проезды через их земли» [АКАК 1878: 872].

Предыдущий опыт подсказывал правительству, что российская политика на Центральном Кавказе может быть успешной, если, во-первых, будет поддержано стремление горских обществ освободиться от зависимости и платежей кабардинским владельцам, и, во-вторых, им будет обеспечен свободный выход на плоскость. Прошение кабардинских князей, апеллировавшее к традиционному праву, после длительных обсуждений и

консультаций было оставлено российскими властями без каких-либо последствий [Муратова, Хаширов 2019: 101-102].

Дело не сводилось к военно-политическим соображениям, приоритетным для российских властей в условиях Кавказской войны. Начиналась новая эпоха в развитии интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, когда на место исторически сложившихся традиций и механизмов их автономного саморегулирования заступали прямой контроль и управление со стороны военного и судебно-административного аппарата Российской империи. Решение задач эффективного контроля, а в дальнейшем, и интеграции в систему поземельных и сословных отношений государства, потребовало от властей внимательного изучения отношений собственности, социальной структуры и общественного быта народов Северного Кавказа. Одним из направлений этой деятельности стали сбор, письменная фиксация и систематизация норм обычного права. Благодаря этому историческое кавказоведение располагает корпусом ценных источников для изучения традиционной общественной организации народов региона. Вопрос, в какой мере содержание и формы интер-социальных взаимодействий отражены в нормах обычного права является весьма важным для наших целей. Это показатель того, какое место в жизнедеятельности данного социально-потестарного организма занимали взаимоотношения с другими обществами и насколько эти взаимоотношения были институционализированы, т.е. носили устойчивый, регулярный и нормативно-определенный характер.

С наибольшей полнотой интересующие нас вопросы отражены в документе, известном как «Постановления о сословиях в Кабарде». Уже по этой причине важен вопрос о его происхождении и его месте в общем корпусе памятников обычного права кабардинцев. Впервые он был опубликован в 1847 г. в Закавказском вестнике как дополнение к работе Ш.Б. Ногмова, будучи, по свидетельству Ад. Берже, «сообщено автором». Как документ мог попасть к Ш.Б. Ногмову особых вопросов не вызывает, поскольку в 1838-1843 г. он служил секретарем Кабардинского временного суда. Что касается вопроса, когда, при каких обстоятельствах и с какой целью «Постановления…» были приняты, то вариант его решения был предложен Ф.Х. Крымшокаловой с опорой на материалы П.Г. Буткова. Он сообщает о событиях середины 1780-х гг., что «по кабардинскому обыкновению» состоялось народное собрание «при речке Гонделене, в жилищах Чегемцов, в присутствии нарочито отправленного в оное российского офицера», где принято было несколько решений: 1 апреля 1785 г. [старшим князем] «в Большой Кабарде поставили владельца Мисоста Баматова» и «там тогда же к прекращению прежних поводов к домашним несогласиям», утверждены были «письменные приговоры». Кроме того, согласно П.Г. Буткову, «постановлены в сие же время разные обязательства и повинности одного сословия к другому» [Бутков 1869: 165]. Последнее замечание звучит как прямая отсылка тексту, известному как «Постановления о сословиях в Кабарде».

Ф.Х. Крымшокалова, со своей стороны, полагает, что все упомянутые П.Г. Бутковым «письменные приговоры» от 1 апреля 1785 г., с одной стороны,

и «Постановления о сословиях в Кабарде» – с другой, представляют собой один и тот же документ, доказательством чего служит идентичность их структуры [Крымшокалова 2007: 111-115]. Не все ее наблюдения и аргументы представляются в равной мере убедительными. В частности, сомнения вызывает утверждение о соответствии приведенного П.Г. Бутковым первого письменного приговора «[н]е входить ни в какие требования преимуществ присвоенных некиим родам предком их Казыем, и друг другу оными не упрекать» и первого пункта «Постановлений о сословиях в Кабарде», в котором просто перечислены четыре княжеские фамилии Большой Кабарды. Кроме того, указание П.Г. Буткова «в сие же время» вряд ли означает то же, что и оборот «там тогда же» и относится к точной дате 1 апреля 1785 г. Это означало бы, что либо достаточно громоздкий документ был согласован и оформлен кабардинскими владельцами в течение одного дня, либо заранее был подготовлен его «проект», что вряд ли соответствует делопроизводственной культуре того времени. Есть вопросы и относительно языка документа, поскольку нам известна только русскоязычная версия. Сомнительно, чтобы он с самого начала был составлен на русском языке. Скорее всего, текст соглашений 1785 г. был оформлен по запросу российских властей в регионе, которые уже с середины XVIII в. активно выполняли посреднические, а затем и «надзорные» функции по отношению к кабардинским князьям. И собрание 1785 г. проходило «в присутствии нарочито отправленного в оное российского офицера» [Бутков 1869: 163]. С учреждением в 1793 г. Верхнего пограничного суда в Моздоке, в качестве апелляционной инстанции по отношению к родовым судам и расправам в Кабарде, необходимость его обеспечения записями обычного права стала неотложной. Еще Ф.И. Леонтович указывал, что первые сборники адатов появляются у кабардинцев вскоре после учреждения «верхнего пограничного суда», большинству членов которого «были вовсе неизвестны местные адаты по преданию» [Леонтович 1882: 47]. А.Х. Абазов на архивных материалах показал, что сбор сведений об обычаях кабардинцев составлял одно из направлений взаимодействия Моздокского суда с населением самой Кабарды через посредство местных военных властей [Абазов 2019].

В целом, содержательная близость описанных П.Г. Бутковым решений и Текста «Постановлений…» очевидна. Отметим только один важный для нашей темы момент. Согласно П.Г. Буткову владельцы договорились: «Оставшиеся после владельца Шогенуки Алти-Кизек абазинские деревни, называемые Клыч-Кабак, принадлежа действительно Атажукина рода владельцам, упрочняются им навсегда, так, как рода Жамбулатова владельцам деревни, известные под именем Намитам-Кабак (Абазинцы не трамовы-ли?) [примечание П.Г. Буткова – авт.]; вообще же всякому своим пользоваться [Бутков 1899: 163-164]. Это решение закреплено в «Постановлениях..», где расписано разделение между княжескими фамилиями абазинских «племен», и племена Клычева, Кашава, Дударукова числятся в них за «фамилией Атажукиной» [Постановления… 1861: 161].

В самих «Постановлениях…» присутствуют два пункта, относящиеся к взаимоотношениям и устоявшимся «правам» кабардинских владельцев в

контексте интер-социальных взаимодействий. Причем эти пункты с некоторыми текстуальными изменениями, но сохранив свое содержание, вошли в «Полное собрание кабардинских древних обрядов», составленное под руководством начальника центра Кавказской линии В.С. Голицына в 1843-1844 гг. Первый пункт оговаривает право старшего князя «из лучших пленных» на одного человека из добычи, взятой «при разъездах партиями для розысков и наказания за какие-либо шалости или грабежи других горских племен». Сразу отметим, что в «Полном собрании…» содержится и другой аналогичный пункт о том, что если «будет взята добыча у других племен, кабардинцам подвластных», первостепенный уздень, участвовавший в партии, имеет право на лучшую лошадь, «независимо от пая, ему следующаго» [Постановления… 1861: 155; Полное собрание… 1882: 256]. Второй пункт «Постановлений…» из этого ряда гласит: «Когда князь находится у карабулаков, назранов, ингуш или у тагаурцев и он кого-либо пошлет по какому делу, а посланного ранят и не послушают (в «Полном собрании…» – «и приказание князя останется не выполненным»), за это виновные платят князю 15 штук лошадей, саблями, ружьями, шашками, пистолетами, так чтобы каждая штука стоила непременно одной крестьянки» [Постановления… 1861: 156; Полное собрание… 1882: 252]. Получается, что обычно-правовая норма кабардинцев должна исполняться в других обществах. Это может означать, что она сложилась в результате длительной «притирки» их соционормативных систем на основе устойчивого воспроизводства практики «обмена услугами»: защиты и покровительства, с одной стороны, их организационного обеспечения и материального вознаграждения – с другой. Внутренний социальный порядок каждого общества институционализировал его устойчивые внешние связи и служил базой порядка в интер-социальных взаимодействиях.

Особый интерес «Постановлений…» в контексте нашей темы обусловлен присутствием в нем положений, дающих своего рода «системное» представление интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Речь идет о последнем пункте документа, в развернутом виде описывающем состояние «подданства» разных групп горцев кабардинским владельцам [Постановления… 1861: 160-162]. Разумеется, в них представлена точка зрения кабардинских владельцев, но их точка зрения, воплощаясь в практике отношений, во многом и формировала социально-политическую реальность на Центральном Кавказе XVI-XVIII вв.

В качестве субъектов социально-политических отношений в регионе в документе обозначены «кабардинские князья», с одной стороны, и «разные сословия горцев» – с другой. Отношения последних к первым определяются как «подданство». Общее содержание подданства, однако, ограничивается тем, что они платят «дань» по определенному порядку.

В «Постановлениях…» перечислены группы горцев, которые связаны отношениями зависимости с кабардинскими князьями: ингуши, назраны, карабулаки, тагаурские осетины, «дигорский народ» или дигорцы, чегемцы, уруспиевские осетины, хуламцы, безенги-осетины, карачаевцы-осетины, «шесть частей абазинцев». Во-первых, очевидно, что этот список выражает

номенклатуру не этносов, а социально-территориальных единиц («разных сословий») горцев Центрального Кавказа. Во-вторых, это, видимо, исчерпывающий список обществ, которых кабардинские князья считали зависимыми от себя по состоянию на конец XVIII в.

Их всех объединяет «горский» статус и в этом выражается фундаментальный фактор, обусловивший неразрывный и одновременно асимметричный характер их социально-политических взаимоотношений с кабардинскими владельцами, контролировавшими земельные и пастбищные угодья предгорий и равнин Центрального Кавказа. Но в рамках этой базовой структуры отношений «Постановления…» фиксируют существенные их вариации.

Ингуши, назраны и карабулаки, тагаурские осетины, дигорцы ежегодно кабардинским князьям деньгами или натурой и князь, который получает те платежи, «должен весь год от обид их защищать и дать для того человека», которого эти общества содержат «на всем мирском продовольствии».

Отношения с балкарскими обществами отличаются от описанных выше и одновременно весьма дифференцированы. Один полюс образуют балкарцы Черекского ущелья: «С балкарцев никакой дани не получают…». Другой – чегемцы и урусбиевцы: «Чеченцы [следует читать «чегемцы» – авт.] и уруспиевские осетины с давнего времени принадлежат Атажукиной фамилии, и никто в них не вмешивается, а князь Атажукиной фамилии требует с них дань, сколько назначит, отчего они отнюдь отказаться не могут». Промежуточное положение занимают хуламцы и безенгиевцы, которые «по очереди в год дают князьям по барану с дома».

Карачаевцев и абазин-алтыкесеков объединяют схожие характеристики: «в подданстве с самых давних времен», «принадлежат с давнего времени кабардинцам», а также уплата ими дани натурой кабардинским князьям. Но при этом «Карачаевцы-осетины, между князьями нераздельные… они платят князю, старшему летами в Кабарде», а «6-ть частей абазинцев… разделены между их князьями» определенным образом.

Интересно отметить еще два момента, в которых противоречиво соединяются сходства и различия в отношениях с отдельными группами горцев.

Абазины-алтыкесеки, которые «принадлежат с давнего времени кабардинцам» платят дань наравне с удаленными от Большой Кабарды ингушами, назрановцами и карабулаками и «так же поступается с ними в наказаниях и штрафах».

Равным образом, относительно «зависимых» дигорцев и «независимых» балкарцев Черекского ущелья в «Постановлениях… » содержится одинаковая норма: «в случае кражи у кабардинцев лошадей, платят штраф и наказываются за все проступки наравне по правилам кабардинцев» и «за воровство у кабардинских князей платят штрафы такие же, как и кабардинцы» [Постановления… 1861: 160-162].

Представляется, что суммированное здесь «итоговое» представление состояния интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе к концу

XVIII в. позволяет говорить об обретении ими качества системности. Они характеризовались пространственной целостностью, поскольку охватывали практически все этносоциальные ареалы Центрального Кавказа. Они характеризовались временной целостностью, поскольку устойчиво воспроизводились на протяжении примерно трех столетий. Вместе с тем, можно видеть, что внутренняя структура этой системы была неоднородной, поскольку определялась не волей какого-то одного субъекта интер-социальных отношений, а балансом ресурсов, сил и интересов всех входящих в нее социально-территориальных образований. Длительная практика интер-социальных взаимодействий сформировала в регионе определенный социально-потестарный порядок, который воспроизводился, подтверждался и одновременно оспаривался в каждодневной жизни.

* * *

Включенные в настоящий обзор документы охватывают хронологический период с 1563 до 1829 г. И весь этот период, доходившие из Центрального Кавказа сведения, неизменно содержали информацию о различных формах интер-социального взаимодействия в регионе. Очевидно, что местные общества не были изолированы и самодостаточны в своем существовании. Связи, обмен, взаимодействие с внешней социально-политической средой были важным фактором воспроизводства их хозяйственной, социальной и политической жизни.

Документальные свидетельства, независимо от происхождения, типа или вида источников отражают три константные характеристики интер-социального ландшафта Центрального Кавказа в этот период. Во-первых, наиболее интенсивное взаимодействие горские общества имели не между собой, а с предгорной и равнинной зоной. Соответственно, кабардинский этносоциальный ареал, охватывавший эту зону, выступает в совокупности источников как связующий узел всей системы интер-социальных взаимодействий в регионе. Во-вторых, источники описывают не хозяйственные, социальные и политические связи по отдельности, а как бы «кластерное» состояние отношений между социально-территориальными единицами регионального пространства. Это естественно для традиционных аграрных обществ, в которых не произошла еще дифференциация и специализация сфер общественной жизни и не сложилось зрелых государственныхх структур. В то же время в источниках всегда прочитывается прямое или косвенное выражение иерархического характера описываемых отношений. В-третьих, в качестве субъектов интер-социальных взаимодействий в источниках выступают не этносы, не народы региона в современном смысле этого слова, а локальные этносоциальные организмы (общества) или социально-потестарные образования (владения). Встречающийся в источниках термин «народ» никогда не обозначает этническую общность в целом. В этом смысле интер-социальные взаимодействия на Центральном Кавказе XVI – первой трети XIX в.

неправомерно интерпретировать в терминах «межэтнических» или «межнациональных» отношений.

Вместе с тем, хронологически последовательный обзор источников позволяет увидеть определенную эволюцию содержания и форм социально-политических взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа.

В источники XVI-XVII вв. намечена картина становления системы интер-социальных взаимодействие в регионе. В них прочитываются примеры приведения тех или обществ к покорности кабардинским владельцам («воевал» и «в свою волю их привел»); неудач в закреплении отношений зависимости («были за» да «отложились»); неопределенности в характере отношений («слушают Алегуку», но неизвестно «послушают ли» в данном конкретном случае). Вместе с тем материальное содержание зависимости обозначается понятиями «ясачные люди» и «дань», подразумевающими регулярный характер натуральных платежей.

Документы первой половины XVIII в. дают более определенное представление об устоявшихся и превратившихся в традицию отношениях зависимости горских обществ и владельцев от кабардинских князей. Здесь еще встречаются выражения «тавлинцы в его послушании» или «живущие в том ущелье все ему послушны», но вместо архаичных терминов «ясак» или «дань» употребляется понятие «подать», несущее коннотацию регулярных налоговых платежей. Русские документы передают показания кабардинских князей словами «у предков во владении были», «издревле подданные кабардинских владельцев», а горские владельцы и старшины объясняют, что «из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину», а теперь «разделили де нас Батока и Бамат з братьями по себе».

В источниках, относящихся к последней трети XVIII в. прочитывается уже кризис сложившейся ранее системы социально-политических отношений на Центральном Кавказе. От горских обществ и владельцев все чаще исходят заявления об их нежелании, как подданных Российской империи, нести какие-либо обязательства перед кабардинскими владельцами. Иногда это обосновывается тем, что горцы «как и прежде сего, под их власти не были», а иногда новой политической реальностью («как ныне кабардинцы покорены, то… оне от кабардинцев не зависимы»). Со своей стороны, кабардинские владельцы вынуждены все чаще обращаться к своим традиционным правам на «древних данников своих», на тот или иной горский «народ», который «издревле ими завоеван и всегда с них по обычаю подать брали». Российские власти, признавая зависимость горцев от кабардинских князей теперь акцентируют «насилие кабардинское», «сильное и варварское притеснение» со стороны владельцев Кабарды, которые их «разоряют или принуждают себе дань платить и быть под их властию».

Эти процессы кабардинскими владельцами воспринимались негативно, но для горских владельцев и обществ они несли положительные изменения и открывали перспективы не только избавления от обязательств, но и получения свободного доступа к земельным ресурсам предгорной и плоскостной зоны Центрального Кавказа. Российские же власти, в условиях Кавказской войны,

находили полезным «иметь разные племена горских народов одно от другого совершенно независимыми». При этом обозначается тенденция использования «укрупненной» этнической номенклатуры для описания структуры интер-социальных взаимодействий в регионе. На нее, в документах российской военной администрации на Кавказе этого времени, накладываются преувеличенные и оценочно нагруженные понятия: «в совершенной покорности у кабардинцев», «угнетаемы кабардинцами», «снова подпадут игу». Вновь вводится в оборот архаичное понятие «дань», хотя весь круг источников XVIII в., говорит о «подати», причем почти всегда определяет ее как «малую подать». В итоге, фиксация традиционной системы отношений и обязательств горцев в записях обычного права в конце XVIII – первой половине XIX в. и обращения кабардинских владельцев к царской администрации не имели никаких последствий. Однако, выставляемые против этих обращений преувеличенно-оценочные аргументы, повлияли на последующие интерпретации характера интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Они отразились, в частности, в материалах Терской (Терско-Кубанской с 1874 г.) сословно-поземельной комиссии, а затем вошли и в историографическую традицию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2019 – *Абазов А.Х.* Взаимодействие учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 77-95. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-77-95

АКАК 1868 – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти т. Т. 2 / Арх. гл. упр. наместника Кавк.; Под общ. ред. А.Д. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1868. – 1238 с.

АКАК 1878 – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти т. Т. 7 / Арх. гл. упр. наместника Кавк.; Под общ. ред. А.Д. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1878. – 1011 с.

Баразбиев 2000 – *Баразбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.

Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: Институт археологии Кавказа, 2006. – 239 с.

Бегеулов 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – 2-е изд., испр. – Карачаевск: КЧГУ, 2009. – 290 с.

Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1: 1578-1613. – М.: Унив. тип., 1889. – 584 с.

Битова 1997 – *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX века: Сельская община. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 173 с.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3-х ч. Часть вторая. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869. – 602 с.

Гаврилов 1869 – *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 2. – Тифлис, 1869. – Ч. VII. – С. 1-78.

Гюльденштедт 1974 – *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских

авторов XIII-XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова (в дальнейшем – АБКИЕА). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 203-208.

Дзамихов 1994 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – 168 с.

Записки… 1991 – Записки А. П. Ермолова, 1798-1826 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. – М.: Высшая школа, 1991. – 462 с.

Постановления… 1861 – Постановления о сословиях в Кабарде // История адыхейскаго народа, составленная по преданиям Кабардинцев Ш.Б. Ногмовым. – Тифлис: В Типографии Главнаго Управления Наместника Кавказскаго, 1861. – С. 151-162.

Клапрот 1974 – Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Кожев 2005 – *Кожев З.А.* Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI-XVIII) // Исторический вестник. – Нальчик, 2005. – Вып. 1. – С. 118-144.

Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 122-177.

КРО 1957a – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. Том 1: XVI-XVII в. / Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М.: АН СССР, 1957. – 478 с.

КРО 1957b – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. Том 2: XVIII в. / Сост. В.М. Букалова. – М.: АН СССР, 1957. – 424 с.

Крымшокалова 2007 – *Крымшокалова Ф.Х.* Источники обычного права кабардинцев в XVIII – первой половине XIX веков. Дисс. … канд. юр. наук. – Нальчик: КБГУ, 2007. – 170 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.

Лавров 1955 – *Лавров Л.И.* Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. / Отв. ред. М. О. Косвен. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 5-47.

Лавров 1969 – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. IV. / Отв. ред. В.К. Гарданов. – М.: Наука, 1969. – С. 55-119.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Предисловие // Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – С. 1-81.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVIII – начала XX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.

Муратова, Хаширов 2019 – *Муратова Е.Г., Хаширов А.В.* Георгий Арсеньевич Емануель и народы Центрального Кавказа (1826-1831) // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 96-114. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-96-114

Налоева 1972 – *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. – Нальчик, 1972. – Вып. 6. – С. 69-87.

Описание… 1897 – Описание Осетии, Дзурдзукии, Додоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии (Из Географии Грузии Вахушти, составленной в 1745 г.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. – Тифлис: Упр. Кавказского учебного округа, 1897. – С. 65-86.

Паллас 1974 – *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 214-224.

Полное собрание… 1882 – Полное собрание кабардинских древних обрядов (1844 г.). // Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – С. 223-257.

Посольство… 1887 – Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639-1640 гг.) С предисловием С.А. Белокурова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете 1887. Кн. 2. Октябрь – декабрь: Под ред. Е.В. Барсова. – М.: Университетская тип., 1887. – С. 257-376.

Посольство… 1926 – Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650-1652 / Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. – Тифлис: Тифлисск. ун-т, 1926. – 231 с.

Посольство… 1928 – Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643: документы / изд. и введ. снабдил М. Полиевктов. – Тифлис: Тифлис. ун-т, 1928. – 208 с.

ПСРЛ 1906 – Полное собрание русских летописей. Т. 13. 2-я половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая царственная книга. Под ред. С. Ф. Платонова. – СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1906. – 303-532 с.

Рейнеггс 1974 – *Рейнеггс Я.* Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 209-213.

Русско-осетинские… 1976 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Том I: 1742-1762 гг. / Сост. М.М. Блиев. Ред. П.П. Епифанов. – Орджоникидзе: Ир, 1976. – 512 с.

Русско-осетинские… 1984 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Том II: 1764-1784 гг. / Сост. проф. М.М. Блиев. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 439 с.

Сабанчиев 2019 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Актуальные проблемы истории Карачая и Балкарии, историографии и источниковедения // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. – Грозный: ЧГПУ, 2019. – С. 331-338.

Тебуев, Хатуев 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

REFERENCES

ABAZOV A.H. *Vzaimodeistvie uchrezhdenii lokal'nogo sudebno-administrativnogo kontrolya na Tsentral'nom Kavkaze v 1793-1822 gg.* [Interaction with local judicial and administrative control in the Central Caucasus in 1793-1822]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 3. – P. 77-95. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-77-95 (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei: v 12-ti t. T. 2 / Arkhiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo; Pod obshch. red. A.D. Berzhe [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. Vol. 2. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus; Under the general ed. A.D. Berger]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1868. – 1238 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei: v 12-ti t. T. 7 / Arkhiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo; Pod obshch. red. A.D. Berzhe [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. Vol. 7. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus; Under the general ed. A.D. Berger]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 1011 p. (In Russian)

BARAZBIEV M.I. *Etnokul'turnye svyazi balkartsev i karachaevtsev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnocultural ties of Balkars and Karachais with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 112 p. (In Russian)

BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the XV – early XIX centuries]. – M.: Institut arkheologii Kavkaza, 2006. – 239 p. (In Russian)

BEGEULOV R.M. *Tsentral'nyi Kavkaz v XVII pervoi chetverti XIX veka: ocherki etnopoliticheskoi istorii* [The Central Caucasus in the XVII first quarter of the XIX century: essays on ethnopolitical history]. – Karachaevsk: KChGU, 2009. – 290 p. (In Russian)

BELOKUROV S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechennye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del Sergeem Al. Belokurovym. Vyp. 1: 1578-1613* [Russian Relations with the Caucasus: Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs by Sergei Al. Belokurov. Iss. 1: 1578-1613]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1889. – 584 p. (In Russian)

BITOVA E.G. *Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX veka: Sel'skaya obshchina* [The Social History of Balkaria in the 19th Century: Rural Community]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 173 p. (In Russian)

BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god: v 3-kh ch. Chast' vtoraya* [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803: in 3 parts. Part two]. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1869. – 602 p. (In Russian)

DZAMIHOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adygs: milestones of history]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 168 p. (In Russian)

GAVRILOV P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskikh plemen Severnogo Kavkaza* [Arrangement of the land life of mountain tribes of the North Caucasus]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. – Vyp. 2* [Collection of information about the Caucasian highlanders. Iss. 2]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1869. – Part VII. – P. 1-78. (In Russian)

GULDENSTADT I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. / Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V.K. Gardanova (v dal'neishem – ABKIEA)* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Reports of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Compilation, editing of translations, introduction and introductory articles to the texts by V.K. Gardanov (further ABKREA)]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 203-208. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh t. Tom 1: XVI-XVII v. / Sost. N.F. Demidova, E.N. Kusheva, A.M. Persov [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes. Volume 1: XVI-XVII century / Comp. N.F. Demidova, E.N. Kusheva, A.M. Persov]. – M.: AN SSSR, 1957. – 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh t. Tom 2: XVIII v. / Sost. V.M. Bukalova [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes. Volume 2: XVIII century / Comp. V.M. Bukalova]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1957. – 424 p. (In Russian)

KLAPROTH H.-J. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey to the Caucasus and Georgia in 1807-1808]. IN: *ABKIEA* [ABKREA]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Kabardino-osetinskie otnosheniya v XVIII v.* [Kabardino-Ossetian relations in the XVIII century] IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Detection, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – P. 122-177. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ierarkhicheskie svyazi kabardintsev s narodami Severnogo Kavkaza (XVI-XVIII)* [Hierarchical ties of Kabardians with the peoples of the North Caucasus (XVI-XVIII)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik, 2005. – Iss. 1. – P. 118-144. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkesii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (XVI – early XIX century): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russian)

KRYMSHOKALOVA F.Kh. *Istochniki obychnogo prava kabardintsev v XVIII – pervoi polovine XIX vekov. Diss. ... kand. yur. nauk* [Sources of customary law of the Kabardians in the 18th – first half of the 19th centuries. The dissertation for the Candidate of Legal sciences degree]. – Nalchik: KBGU, 2007. – 170 p. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1963. – 372 p. (In Russian)

LAVROV L.I. *Abaziny (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Abazins (historical and ethnographic essay)]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. T. 1. / Otv. red. M.O. Kosven* [Caucasian ethnographic collection. Vol. 1. Ed. by M.O. Kosven]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1955. – P. 5-47. (In Russian)

LAVROV L.I. *Karachai i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria until the 30s of the XIX century]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Vyp. IV. / Otv. red. V.K. Gardanov* [Caucasian ethnographic collection. Iss. IV. Ed. by V.K. Gardanov]. – M.: Nauka, 1969. – P. 55-119. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Predislovie* [Foreword]. IN: LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adates of the Caucasian Highlanders: Materials on Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: Tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – P. 1-81. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVIII – nachala XX v.* [Socio-political history of Balkaria XVIII – early XX century]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – 420 p. (In Russian)

MURATOVA E.G., KHASHIROV A.V. *Georgii Arsen'evich Emanuel' i narody Tsentral'nogo Kavkaza (1826-1831)* [Georgy Arsenievich Emanuel and the peoples of the Central Caucasus (1826-1831)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 3. – P. 96-114. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-96-114 (In Russian)

NALOEVA E.J. *K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom stroe Kabardy v pervoi polovine XVIII v.* [To the question of the state-political system of Kabarda in the first half of the 18th century]. IN: *Vestnik KBNII*. – Nalchik, 1972. – Iss. 6. – P. 69-87. (In Russian)

Opisanie Osetii, Dzurdzukii, Dodoetii, Tushetii, Alanii i Dzhiketii (Iz Geografii Gruzii Vakhushti, sostavlennoi v 1745 g.) [Description of Ossetia, Dzurzukiya, Dodoetia, Tusheti, Alania and Djiketi (From the Geography of Georgia Vakhushti, compiled in 1745)]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. 22* [Collection of materials for the description of places and tribes of the Caucasus. Iss. 22]. – Tiflis: Upr. Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1897. – P. 65-86. (In Russian)

PALLAS P.S. *Zametki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg.* [Notes on travels to the southern governorates of the Russian state in 1793 and 1794]. IN: *ABKIEA* [ABKREA]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 214-224. (In Russian)

Polnoe sobranie kabardinskikh drevnikh obryadov (1844 g.) [The Complete Collection of Kabardian Ancient Rites (1844)]. IN: LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adates of the Caucasian Highlanders: Materials on Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – P. 223-257. (In Russian)

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 13. 2-ya polovina. I. Dopolneniya k Nikonovskoi letopisi. II. Tak nazyvaemaya tsarstvennaya kniga. Pod red. S.F. Platonova [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. 2nd half. I. Additions to the Nikon Chronicle. II. The so-called royal book. Ed. by S.F. Platonov]. – SPb: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906. – P. 303-532. (In Russian)

Posol'stvo d'yaka Fedota Elchina i svyashchennika Pavla Zakhar'eva v Dadianskuyu zemlyu (1639-1640 gg.). S predisloviem S.A. Belokurova [Embassy of clerk Fedot Yelchin and priest Pavel Zakharyev to Dadian land (1639-1640). With a foreword by S.A. Belokurov]. IN: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete 1887. Kn. 2. Oktyabr' – dekabr': Pod red. E.V. Barsova* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University 1887. Book 2. October – December: Ed. E.V. Barsov]. – M.: Universitetskaya tip., 1887. – P. 257-376. (In Russian)

Posol'stvo knyazya Myshetskogo i d'yaka Klyuchareva v Kakhetiyu, 1640-1643: dokumenty / Izdal i vvedeniem snabdil M. Polievktov [Embassy of Prince Myshetsky and clerk Klyucharyov to Kakheti, 1640-1643: documents / Published and provided an introduction to M. Polievktov]. – Tiflis: Tiflis. un-t, 1928. – 208 p. (In Russian)

Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiyu 1650-1652 / Dokumenty izdal i vvedeniem snabdil M. Polievktov [Embassy of the stolnik Tolochanov and clerk Ievlev to Imereti 1650-1652 / The documents were published and provided with an introduction by M. Polievktov]. – Tiflis: Tiflissk. un-t, 1926. – 231 p. (In Russian)

Postanovleniya o sosloviyakh v Kabarde [Estate Acts in Kabarda]. IN: *Istoriya adykheiskago naroda, sostavlennaya po predaniyam Kabardintsev Sh.B. Nogmovym* [The history of the Adygs people, compiled according to the legends of the Kabardinians by Sh.B. Nogmov]. – Tiflis: V Tipografii Glavnago Upravleniya Namestnika Kavkazskago, 1861. – P. 151-162. (In Russian)

REINEGGS J. *Vseobshchee istoriko-topograficheskoe opisanie Kavkaza* [General historical and topographical description of the Caucasus]. IN: ABKIEA [ABKREA]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 209-213. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-kh t. Tom I: 1742-1762 gg. / Sost. M.M. Bliev. Red. P.P. Epifanov [Russian-Ossetian relations in the XVIII century. Collection of documents in 2 volumes. Volume I: 1742-1762. / Comp. M.M. Bliev. Ed. P.P. Epifanov]. – Ordzhonikidze: Ir, 1976. – 512 p. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-kh t. Tom II: 1764-1784 gg. / Sost. prof. M.M. Bliev [Russian-Ossetian relations in the XVIII century. The collection of documents in 2 volumes. Volume II: 1764-1784. / Comp. M.M. Bliev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1984. – 439 p. (In Russian)

SABANCHIEV H.-M.A. *Aktual'nye problemy istorii Karachaya i Balkarii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Actual problems of the history of Karachai and Balkaria, historiography and source studies]. IN: *Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of the history of the peoples of the North Caucasus. Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. – Groznyi: ChGPU, 2019. – P. 331-338. (In Russian)

TEBUEV R.S., KHATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkartsev* [Essays on the history of Karachay-Balkars]. – M.: Ileksa; Stavropol: Stavropol'servisshkola, 2002. – 224 p. (In Russian)

Zapiski A. P. Ermolova, 1798-1826 / Sostavlenie, podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii V. A. Fedorova [Notes by A.P. Ermolov, 1798-1826. Compilation, preparation of the text, introductory article and comments by V.A. Fedorov]. – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 462 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 908

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-120-135

ПРОЕКТ СТРОИТЕЛЬСТВА БАКСАНГЭС В КОНТЕКСТЕ УТОЧНЕНИЯ ПЛАНА ГОЭЛРО В 1925-1927 гг.

Р.С. ГУРТУЕВ

Газета «Кабардино-Балкарская правда»
360017, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, д. 5
E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Аннотация. В год столетия принятия плана ГОЭЛРО социально-экономическая ситуация в Российской Федерации заставляет еще раз обратить внимание на опыт разработки и реализации крупной программы промышленной модернизации, имевшей важнейшие последствия для нашей страны не только в экономической, но и социальной сфере. На базе реализации этой программы преобразований в течение активной жизни одного поколения была создана вторая по мощи экономика мира, обеспечена независимость и целостность государства в самой кровопролитной войне в истории человечества, обеспечен ряд крупнейших научных достижений человеческой цивилизации. Для Кабардино-Балкарии этот период стал временем противоречивых процессов, обусловленных экономической и политической отсталостью, которая преодолевалась в форсированном режиме. Создание национальной автономии, ее политических институтов сопровождалось формированием экономического базиса на основе опережающего развития электроэнергетики – основного принципа плана ГОЭЛРО. Таким основополагающим фактором в Кабардино-Балкарии стало строительство Баксанской ГЭС, которая стала ядром модернизации сельскохозяйственного производства и создания новых отраслей промышленности. В статье автор на основе архивных документов показывает процесс разработки проекта Баксанской ГЭС как составной части единого плана электрификации СССР.

Ключевые слова: электрификация; ГОЭЛРО; Северо-Кавказский край; Кабардино-Балкария; БаксанГЭС; кабардинцы; балкарцы.

BAKSAN HYDROELECTRIC POWER STATION DRAFT STRUCTURE IN THE GOELRO PLAN CONTEXT IN 1925-1927

R.S. GURTUEV

The newspaper "Kabardino-Balkarskaya Pravda"
360017, KBR, Nalchik, Lenin Ave., 5
E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Abstract. In the year of the century when the GOELRO plan was adopted, the socio-economic situation in the Russian Federation makes us once again pay attention to the experience of developing and implementing a major industrial modernization program, which had major consequences for our country not only in economic but also in social sphere. Based on the implementation of this program of transformation during the active life of one generation was created the world's second most powerful economy, ensured the independence and integrity of the state in the bloodiest war in human history, ensured a number of major scientific achievements of human civilization. For Kabardino-Balkaria, this period has become a time of contradictory processes due to economic and political backwardness, which was overcome in a forced regime. Creation of the national autonomy and its political institutions was accompanied by formation of the economic basis on the basis of advanced development of electric power industry – the main principle of the GOELRO plan. Such a fundamental factor in Kabardino-Balkaria was the construction of the Baksan hydroelectric power plant, which became the core of modernizing agricultural production and creating new industries. In the article, the author, based on archival documents, shows the process of development of the Baksan HPP project as part of the unified plan of electrification of the USSR.

Keywords: electrification; GOELRO plan; North Caucasian Region; Kabardino-Balkaria; Baksan HPP; Kabardinians; Balkars.

2020 год – юбилейный для электроэнергетики Российской Федерации, год столетия принятия плана ГОЭЛРО. Его реализация стала базой для коренной реконструкции и развития промышленности, сельского хозяйства, резкого ускорения социально-экономического развития нашей страны. Северо-Кавказский регион, в особенности его национальные области и республики из глухой отсталой провинции огромной империи превратились в мощные экономические и культурные единицы. В Кабардино-Балкарии одним из важнейших катализаторов развития стала Баксанская районная гидроэлектростанция, пущенная в эксплуатацию в сентябре 1936 года. При подготовке плана ГОЭЛРО она в списке объектов строительства не значилась, но благодаря усилиям множества людей: ответственных чиновников, инженеров, партийных работников Кабардино-Балкарии проект ее строительства был разработан, многократно уточнен, переделан и, в конечном итоге, реализован.

Баксанская станция стала крупнейшей ГЭС на Северном Кавказе, центральным узлом сначала Баксанского, а затем Ставропольского энергокомбината, реальной «кузницей» инженерных и управленческих кадров для всей энергетической сферы СССР, о чем свидетельствуют биографии ее руководителей разных лет.

История разработки проекта и строительства Баксанской районной гидроэлектростанции слабо изучена, несмотря на то, что история электрификации СССР в советской и российской исторической науке разработана достаточно подробно и глубоко. Н.Г. Шамрай приводит данные о количестве научных публикаций, посвященных проблемам электрификации и энергетической политики Советского государства, опубликованных в СССР с 1917 по 1985 годы: более пяти тысяч монографий, брошюр и статей. Из них 70

монографий, написанных в историко-партийном ракурсе, 90 – в плане гражданской истории, более ста защищенных кандидатских и докторских диссертаций [Шамрай 1990: 9].

Вопросам электрификации в национальных автономиях Северного Кавказа посвящено несколько работ. Это книга Р.И. Цориева «Электрификация горного края» [Цориев 1988], в которой рассматриваются предпосылки, ход и результаты строительства электроэнергетической базы промышленности региона в указанный период. Проблемы строительства электростанций в контексте индустриализации края освещены в работах Х.Т. Медалиева [Медалиев 1959; Медалиев 1972] и др. [Некрасова 1960; Рабинович, Ходжаев 1952; Свет… 1960]. Большинство этих работ отличаются выраженной идеологической окраской, представляя процесс индустриализации, как непрерывную цепь побед, обусловленную мудрой политикой руководства коммунистической партии.

В постсоветский период появилось поколение историков, среди которых есть те, кто идеологически не принимая советский общественный строй, активно изучают дореволюционные источники в попытках доказать, что все достигнутое в советский период было подготовлено к реализации в царское время [Симонов 2016]. Другие рассматривают процессы индустриального развития в советский период в широком контексте социально-культурной модернизации [Боров 2010]. Для наших целей особенно важны работы исследователей, которые рассматривают проблемы истории СССР 1920-х–30-х годов, основываясь на изучении специализированной периодической печати того времени, то есть максимально погружаясь в профессиональные дискуссии по экономическим и политическим вопросам [Верхотуров 2017].

Вопросы индустриализации северо-кавказского региона в конце XIX – первой половине XX вв. вне искусственного идеологического разделения глубоко изучены в диссертации кандидата исторических наук А.А. Меняйлова [Меняйлов 2013]. Такой же взвешенный подход демонстрируют и учебные издания по истории региона для студентов вузов, изданные в последние годы [Очерки… 2014; История… 2019]. Все это обогащает историографическую базу исследований проблемы электрификации и, в целом, индустриализации СССР, и дает возможность более глубоко развернуть картину грандиозных изменений, произошедших в течение жизни одного поколения и по сей день имеющих влияние на жизнь всего человечества. Данная статья представляет попытку рассмотрения этого вопроса применительно к Северному Кавказу в динамике с учетом некоторых новых архивных данных, изучения одного из начальных этапов подготовки проекта строительства Баксанской ГЭС в контексте разработки плана электрификации всего Северо-Кавказского края.

План ГОЭЛРО был принят на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 года и стал основополагающим документом экономической политики советского государства, «второй программой партии», по выражению В.И. Ленина [Ленин 1970: 157]. Он содержал в себе детально проработанный комплексный план восстановления и развития экономики Советской России на основе опережающего развития электроэнергетики. Страна была условно

разделена на восемь экономических районов, по каждому из которых была составлена отдельная программа энергетического строительства на базе местных дешевых источников энергии, а на ее основе – создания комбинированных узлов крупных промышленных предприятий на базе разработки имеющихся в регионе районе полезных ископаемых.

Электрификации Кавказского экономического района в плане ГОЭЛРО был посвящен отдельный том. В нем содержались планы электрификации и индустриализации района, исходя из имеющихся на тот момент данных, которые впоследствии практически в непрерывном режиме дополнялись в ходе геологических экспедиций, изучения энергетических и минеральных запасов, статистических данных о количестве и качестве рабочей силы. Неоднократно менялось и территориальное деление Северо-Кавказского края. Соответственно менялись и планы электрификации, и планы размещения промышленных объектов.

Не умаляя огромной работы, проведенной в первые годы Советской власти по изучению ресурсов Северного Кавказа, подчеркнем, что план ГОЭЛРО вобрал в себя результаты многолетних полевых исследований экспедиций Императорского Русского Технического общества и Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Российской Академии наук, руководимой академиком В.И. Вернадским. К разработке плана электрификации Советской России было привлечено около 200 крупнейших ученых-естествоиспытателей из числа тех, кто не эмигрировал из страны и принял новый общественный строй. При выработке общей концепции государственного плана электрификации и создания энергетической основы резкого ускорения развития промышленного потенциала страны широко использовались идеи и научные разработки авторитетных ученых-экономистов, в частности немецкого ученого Карла Баллода [Баллод 1906], крупнейшего русского ученого-теплотехника, директора Императорского технического училища (1914-1918), профессора В.И. Гриневецкого [Гриневецкий 1919].

Ответственным руководителем кавказской группы ГОЭЛРО являлся Генрих Осипович Графтио – крупный инженер-энергетик, по проектам которого в России уже было построено несколько электростанций, организатор первого электрического трамвая в Санкт-Петербурге, с 1918 года руководитель Электрожелдора – организации, разрабатывавшей план электрификации железнодорожных магистралей страны. До революции 1917 года он активно занимался исследованиями гидроэнергетических ресурсов рек Закавказья и Черноморского побережья и был одним из признанных специалистов в этой области. Глава плана ГОЭЛРО «Электрификация Кавказского района» начиналась словами: «В отношении... наличия источников для производства электрической энергии, Кавказ находится в совершенно исключительно благоприятных условиях, обладая в изобилии топливом в виде нефти и каменного угля и громадными гидравлическими силами горных рек и озер» [Электрификация… 1920: 3].

Интересно отметить, что «Кавказский экономический район» включал в себя и Закавказье, которое на тот момент политически представляло из себя три

формально независимые от России республики: Азербайджанскую ССР, Армянскую ССР и Грузинскую ДР.

До революционных событий 1917 года энергетические силы рек Кавказа активно исследовались и уже начали использоваться для выработки электрической энергии. Результаты этих исследований, очевидно, и легли в основу тома ГОЭЛРО, посвященного Кавказу. 4 июня 1903 года комиссия по рассмотрению вопросов о применении электрической тяги на путях сообщения при Министерстве путей сообщения одобрила «Программу исследования мощности главнейших рек восточного побережья Черного моря» с бюджетом в 270 тыс. рублей. В ней содержалась подробная инструкция для начальников изыскательских партий, необходимое оборудование и сметы работ для проведения комплексных исследований рек, «как источников механической энергии для надобностей названного побережья, в размерах, могущих иметь общественное значение» [Программа… 1904: 5]. Энергетический потенциал рек побережья приблизительно оценивался в 800.000 лошадиных сил.

К этому времени на некоторых горных реках уже имелись гидроэнергетические установки. Например, при Садонских рудниках в Северной Осетии их хозяевами – бельгийскими акционерами – в 1887 году была запущена в эксплуатацию ГЭС мощностью 950 л.с. В 1896 году в Екатеринодаре вступила в строй гидроэлектрическая установка, питавшая городской водопровод. В 1913 году начала работу ГЭС «Белый уголь» в Пятигорске [Цориев 1988: 28-29]. При некоторых предприятиях строились небольшие гидроэлектрические установки, но основная масса электростанций Северо-Кавказского региона работала на угле и нефти.

В августе 1912 года Совет Министров рассмотрел вопрос об условиях сдачи британскому подданному Чарльзу Стюарту казенных оброчных платежей на Кавказе для устройства гидроэлектростанций. Ему была выдана концессия на 75 лет «на эксплуатацию водных сил озера Гокчи и реки Терека на Кавказе с правом распределять добываемую электрическую энергию – для снабжения ею железных дорог, портов, трамваев, фабрик, заводов, станций городского и частного освещения и прочее – на сотни верст от центральных станций, по всему Кавказу до Баку, Грозного, Майкопа и Батума» [Симонов 2016: 142]. Приведенные примеры показывают общий подход к решению проблем использования гидроэнергетического потенциала рек Кавказа, который характеризует в целом подход к электроэнергетике в рамках капиталистической системы хозяйствования: расчет на быстрый возврат капитала, с минимизацией затрат на сетевое хозяйство, а значит строительство энергетических объектов по возможности ближе к потребителю, отсутствие перспективного комплексного планирования нагрузки энергетического района и т.д. Отсюда следовала известная разнотипность энергетического оборудования, отсутствие единых стандартов производства и потребления электроэнергии, отсутствие даже планов создания крупных энергетических систем. Это в принципе противоречило всей логике перехода к электроэнергетике, как основе функционирования промышленности, о чем во весь голос говорили, например, со страниц главного отраслевого журнала «Электричество» крупнейшие

российские ученые и инженеры-электрики (Гуревич П.А. Основные вопросы электрической политики в послевоенную эпоху в России // Электричество. 1917. №2/3) [Цит. по: Симонов 2017].

Выгода электрической энергии для производства заключалась в возможности ее передачи на расстояние, использовании отдельных двигателей для каждого станка, гибкости – возможности ее преобразования в другие виды энергии и пр. Создание крупных энергетических систем само по себе предполагало планирование, комплексный подход к использованию топлива и полезных ископаемых, районирование территории – решение всех этих вопросов под силу лишь государству. Это положение наполнилось содержанием лишь со сменой общественного строя, позволив радикально ускорить процесс и довести идеи комплексного планирования и освоения ресурсов до логического конца – создания территориальных производственных комбинатов [Верхотуров 2017: 122-123].

После создания СССР в конце 1922 года, созданная из комиссии ГОЭЛРО Государственная плановая комиссия (Госплан) приступила к формированию перспективных планов развития экономики всей страны и ее отдельных отраслей. В рамках формирования единого общесоюзного плана в экономических районах были созданы подразделения Госплана, которые занимались сбором статистической информации, анализом возможностей и потребностей экономики регионов, экономическим планированием.

В Северо-Кавказском крае, который был образован 16 октября 1924 года в результате присоединения к Юго-Восточному краю всех национальных автономных областей, за исключением Дагестана [Цориев 1988: 13], этими вопросами занимались Краевой совет народного хозяйства (КСНХ) и Северокавказская плановая комиссия (Севкавплан) под руководством П.Г. Журида.

Изменившиеся экономические условия, последствия засухи и голода 1921 года не позволили реализовать полностью практически ничего из задуманного в плане ГОЭЛРО, за исключением некоторых объектов. Да и сам первоначальный план не имел еще конкретных временных установок, а являлся общим планом восстановления экономического потенциала России и создания базы для строительства промышленности на новой энергетической и экономической основе. Но уже к 1925 году накопленные за пять лет статистические данные, опыт восстановления экономики позволили перейти к более детальному и глубокому прогнозированию и планированию. В докладе на пленарном заседании президиума Госплана 23 июня 1925 года председатель Государственной плановой комиссии при Совете Труда и Обороны СССР Г.М. Кржижановский подчеркнул: «Ситуация резко изменилась. Мы вступаем (с 1925 г. это особенно ясно видно) в полосу решительной ликвидации всех ... элементарных затруднений в хозяйстве, мы переступаем такой порог, после которого вся наша хозяйственная работа приобретает окраску, резко отличную от всего предшествующего периода. Элементарные трудности преодолены. Хозяйство наше возрождается и приближается к довоенным размерам. Вполне понятно, что в такой момент возникает необходимость обобщения

проделанного опыта и определения перспектив нашей народно-хозяйственной деятельности на будущее время. Отсюда и та острая потребность в пересмотре народно-хозяйственного плана, которая наблюдается в настоящее время... Перед нами работа не новых изысканий, в точном смысле этого слова, перед нами работа уточнения» [Кржижановский 1925: 7-8]. Этот труд отражен в подготовленном специальной комиссией в июне 1926 года докладе «Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической базе на ближайшие 10-15 лет». Документ содержал в себе рекомендации и директивы по составлению перспективных планов и был разослан во все районные и краевые плановые органы [Верхотуров 2017: 85].

В соответствии с этим документом и по мере формирования обновленных планов индустриального строительства коренным образом пересматривался и план ГОЭЛРО. Постоянные дискуссии о путях развития страны, меняющаяся международная обстановка, новые работы крупнейших советских ученых-экономистов, меняющиеся подходы к основам экономического строительства, находили свое отражение в обострившейся политической борьбе в партии. Победа тех или иных группировок в этой борьбе, в свою очередь, влияла на приоритеты в экономическом планировании.

На первоначальном этапе в разработке планов электрификации страны активное участие принимали специалисты с дореволюционным стажем работы. В Северо-Кавказском регионе это были в первую очередь сотрудники акционерного общества Владикавказской железной дороги – пионеры электрификации на Северном Кавказе начала XX века. Железнодорожное строительство и транспорт в Российской империи конца XIX – начала XX века были одними из самых динамично развивающихся отраслей. Как и в других промышленно развитых странах, крупное железнодорожное строительство вызвало бурное развитие металлургической, химической, топливной, электротехнической промышленности, что, в свою очередь, способствовало развитию соответствующих естественных наук, появлению высококвалифицированных инженерно-технических кадров.

Звание «инженер» было в то время знаком качества, высокого социального статуса и, как видно из архивных документов, во многих случаях даже заменяло имя и отчество конкретного человека. Многие инженеры были предпринимателями, хозяевами крупных предприятий, участвовали в капитале акционерных обществ. После революции острая нужда в квалифицированных кадрах в Советской России позволила им остаться у руля многих предприятий и плановых органов, что, в свою очередь, было основанием для сохранения некоторой кастовости, корпоративного духа, в некоторых случаях и коллективного неприятия новой власти, ожидания ее скорого краха. Все это, как мы считаем, в конечном итоге вылилось в «Шахтинское дело» 1928 года, дела «Инженерного центра», «Промпартии» 1930 года и др.

Одним из главных участников разработки планов электрификации Северо-Кавказского края был инженер В.А. Покшишевский. Анализ архивных документов позволяет оценить его весомый реальный вклад в разработку планов электрификации Северного Кавказа и их реализацию. В частности, он

активно участвовал в разработке, защите и оптимизации проекта строительства Баксанской ГЭС, подготовке проекта ее промышленного района потребления электроэнергии, представлял проект станции на съезде Советов Кабардино-Балкарской автономной области в марте 1927 года. По предложению руководителя автономии Б.Э. Калмыкова он же должен был стать главным инженером будущего «Баксанстроя»: «Он является одним из лучших специалистов Края и центра, и мы добились того, что Баксан будет строиться под руководством Покшишевского» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 446. Л. 39].

В воспоминаниях эмигранта второй волны Анатолия Петровича Беклемишева (Касьян Прошин) (1890-1959) о событиях начала 1913 года упоминается начальник службы связи Владикавказской железной дороги инженер Покшишевский. «Он был мелким железнодорожным служащим, когда женился. Своим образованием он был обязан не только своей энергии, но и энергии жены. Она поступила на службу, а он поехал в Вену. Жена посылала ему деньги, отказывая себе решительно во всём. Он кончил электротехнический факультет в Вене. Вернувшись в Россию, продолжал учиться и через год сдал экзамен на звание инженера путей сообщения. Теперь это был уже пожилой, лысый человек...» [Беклемишев 1913].

В 20-е годы XX века В.А. Покшишевский – начальник отдела энергетики Северо-Кавказского краевого совнархоза, член секции энергетики Севкавплана, принимал активное участие в подготовке планов электрификации края, являясь одновременно председателем правления акционерного общества «Электрокрай», которое непосредственно занималось проектированием и строительством электростанций в Северо-Кавказском регионе, в основном, по линии сельской электрификации. Основными задачами было осуществление электрификации сельских промышленных и городских местностей в пределах Северного Кавказа, сооружение и эксплуатация разного рода электропредприятий, материальное и организационно-техническое содействие в деле электрификации государственным, кооперативным, общественным и профессиональным учреждениям и организациям [Развитие… 1956: 469-470]. Мощное по фондам и технической оснащенности АО «Электрокрай» под руководством инженера Покшишевского, на начальном этапе электрификации региона рекомендовалось государственными и партийными органами, как основной источник кредитования сельской электрификации [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 19об.], путем, в первую очередь, обеспечения материалами и оборудованием.

К этому времени в Северо-Кавказском крае уже был подготовлен 15-летний генеральный план электрификации края, который в конце года был рассмотрен в союзных плановых и хозяйственных органах.

14 декабря 1926 г. Постановлением СНК СССР был утвержден уточненный план ГОЭЛРО. Продолжалась напряженная работа по уточнению промышленных планов энергопотребления с увязкой строительства электростанций. Учитывая целесообразность широкого использования на Северном Кавказе водной энергии, в планы электрификации в регионе были

внесены существенные изменения в этой части: в планах крупного энергостроительства появляются ГЭС на реках Гизельдон, Баксан и Малка. Таким образом, уточненный план ГОЭЛРО, или пятилетка электрификации СССР 1927-1932 гг. уже включала в себя конкретные планы по широкому освоению гидроэнергетических запасов Северного Кавказа. Гизельдонская ГЭС должна была обеспечивать энергией предприятия «Кавцинк» в Северной Осетии, Баксанская ГЭС – Минераловодскую ветку Северо-Кавказской железной дороги [ГАРФ. Ф. 4372. Оп. 4. Д. 131. Л. 38-39].

27 сентября 1927 года Севкавплан утвердил составленный на базе рекомендаций Госплана СССР пятилетний перспективный план крупного электростроительства на Северном Кавказе, представленный начальником Крайэнергобюро КСНХ В.А. Покшишевским [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 55-91], который с небольшими изменениями вошел в первый пятилетний план электрификации СССР.

План конкретизировал директивы «уточненного плана ГОЭЛРО» и базировался на его основных положениях. Главный приоритет оставался прежним – строительство крупных районных электростанций. В директивах по составлению перспективного плана сельской электрификации, утверждённых на заседании Секции электрификации Госплана СССР 29 июня 1927 года, особым пунктом подчеркивалось: «Снабжение электрической энергией должно в первую очередь основываться на районных станциях и их сетях, существующих, строящихся и предположенных к постройке по пятилетнему плану электрификации. Допустимо и сооружение новых станций, при условии использования дешевой гидроэнергии, пара, необходимого для производства, и отбросов производства в качестве топлива. Учитывая опыт истекших лет, необходимо прибегать к сооружению новых сельских станций обычного типа лишь в исключительных случаях, при всестороннем доказательстве их рентабельности» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 33].

Это, впрочем, не отменяло программы сельской электрификации. В статье, посвященной анализу итогов экономического районирования Северо-Кавказского края, руководитель Севкавплана П.Г. Журид писал: «Рентабельность намеченных планом крупных электростанций и обеспеченность энергии организованным потребителям дали основание центру утвердить план электрификации края и включить ряд его работ в перечень первоочередного строительства. В результате, в крае уже второй год ведется постройка мощной электростанции на руднике «Артем», в текущем году предполагается приступить к постройке гидростанций на Гизель-Доне и Баксане и тепловых в Краснодаре и Новороссийске, с последующей увязкой всех перечисленных станций в одну общую электросистему. Кроме того, путем организации Краевого акционерного общества «Электрокрай» приступили к выполнению плана сооружения сети отдельных станций для снабжения энергией районов, не входящих в сферу влияния основной электромагистрали» [Журид 1927: 238].

Таким образом, пятилетний перспективный план крупного энергостроительства по Северному Кавказу, подготовленный Крайэнергобюро

КСНХ, являлся основой развития экономики Северо-Кавказского края, которое должно было идти по двум направлениям: сельского хозяйства и переработки его продукции, и горнорудной промышленности.

В соответствии с представленным В.А. Покшишевским докладом, Северо-Кавказский край в энергетическом плане был разделен на три обособленных района: Северный, Южный и Центральный.

Северный район, включавший Шахтинский, Донской и Таганрогский административные округа, являлся центром сельскохозяйственного машиностроения края, энергетика которого должна была основываться на тепловых электростанциях, работающих на отходах угольного производства – штыбе (угольная пыль), и соединенных линиями электропередачи в единую мощную энергосистему. «Распределение суммарной мощности энергетической системы по отдельным составным ее единицам, – отмечено в плане, – представляется следующим: Артемовская тепловая электростанция – 60.000 кв., в г. Ростове тепловая – 10.000 кв., Несветай тепловая – 110.000 кв., Белая Калитва тепловая – 20.000 кв и гидростанция Донских шлюзов – 10.000 кв.» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 65].

Южный энергетический район территориально определялся планом, как широкая полоса между Кавказским хребтом и магистралью Северо-Кавказской (бывшей Владикавказской) железной дороги, протяженностью около 850 километров, которая имеет своими конечными пунктами г.г. Новороссийск и Грозный, проходя через Краснодар, Усть-Лабинскую, Белореченскую, Лабинскую, Баталпашинск, Пятигорск, Баксан и Беслан. Основой Южной сверхмагистрали становились 10 тепловых и гидроэлектрических станций с установленной мощностью 300.000 киловатт. В отличие от Северной энергетической системы, Южная система своим главным первичным источником энергии имела «белый уголь» – даровую восстановляющуюся водную энергию рек Юга Края. Поэтому из составляющих ее десяти основных установок лишь три были тепловыми станциями, работающими на мазуте. Остальные семь районных электростанций были гидроэлектрическими с установленной мощностью – 230.000 киловатт [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 65].

Три тепловые районные станции строились в городах: Новороссийске – 30.000 кв., Краснодаре – 20.000 кв. и Грозном – 20.000 кв., гидравлические станции предполагалось строить на реках: Белая (возле Майкопа) – 50.000 квт, Баксан – 40.000 квт, Гизель-Дон – 20.000 квт, Кубань и Теберда – 80.000 квт, Аргун и Сунжа – 20.000 квт, Мзымта – 20.000 квт. Все эти станции вместе с малыми ГЭС на оросительных каналах и малых реках, которые к тому времени уже работали или строились, соединялись единой сверхмагистралью, которая проходила от Грозного до Новороссийска и составляли единый энергетический комплекс.

Что касается Центрального энергетического района, лежащего вне сферы действия двух приведенных энергетических систем, то «учитывая маловероятность развития в его пределах крупного электростроительства в рассматриваемый период, его электроснабжение пятилетний план крупного

энергостроительства в Северо-Кавказском крае предполагал за счет сооружения и усиления местных, групповых электростанций, мощность которых к 1942 году должна была быть доведена до 40–50.000 киловатт» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 67].

Приведенный материал наглядно свидетельствует, что в ходе обсуждения путей развития индустриализации СССР на Северном Кавказе в течение 20-х годов менялись подходы к промышленному и энергетическому строительству. Приоритет строительства крупных районных электростанций как энергетических центров промышленных районов заставлял наиболее дальновидных руководителей национальных автономий, заинтересованных в их развитии, позаботиться о том, чтобы убедить центральные хозяйственные органы строить такие объекты у себя.

Гидроэнергетические запасы горных рек Кавказа и подготовленные планы их освоения, объединяли усилия инженерного сообщества царской России и новых политических и хозяйственных руководителей советской России. Это касалось в первую очередь Гизельдонской и Баксанской гидроэлектростанций. Руководитель КБАО Б.Э. Калмыков, пользуясь своими деловыми и личными контактами с руководством страны, активно продвигал проект строительства Баксанской ГЭС, справедливо полагая, что она даст мощный импульс развитию всей социально-экономической жизни региона.

В докладе инженера Покшишевского проект Баксанской ГЭС, решение о строительстве которой государственными и партийными органами еще принято не было, стоял отдельным вопросом. «За исключением строительства на р. Баксан, – все перечисленные, намеченные на ближайшее пятилетие, строительства получили визу центральных органов Союза и утверждены особыми постановлениями последних», – констатирует Покшишевский [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 69]. Возможно, определенное отрицательное значение в принятии решения по Баксану имела позиция Наркомата путей сообщения, который как раз в это время проводил оценку и экономическое обоснование строительства собственной ГЭС на реке Малка.

Представляется, что краевой СНХ рассматривал проблему более широко, понимая необходимость обеспечения электроэнергией городов-курортов Кавказских Минеральных Вод, мукомольной и маслобойной промышленности, сосредоточенной в основном в районе города Георгиевска, деревообрабатывающих предприятий КБАО и перспективных планов развития промышленности района. Принятие решения в пользу Баксанской станции свидетельствует о победе концепции комплексного освоения имеющихся ресурсов над узковедомственным подходом НКПС. «Наличие ряда рек и обилие даровой энергии в районе, естественно, привело к мысли строить его энергетику на водной, а не на тепловой энергии, в результате чего для покрытия приведенных выше нагрузок, Северо-Кавказским Краем проектируется сооружение мощной районной гидроэлектрической станции на реке Баксан у селения Кызбурун II-й на территории Кабардино-Балкарской Автономной Области», – отмечалось в докладе [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 83].

В докладе Покшишевского приводится краткое описание проекта Баксанской станции, который впоследствии был кардинально пересмотрен: «На 1,5 километра ниже впадения в Баксан реки Гунделен устраивается плотина, высотой около 30-40 метров, от которой идет подводящий канал длиною около 17 километров. Канал заканчивается напорной камерой, из которой вода подводится к турбинам напорным трубопроводом длиною свыше 300 метров; при этом получается напор до 165 метров. Предвидится установка 4-х турбин по 7.500 кв каждая, из которых одна является резервом. От шин высокого напряжения повысительной подстанции отходят четыре линии, предназначенные к подаче тока на Минераловодскую ж.д. железнодорожную ветвь и по району» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 84].

Начало работ по сооружению станции намечалось на 1927-28 финансовый год со сроком окончания в конце 1931 года. Стоимость работ оценивалась в 16.000.000 рублей, из которых 75% должны быть отнесены к финансированию за счет союзного бюджета, «ввиду того, что Баксанская гидроцентраль относится к сооружениям союзного значения» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 84]. Оставшаяся четверть должна была быть профинансирована из краевого бюджета. Планы электрификации, в конечном итоге, были реализованы полностью, пусть и с опозданием.

Планирование и реализация программы индустриализации страны и ее составной части – электрификации – проходили в конце 20-х – начале 30-х годов XX века в обстановке острых дискуссий ученых и производственников, постоянных проб и ошибок, поисков оптимальных решений, хронической нехватки финансовых ресурсов, политической борьбы, которая выливалась в ряд крупных процессов против «вредителей» и «врагов народа». В 1930 году в результате острой полемики по вопросам темпов индустриализации между Госпланом и ВСНХ, и на фоне выявления «вредительских контрреволюционных организаций» в том числе и в этих организациях тоже, был снят с поста Председатель Госплана Г.М. Кржижановский, и на его место назначен руководитель ВСНХ В.В. Куйбышев, а на руководство тяжелой промышленностью поставлен Г.К. Орджоникидзе [Верхотуров 2017: 189]. Эти назначения во многом сыграли решающую роль в успешной реализации программы индустриализации в целом, и выполнении программы строительства электроэнергетической основы экономики Северо-Кавказского края, в частности.

«Бесспорно, при наличии дешевой энергии в районе централей появятся новые предприятия, и выгоды для Края от расцвета ее промышленности и хозяйства не поддаются даже приблизительному подсчету» – такими словами заключается «Пятилетний перспективный план крупного электростроительства по Северному Кавказу», представленный В. Покшишевским 27 сентября 1927 года [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 91].

В конце 1932 года краевая газета «Молот» сообщала о том, что план ГОЭЛРО, рассчитанный до 1935 года, по Северному Кавказу был выполнен уже в 1931 году. Мощность электростанций к концу первой пятилетки увеличилась по сравнению с 1913 годом почти в семь раз, а потребление

электроэнергии на душу населения – в десять раз. Электроэнергия заняла преобладающее место в промышленном производстве – 75 процентов. Применение электроэнергии резко подняло производительность труда в промышленности и в сельском хозяйстве. В качестве наиболее яркого примера роста производительных сил та же газета уже 30 октября 1936 года приводила в пример Кабардино-Балкарию: к этому времени здесь производилось промышленной продукции на 54 млн. рублей, что превышало дореволюционное годовое производство в 152 раза [Цориев 1988: 100].

Это был бесспорный успех планового начала в социалистической экономике СССР в целом и Северного Кавказа в частности. Помимо роста производительности труда электрификация решающим образом повлияла на подъем и выравнивание культурного и образовательного уровня народов региона.

Учитывая политические и экономические трудности последних десятилетий, опыт социально-экономического строительства 20-30-х годов в нашей стране, при всех противоречиях и особенностях политической борьбы того времени, заслуживает самого пристального внимания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баллод 1906 – *Баллод К.* (Атлантикус). Государство будущего. Производство и потребление в социальном государстве. – СПб.: Дело, 1906. – 167 с.

Беклемишев 1913 – *Беклемишев А.П.* Ростов на Дону, Рождество 1913 (Воспоминания. Гл. 32) // Семейные истории на фоне эпохи: сайт. URL: http://www.famhist.ru/famhist/atlantida/000e8af0.htm#000d7f76.htm (дата обращения: 28.12.2019)

Боров 2010 – *Боров А.Х.* Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – №2. – С. 175-183.

Верхотуров 2017 – *Верхотуров Д.Н.* Сталинская индустриализация. – М.: Вече, 2017. – 462 с.

ГАРО – *Государственный Архив Ростовской Области*.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации*.

Гриневецкий 1919 – *Гриневецкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. – Харьков: ВЦСПО, 1919. – 210 с.

Журид 1927 – *Журид П.* Опыт оценки итогов районирования Северного Кавказа // Плановое хозяйство. – 1927. – № 2. – С. 231-239.

История… 2019 – *История* и культура народов Северного Кавказа. XX – начало XXI века: учебное пособие / Под ред. А.В. Венкова. – М.: Юрайт, 2019. – 300 с.

Кржижановский 1925 – *Кржижановский Г.М.* К пересмотру плана ГОЭЛРО // Плановое хозяйство. – 1925. – № 7. – С.7-28.

Ленин 1970 – *Ленин В.И.* Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 г. // Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. 5-е изд. Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С.128-162.

Медалиев 1959 – *Медалиев Х.Т.* Социалистическая индустриализация Кабардино-Балкарии (1928-1937 гг.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 130 с.

Медалиев 1972 – *Медалиев Х.Т.* Деятельность КПСС по социалистической индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926-1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 259 с.

Меняйлов 2013 – *Меняйлов А.А.* Индустриализация аграрных регионов Северного Кавказа в 1900-1930-е гг. Дисс. ... к.и.н. – Пятигорск, 2013. – 192 с.

Некрасова 1960 – *Некрасова И.М.* Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921-1931 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 143 с.

Очерки… 2014 – *Очерки* истории Северного Кавказа. XX век / Т.А. Невская и др.; науч. ред. Т.А. Булыгина. – Пятигорск, Ставрополь: ПГЛУ, 2014. – 356 с.

Программа… 1904 – *Программа* исследования мощности главнейших рек восточного побережья Черного моря. Труды Комиссии по рассмотрению вопросов о применении электрической тяги на путях сообщения. – СПб.: [Б. и.], 1904. – 25 с.

Рабинович, Ходжаев 1952 – *Рабинович М., Ходжаев Т.* План ГОЭЛРО и его осуществление. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. – 144 с.

Развитие… 1956 – *Развитие* электрификации Советской страны 1921-1925 гг. Сборник документов и материалов / Сост. П.П. Ковалев; Под ред. И.А. Гладкова. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 703 с.

Свет… 1960 – *Свет* над Россией: очерки по истории электрификации СССР / Ред. И.П. Верховцев; сост. П.А. Казанский, С.И. Мурашов. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. – 400 с.

Симонов 2016 – *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 320 с.

Симонов 2017 – *Симонов С.Н.* Начало электроэнергетики Российской Империи и СССР как проблема техноциноза. – Москва-Вологда: Инфра-инженерия, 2017. – 641 с.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы КБР*.

Цориев 1988 – *Цориев Р.И.* Электрификация горного края. – Орджоникидзе: Ир, 1988. – 238 с.

Шамрай 1990 – *Шамрай Н.Г.* Проблемы электрификации страны и их исследование в историко-партийной литературе: 1917-1985 гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1990. – 50 с.

Электрификация… 1920 – *Электрификация* Кавказского района. Составлено Государственной комиссией по Электрификации России. Научно-технический отдел. – М.: [Б.и.], 1920. – 50 с.

REFERENCES

BALLOD K. (ATLANTIKUS). *Gosudarstvo budushchego. Proizvodstvo i potreblenie v sotsial'nom gosudarstve* [The state of the future. Production and consumption in a social state]. – SPb.: Delo, 1906. – 167 p. (In Russian)

BEKLEMISHEV A.P. *Rostov na Donu, Rozhdestvo 1913 (Vospominaniya. Gl. 32)* [Rostov on the Don, Christmas 1913 (Memoirs. Ch. 32)]. IN: *Semeinye istorii na fone epokhi: sait* [Family stories on the background of the era: website]. URL: http://www.famhist.ru/famhist/atlantida/000e8af0.htm#000d7f76.htm (access data: 28.12.2019) (In Russian)

Borov A.Kh. *Problemy sotsial'no-kul'turnoi modernizatsii Severnogo Kavkaza: sovetskii opyt* [Problems of socio-cultural modernization of the North Caucasus]. IN: Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2010. – No 2. – P. 175-183. (In Russian)

Elektrifikatsiya Kavkazskogo raiona. Sostavleno Gosudarstvennoi komissiei po Elektrifikatsii Rossii. Nauchno-tekhnicheskii otdel [Electrification of the Caucasus region. Compiled by the State Electrification Commission of Russia. Scientific and Technical Department]. – M.: [W.p.], 1920. – 50 p. (In Russian)

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. (In Russian)

GARO – Gosudarstvennyi Arkhiv Rostovskoi Oblasti [State Archive of Rostov Region]. (In Russian)

GRINEVETSKII V.I. *Poslevoennye perspektivy russkoi promyshlennosti* [Post-war prospects for Russian industry]. – Kharkiv: VTsSPO, 1919. – 210 p. (In Russian)

Istoriya i kul'tura narodov Severnogo Kavkaza. XX – nachalo XXI veka: uchebnoe posobie [History and culture of North Caucasian peoples. XX – beginning of the XXI century: a textbook]. Ed. by A.V. Venkov. – M.: Yurait, 2019. – 300 p. (In Russian)

KRZHIZHANOVSKII G.M. *K peresmotru plana GOELRO* [To the GOELRO plan revision]. IN: *Planovoe khozyaistvo*. – 1925. – No 7. – P. 7-28. (In Russian)

LENIN V.I. *Doklad VTsIK i SNK o vneshnei i vnutrennei politike na VIII Vserossiiskom s"ezde Sovetov 22 dekabrya 1920 g.* [Report of the VCIK and SNK on foreign and domestic policy at the VIII All-Russian Congress of Soviets on 22 December 1920]. IN: LENIN V.I. *Polnoe Sobranie Sochinenii* [Complete Works]. Vol. 42. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. – P. 128-162. (In Russian)

MEDALIEV Kh.T. *Deyatel'nost' KPSS po sotsialisticheskoi industrializatsii natsional'nykh respublik i oblastei Severnogo Kavkaza (1926-1937 gg.)* [Activities of the CPSU on socialist industrialization of national republics and regions of the North Caucasus (1926-1937)]. – Nalchik: El'brus, 1972. – 259 p. (In Russian)

MEDALIEV Kh.T. *Sotsialisticheskaya industrializatsiya Kabardino-Balkarii (1928-1937 gg.)* [Socialist Industrialization of Kabardino-Balkaria (1928-1937)]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 130 p. (In Russian)

MENYAILOV A.A. *Industrializatsiya agrarnykh regionov Severnogo Kavkaza v 1900-1930-e gg. Diss. ... k.i.n.* [Industrialization of agrarian regions of the North Caucasus in the 1900s-1930s. The dissertation for the Candidate of Historical sciences degree]. – Pyatigorsk, 2013. – 192 p. (In Russian)

NEKRASOVA I.M. *Leninskii plan elektrifikatsii strany i ego osushchestvlenie v 1921-1931 gg.* [The Lenin plan of electrification of the country and its implementation in 1921-1931]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 143 p. (In Russian)

Ocherki istorii Severnogo Kavkaza. XX vek [Essays on the history of the North Caucasus. XX century] / T.A. Nevskaya and others; Ed. by T.A. Bulygina. – Pyatigorsk, Stavropol: PGLU, 2014. – 356 p. (In Russian)

Programma issledovaniya moshchnosti glavneishikh rek vostochnogo poberezh'ya Chernogo morya. Trudy Komissii po rassmotreniyu voprosov o primenenii elektricheskoi tyagi na putyakh soobshcheniya [A program to study of the power of the major rivers of the eastern Black Sea coast. Proceedings of the commission for consideration of the application of electric traction on tracks]. – SPb.: [W.p.], 1904. – 25 p. (In Russian)

RABINOVICH M., KHODZHAEV T. *Plan GOELRO i ego osushchestvlenie* [GOELRO plan and its implementation]. – M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1952. – 144 p. (In Russian)

Razvitie elektrifikatsii Sovetskoi strany 1921-1925 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Development of electrification of the Soviet country in 1921-1925. Collection of documents and materials]. Compiled by P.P. Kovalev; Ed. by I.A. Gladkov. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1956. – 703 p. (In Russian)

SHAMRAI N.G. *Problemy elektrifikatsii strany i ikh issledovanie v istoriko-partiinoi literature: 1917-1985 gg.: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Problems of Electrification of the Country and their Research in Historical and Party Literature: 1917-1985. Abstract of dissertation for the Doctor of Historical sciences degree]. M., 1990. – 50 p. (In Russian)

SIMONOV N.S. *Razvitie elektroenergetiki Rossiiskoi imperii: predystoriya GOELRO* [Development of the electric power industry of the Russian Empire: GOELRO prehistory]. – M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2016. – 320 p. (In Russian)

SIMONOV S.N. *Nachalo elektroenergetiki Rossiiskoi Imperii i SSSR kak problema tekhnotsinoza* [The beginning of electric power industry of Russian Empire and USSR as a problem of technocynosis]. – Moscow-Vologda: Infra-inzheneriya, 2017. – 641 p. (In Russian)

Svet nad Rossiei: ocherki po istorii elektrifikatsii SSSR [Light over Russia: Essays on the History of Electrification of the USSR]. Ed. by I.P. Verkhovtsev; Compiled by P.A. Kazanskii, S.I. Murashov. – M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1960. – 400 p. (In Russian)

TSORIEV R.I. *Elektrifikatsiya gornogo kraya* [Electrification of the mountainous region]. – Ordzhonikidze: Ir, 1988. – 238 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby KBR [Department of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardin-Balkarian Republic]. (In Russian)

VERKHOTUROV D.N. *Stalinskaya industrializatsiya* [Stalin industrialization]. – M.: Veche, 2017. – 462 p. (In Russian)

ZHURID P. *Opyt otsenki itogov raionirovaniya Severnogo Kavkaza* [Experience in assessing the results of zoning in the North Caucasus]. IN: *Planovoe khozyaistvo*. – 1927. – No 2. – P. 231-239. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 94(44) 81 (=35) - 054.72

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-136-146

ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ АДАПТАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭМИГРАНТОВ В 1920-1930-Е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И ОБРАЗОВАНИЯ[1]

И.Л. БАБИЧ

Институт этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
babich@iea.ras.ru

Аннотация. Цель статьи – описать ключевые аспекты адаптации северокавказцев – эмигрантов, которые эмигрировали в 1920-е г. в Европу. Автор рассматривает языковые проблемы (французского, русского и северокавказских языков) и проблемы образования и обучения в Европе. Статья подготовлена на основе группы архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот: это материалы из российских и французских архивных фондов, данные проведенных автором полевых этнографических интервью с детьми эмигрантами первой волны, а также опубликованные материалы (материалы эмигрантских журналов и газет). Подобная тема исследования впервые стала рассматриваться в научных работах. Автор подробно останавливается на уровне знания северокавказцами французского языка, на роли русского языка в кавказской эмигрантской среде и наконец, степени сохранения национальных языков народов Северного Кавказа. Образование северокавказских эмигрантов включает два аспекта: характеристика образования, полученного северокавказскими эмигрантами еще в Российской империи (высшего, среднего образования), и описание системы получения образования в европейских странах (Чехии, Франции и др. европейских странах).

Ключевые слова: Северный Кавказ; народы; национальные языки; французский язык; русский язык; высшее образование; обучение.

FEATURES OF EUROPEAN ADAPTATION OF NORTH CAUCASIAN EMIGRANTS IN THE 1920-1930-s: PROBLEMS OF LANGUAGE AND EDUCATION

I.L. BABICH

Institute of Ethnology and anthropology RAS
119334, Moscow, Lenin Ave., 32a

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

babich@iea.ras.ru

Abstract. The aim of this article is to describe the key aspects of adaptation of North Caucasians who emigrated to Europe in the 1920-s. The author considers language problems (French, Russian and North Caucasian languages) and problems of education and training in Europe. The article is prepared on the basis of some group of archival materials. These materials re from Russian and French archival funds, materials collected by the author of field ethnographic interviews with children of emigrants of the first wave, as well as published materials (materials of emigrant journals and Newspapers). This study was a new research on theme of adaption in the sphere of language and education among North Caucasian emigrants. The author studies the level of knowledge of the North Caucasians of the French language, the role of the Russian language in the Caucasian emigrant environment and finally, the degree of preservation of the national languages of the peoples of the North Caucasus. Education of North Caucasian emigrants includes two aspects: characteristics of education received by North Caucasian emigrants in the Russian Empire (higher, secondary education), and description of the system of education in European countries (Czech Republic, France and other European countries).

Keywords: North Caucasus; peoples; national languages; French languages; Russian languages; higher education; training.

Введение

В 1920-е годы северокавказцы, не согласные с социально-политическими изменениями в стране и регионе, были вынуждены эмигрировать: часть из них осела в Турции, где в то время жили потомки тех, кто было насильственно переселен в разные периоды XIX – начала XX вв., а большинство – в странах Европы, и в первую очередь, во Франции. Это были горцы-военные, чиновники, представители интеллигенции, активные мусульманские, национальные и общественно-политические деятели. Все они столкнулись с проблемой приспособления к европейской жизни. Важными аспектами адаптации эмигрантов к чужой культуре, жизни, особенностям социально-экономической жизни является решение проблемы «языкового» комфорта и получения в новой стране образования. Как северокавказцы решали языковые проблемы, как получали образование и находили работу? В предлагаемой статье мы рассмотрим ключевые аспекты новой жизни северокавказцев во Франции в 1920-1930-е гг. Объект данного исследования – северокавказские эмигранты во Франции в 1920-30-е гг., предмет – языковые и образовательные формы адаптации к новой жизни.

Статья подготовлена на основе группы архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. В статье привлечены материалы из двух российских архивов: Архива Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Etranger, Москва. Дом Русского Зарубежья) и Государственного архива Российской Федерации. Между тем, основной корпус архивных данных был извлечен нами из различных архивов Франции, где оказалось достаточно много материалов, которые осели в государственных и частных архивах, освещающих различные стороны жизни кавказских эмигрантов 1920-1930-х гг.: архив Али Мардана Бека Топчибаши

(Топчибашева), материалы, почерпнутые нами из Французского управления по защите беженцев и лиц без гражданства (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides, OFPRA). Кроме того, в статье использованы данные проведенных автором полевых этнографических интервью с детьми эмигрантов первой волны. В работе привлечены материалы зарубежной периодики 1920-1950-х годов: это кавказские журналы («Северный Кавказ», «Кавказ», «Кавказский горец»), казачьи журналы («Терский казак»), русские журналы и газеты («Русская мысль», «Новое русское слово»). В данных журналах мы обнаружили не только статьи северокавказцев общественно-политического характера, но и факты их жизни. В статье применен исторический метод исследования, что позволило собрать, проанализировать и интерпретировать собранные архивные материалы и данные устной истории. Это дало возможность провести историческую реконструкцию отдельных сторон жизни северокавказских эмигрантов во Франции 1920-30-е годы.

Новизна данной статьи состоит в том, что, во-первых, впервые введены новые архивные материалы (из российских и французских архивов). Во-вторых, впервые подняты вопросы бытования среди эмигрантов различных языков и решение проблемы получения образования в Европе. До сих пор по данной тематике не было ни одной научной работы. В основном, за последние 20-30 лет достаточно плодотворно и всесторонне изучается история русской эмиграции в Европе [Турыгина 2016], а также активно изучаются формы современной адаптации русских колоний в мире [Русский мир… 2018]. Между тем кавказская эмиграция как объект исследования – явление в зарубежном эмигрантоведении новое, в котором пока больше «белых пятен», чем открытий.

Освоение французского языка. Сохранение национальных и русского языков

Одним из главных компонентов адаптации эмигранта к жизни в другой стране является освоение им государственного языка. Большинство северокавказских эмигрантов, приехав во Францию в 1920-е годы, не знали французского языка. Лишь отдельные северокавказцы владели этим языком. Таким человеком был общественный деятель, кумык Гайдар Баммат. Оказавшись во Франции, Г. Баммат издавал книги по истории, этнографии и религии Кавказа на французском языке. Адыг Айтек Намиток, юрист по образованию, тоже прекрасно владевший французским языком, поступил в университет Сорбонны, где увлекся историей, этнографией и фольклором Кавказа, став со временем членом Лингвистического парижского общества (Société de linguistique de Paris). Во Франции он издал ряд книг на французском языке, среди которых «Происхождение черкесов» и др. В 1930-е годы французским языком владел и осетин Д. Дзанти. В Париже он делал доклады об осетинских традициях на французском языке. Но эти люди скорее исключение, чем правило. Все кавказские эмигранты (в том числе и северокавказцы), как свидетельствуют многочисленные архивные материалы, вели переговоры между собой на русском языке. Русский язык знали все кавказцы. Как известно,

Российская империя в течение XIX – начале XX вв. создала довольно разветвленную систему начального и среднего образования на Кавказе, где изучался русский язык [Бабич 2008]. Большинство кавказских эмигрантских журналов («Северный Кавказ», «Независимый Кавказ» и др.) 1920-х годов издавались на русском языке. Именно русский язык в это время стал языком международного общения для всех кавказских эмигрантов в Европе вообще и во Франции в частности.

Поскольку в эмиграции оказались и те кавказцы (в том числе и северокавказцы), которые стремились к организации в эмиграции общественно-политической деятельности, точнее, к продолжению этой работы заграницей, требовалось установить контакты с французскими государственными, военными и общественными лидерами. Пропагандировать свои идеи среди французов без французского языка сделать было невозможно. В те годы русский язык не был популярен среди французов. Те кавказцы, которые проводили заседания своих общественно-политических и национальных объединений, печатали протоколы этих встреч на русском языке. Тем не менее они начали делать переводы этих материалов на французском языке. В частности, уже в 1922-1923 гг. так делал руководитель азербайджанской зарубежной делегации, прибывшей на мирную конференцию в Версале в 1919 г., Али Мардан Топчибаши. В эмиграции он часто проводил заседания своей делегации, которая в полном составе осталась во Франции. Кроме того, он начал движение за создание на Родине нового государственного образования – Кавказской конфедерации, куда должны были войти все народы Кавказа (в том числе и северокавказцы). Заседания сторонников этого движения также переводились на французский язык и распространялись среди французской политической элиты [ААМТ. Кор. I-X].

В 1926 г. адыг А. Намиток совместно с азербайджанцем Д. Гаджибейли начал издавать журнал «Прометей» на французском языке [ААМТ. Кор. XIII-XIV]. Целью издания данного журнала была пропаганда кавказских идей во французской среде. Большинство статей в журнале «Прометей», посвященных истории Северного Кавказа, были подготовлены не историками, а политиками (В.-Г. Джабагиевым, А. Кантемиром, А. Цаликовым, Т. Элекхоти, К.-Х. Бесолти, И.-Б. Чуликом, Б. Билатти, Т. Шакмановым и др.). В архиве Али Мардана Топчибаши мы нашли отчет о деятельности журнала «Прометей» за 1926–1934 гг., в котором указано, что задачи журнала – «ознакомить общественное мнение Европы с действительным положением вещей в России, лишенной внутреннего национального единства и представляющей, при настоящем положении, большую опасность для спокойствия Европы и всего мира. Осветить перед ними действительный вес и значение политических образований, как Кавказ и Украина, с точки зрения интересов общего мира и норм международных отношений» [ААМТ. Кор. XI].

Между тем семьи северокавказцев, в которых были дети, довольно скоро переставали иметь проблемы с французским языком. Дети пошли учиться во французские школы, где быстро освоили новый язык. Однако семейных северокавказцев в 1920-е годы во Франции было немного. Основная часть

эмигрантов с Северного Кавказа оказалась в новой стране без семей и не сразу обзавелась супругами, оставаясь одинокими многие годы. Со временем некоторые из военных-горцев женились на француженках.

Важной «языковой» проблемой во Франции для народов Кавказа стало сохранение национальных (кавказских) языков. Как мы указывали выше, среди кавказской эмиграции было много офицеров и казаков, состоявших на службе в Российской армии. Все они окончили военные учебные заведения в Российской империи, где, как правило, запрещалось говорить на национальных (родных) языках. В этих заведениях все преподавалось на русском языке. Хорошо владея русским языком, многие из военных-горцев вообще не знали своего родного языка. В быту они пользовались русским языком. Такая ситуация была характерна и для других северокавказцев, находящихся на службе в различных российских органах власти.

Писатель, осетин Гайто Газданов, попавший подростком в эмиграцию, не знал осетинского языка [Диенеш 1995]. Родившиеся уже во Франции или приехавшие малолетними дети кавказских офицеров вообще не знали родных языков. В их семьях говорили только на русском языке. Так было в семьях осетинского офицера Михаила Абациева, грузинского офицера Михаила Чавчавадзе [ПМА]. Об этом нам рассказывал сын Чавчавадзе – Нико. Отметим, что среди националистически настроенных кавказцев знание родных языков приветствовалось, поэтому в Париже были грузины-националисты, которые хорошо знали грузинский язык, но Нико, выросший в семье российского офицера, не мог пойти учить язык к своим же соплеменникам, но другой политической ориентации [ПМА].

Иногда в парижских учебных заведениях появлялись курсы по изучению кавказских языков, например, в 1928 г. при Институте восточных языков и культуры были открыты курсы осетиноведения и осетинского языка (рук. – проф. Г.Д. Воронец) [Русское зарубежье… 1995]. В журнале «Горцы Кавказа», издаваемом в Париже, мы встретили такое объявление: «Лица, желающие приобрести адыгейскую азбуку и грамматику (в сирийской транскрипции), обращаться к Батоко Харуну» [Горцы… 1933: 10]. Заказ следовало направлять в Сирию. Таким образом, с одной стороны, можно отметить, что попытки сохранения северокавказских языков имели место быть во Франции в 1920-30-е годы, но с другой, ослабление национальных языков было налицо. Как нам представляется, незнание северокавказскими эмигрантами своих родных языков во многом облегчало им адаптацию к французскому языку и культуре, а следующему поколению – и ассимиляцию.

Как мы указывали выше, в эмиграции кавказцы общались между собой на русском языке, разрабатывая между тем идею создания общего для всех кавказских народов языка на базе кумыкского языка [ААМТ. Кор. IX]. В Варшаве была создана комиссия, в которую вошли многие видные представители народов Северного Кавказа. На рассмотрение были представлены следующие языки: кумыкский, абхазский, адыгейский, аварский, чеченский, осетинский. При выборе межплеменного языка комиссия остановила свой выбор на кумыкском языке. Решено было в этот язык внести

слова, которые являются общими для большинства племенных языков Северного Кавказа. При этом учитывалось и то, что кумыкский (тюркский) язык в течение веков играл на Северном Кавказе роль языка lingua franca. На комиссии также было принято решение «в качестве основы будущего северокавказского унифицированного алфавита использовать так называемый новый тюркский алфавит, вводимый советским правительством во многих восточных «автономиях», в том числе отчасти и на Северном Кавказе.

Подчеркнем, что среди националистических общественных лидеров Северного Кавказа, которые в эмиграции активно боролись против включения региона в состав России, отношение к русскому языку было резко отрицательным. По их мнению, Россия активно насаждала народам Северного Кавказа русский язык и русскую культуру, принеся народам неисчислимые бедствия. В журнале «Северный Кавказ» в 1935 г. указывалось, что «через 5-7 лет после восстановления независимого горского государства русский язык будет символически, но торжественно сожжен на костре перед памятником нашей независимости… Каждый из горских народов сохраняет свой язык для развития своих духовных ценностей и сохранения извечных традиций, характерных для него» [К.А. 1934: 25-31].

Образование

Приехавшие во Францию северокавказские эмигранты были с разным «образовательным» багажом, в силу чего им пришлось по-разному решать вопрос о продолжении учебы и приобретении профессий. Как мы указывали выше, среди эмигрантов было много военных. Они, как правило, окончили различные военные заведения Российской империи. Были люди, которые получили среднее техническое или высшее образование в России, и даже успевшие там поработать по своей специальности. Проанализируем «образовательный» багаж северокавказцев.

Северокавказцы, получившие высшее образование в Российской империи

Таких людей было немного. Два северокавказца окончили медицинские факультеты: один – в Московском (Э.К. Кудашев), второй – в Киевском государственных университетах (И.М. Шаков). Хотя В.Н. Кудашев прожил в эмиграции до 1946 г., у нас нет сведений, что он работал во Франции по специальности, тогда как И.М. Шаков, который еще до революции имел собственную клинику в Грозном, и во Франции продолжил свою врачебную деятельность в 1930-е годы. Он организовал гинекологический кабинет в 15-м округе Парижа, где проживало большинство северокавказских эмигрантов.

Во Францию прибыли северокавказцы, которые еще в Российской империи получили юридическое образование (в Московском и С.-Петербургском университетах), а также опыт практической работы в этой сфере деятельности. Присяжными поверенными работали выпускники Московского университета, карачаевец Магомед Лабманович Абуков, осетин

Георгий Васильевич Баев [Некролог… 1939]. В Москве учились казак Лука Лаврентьевич Быч, черкес Мурат Хатгогу, балкарец Таусултан Келеметович Шакманов (работал адвокатом), осетин Ахмет Цаликов. Выпускниками С.-Петербурского университета были: осетин Алихан Кантемир, кумык Гайдар Бей Нажмутдинович Баммат (работал адвокатом), кабардинец Гамид-бей Чежоков (работал судебным следователем), Пшемахо Тамашевич Коцев, а также упоминавшийся выше азербайджанец Али Мардан Топчибаши (работал присяжным поверенным). Черкес Шахим Султан-Гирей окончил юридический университет Харьковского университета, работал до революции адвокатом. Осетин Михаил Николаевич Абациев попал в эмиграцию, не успев доучиться на юридическом факультете С.-Петербурского университета, доучивался уже в Русском университете в Праги. У нас почти нет информации, что северокавказским эмигрантам удавалось устроиться на работу по профилю своего высшего образования. Известно, что М.Н. Абациев, любя юриспруденцию, никогда не работал в Париже по специальности. Он, окончив автомобильные курсы, работал шофером такси. Видимо, адвокатская практика в Париже была у балкарца Т. Шакманова.

В Париже оказалось несколько армян, окончивших Лазаревский институт восточных языков (Абрам Осипович Гукасов (Гукасянц), Александр Семенович Шах-Назаров. Восточный факультет С.-Петебургского университета окончил бжедуг Василий Николаевич Гаджемуков.

Были северокавказцы, получившие техническое (инженерное) образование. Двое из них окончили Институт инженеров путей сообщения (С.-Петербург): казак, осетин Семен Андреевич Хатаев, лезгин Ибрагим-Бек Исабекович Гайдар. Вассан-Гирей Эльджиевич Джабаги приехал во Францию, имея профессию агронома. Высшее образование имел его брат ингуш Магомет-Гирей Джабаги, который еще до революции окончил Владикавказское реальное училище и Рижский политехнический институт.

Обучение

Попав в эмиграцию детьми, подростками северокавказцы пошли учиться в лицеи, гимназии. Например, дочь Измаила Шакова – Цурьета окончила в Париже лицей Мольера (1929 г.) [OFPRA]. Приехавшие в 1920 в Париж вместе с отцом, кабардинцем К.Н. Хагондоковым сыновья – подростки (Георгий и Константин) пошли учиться в лицей Оша (Версаль). Вначале 1920-х гг. Русскую гимназию в Шумене (Болгария) окончили чеченец М.И. Байсунгуров и осетин Г.И. Газданов [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 109, 3458]. Сложнее было с молодыми людьми. Но помогла Чехия. Многие северокавказские эмигранты, прежде чем осесть во Франции, вначале оказались в Чехии, в Праге, власти которой выделили значительные средства на образование беженцев из России. Большинство беженцев из России получили образование именно в Праге. Чешские власти также субсидировали русские печатные издания, научные институты, создание русских архивов и т.п. К концу 1920-х годов из-за мирового экономического кризиса чешское финансирование сократилось.

Эмигранты, в том числе и горцы Северного Кавказа, переехали во Францию [ААМТ].

В 1920-х гг. северокавказские эмигранты объединились в Союз горцев Кавказа. В 1923 г. на собрании членов Союза было принято «Обращение ко всем эмигрантам горцам Кавказа», в котором говорилось следующее:

«Горцы Кавказа, находящиеся на территории Чехословацкой Республики, объединились в единой организации, носящей название «Союз Горцев Кавказа в Ч.С.Р.». Цель союза – помочь *получить молодежью образование и «вернуться на Кавказ полезными работниками на благо народа»*. Чешские власти, предоставляя горцам стипендии для бесплатного обучения в вузах Чехии, обращались именно в Союз горцев Кавказа для того, чтобы Союз сам их распределял. На эти стипендии были приняты кабардинцы И. Сидаков, М. Шуманукова и Хаджет Сиатокова, балкарцы И. Урусбиев и Науруз Суншев, осетины К. Зангиев и А. Кундухов, азербайджанец А. Султан-задэ Хроника… 1923: 70-72].

В 1923 г. в Праге был основан Русский народный университет, где обучались тысячи эмигрантов из России, в том числе и северокавказцы. На юридическом факультете учились осетины, офицер Михаил Абациев и казак Николай Вазагов [ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 32]. Естественный факультет Карловского университета окончил адыг Эльмурза Бекович-Черкасский (до этого во Владикавказе он окончил реальное училище). В Украинском свободном университете учились адыги Гамид Бекух и Мурат Хатгогу [Хроника… 1923: 70-72]. Осетин Кази-Хан Бесолти окончил в Праге коммерческий институт. На агрономическом факультете Политехникума учились адыг Бейбулат Бжегаков, осетины Джемалэддин Кануков и Руслан Тлатдаты; на электромеханическом – адыг Крым-Гирей Кучмазукин, аварец Ахмед Магомаев, балкарец Али Шаханов; на путейском факультете – осетин Боза Саламов [Хроника… 1923: 70-72]. В Институте сельскохозяйственной кооперации учился осетин Константин Гульдиев. Осетины Барасби Павлович Байтуганов и Салказанты окончили высшую железнодорожную школу (Прага). Чеченец Ахмет Наби Магома (Магомаев), который окончил реальное училище (в Темир-Хан Шуре, ныне – Буйнакске). В эмиграции, в Праге, он продолжил образование и получил диплом инженера [Некролог… 1961].

Получение высшего образования во Франции

Первое поколение северокавказских мигрантов стремилось продолжить учебу и во Франции, но таковых было мало. Имея диплом о среднем образовании, они не продолжали учиться в дальнейшем, например, адыг Пшемаф Челеметович Аджигоев еще в Майкопе окончил механико-техническое училище, но в эмиграции далее не учился.

Во Франции был образован эмигрантский фонд Земгора, который предоставлял стипендии тем, кто хотел получать образование. После окончания учебы и получения работы стипендиат должен был вернуть средства. И в архиве этого фонда есть заявления и от северокавказцев. Так, в университете

Сорбонны четыре года учился осетин Гайто Газданов [Диенеш 1995]. Казак из Екатеринодара Г.А. Четыркин окончил национальную музыкальную школу в Клермон-Ферране (в 1932 г.). Чеченец Абдула Меджидович Бадуев обращался в фонд Земгора для оказания ему финансовой помощи для получения диплома в области коммерции [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 3699]. Были случаи, когда военные продолжали военное обучение во Франции. Например, Саид Тукаев успел до революции окончить Владикавказский кадетский корпус. Во Франции он окончил кавалерийскую школу в Сомюре (1924 г.) [OFPRA].

Среди тех, кому удалось продолжить свое образование во Франции, было больше южнокавказцев. В Сорбонне учились: армянин А.А. Агаронян, азербайджанцы К. Макинский и Ага-Реза Тагиев (окончил школу политических наук (1924 г.). Электротехнический институт окончили армянин Г.А. Варданян (Тулуза, 1928 г.), грузин Н.Е. Гучмадзе (Нанси, 1931 г.). Грузины И.И. Надирадзе и Н.Г. Сабанадзе учились в Ecole de Filature et de Tissage (Мюлуз). Армянин М.Н. Тер-Микелов – в Ecole des Beaux-Arts (Париж, 1927 г.). Армянин Х. Туманьянц – в университете (Монпелье). Грузин Д. Цицишвили-Цицианов – в Ecole Technique de Photographie et de Cinematographie (1935 г.). Любопытно, что в списках выпускников всех учебных вузов Гренобля за 1920-1940-е годы, в котором мы видим около 400 фамилий эмигрантов из Российской империи, нет ни одного северокавказца, но есть грузины и армяне. Так, в коммерческом институте училась Н.А. Бебутова, в политехническом – грузин П.И. Джапаридзе, в электротехническом – грузин Н.П. Сабашвили [АЦ. Ф. 13. Разные дела].

Иногда северокавказцы, жившие во Франции, получали высшее образование в других европейских странах. Кумык Талат Шамхал-Тарковский в 1924 г. окончил английскую школу в Турции (Буюк-Дюре), а после переезда на жительство во Францию – Вандомский лицей. Затем он уехал учиться в Лувенский университет (Бельгия) [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Т. 7. Д. 3842]. Известный художник из Дагестана Мусаясул Халил-Бек окончил Академию художеств по классу живописи и рисования в Мюнхене (Германия), но как художник состоялся именно в Париже [Кантемир 1949]. Французский Земгор выделил стипендию адыгу Крым-Гирею Кучмазукину, который был принят в 1931 г. в Калифорнийский университет (США) [АЦ. Ф. 13. Оп. 2. Т. 8. Д. 4826]. Казаки, чеченцы из Грозного, братья А.И. и Е.И. Мамуковы окончили Белградский университет (физико-математический и технический факультеты).

Заключение

Как показали наши исследования, с одной стороны, многие северокавказские беженцы 1920-х годов получили среднее или высшее образование еще в Российской империи (главным образом, военное), с другой стороны, немногим из переселенцев удалось продолжить обучение в эмиграции. Большую роль в образовательном процессе сыграла Чехия, которая организовала в Праге Русский университет. Многие беженцы с Северного Кавказа прежде, чем обосноваться в Париже, отучились в нем. В какой степени

северокавказские эмигранты смогли применить свои специальные знания в эмиграции. Военные охотно шли служить во французский иностранный легион. Однако большинство эмигрантов устраивалось на рабочие специальности на автомобильные, металлургические заводы, многие становились водителями такси. На наш взгляд, проблема получения образования и использования его при приобретении профессий для эмигрантов первой волны практически не была решена. Не будем забывать, что языком общения для всех северокавказских общин был русский, французского языка почти никто не знал. Важно понимать, что многие горцы не знали и свои родные языки, что отчасти облегчало им адаптацию к французскому языку и культуре.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ААМТ – *Архив Али Мардана Бека Топчибаши* (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHESS). Париж (Франция).

АЦ – *Архив Центрального* комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Etranger) // Дом Русского Зарубежья. Москва (Россия).

Бабич 2008 – *Бабич И.Л.* Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ "Росинформагротех", 2008. – С. 171-186.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации*.

Горцы… 1933 – *Горцы* Кавказа. – 1933. – № 43.

Диенеш 1995 – *Диенеш Л.В.* Гайто Газданов: жизнь и творчество. – Владикавказ: Издательство Сев.-Осет. института гуманитарных исследований, 1995. – 303 с.

К.А. 1934 – *К.А.* О едином горском алфавите и языке // Северный Кавказ. – 1934. – № 4.

Кантемир 1949 – *Кантемир А.* Некролог // Русская мысль. – 1949. – № 163.

Некролог… 1939 – *Некролог* // Терский казак. – 1939. – № 38.

Некролог… 1961 – *Некролог* // Новое русское слово. – 1961. – 23 апреля.

ПМА – *Полевые материалы автора*. Интервью с Нико Чавчавадзе. 20 декабря 2017 г. Париж (Франция).

Русский мир… 2018 – *Русский мир* в меняющемся мире / Отв. ред. Г.А. Комарова. – М.: ИЭА РАН. 2018 – 402 с.

Русское зарубежье… 1995 – *Русское зарубежье*: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940. Франция: в 4 т. Т. 1: 1920-1929 / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.; Париж: ЭКСМО; YMCA-Press, 1995. – 630 с.

Турыгина 2016 – *Турыгина Н.В.* Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2016 – 190 с.

Хроника… 1923 – *Хроника* горской жизни // Кавказский горец. – 1923. – № 1.

OFPRA – Французское управление по защите беженцев и лиц без гражданства (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides, *OFPRA*). Париж (Франция).

REFERENCES

Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva) [Archive by Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. IN: *Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoy Rossii, Kavkaza i Tsentral'noy Evropi. Parizh (Frantsiya)* [Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. Paris, France]. (In Russian)

Arkhiv Tsentral'nogo komiteta po obespecheniyu vysshego obrazovaniya russkomu yunoshestvu za granitsey (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Etranger) [Archive of the Central Committee for the Higher Education of Russian Youth Abroad (Comité Central de Patronage Universitaire russe à l'Etranger)]. IN: *Dom Russkogo Zarubezh'ya. Moskva (Rossiya)* [House of Russian Abroad. Moscow, Russia]. (In Russian)

BABICH I.L. *Vzaimosvyaz' sovremennykh gorskikh ideologiy i natsional'nykh interesov Rossii na Severnom Kavkaze* [The relationship of modern mountain ideologies and national interests of Russia in the North Caucasus]. IN: *Severnyy Kavkaz v natsional'noy strategii Rossii* [North Caucasus in the national strategy of Russia]. Ed. by V.A. Tishkov. – M.: FGNU "Rosinformagrotekh", 2008. – P. 171-186. (In Russian)

DIYNESH L.V. *Gayto Gazdanov: zhizn' i tvorchestvo* [Gaito Gazdanov: life and work] – Vladikavkaz: Publisher Sev.-Oset. Institute of humanitarian researches. – 1995. – 303 p. (In Russian)

Frantsuzskoye upravleniye po zashchite bezhentsev i lits bez grazhdanstva (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides) [French Office for the Protection of Refugees and Stateless Persons (Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides]. Paris. (In French)

Gortsy Kavkaza. – 1933. – No 43. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

K.A. *O yedinom gorskom alfavite i yazyke* [About a single mountain alphabet and language]. IN: *Severnyy Kavkaz*. –1934. – No 4. (In Russian)

KANTEMIR A. Nekrolog [Obituary] IN: *Russkaya mysl'*. – 1949. – No 163. (In Russian)

Khronika gorskoy zhizni [Chronicle of mountain life]. IN: *Kavkazskiy gorets*. – 1923. – No 1. (In Russian)

Nekrolog [Obituary]. IN: *Novoye russkoye slovo*. – 1961. – April 23. (In Russian)

Nekrolog [Obituary]. IN: *Terskiy kazak*. – 1939. – No 38. (In Russian)

Polevyye materialy avtora. Interv'yu s Niko Chavchavadze. Parizh (Frantsiya) [Author's field materials. Interview with Niko Chavchavadze. Paris (France) 2017]. (In Russian)

Russkiy mir v menyayushchemsya mire [Russian world in a changing world]. Ed. by G.A. Komarova. – Moscow: Institute of Ethonology and Anthropology, RAN, 2018 – 402 p. (In Russian)

Russkoye zarubezh'ye: Khronika nauchnoy, kul'turnoy i obshchestvennoy zhizni, 1920-1940: v 4 t. T. 1: 1920-1929 [Russian Abroad: A Chronicle of Scientific, Cultural and Social Life, 1920-1940: in 4 vols. Vol. 1: 1920-1929]. Ed. by L.A. Mnukhin. – M.; Paris: EKSMO; YMCA-Press, 1995. – 630 p. (In Russian)

TURYGINA N.V. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii v gody Vtoroy mirovoy voyny: Dis. … kand. ist. nauk.* [Russian emigration to France during the Second World War: The dissertation for the Candidate of Historical sciences degree]. – S-Petersburg, 2016, – 190 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 93/94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-147-162

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

А.И. ТЕТУЕВ

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр "Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН).
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и других источников исследуется проблема отражения в исторической памяти повседневной жизни балкарцев в условиях спецпоселения. Анализируются источники и литература по исследуемой теме. Проведены комплексная реконструкция и оценка всей нормативно-правовой базы органов государственного власти, регламентирующих повседневную жизнь спецпереселенцев: административно-правовое положение, социальный статус, хозяйственно-бытовое устройство, использование труда и вовлечение их в общественную деятельность. Анализ документов и воспоминаний бывших спецпереселенцев позволил раскрыть негативные факторы, повлиявшие на повседневную жизнь особенно в первый период депортации. Освещаются трудности хозяйственно-бытового обустройства и жизни спецпереселенцев в условиях комендантского режима. Выявлены демографические потери балкарского народа. Показана деятельность спецпереселенцев фронтовиков, бывших партийных, хозяйственных и творческих работников, направленная на отстаивание справедливости и мобилизацию соотечественников к выживанию в условиях спецпоселения. Исследуется повседневная жизнь балкарского народа в условия смягчения режима спецпоселений. Раскрываются достижения спецпереселенцев в труде, хозяйственном обустройстве и спортивной жизни. Показано негативное влияние депортации на развитие национальной культуры, подготовку кадров в высших и средних специальных учебных заведениях.

Ключевые слова: память; балкарцы; спецпереселенцы; правовое положение; адаптация; выживание; быт; труд; образование; культура.

THE DAILY LIFE UNDER CONDITIONS OF SPECIAL VILLAGE IN HISTORICAL MEMORY OF THE BALKARIAN PEOPLE

A.I. TETUYEV

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Abstract. Based on archival materials and other sources, the article explores the problem of reflecting in the historical memory the daily life of the Balkars in a special settlement. Sources and literature on the topic under study are analyzed. A comprehensive reconstruction and assessment of the entire regulatory framework of state authorities governing the daily lives of special settlers was carried out: administrative and legal status, social status, household structure, the use of labor and their involvement in social activities. An analysis of the documents and memoirs of the former special settlers made it possible to uncover the negative factors that had an impact on everyday life, especially during the first period of deportation. The difficulties of the household arrangement and the life of special settlers in the curfew are highlighted. The demographic losses of the Balkarian people are revealed. The activity of special settlers of front-line soldiers, former party, business and creative workers, aimed at upholding justice and mobilizing compatriots to survive in the conditions of special settlements, is shown. The everyday life of the Balkar people is studied in the conditions of softening the regime of special settlements. The achievements of special settlers in labor, household amenities and sports life are revealed. The negative impact of deportation on the development of national culture, training in higher and secondary special educational institutions is shown.

Keywords: memory; Balkars; special settlers; legal status; adaptation; survival; life; work; education; culture.

Во второй половине 30-х годов XX века и в годы войны десятки народов Союза ССР были выселены с родных мест в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Репрессии оказали негативное влияние на повседневную жизнь спецпереселенцев и развитие культуры и образования. Депортированные народы, в том числе балкарцы, вынуждены были организовывать свою жизнь в трудных условиях спецпоселений. Изучение и осмысление исторической памяти о повседневной жизни балкарского народа в местах спецпоселений является актуальной проблемой и имеет большое научное и практическое значение.

По исследуемой теме опубликованы сборники документов и воспоминаний: «Балкария: Депортация: Свидетельствуют очевидцы», «Реквием…», «Человек непобедим: к 70-летию депортации балкарского народа» и др. [Балкария… 2015; Реквием… 1996; Человек непобедим… 2014] Необычайной эмоциональной силой воздействия обладают эти издания, в которых память о депортации отразилась в воспоминаниях самих депортированных, очевидцев и свидетелей этих трагических событий.

Особое место среди них занимает сборник документов Б.Б. Темукуева «Спецпереселенцы» в трех томах [Темукуев 2009]. В нем содержатся посемейные списки 45 797 спецпереселенцев-балкарцев, а также выселенных вместе с ними представителей других национальностей.

Память о депортации широко представлена и в воспоминаниях, опубликованных в республиканских газетах и журналах. В частности, в газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Заман», журнале «Минги Тау» ежегодно на русском и карачаево-балкарском языках публикуются материалы, посвященные трагическому событию в истории балкарского народа. Обращение к теме депортации породило целый пласт выселенческого эпоса в художественной

словесности. Значительная часть карачаево-балкарских народных песен о выселении и жизни спецпереселенцев в условиях депортации собрана и опубликована в работе «Словесные памятники выселения» [Словесные… 1997].

Тема народной трагедии в карачаево-балкарской поэзии (на материалах устной и письменной словесности) исследована в монографии Б.А. Берберова [Берберов 2015].

Несмотря на то, что тема депортации оставалась под запретом, она получила глубокое художественно-философское осмысление в карачаево-балкарской литературе. Поэзия К. Мечиева, К. Отарова, К. Кулиева, поэтов, на себе испытавших трагедию выселения, стала «хранилищем социокультурной памяти», обладающей художественной ценностью и исторической значимостью [Мечиев 2003; Кулиев 1964; Отаров 1956].

Художественному осмыслению проблемы депортации посвящены произведения А. Теппеева, З. Толгурова [Теппеев 2001; Толгуров 2003].

Тема депортации стала одной из форм сохранения исторической памяти в искусстве, прежде всего в живописи. В художественных полотнах И. Занкишиева, В. Баккуева, В. Курданова и других мастеров запечатлена скорбь народа, его стойкость и мужество.

Таким образом, рассматриваемая проблема нашла отражение в различных источниках. В то же время далеко не все имеющиеся в наличии материалы вовлечены в научный оборот. Особенно это касается нарративных источников, в которых запечатлелось личностное, неприукрашенное временем, видение народной трагедии. В изучении указанной проблемы остается много до конца не исследованных вопросов, которые нуждаются в уточнении путем проведения дополнительной работы с архивными документами и воспоминаниями бывших спецпереселенцев.

В данной статье исследуется проблема отражения повседневной жизни балкарского народа в исторической памяти в условиях депортации.

8 марта 1944 г. балкарский народ в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 5 марта 1944 г. был депортирован в Казахскую и Киргизскую ССР [РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 215. Л. 119-121].

23 марта 1944 г. начальник отдела перевозок НКВД СССР Аркадьев в телеграмме заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В.В. Чернышеву сообщал, что эшелон с балкарцами «Северный Кавказ-455» прибыл на Омскую железную дорогу. Балкарцы доставлены в 14 эшелонах с числом пассажиров 37618 человек [Иосиф Сталин… 1992: 116].

Балкарцы были расселены в Казахскую ССР – 21700 человек, Киргизскую ССР – 15000 человек. Отдельные группы семей были направлены в Узбекскую ССР – 419 чел., Таджикскую ССР – 4, Иркутскую область – 20, в районы Дальнего Севера – 14 чел. [ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 61. Л. 2; Бугай 1995: 135].

Указанные сведения о прибытии и размещении балкарцев имеют несколько противоречивый характер. Эти данные отдела спецпоселений НКВД СССР не учитывали числа депортированных после 8 марта 1944 г. Всего с 1944 по 1950 гг. было депортировано 39 407 балкарцев [Эдиев 2003: 302].

Балкарцы были расселены почти в 400 поселениях в пустующих жилых и подсобных помещениях колхозов, совхозов, МТС, наскоро построенных саманных домах с глиняным полом. Подтверждением тому являются воспоминания бывшего спецпереселенца Магомета Бибертовича Акаева: «Нашу семью, состоящую из 7 человек, подселили на уплотнение в одну комнату (20 кв. м.) времянки в колхозе «Киров» Наукатского района Киргизии»[1].

В информации секретаря Иссык-Кульского областного комитета ЦК КП (б) Киргизии от 1 августа 1946 отмечалось, что в сентябре 1946 года в Иссык-Кульской области из 693 балкарских семей только 178 семей имели постоянное жилье, 81 семья проживала на жилплощади, непригодной для жилья. Такие же жилищные условия спецпереселенцы имели и в других районах Киргизской ССР [УЦГА АС КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 40-42].

По сведениям государственных органов власти Казахской ССР, в октябре 1949 года из 4 772 семей балкарцев 195 семей проживали в ведомственных и коммунальных домах, 159 – на уплотнении, а 72 – в непригодных для жилья помещениях. Приусадебными участками были обеспечены 4 296 семей, имели крупный рогатый скот 1 900 семей и мелкий скот – 3 680 семей [УЦГА АС КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 5].

По воспоминаниям выселенцев, в связи с затруднительными условиями получения ссуды в сельхозбанке, они практически не имели материальной возможности строить частное жилье. Вместе с тем многие спецпереселенцы занимались огородничеством, женщины традиционно занимались рукоделием: вязали из хлопка и шерсти платки, носки, свитера и др., продавали их или обменивали на продукты [Человек непобедим… 2014: 211, 223].

Для хозяйственного обустройства местные органы власти летом 1944 г. выдали спецпереселенцам скот в среднем по 200 кг в живом весе на одну семью. Это значительно меньше того количества скота, которое оставила при выселении каждая семья. Об этом свидетельствуют воспоминания бывшего спецпереселенца М.Б. Акаева: «Мой отец Биберт Дукумович Акаев имел до выселения более 20 голов скота, а получил взамен 5 коз в колхозе «Киров» Наукатского района Киргизии»[2]. В соответствии с постановлением «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. СНК СССР [Депортация народов… 1992: 76, 77] выселенцы были обязаны заниматься общественно-полезным трудом, не имели права без разрешения коменданта НКВД отлучаться за пределы района расселения. За самовольную отлучку за пределы расселения и не соблюдения установленного для них режима спецпереселенцы привлекались к уголовной ответственности.

О таких фактах в своих воспоминаниях рассказывает бывшая спецпереселенка Б.А. Отарова: «…Накануне 8 марта я была в Нижнем Чегеме в гостях у родителей и нас выслали в г. Акмолинск, а мужа Омара Отарова – в

[1] Полевой Материал автора. Информатор: Акаев Магомет Бибертович, 1929 г.р., пенсионер. Записано 20.05.2018 г., с.п. Яникой, КБР.
[2] Там же.

Джалал-Абадскую область… С трудом с малолетним ребенком переехала к нему, но радость была недолгой… На похоронах двоюродного брата Отарова Шапия он узнал, что его отец погиб на фронте. …В большом отчаянии он плакал и сказал: «Почему власть так несправедлива к моему народу?!» Кто-то донес властям его слова, и на второй день, без суда и следствия отправили его в Хабаровский край как политического заключенного. … Через 8 лет лагерей Омар вернулся…» [Человек непобедим… 2014: 284-287].

Коменданты чинили произвол, наладили систему вымогательства взяток за выдачу пропуска на проезд в другой населенный пункт. Показательны в этом плане воспоминания бывших спецпереселенцев Р. Гуртуевой, К Таймаскуловой и А. Ахкубекова: «Спецкомендант с. Тюп Тюпского района Киргизии из своей должности извлекал максимум возможного. Пропуск на выезд за пределы района и внутри официально разрешенных он выдавал только за взятку… Узнав о кратковременном отъезде кого-нибудь из балкарцев, даже в соседнее село, комендант брал «нарушителя» на заметку, а по возвращении требовал ставшую обязательной взятку, а то и штраф. Особенно от него страдали женщины и старики» [Балкария… 2015: 189-199].

После окончания Великой Отечественной войны стали возвращаться фронтовики. Многие демобилизованные, которые не знали, где их семьи, писали в места призыва. Так, капитан М.Ш. Кучуков[1] узнал о депортации балкарцев в Среднюю Азию из письма фронтовика, актера кабардинского театра А.М. Тухужева [Балкария… 2015: 217]. В конце 1945 г., узнав адрес родителей в Северном Казахстане, он написал рапорт о предоставлении ему очередного отпуска, мотивируя свою просьбу тем, что родители эвакуировались. Ему пришлось скрыть о выселении родителей. В начале 1946 г. он приехал к родителям, которые жили в крохотной, не отапливаемой мазанке, застал их больными и сильно ослабевшими от голода.

Аналогичный пример фронтовика Муталиба Мокаева, который после четырех лет службы вернулся в Нальчик весной 1946 г. [Темукуев 2009, Т. 1: 114]. Он рассказывал, что в НКВД завели карточку как на спецконтингент, в военкомате поставили на учет и выдали проездной и продуктовые талоны. Через два дня он поехал в Алма-Ату, где проживала его семья.

Возвращались и те фронтовики, которых командиры воинских подразделений, зная об их боевых заслугах, не только оставляли на фронте, но и награждали. В их числе были награжденные орденом Александра Невского: гвардии старший лейтенант Эльсуеров Кеккез Магометович, гвардии старший лейтенант Уммаев Магомет Магомет-Гериевич, капитан Бозиев Якуб Цикоевич [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1135; Оп. 690306. Д. 1772; Оп. 690155. Д. 5304].

---

[1] Магомед Шабазович Кучуков в 1940 г. окончил Институт театрального искусства имени Луначарского и работал актером в театре. В 1941 г. был призван в Красную Армию. Награжден орденами: Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны 1-ой и 2-ой степени. После демобилизации с 1948 по 1956 годы, в связи с депортацией балкарского народа, проживал в Ивановском районе Фрунзенской области Киргизской ССР. После возвращения из депортации на родину в 1957 году вернулся в театр. Ему присвоено звание «Народный артист РСФСР».

Положение депортированных народов еще более ухудшилось после принятия нормативно-правовых документов «О выселенцах» (постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1948 г.) и «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.) [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 36. Д. 450. Л. 87;. Документы предусматривали соблюдение режима спецпоселения, регулярную регистрацию в спецкомендатуре МВД. Кроме того, указывалось «…о привлечении к уголовной ответственности и осуждению на 8 лет лишения свободы лиц, высланных на поселение и продолжающих уклоняться от общественно-полезного труда и ведущих паразитический образ жизни в местах поселения».

К весне 1949 г. на учете НКВД состояло 1045 балкарцев, которые после демобилизации вернулись к своим родным [Темукуев 2009, Т. 1: 115]. Они ставились на учет как спецпереселенцы со всеми ограничениями. Тем не менее возвращение и трудовая деятельность фронтовиков позволила местным жителям Казахстана и Киргизии узнавать правду о репрессированных народах. Постепенно рассеивались культивирующиеся вымыслы, «народы-предатели». Кроме того, фронтовики выступали против беззакония со стороны комендантов и защищали права выселенцев. Так, фронтовик – бывший спецпереселенец К.М. Эльсуеров рассказывал, что однажды в г. Макинке Акмолинской области он увидел около спецкомендатуры озабоченного мальчика. Узнав, что тот явился на регистрацию, но коменданту не понравилась его одежда и он не разрешил расписаться, зашел (К.М. Эльсуеров – *уточ. А.Т.)* в комендатуру, сорвал пагоны у коменданта и избил его [Темукуев2009, Т. 1: 159]. Фронтовик не пострадал – комендант не стал жаловаться, по всей видимости, осознав, что был не прав.

Примером нарушения прав служат воспоминания бывшего спецпереселенца Таулана Додуева: «…Наша семья (старшая сестра Жансурат и пять братьев) проживали в колхозе им. Тельмана Талды-Курганской области Казахской ССР. Жансурат создавала для нас необходимые условия, поэтому все братья работали в колхозе. Одновременно она ухаживала за тремя малолетними детьми двоюродной сестры Назий Уянаевой, которая также работала в колхозе. Тем не менее на основе докладной коменданта Жансурат была осуждена на 8 лет лишения свободы и направлена в Кемеровскую область. Я добровольно поехал с ней, и работали мы в тайге на лесоповале… Затем я обратился к коменданту колонии с просьбой помочь сестре Жансурат, так как она была осуждена несправедливо. Он написал соответствующее письмо в Москву, и через три года Жансурат освободили и она вернулась в колхоз им. Тельмана. Через год я был снят с учета как спецпереселенец в Кемеровской области и тоже вернулся к своим братьям» [Человек непобедим… 2014: 29-35].

Коменданты вели надзор за спецпереселенцами, в том числе и учащимися. Об этом свидетельствуют воспоминания бывшей спецпереселенки Зои Мусукаевой: «Отца своего не помню, он ушел в армию и не вернулся… У мамы было четверо детей, я была старшей. Проживали в Ошской области

Наукатском районе Киргизии. Вскоре умерли сестренка и братик, и мы остались одни. Мама, для того, чтобы нас с младшим братом поднять, работала в двух-трех местах уборщицей… Я в то время, не имея нормальной одежды и обуви, ходила за четыре километра в школу. В 1953 г. я училась в 5 классе. Когда умер Сталин, нам сказали, что нельзя ни бегать, ни смеяться. Одна моя подруга передала учителям, что я сказала: «Хорошо, что Сталин умер! Теперь мы уедем на родину». Она еще сказала, что я смеялась и прыгала от радости. … Меня приговорили по статье 58 «б» к 6 годам лишения свободы и 5 годам высылки. Свой срок отбывала в Иркутске в детской трудовой колонии. …. В 1955 г. мамин зять Алафаев Азрет написал кассационную жалобу Ворошилову, рассмотрев ее, меня освободили…» [Балкария… 2015: 105,108].

Повседневная жизнь спецпереселенцев, в том числе и фронтовиков, состояла из множества ограничений. Многочисленные запреты, ограничения для выселенцев, произвол в деятельности комендантов вызывало недовольство. В этой связи спецпереселенцы – фронтовики и бывшие партийные работники обращались к руководителям государственных органов власти с просьбой снять с учета как спецпереселенца и вернуть на родину. С такими письмами обратились в партийные и государственные органы страны участники Великой Отечественной войны – спецпереселенцы А.Х. Соттаев, А.А. Таппасханов, Х.Г. Боташев, К.С. Отаров, И.С. Башиев, С.М. Караев, С.К. Бабаев, Н.А. Чочаев и Ж.Ж. Залиханов, до выселения балкарцев работавший в должности первого секретаря Черекского райкома ВКП (б) [Шабаев 1994: 221-223].

Например, Нажмудин Амматович Чочаев в марте 1950 г. обратился с письмом к министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову и министру Вооруженных Сил СССР А.М. Василевскому. Он писал: «…В 1939 году со школьной скамьи я добровольно поступил в ряды Красной Армии и служил до 1946 года. …На фронте получил три ранения. Имею пять правительственных наград и шесть благодарностей от товарища Сталина за участие в уничтожении немецких войск и за освобождение городов… Я выполнял свой долг перед Родиной и вдруг после демобилизации из Советской Армии оказался спецпереселенцем. Поэтому прошу Вас, учитывая вышеизложенное, освободить меня от звания «спецпереселенец», чтобы я мог гордиться за свою социалистическую Родину наравне с другими демобилизованными офицерами и быть таким же, как они, гражданином нашего Великого Советского Союза» [Шабаев 1994: 221-223].

Заявители А.Х. Соттаев, И.С. Башиев и С.М. Караев были осуждены, остальным было отказано в просьбе об освобождении из спецпоселения. Вместе с тем указанные письма свидетельствуют о стойкости поднявших голос протеста против беззаконий, лишивших их родины и гражданских прав.

Нравственной основой народа в годы выселения была вера в то, что справедливость восторжествует. Эту веру отстаивал балкарский поэт Кязим Мечиев (1859-1945) [Мечиев 2003: 166]. Опираясь на жизненный опыт, он призывал не таить зло на власть, проявлять выдержку и усердие в труде, надеяться на восстановление справедливости.

Б.А. Берберов, исследуя роль поэтов, в особенности Кязима Мечиева, в годы депортации, отмечал, что он один из тех, кто проявил гражданское мужество и вопреки требованиям официальной идеологии сумел воспеть величие народа, способного сохранить стойкость духа в нечеловеческих условиях изгнания [Берберов 2015: 96].

Большую помощь в адаптации и формировании стратегии выживания оказывали спецпереселенцы, имеющие большой жизненный опыт и работавшие до депортации на руководящей работе. В первое время они, как и все соотечественники, занимались малоквалифицированным трудом. Но затем, с учетом их трудовых достижений, деловых и организаторских качеств, многие из них были выдвинуты на руководящую работу. Практически в каждом населенном пункте, где компактно проживали балкарские спецпоселенцы, находились люди, которые добровольно, по зову сердца, брали на себя ответственность за своих земляков, становились неформальными лидерами, востребованными этим жестоким временем. Особенно это было важно в первый период, до возвращения с войны уцелевших фронтовиков. Так, в памяти бывших спецпереселенцев местности Тогай (впоследствии «Кирвинсовхоз») Южно-Казахстанской области остались имена Амина Махмудовича Хачирова, директора строящегося винодельческого завода в Кирвинсовхозе Южно-Казахстанской области (до выселения работал секретарем Малокарачаевского райкома ВКП(б) и Инзрела Бадияевича Тетуева, управляющего отделением Кирвинсовхоза (до выселения работал заведующим райфинотделом исполкома Черекского райсовета депутатов трудящихся). По воспоминаниям бывшей спецпереселенки М.Ж. Чанаевой [Байсиева 2007: 3] они, имея большой жизненный опыт, помогали словом и делом своим соотечественникам – спецпереселенцам, защищали их от притеснений и издевательств со стороны местного населения, начальства. По мере возможности они поддерживали голодающих спецпереселенцев продуктами, помогали в решении различного рода житейских проблем. В 1947 г. А.М. Хачиров и И.Б. Тетуев были награждены медалью за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Депортация не только обрекала людей на физическую гибель, но, что еще хуже, могла сломать человека, озлобить его. Но именно в такой драматический период жизни народа появляются личности, которые своей верой в справедливость, стойкостью противостояли злу, делали все возможное для поддержания духа, мобилизовали силы для спасения своих соотечественников. Вне всякого сомнения, такими людьми были А.М. Хачиров и И.Б. Тетуев. Благодаря природному трудолюбию, терпению и взаимопомощи народ сохранился.

В таких экстремальных условиях народ мужественно нес груз страданий – страданий, заслуженных не действительной виной, а преступным произволом власти. И тем не менее характерные черты менталитета балкарцев все-таки сохранились: необычайное трудолюбие, терпение, приверженность высоким моральным ценностям, взаимопомощь. Об этом свидетельствуют воспоминания самих спецпереселенцев. Рассказывает бывшая спецпереселенка К.Б. Тетуева:

«В Кирвинсовхозе Южно-Казахстанской области ее муж Инзрел работал в совхозе. Время было голодное. У нас дома была ручная мельница, и муж, приходя с работы, в первую очередь задавал мне вопрос: «Кого давно не было?» Услышав имя, нес в эту семью имевшуюся в доме еду, чаще всего предназначенную ему самому. Ведь не приходили те, у кого не было даже горсти зерна. Нет, мы и сами жили не привольно, просто муж отрывал от себя, своей семьи, помогая другим» [Байсиева 2007: 3].

Вымирали целыми семьями, родами, обрывались генеалогические корни, подрывался генофонд нации. Смена территории проживания, изменение природно-климатических условий, уклада жизни, плохие бытовые условия, истощение от недостатка питания, эпидемические заболевания, неудовлетворительное медицинское обслуживание резко повысили смертность.

Особенно тяжелые условия для проживания были в Голодной степи местности Тогай Кировского района Южно-Казахстанской области, где росла только верблюжья колючка, летом жара достигала 45 градусов. В своих воспоминаниях бывший спецпереселенец И.Б. Тетуев отмечал, что выселенцы для себя построили землянки. Здесь похороны стали повседневной и тяжкой обязанностью полуголодных мужчин и парней, способных держать лопату. С утра они шли копать могилу для родственников или жителя этой местности, оставались на весь день – не успевали предать земле одного покойника, как доставляли другого [Темукуев 2009, Т. 1: 163]. По его подсчетам с 1944 по 1946 год умерло около одной тысячи карачаевцев и балкарцев (70%), состоящих на учете в комендатуре.

Согласно Справке о состоянии рождаемости и смертности балкарцев, расселенных на территории Казахстана, с 1944 по 1955 год умерло 3 858 балкарцев [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 38-44]. Только в 1945 и 1946 гг. наблюдается некоторый рост численности населения, который связан с возвращением к своим семьям демобилизованных воинов из частей Красной армии. Все эти факторы привели к негативным демографическим последствиям.

В этой связи по подсчетам исследователя Д.М. Эдиева потери балкарского народа, вызванные депортацией, составили: из 39407 выселенцев прямые потери – 7594чел. (19,3%), демографические потери к 1959 г. – 31,3%, долгосрочные демографические потери – 18,4% [Эдиев 2003: 302].

Анализируя воспоминания выселенцев, можно полагать, что основными причинами больших потерь балкарского народа в первый период депортации, в 1944-1947 г., были низкая заработная плата, отсутствие средств для приобретения продуктов, особенно в многодетных семьях и семьях, где были нетрудоспособные. Об этом свидетельствуют воспоминания фронтовика – бывшего спецпереселенца Б. Залиханова: «…муж Мустафаевой Ханий погиб на фронте, а ее пятеро детей умерли от голода в 1944 г. в окрестности Кызыл-Кая Ошской области Киргизии. Шестеро сыновей Бачиева Жандара находились на фронте, он и его жена тоже умерли от голода в Киргизии» [Реквием… 1996: 335-339].Таких примеров множество. Первое время спецпереселенцы меняли на продукты привезенные с собой ценные вещи. Большинство выселенцев

утверждают, что в день выселения количество вещей и продуктов, необходимых взять с собой, зависело от лояльности офицера. Однако многих из вещей и продуктов, разрешенных первой инстанцией и принесенных переселенцами на пункт сбора, офицеры не разрешили грузить в машины и их приходилось оставлять прямо на дороге. Полагаем, кроме официальной нормы груза «не более 500 кг на семью», была и другая ориентировочная величина. Дело усложнялось еще и тем, что гужевого транспорта не было и переселенцы на себе должны были нести свои вещи и продукты до мест посадки в машины.

В этих условиях для того чтобы выжить и прокормить семью, наравне с взрослыми работали и не достигшие физической зрелости подростки 11-15 лет. Так, например, бывшая спецпереселенка Жаннет Азаматова в своих воспоминаниях отмечает [Балкария… 2015: 11-17], что ей было 12 лет и работала она с остальными на 317 станковом военном заводе в Акмолинске. Дети носили ящики, раскладывали боеприпасы. Жаннет не доставала до ленты, поэтому становилась на ящик и так работала. На заводе иждивенцы получали 300 гр, средний рабочий – 600, кто хорошо работал 750 гр хлеба. Затем она работала на фабрике в г. Макинске, где изготавливали валенки для фронта.

Государственные и партийные органы власти Казахстана и Киргизии в 1944-1946 годы приняли и обеспечили реализацию ряда постановлений о трудовом устройстве переселенцев. По состоянию на 1 июля 1946 г. в Киргизской ССР проживало 3714 балкарских семей в количестве 15 048 человек [Час испытаний… 2001: 203-207]. Все трудоспособные были трудоустроены в колхозах, совхозах, промышленных предприятиях и строительстве Карасуйского канала. В Справке МВД Киргизской ССР о состоянии хозяйственно-трудового устройства переселенцев отмечалось, что переселенцы трудятся очень хорошо, перевыполняют нормы выработки. Так, на № 6 рудника г. Кызыл-Кия проходчик Байзуллаев выполнил норму на 176%, шахтеры Бабаев и Гунаев норму выработки систематически выполняют на 200%. Крепильщик Мустафа Мисиров выполнил норму выработки на 252%. По-ударному и с хорошими показателями работали переселенцы в колхозах и совхозах и МТС.

В Казахстане из 17 902 спецпоселенцев-балкарцев, проживающих в Казахстане в 1948 г., трудоспособные составляли 6 787 человек, из них 6567 трудились в колхозах, совхозах, промышленных предприятиях, стройке и на транспорте [Шабаев 1994: 126].

По воспоминаниям жительницы, бывшей спецпереселенки Н.Ш. Глашевой, «колхозники, выполнившие норму, получали по 200 граммов хлеба в день и пол-литра айрана. Те, кто не выполняли план, оставались без еды…» [Человек непобедим… 2014: 279-283]. Депортированные народы внесли значительный вклад в экономическое развитие республик Средней Азии, Казахстана, Сибири. Многие спецпереселенцы-балкарцы получили государственные награды. Ранее нами отмечалось, что звание Героя Социалистического Труда было присвоено бригадиру полеводческой бригады Ш.И. Келеметову, многие балкарцы, работавшие в различных отраслях

народного хозяйства, были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями [Тетуев 2016: 108].

Спецпереселенцы имели ограничения для получения общего среднего и профессионального образования. Показательны в этом плане воспоминания бывшего спецпереселенца К.Б. Акаева[1] Он отмечал, что, окончив в 1952 году семилетнюю школу в селе Ровное Джамбульской области Казахской ССР, попытался продолжить обучение в средней школе города Джамбул. Первые два месяца ему удавалось регулярно приезжать и отмечаться в комендатуре, а уже на следующее утро быть в Джамбуле. Но потом сучилось беда – в момент посадки в автобус его увидел комендант Шихеев. В комендатуре, узнав, что мое самоуправство продолжается два месяца, Шихеев потерял самообладание. Дело дошло до кулаков… После случившегося комендант запретил выезжать из села. Благодаря помощи учительницы русского языка Г.И. Петровой он окончил среднюю школу и по возвращении на родину поступил в Кабардино-Балкарский госуниверситет и получил высшее образование.

В соответствии с распоряжением Совета народных комиссаров СССР от 20 июля 1944 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 59]. Спецпереселенцы имели право поступить в средние или высшие профессиональные учебные заведения, функционирующие на территории республики. Как правило, все профессиональные учебные заведения находились в крупных городах, где спецпереселенцев проживало мало. Выселенцам разрешался переезд на учебу к месту нахождения учебного заведения с разрешения органов МВД, но без права переезда в другую республику. Однако получить разрешение было очень трудно. К тому же руководители средних и высших профессиональных учебных заведений, опасаясь нареканий со стороны органов МВД, чинили поступающим абитуриентам различные препятствия. Подтверждением тому служат воспоминания бывшего спецпереселенца Юсуфа Курданова [Балкария… 2015: 178]. Он в 1951 году обратился к коменданту с просьбой разрешить выезд в г. Ташкент для поступления в высшее учебное заведение. По истечении 6 месяцев 20 августа комендант ему показал ответ «спецпереселенцам въезд в г. Ташкент запрещен». Затем он написал заявление на выезд в г. Самарканд. 26 августа, получив разрешение, он пришел в приемную комиссию Самаркандского педагогического института, где был недобор. Увидев мои отличные отметки в аттестате и мою национальную принадлежность, они сказали, что документы можем принять только после разрешения директора. Однако директор института отказал в приеме его документов, мотивируя отказ завершением вступительных экзаменов. Можно догадаться, что не это являлось главной причиной в отказе приема документов в педагогический вуз.

Имелись идеологические установки о запрете приема документов от абитуриентов-спецпереселенцев на гуманитарные специальности. Это подтверждается следующими воспоминаниями бывшего спецпереселенца

[1] Полевой Материал автора. Информатор: Акаев Касым Бибертович, 1936 г.р., пенсионер. Записано 12.02.2012 г., с. п. Яникой, КБР.

М.Л. Батырбекова[1]. Окончив среднюю школу в поселке Красногорске Казахской ССР в 1951 году, он пытался сдать документы на историко-филологический факультет Казахского государственного университета, однако их не приняли. Поэтому он поступил в Казахский государственный медицинский институт, но с определенными ограничениями – его не допускали на занятия по дисциплинам военной кафедры.

Смягчение режима спецпоселений и определенные перемены в судьбах депортированных народов наступили сразу же после смерти Сталина. Первым правовым актом в этом плане явилось постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» [Сабанчиев 2005: 95], которое предусматривало работающим спецпереселенцам право передвижения в пределах данной области края, республики, а по служебным командировкам – в другие города страны на общих основаниях. Из-под административного надзора и с учета снимались дети спецпоселенцев в возрасте до 10 лет включительно, а также дети старше 16 лет, обучавшиеся в учебных заведениях. Им разрешался выезд к месту учебы в любой регион страны.

Важное значение в изменении правового статуса репрессированных народов имели постановления Совета Министров СССР от 13 марта 1955 г. «О выдаче спецпоселенцам паспортов», «О призыве некоторых категорий спецпереселенцев на военную службу», «О снятии с учета некоторых категорий спецпереселенцев» от 24 ноября 1955 г. [Реабилитация… 1994: 24-26]. С учета были сняты участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР, члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны и преподаватели учебных заведений.

Указанные нормативные акты создали условия для социально-экономического и культурного развития выселенных народов. По архивным материалам и воспоминаниям бывших спецпереселенцев во второй половине 1950-х годов в 54 районах и городах Казахстана и Киргизии проживало 7990 семей балкарцев, численностью 30446 чел. Из 19000 трудоспособных в народном хозяйстве были заняты 12700 чел., остальные были заняты в различных организациях и учреждениях [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118]. Балкарцы имели высокую репутацию среди местного населения именно как трудолюбивые и добросовестные. Многие балкарцы, особенно работающие в сельском хозяйстве, имели высокие показатели. Благодаря трудовым достижениям спецпереселенцев стали ценить и выдвигать по деловым качествам. Между тем многие представители интеллигенции не работали по специальности, лишь незначительная часть выдвигалась на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу. Председателями колхозов и промысловых артелей работали только 4 балкарца, депутатом райсовета избирался один человек, в состав горкомов и райкомов партии – 9 чел., в партийном аппарате балкарцы отсутствовали.

[1] Полевой Материал автора. Информатор: Батырбеков М.Л., 1940 г.р., доцент Кабардино-Балкарского университета. Записано 15.05.2012 г., г. Нальчик.

Имелись определенные успехи в отдельных видах спорта. По воспоминаниям бывшего спецпереселенца Магомета Ахматова, «… они за счет личных средств приобретали спортивную форму, мячи и регулярно после работы в шахте №1 г. Кызыл-Кия занимались футболом» [Реквием… 1996: 309-312]. Он отмечал, что футбольная команда, состоящая из спецпереселенцев – балкарцев, заняла в 1953 г. первое место среди команд г. Кызыл-Кия. На чемпионате Кыргызской СССР по футболу в 1956 г. команда заняла второе место. После окончания чемпионата Мухтара Кекезова, Махмута и Исхака Калабекова включили в сборную команду Киргизии. Абдулла Жаникаев, входивший в сборную команду по футболу г. Кызыл-Кия, стал чемпионом Киргизии в беге на 5000 м и 10000 м.

Значительные успехи спецпереселенцы имели в тяжелой атлетике. Спецпереселенец Владимир Биязрукаевич Уянаев становился абсолютным чемпионом Киргизии по тяжелой атлетике – в 1953, 1954, 1955 годах в весовой категории до 75 килограммов. В 1956 году он в составе сборной Киргизской ССР участвовал в Спартакиаде народов СССР в г. Москве[1]. Ксанаев Эрменби Ахматович, участник Великой Отечественной войны, первый из спецпереселенцев сумевший подняться на почетный спортивный пьедестал, будучи еще в ссылке в Средней Азии. В 1947 году он впервые участвовал в соревнованиях и стал чемпионом по вольной борьбе Ошской области Киргизской ССР в тяжелом весе (свыше 87 кг). В 1952 и 1953 годах он стал двукратным чемпионом по вольной борьбе Киргизской ССР[2].

На новых местах жительства балкарцы хозяйственно были обустроены. Из 6148 балкарских семей, проживающих в сельской местности, 4900 построили себе дома, 4657 семей в своем хозяйстве имели коров [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118].

Вместе с тем были балкарские семьи, которые испытывали затруднения. Это были, главным образом, престарелые, потерявшие своих кормильцев, многодетные семьи. Национальная культура балкарцев за годы их пребывания в Средней Азии и Казахстане не развивалась. Обучение детей в школах на родном языке не проводилось. Это привело к тому, что балкарская молодежь не знала своей письменности и литературного языка. Практически не велась подготовка кадров в профессиональных учебных заведениях. В высших учебных заведениях обучалось только 26 чел., средних специальных учебных – 63чел. Отсутствовали газеты и литература на карачаево-балкарском языке.

В 1956-1957 годах были изданы книги: Кайсына Кулиева «Хлеб и роза: стихи», издательством «Молодая гвардия»; «Дороги» Керима Отарова, «Любимая Родина» Жанакаита Залиханова, «Пою от всего сердца» Иссы Боташева в г. Фрунзе Киргизской ССР [Очерки… 2010: 757, 766, 767, 780, 781].

Таким образом, анализ архивных материалов и нарративных источников, документов государственных органов власти и воспоминаний бывших

[1] Полевой Материал автора. Информатор: Уянаев Владимир Биязрукаевич, 1933 г.р., пенсионер. Записано 12.05.2018 г., г. Нальчик.
[2] Там же.

спецпереселенцев позволил дать объективное представление о повседневной жизни балкарского народа в условиях депортации, сопряженной с большими трудностями в хозяйственно-бытовом обустройстве, трудоустройстве по специальности, получении среднего общего, высшего и среднего специального образования, развития культуры. Плохие бытовые условия, низкая зарплата, отсутствие средств для приобретения продуктов питания в многодетных и нетрудоспособных семьях привели к многочисленным демографическим потерям. В этих условиях спецпереселенцы выживали благодаря приверженности к труду и взаимопомощи.

Определенные перемены в жизни балкарского народа наступили после смягчения режима спецпоселений. Спецпереселенцы внесли весомый вклад в социально-экономическое развитие Казахстана и Киргизии. Многие балкарцы за трудовые достижения были удостоены государственных наград.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Байсиева 2007 – *Байсиева М.К.* Они слышат других // *Горянка.* – 2007. – № 3.

Балкария… 2015 – *Балкария*: Депортация: Свидетельствуют очевидцы / Сост. М. Котлярова, В. Котляров. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. – 272 с.

Берберов 2015 – *Берберов Б.А*. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материалах устной и письменной словесности 1943-2000 гг.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 215 с.

Бугай 1995 – *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». – М.: АИРА-XX, 1995. – 320 с.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации*.

Депортации народов… 1992 – *Депортации народов* СССР (1930-1950 гг.): в 2-х Ч. Ч. 1. Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) / Сост. О.Л. Милова. Вып. XII. – М.: РАН, 1992. – 354 с.

Иосиф Сталин… 1992 – *Иосиф Сталин* – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. – 288 с.

Кулиев 1964 – *Кулиев К*. Раненый камень. Стихи и поэмы. – М.: Советский писатель, 1964. – 312 с.

Мечиев 2003 – *Мечиев К.Б.* Стихи и поэмы. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. – 442 с.

Отаров 1956 – *Отаров К.* Заманны ауазы (Голос времени. Стихи). – Нальчик: Эльбрус, 1956. – 408 с.

Очерки… 2010 – *Очерки* истории балкарской литературы / Отв. ред. З.Х. Толгуров. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 808 с.

РГАНИ – *Российский государственный архив новейшей истории*.

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории*.

Реабилитация… 1994 – *Реабилитация* нардов и граждан 1954-1994. Документы / Сост. И.И. Алиев. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 304 с.

Реквием… 1996 – *Реквием* / С.И. Эфендиев, И. Х. Ахматов, Ж.М. Гузеев. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 384 с.

Сабанчиев 2005 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 89-96.

Словесные… 1997 – *Словесные* памятники выселения. Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов 1943–1957 (на балкарском языке) / Сост., автор вступ. статьи Т.М Хаджиева. – Нальчик, 1997. – 382 с.

Темукуев 2009 – *Темукуев Б.Б.* Спецпереселенцы: в 3-х т. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. Т. 1. – 520 с.; Т. 2. – 520 с.; Т. 3. –528 с.

Теппеев 1993 – *Теппеев А.М.* Мост Сират: Роман; Тяжкий путь: Трагедия. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 483 с.

Тетуев 2016 – *Тетуев А. И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 192 с.

Толгуров 1998 – *Толгуров З.Х.* Голубой типчак: Роман; Алые травы: Повесть. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 386 с.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы КБР*.

ЦАМО – *Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.*

Час испытаний… 2001 – *Час испытаний:* Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: Документы и материалы / Сост. Б.М. Зумакулов и др. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 901 с.

Человек непобедим… 2014 – *Человек непобедим:* к 70-летию депортации балкарского народа. Воспоминания и литературные произведения. На балкарском языке / Сост. пред. и послес. М.Х. Табаксоев. – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 600 с.

Шабаев 1994 – *Шабаев Д.В.* Правда о выселении балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 288 с.

Эдиев 2003 – *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов. – Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АГРУС»; Ставропольсервисшкола, 2003. – 336 с.

REFERENCES

BAISIEVA M.K. *Oni slyshat drugikh* [They hear others]. IN: *Goryanka*. – 2007. – No 3. (In Russian)

Balkariya: Deportatsiya: Svidetel'stvuyut ochevidtsy [Balkaria: Deportation: Eyewitnesses Testify]. Compiled by M. Kotlyarova, V. Kotlyarov. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2015. – 272 p. (In Russian)

BERBEROV B.A. *Tema narodnoi tragedii i vozrozhdeniya v karachaevo-balkarskoi poezii (na materialakh ustnoi i pis'mennoi slovesnosti 1943-2000 gg.)* [The theme of folk tragedy and revival in Karachay-Balkarian poetry (based on the materials of oral and written literature of 1943-2000]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 215 p. (In Russian)

BUGAI N.F. *L. Beriya – I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniyu…»* [L. Beria to I. Stalin: “According to your instructions…”]. – M.: AIRA-XX, 1995. – 320 p. (In Russian)

Chas ispytanii: Deportatsiya, reabilitatsiya i vozrozhdenie balkarskogo naroda: Dokumenty i materialy [Test Hour: Deportation, rehabilitation and revival of the Balkarian people: Documents and materials]. Collect. B.M. Zumakulov and others. – Nalchik: El'brus, 2001. – 901 p. (In Russian)

Chelovek nepobedim: k 70-letiyu deportatsii balkarskogo naroda. Vospominaniya i literaturnye proizvedeniya. Na balkarskom yazyke [Man is invincible: to the 70th anniversary of the deportation of the Balkarian people. Memoirs and literary works]. Compiled by; Ed. by M.Kh. Tabaksoev. – Nalchik: El'brus, 2014. – 600 p. (In Balkar)

Deportatsii narodov SSSR (1930-1950 gg.): in 2 Parts. Part 1. Dokumental'nye istochniki Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Oktyabr'skoi revolyutsii, vysshikh organov gosudarstvennoi vlasti i organov gosudarstvennogo upravleniya (TsGAOR) [The deportation of the peoples of the USSR (1930-1950). Part 1. Documentary sources of the Central State Archive of the October Revolution, the highest bodies of state power and bodie(In Russian)s of state administration (CSAOR)]. Compiled by O.L. Milova. Iss. XII. – M.: RAN, 1992. – 354 p. (In Russian)

EDIEV D.M. *Demograficheskie poteri deportirovannykh narodov* [Demographic losses of deported peoples]. – Stavropol: Izd-vo StGAU «AGRUS»; Stavropol'servisshkola, 2003. – 336 p. (In Russian)

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

Iosif Stalin – Lavrentiyu Berii: «Ikh nado deportirovat'»: Dokumenty, fakty, kommentarii [Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: "They must be deported...": Documents, Facts, Comments]. Compiled by; Ed. by N. Bugai. – M.: Druzhba narodov, 1992. – 288 p. (In Russian)

KULIEV K. *Ranenyi kamen'. Stikhi i poemy* [Wounded stone. Poetry and poems]. – M.: Sovetskii pisatel', 1964. – 312 p. (In Russian)

MECHIEV K.B. *Stikhi i poemy* [Poetry and poems]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2003. – 442 p. (In Russian)

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkar literature]. Ed. by Z.Kh. Tolgurov. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 808 p. (In Russian) OTAROV K. *Zamanny auazy (Golos vremeni. Stikhi)* [Voice of time. Poems]. – Nalchik: El'brus, 1956. – 408 p. (In Balkar)

Reabilitatsiya nardov i grazhdan 1954-1994. Dokumenty [Rehabilitation of backgammon and citizens 1954-1994. Documents]. Compiled by I.I. Aliev. – M.: IEA RAN, 1994. – 304 p. (In Russian)

Rekviem [Requiem]. S.I. Efendiev, I. X. Akhmatov, Zh.M. Guzeev. – Nalchik: El'brus, 1996. – 384 p. (In Russian)

RGANI – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [Russian State Archive of Recent History] (In Russian)

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russian)

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Pravovoe polozhenie i sotsial'nyi status balkartsev na spetsposelenii* [The legal status and social status of the Balkars in special settlements]. IN: *Gosudarstvo i pravo*. – 2005. – No 12. – P. 89-96. (In Russian)

SHABAEV D.V. *Pravda o vyselenii balkarskogo naroda* [Truth about the eviction of the Balkarian people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 288 p. (In Russian)

Slovesnye pamyatniki vyseleniya. Narodnye pesni i stikhi balkarskikh i karachaevskikh poetov 1943-1957 (na balkarskom yazyke) [Verbal monuments of eviction. Folk songs and poems of Balkar and Karachai poets 1943-1957]. Compiled by; Ed. by T.M Khadzhieva. – Nalchik, 1997. – 382 p. (In Balkar)

TEMUKUEV B.B. *Spetspereselentsy* [Special settlers]: in 3 vols. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. Vol. 1. – 520 p.; Vol. 2. –520 p.; Vol. 3. – 528 p. (In Russian)

TEPPEEV A.M. *Most Sirat: Roman; Tyazhkii put': Tragediya* [Bridge Shirat: Roman; Hard Way: Tragedy]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 483 p. (In Russian)

TETUEV A.I. *Zarubezhnaya diaspora karachaevtsev i balkartsev: istoriya i sovremennost'* [The Foreign Diaspora of the Karachais and Balkars: History and Present]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 192 p. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *Goluboi tipchak: Roman; Alye travy: Povest'* [Blue Fescue: Roman; Scarlet Herbs: A Tale]. – Nalchik: El'brus, 1998. – 386 p. (In Russian)

TsAMO – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstvo oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby KBR [Department of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardin-Balkarian Republic]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 94 (470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-163-201

СТАНОВЛЕНИЕ КАБАРДИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (1985-1991)

А.В. КУШХАБИЕВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ становления Кабардинского национального движения. Показано, что Кабардинское национальное движение, сформировавшееся в период перестройки (1985-1991) вокруг клуба «Ашамаз», оказывало значительное влияние на общественно-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии. Представители кабардинской национально-демократической общественности участвовали в создании и деятельности некоторых региональных общественных объединений. Основными целями и задачами общественных объединений, вошедших в Кабардинское национальное движение, были решение проблем этнокультурного развития и содействие демократическим преобразованиям. С октября 1989 г. деятельность общественных организаций Кабардинского национального движения была сосредоточена на решении политических вопросов, прежде всего, на реформировании национально-государственного устройства республики. Разногласия по данному вопросу послужили причиной обострения отношений между Кабардинским и Балкарским национальными движениями. Во время путча в августе 1990 г. движение «Демократическая Кабардино-Балкария», сформированное Кабардинским и Балкарским национальными движениями и депутатскими группами «Радикальная реформа» и «Коммунисты за демократию», выступило против руководства республики, обвинив его в поддержке ГКЧП. Но руководству республики удалось сохранить свои позиции и учредить пост Президента КБССР. После принятия Балкарским национальным движением решения о создании отдельной республики, Кабардинское национальное движение стало готовить съезд с целью провозглашения Кабардинской Республики. Но руководство КБССР предприняло меры по сохранению единства республики – создало «Движение по сохранению единства Кабардино-Балкарии» и провело выборы Президента Кабардино-Балкарии (22.12.1991), несмотря на их бойкот преобладающей частью балкарского и русского населения республики.

Ключевые слова: кабардинское национальное движение; Советский Союз; Кабардино-Балкария; перестройка; общественные организации; органы государственной власти.

FORMATION OF THE KABARDIAN NATIONAL MOVEMENT (1985-1991)

A.V. KUSHKHABIEV

FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360051, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the formation of the Kabardian national movement. It is shown that the Kabardian national movement, which formed during the perestroika period (1985-1991) around the club «Ashamaz», had a significant impact on the socio-political situation in Kabardino-Balkaria. Representatives of the Kabardian national democratic community participated in the creation and activities of some regional public associations. The main goals and objectives of the public associations included in the Kabardian national movement were to solve the problems of ethnocultural development and to promote democratic transformations. Since October 1989, the activities of public organizations of the Kabardian national movement have been focused on resolving political questions, primarily on reforming the national-state structure of the republic. Disagreements on this issue caused the aggravation of relations between the Kabardian and Balkarian national movements. During the coup in August 1990, the Democratic Kabardino-Balkaria movement, formed by the Kabardian and Balkarian national movements and parliamentary groups Radical Reform and the Communists for Democracy, opposed the republic's leadership, accusing it of supporting the State Emergency Committee. But the leadership of the republic managed to maintain its position and establish the post of President of the KBSSR. After the decision by the Balkarian national movement to create a separate republic, the Kabardian national movement began to prepare a congress with the aim of proclaiming the Kabardian Republic. But the leadership of the KBSSR took measures to preserve the unity of the republic – created the «Movement for the Preservation of Unity of Kabardino-Balkaria» and held the election of the President of Kabardino-Balkaria (12.22.1991), despite their boycott by the predominant part of the Balkarian and Russian population of the republic.

Keywords: Kabardian national movement; Soviet Union; Kabardino-Balkaria; perestroika; public organizations; government departments.

Актуальность исследования. Национальные общественно-политические движения, сформировавшиеся в первые годы эпохи перестройки (1985-1991), оказывали значительное влияние на социально-политическую ситуацию в Северо-Кавказском регионе, в частности, в Кабардино-Балкарии вплоть до середины 1990-х гг. Численность их участников, как постоянных, так и временных, составляла десятки тысяч человек. В меньшей степени они продолжают оказывать влияние на социально-политическую ситуацию в регионе и в наши дни. В этой связи, исследование проблем формирования, основных направлений деятельности национальных движений и их влияния на социально-политическую ситуацию в Северо-Кавказском регионе, в частности в Кабардино-Балкарии, имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Цель работы – исследование проблем становления Кабардинского национального движения (1985-1991).

Источниковедческая база работы. Статья подготовлена на основе анализа архивных документов (Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики – УЦДНИ АС КБР), опубликованных документов, материалов периодической печати, мемуарной литературы, а также личного архива и личных наблюдений автора.

Степень научной разработанности темы. Некоторые аспекты настоящей темы рассматриваются в исследованиях: А.Х. Борова, Х.М. Думанова и В.Х. Кажарова [Боров и др. 1999], А.И. Тетуева [Тетуев 2018], М.Х. Гуговой [Гугова 2002], К. Казенина [Казенин 2009], Р.Х. Тазиева [Тазиев 2014], М.Б. Шоровой [Шорова 2010] и др. В то же время в указанных исследованиях нет подробного анализа проблем становления и основных направлений деятельности общественных объединений Кабардинского национального движения, а также их отношений с органами государственной власти республики в рассматриваемый период.

Предпосылки и условия формирования национальных движений в Кабардино-Балкарии

В период перестройки (1985-1991) в Советском Союзе проводились масштабные реформы, направленные на демократизацию политической и социально-экономической системы, смену внешнеполитического курса. Происходили значительные изменения в общественном сознании, в системе ценностей народов страны. Вместе с тем происходило ослабление, а затем и распад Советского государства, а также ослабление и российской государственности. Общественно-политическая ситуация в регионах, в целом, отражала развитие ситуации в стране, но в регионах преобразования проходили по-разному. Они зависели от этнодемографического состава населения регионов, от социокультурного состояния и политической зрелости народов. В Кабардино-Балкарии, как и в соседних республиках Северного Кавказа, на развитие общественно-политической ситуации в значительной степени оказывали влияние полиэтнический характер и высокая плотность населения.

По-разному развивались социально-политические процессы в республиках Северного Кавказа. В одних республиках (Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия и др.) этнонациональный вопрос приобрел приоритетное значение в иерархии политических ценностей их населения и послужил причиной этнополитических конфликтов. В других республиках (Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея) сохранялась относительно стабильная общественно-политическая ситуация.

В совокупности политических ценностей значительной части кабардинского и балкарского населения, определенной части других народов Кабардино-Балкарии, преимущественно молодежи и среднего возраста, особенно интеллигенции, в кратчайший срок доминирующими стали идеи этнокультурного развития и демократических преобразований. Данную часть населения можно условно обозначить как «национально-демократическую».

Часть всех народов (старшее поколение, сотрудники административных органов разных уровней, сотрудники правоохранительных органов) Кабардино-Балкарии сохраняла приверженность социалистической идеологии. Эту часть населения можно условно обозначить как «консервативную».

Представители консервативной части населения воспринимали демократические преобразования в стране как хаос и временное явление. Они надеялись на восстановление привычных социалистических порядков в ближайшем будущем. Некоторые представители данной части населения стремились препятствовать деятельности общественных организаций. Они неофициально осуществляли пропаганду, сущность которой сводилась к тому, что участники национальных движений являлись экстремистами, разваливавшими страну.

У национально-демократической части кабардинского населения Кабардино-Балкарии наблюдался высокий уровень политической активности, что проявлялось в повышенном интересе к политическим событиям в стране, в массовом участии в политических акциях, проводимых общественными организациями. Представители данной части населения связывали решение накопившихся проблем (низкий уровень жизни, произвол чиновников и т. п.) с ликвидацией командно-административной системы и демократическими преобразованиями [Кушхабиев 2017: 95, 96].

Формирование организационных структур Кабардинского национального движения

В начале перестройки, вследствие либерализации политического режима, во всех регионах страны, в том числе и в Кабардино-Балкарии, стали появляться различные общественные объединения – культурные клубы, кружки, общества, комитеты и др., которые со временем преобразовались в общественные организации и общественно-политические движения. Основными направлениями их деятельности стали содействие демократическим преобразованиям и решение проблем этнокультурного развития.

Среди первых общественных объединений, образовавшихся в то время в Северо-Кавказском регионе, был клуб любителей адыгской культуры «Ашамаз», учрежденный в г. Нальчике в ноябре 1985 г. Целью клуба являлась деятельность, направленная на поддержку перестройки, возрождение и развитие адыгской культуры [УЦДНИ АС КБР. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-6]. Один из руководителей клуба «Ашамаз» З.М. Налоев сформулировал его основную задачу следующим образом: «Надо вытравить из сознания людей рабскую психологию, которая десятилетиями культивировалась в обществе, освободить сознание от догм и стереотипов застоя ...» [Налоев 1989].

Основателями клуба «Ашамаз» были представители молодой кабардинской интеллигенции: В. Хатажуков, Х. Яхтанигов, М. Хоконов, М. Шопаров, М. Алхасов, М. Думанов, З. Бербеков, А. Пшиготижев и др. В него входили представители разных сфер деятельности: деятели культуры,

науки и образования, специалисты, рабочие и др. Мероприятия «Ашамаз» посещали также некоторые партийные и профсоюзные работники. На первом этапе (ноябрь 1985 – октябрь 1989 г.) деятельность «Ашамаз» была сосредоточена на решении культурно-просветительных задач, но постепенно в ней стали преобладать вопросы, связанные с реформированием командно-административной системы и противодействием партийно-номенклатурному руководству республики. Происходила активизация и политизация деятельности клуба «Ашамаз». Возрастала и численность сторонников клуба, что было обусловлено стремлением демократической общественности реализовать свой высокий уровень политической активности и ускорить процесс преобразований.

Представители кабардинской общественности были среди учредителей Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК) – регионального общественно-политического объединения, образованного на I Съезде горских народов Кавказа 25-26 августа 1989 г. в г. Сухуми, который был созван по инициативе абазинских, абхазских, адыгейских, ингушских, кабардинских, черкесских и чеченских общественных организаций. Основными целями и задачами АГНК являлись: объединение усилий горских народов Кавказа для содействия политике КПСС, направленной на качественное преобразование политической и социально-экономической жизни страны; развитие дружественных отношений между народами; формирование межнациональных отношений на основе принципов равноправия народов; деятельность по полной юридической реабилитации репрессированных народов; содействие репатриации на историческую родину соотечественников, оказавшихся за рубежом в результате колониальной политики царизма; разрешение и улаживание ситуаций и споров, которые могут привести к возникновению конфликтов между народами и др. [Устав… 1989; УЦДНИ АС КБР. Ф. 2599. Оп. 1. Д. 22. Л. 32-41].

Главной причиной создания АГНК являлись опасения общественности республик Северного Кавказа надвигавшегося распада СССР и возможного обострения общественно-политической ситуации в регионе. АГНК создавалась как структура, способная консолидировать население региона.

На III Съезде народов Кавказа, проходившем в г. Сухуми 1, 2 ноября 1991 г., АГНК была преобразована в «Конфедерацию горских народов Кавказа» (КГНК). КГНК стала объединением общественно-политических организаций северокавказских народов: абазин, абхазов, аварцев, адыгейцев, даргинцев, ингушей, кабардинцев, кумыков, лакцев, лезгин, осетин, черкесов, чеченцев, шапсугов. Субъектами КГНК стали не республики, а народы, вошедшие в нее. Съезд принял ряд документов: «Декларацию о конфедеративном союзе горских народов Кавказа», «Положение о руководящих органах Конфедерации горских народов Кавказа». Основной целью КГНК стала деятельность по объединению народов Кавказа [Шанибов 1999: 26, 27].

Представители кабардинской общественности были также среди основателей региональной общественной организации «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ», созданной на учредительном съезде национально-демократических движений «Адыгэ Хасэ» Кабардино-Балкарской

ССР, Карачаево-Черкесской ССР, Адыгейской ССР, причерноморских адыгов (шапсугов) и абазинской ОО «Адгылара», который состоялся в г. Черкесске 9 мая 1991 г. Основными задачами этой организации были: изучение, пропаганда и развитие традиций и обычаев («Адыгэ хабзэ»), истории, литературы черкесского и абазинского народов; разработка и реализация общенациональных программ, направленных на объединение черкесского и абазинского народов; укрепление связей с черкесами, проживающими за пределами Родины, а также защита их интересов через государственные органы РСФСР и СССР; содействие зарубежным черкесам по вопросам возвращения их на историческую Родину; развитие демократии и равноправия народов [Адыгэ… 1991].

Лидеры ОО «Адыгэ Хасэ» и представители кабардинской общественности были инициаторами создания общеадыгской международной общественной организации – «Всемирная черкесская ассоциация» (позднее переименована в Международную черкесскую ассоциацию – МЧА), которая была учреждена на Первом Всемирном (международном) черкесском конгрессе, проходившем 19-21 мая 1991 г. в г. Нальчике. В первом Уставе МЧА (20.05.1991) зафиксировано, что основными целями и задачами ВЧА (МЧА) являются: воссоединение черкесов; сохранение национальных особенностей, культуры народа; изучение и развитие его истории; деятельность по развитию и укреплению связей между соотечественниками, проживающими во всех странах; оказание помощи всем зарубежным черкесам, желающим вернуться на родину; деятельность по обучению подрастающего поколения родному языку; деятельность по переходу на единый адыгский литературный язык и др. [Устав… 1991].

В сентябре 1991 г. в г. Нальчике была учреждена партия «Адыгский национальный конгресс» (далее – АНК), которая поставила своей целью содействие демократическим преобразованиям в КБАССР и возрождение адыгского народа [Устав… 1994c: 161-169].

В сентябре 1991 г. в г. Нальчике была учреждена женская общественная организация «Сатаней», которая поставила целью воспитание подрастающего поколения в духе адыгского морально-правового кодекса «Адыгэ хабзэ» и общечеловеческих ценностей, возрождение национальной культуры, прогрессивных обычаев и традиций [Устав… 1994a: 172-174].

В декабре 1991 г. в г. Нальчике было учреждено общественно-политическое движение «Кабарда», которое поставило целью восстановление государственности кабардинского народа. В уставе движения сказано, что оно ставит целью добиваться реализации права кабардинского народа на самоопределение и создание независимой, самостоятельной республики на своей исторической территории [Устав… 1994b: 169-172].

В целом, Кабардинское национальное движение сформировалось в период перестройки вокруг клуба «Ашамаз». Основными направлениями деятельности общественных организаций Кабардинского национального движения стали содействие демократическим преобразованиям и решение проблем этнокультурного развития.

Программные основы Кабардинского национального движения

Возрождение и развитие родного языка. Работа по возрождению и развитию родного кабардино-черкесского языка была включена в качестве основных задач в уставные документы следующих общественных объединений: клуба «Ашамаз», а затем и ОО «Адыгэ Хасэ», МЧА. В частности, в В Уставе-Программе ОО «Адыгэ Хасэ» 1990 г. зафиксировано, что организация будет содействовать возрождению и развитию родного языка, переходу в детских садах и начальной школе на обучение на родном языке, повышению уровня преподавания русского и иностранных языков в школах [Устав-Программа… 1992: 4, 5].

Следует указать, что с конца 1950-х гг. сфера применения родных языков народов автономных образований СССР, в том числе и кабардино-черкесского, подвергалась сужению. Их изъяли из программ детских садов и начальных классов средней школы. Родные языки и литературы народов автономных образований преподавали в средних школах в качестве факультативного предмета, который можно было изучать по желанию. Фактически применение родных языков народов автономных образований сузилось до бытового уровня. Активисты клуба «Ашамаз» добивались от руководства Кабардино-Балкарии восстановления обучения на кабардино-черкесском языке в яслях, детских садах, начальных классах средней школы в кабардинских населенных пунктах. «Ашамаз» также ставил вопрос о преподавании на кабардино-черкесском языке ряда предметов до 7-8 классов средней школы [Налоев 1989]. Демонстрируя возможности использования кабардино-черкесского языка в разных сферах, активисты клуба «Ашамаз» проводили на нем все свои мероприятия.

Органы государственной власти Кабардино-Балкарии поддержали требования кабардинских общественных организаций по вопросам возобновления обязательного изучения родных языков. В «Долгосрочной программе по совершенствованию межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания населения в Кабардино-Балкарской АССР», принятой в 1989 г., зафиксировано: «Обеспечить свободное развитие и равноправие языков, поддерживать принцип двуязычия как национально-русского, так и русско-национального». В «Долгосрочной программе» предусматривалось: разработка комплексной научной программы возрождения и развития родных языков; организация во всех учебных заведениях республики (школах, ПТУ, техникумах, вузах) изучения кабардинского и балкарского языков и литературы; перевод с 1989-1990 учебного года в 1-4 классах национальных школ (в населенных пунктах с преобладающим кабардинским и балкарским населением – А.К.) на обучение на родных языках; увеличение времени изучения родных языков и литературы в средней школе; организация обучения и воспитания в дошкольных учреждениях национальных районов республики на родных языках и др. [Долгосрочная... 1989: 1].

В соответствии с «Долгосрочной программой», с 1 сентября 1989 г. в средних школах и детских садах республики началось обязательное изучение кабардинского и балкарского языков, а в 1-4 классах национальных школ – преподавание предметов на этих языках [Родной язык... 1989].

Развитие и пропаганда адыгской культуры. Возрождение и развитие адыгской культуры были поставлены в качестве главных задач общественных объединений: клуба «Ашамаз», ОО «Сатаней», партии АНК, ОО «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ» и МЧА. Сектор искусств клуба «Ашамаз» стал осуществлять деятельность по пропаганде адыгской литературы, вокального, танцевального и изобразительного искусств. Сектор регулярно проводил встречи жителей республики с адыгейскими, кабардинскими и черкесскими писателями, поэтами, художниками и др. В 1988 г. клуб организовал смотр-конкурс исполнителей народной музыки на национальном инструменте шикапшина, в котором принимали участие исполнители из Адыгеи, Карачаево-Черкесии и причерноморской Шапсугии [Хатажуков 1989].

По предложению «Адыгэ Хасэ», органы государственной власти Кабардино-Балкарии включили в «Долгосрочную программу» (1989 г.) комплекс мер по вопросам развития национальных культур, традиций и обычаев, охраны памятников и др. [Долгосрочная... 1989: 3]. Органы государственной власти Кабардино-Балкарии постепенно реализовали большинство мер, включенных в «Долгосрочную программу». В республике были открыты Северо-Кавказский государственный институт искусств, самостоятельные Кабардинский и Балкарский драматические театры. В Кабардино-Балкарском госуниверситете и Кабардино-Балкарском агромелиоративном институте были созданы кафедры, занимающиеся преподаванием традиционной культуры народов республики и др.

Изучение и пропаганда истории черкесского (адыгского) народа. Изучение и пропаганда объективной истории черкесского (адыгского) народа были поставлены в качестве основных задач общественных объединений: клуба «Ашамаз», МЧА и ОО Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ». В клубе «Ашамаз» работа по данному вопросу возлагалась на сектор истории. Клуб «Ашамаз» поставил перед руководством республики вопрос о необходимости написания объективной истории черкесского (адыгского) народа [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 37. Л. 1, 2].

Предложения кабардинских общественных организаций по вопросу объективного изучения истории черкесского (адыгского) народа также получили поддержку органов государственной власти республики. В «Долгосрочную программу» (1989 г.) был включен комплекс мер по вопросам изучения истории народов республики. В соответствии с «Долгосрочной программой» в Кабардино-Балкарском государственном университете в 1990 г. была создана кафедра истории и этнографии народов Кабардино-Балкарии. При этом историю народов Кабардино-Балкарии стали преподавать на всех факультетах Кабардино-Балкарского госуниверситета. Преподавание истории

народов Кабардино-Балкарии началось и в средних учебных заведениях республики.

Контроль миграционных процессов. Исследование процессов бесконтрольной миграции в республику граждан из других регионов страны было включено в задачи клуба «Ашамаз» и ОО «Сатаней». Активизация кабардинских общественных организаций по проблемам миграции была обусловлена тем, что в середине 1980-х гг. стал усиливаться приток в Кабардино-Балкарию мигрантов из других регионов страны, преимущественно из республик Средней Азии и Закавказья, где обострились межнациональные конфликты. В республику прибыли и группы мигрантов из Армении после землетрясения в этой республике в декабре 1988 г. Мигранты из Закавказья и Средней Азии стремились поселиться в регионах с более стабильной экологической и социально-политической ситуацией, в частности, в Кабардино-Балкарии. Численность армян в Кабардино-Балкарии с 1979 г. по 1989 г. возросла с 2,2 тыс. до 3,5 тыс. человек. Только в г. Прохладном в начале 1990 г. насчитывалось 872 чел. мигрантов-армян. Численность турок-месхетинцев в Кабардино-Балкарии за этот же период увеличилась с 2 тыс. до 5 тыс. человек [Кушхабиев 2019: 107].

Приток мигрантов в Кабардино-Балкарию усугублял острую жилищную и земельные проблемы, возраставшую в проблему безработицы, а также изменял этническую ситуацию, что вызывало недовольство местного населения. Активисты кабардинских общественных организаций предупреждали о таких рисках и угрозах бесконтрольной миграции, как рост ксенофобии у коренного населения республики и как следствие – конфликты между коренным населением и мигрантами.

Следует отметить, что в рассматриваемый период в КБАССР плотность населения уже была довольно высокой – 61,2 человека на 1 кв. км. На площади 12,5 тыс. кв. км проживало 765 тыс. человек. Но реальная плотность населения составляла более 120 человек на 1 кв. км. (показатель плотности населения на 1 кв. км по России в среднем составляет 8,4 человека – А.К.), так как почти две третьих территории республики занимают горы, большая часть которых не пригодна для проживания и хозяйственной деятельности. Быстрый рост населения и его концентрация на равнинной части республики привели к тому, что площадь пашни на 1 жителя сократилась до 0,4 га. По степени урбанизации КБАССР перегнала другие автономные образования страны. В городах республики в то время был сконцентрирован 61% населения, а третья часть ее населения была сосредоточена в г. Нальчике [Кушхабиев 2019: 108].

После обращения активистов «Адыгэ Хасэ» в 1990 г. в Президиум Верховного Совета КБАССР с просьбой о принятии постановления, ограничивающего прописку граждан, прибывающих в КБАССР, Верховный Совет КБАССР сформировал комиссию для рассмотрения данного вопроса [В Президиум... 1989]. В августе 1990 г. ВС КБАССР принял Постановление «О временной приостановке прописки граждан, прибывающих в Кабардино-Балкарскую АССР (30.08.1990. № 237-XII)», в котором, в частности зафиксировано: «1. Временно, до 01.01.1995 года приостановить постоянную

прописку граждан, прибывающих на жительство в Кабардино-Балкарскую АССР (за исключением соотечественников, проживающих за пределами КБАССР и СССР, детей к родителям, родителей к детям, супругов на жилплощадь другого супруга, военнослужащих и военнослужащих, увольняемых в запас и отставку, которые были призваны в ряды Вооруженных сил СССР из КБАССР)» [Постановление... 1990а].

Реализация данного постановления в определенной степени ограничила приток мигрантов из других регионов страны, однако остановить миграционные потоки в Кабардино-Балкарию не удалось. Нелегальные мигранты использовали различные обходные методы: регистрации у родственников, фиктивные браки, коррупционные схемы и т. п.

Консолидация адыгов России. Вопросы сотрудничества с адыгами, проживающими в других регионах Северного Кавказа и этнически-родственными народами, вошли в задачи общественных организаций: клуба «Ашамаз», ОО «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ» и МЧА. Активисты клуба «Ашамаз» установили связи и стали развивать сотрудничество с общественными организациями адыгов, проживающих в других районах Северного Кавказа, с абхазскими и абазинскими общественными организациями (обмены делегациями для участия в культурных мероприятиях и т. п.). В «Адыгэ Хасэ» данная работа возлагалась на сектор по укреплению связей с адыгами в Адыгее, Карачаево-Черкесии, с Абхазией и соотечественниками за рубежом [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-7].

В рассматриваемый период в системе ценностей национально-демократической части кабардинского населения республики проявилось стремление к развитию отношений (в сфере культуры и др.) с адыгами, проживающими в других регионах Северного Кавказа, и представителями этнически-родственных народов: с адыгейцами, причерноморскими адыгами-шапсугами, черкесами Карачаево-Черкесской АО, кабардинцами, проживающими в соседних регионах, абхазами и абазинами. Развитие отношений между представителями этнически-родственных народов стало возможным благодаря демократическим преобразованиям в стране. Ранее органы Советской власти не поощряли развитие отношений кабардинцев, как и других народов страны, с этнически-родственными народами. Данное явление они рассматривали как проявление национализма.

Особенно активно стало развиваться сотрудничество клуба «Ашамаз», а позднее – «Адыгэ Хасэ» с представителями абхазской общественной организации Народный форум «Аидгылара». В рассматриваемый период происходило обострение отношений между руководствами Абхазской АССР и Грузинской ССР, а также между абхазским и грузинским населением Абхазии. По-просьбе Народного форума «Аидгылара», ОО «Адыгэ Хасэ» заявила о своей поддержке абхазского народа и стала принимать участие в мероприятиях по урегулированию ситуации в Абхазии. В частности, 21 сентября 1989 г. на общем собрании «Адыгэ Хасэ» были приняты и направлены обращение и телеграмма в Верховный Совет СССР, ЦК КП Грузии, Обком КП Абхазии,

Народный форум Абхазии, в которых сказано о поддержке «справедливого требования суверенитета абхазского народа». В обращении содержатся следующие требования: предоставить Абхазии, как и Нагорному Карабаху, статус особого управления; создать комиссию ЦК КПСС и Верховного Совета СССР для объективного анализа ситуации в Абхазии и принятия мер по восстановлению нормальных отношений между Абхазией и Грузией [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 32. Л. 1].

На митинге, проведенном ОО «Адыгэ Хасэ» в г. Нальчике 1 октября 1989 г., было принято обращение, в котором содержится призыв к неформальным объединениям Грузии и Абхазии – урегулировать возникшие проблемы, противоречия и конфликт мирным путем [Обращение к народам… 1989].

Представители кабардинских общественных организаций также принимали активное участие в урегулировании ситуации в Абхазии в составе Ассамблеи горских народов Кавказа (позднее – КГНК и КНК).

Консолидация глобального адыгского мира и решение Черкесского вопроса. Развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и решение Черкесского вопроса также были поставлены в качестве основных задач общественными организациями: клубом «Ашамаз» (позднее – ОО «Адыгэ Хасэ»), ОО «Сатаней», партией АНК, ОО «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ» и МЧА.

Данные проблемы актуализировались к середине 1980-х гг. В этот период усилилось стремление зарубежных черкесов (адыгов) к развитию связей со своей исторической родиной. Наблюдался и повышенный интерес среди советской черкесской (кабардинской, адыгейской и черкесской) общественности к зарубежным соотечественникам. Следует отметить, что преобладающая часть черкесов проживает за рубежом. Зарубежная черкесская диаспора (около 4 млн. чел.) образовалась в результате массового выселения адыгов (свыше 90%) в Османскую империю, осуществленного правительствами Российской и Османской империй по окончании «Кавказской войны» 1763-1864 гг. В 1858-1865 гг. в Османскую империю было выселено свыше 900 тыс. черкесов. Выселения черкесов в меньших масштабах продолжались вплоть до окончания Гражданской войны в России 1918-1920 гг. Всего в Османскую империю было выселено около 1 млн. черкесов. Значительная часть их погибла в процессе выселения – на черноморском побережье Черкесии, в пути следования и на территории Османской империи [Кушхабиев 2018: 49-66].

До Второй мировой войны 1939-1945 гг. зарубежные черкесы испытывали проблемы в посещении исторической родины в связи с действовавшим в СССР жестким режимом въезда и выезда. После Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в СССР стали меняться официальные установки в отношении зарубежных соотечественников. Связи черкесских диаспор Сирии и Иордании с автономными республиками и областями Северного Кавказа (на уровне представителей интеллигенции) начали устанавливаться в конце 1950-х гг. Отделение Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, учрежденное в Кабардино-Балкарии в 1966 г., наладило сотрудничество с некоторыми

зарубежными черкесскими диаспорами в сфере культуры, образования и спорта [Кушхабиев 2013: 71-74]. В процессе проведения политики перестройки руководство СССР предоставило зарубежным соотечественникам право посещать свою историческую родину и устанавливать связи с организациями и гражданами страны.

Актуализировавшийся в рассматриваемый период Черкесский вопрос, включает в себя комплекс проблем, поставленных рядом черкесских общественных организаций: проблему признания и осуждения руководством РФ и международными организациями факта геноцида черкесского (адыгского) народа, осуществленного царской Россией в конце XVIII-XIX в., проблему предоставления зарубежным черкесам права на беспрепятственную репатриацию (получение гражданства РФ в упрощенном порядке) [Кушхабиев 2015: 164]. Применявшиеся царскими войсками в процессе завоевания Кабарды и Западной Черкесии такие методы как аннексия территорий и депортация с них населения, а затем и массовое выселение черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858-1865) члены ОО «Адыгэ Хасэ» охарактеризовали как геноцид черкесского (адыгского) народа. Активисты «Адыгэ Хасэ» начали ставить перед органами государственной власти Кабардино-Балкарии и России вопрос о признании геноцида черкесского (адыгского) народа, совершенного царизмом в XVIII-XIX вв.

Проблема репатриации зарубежных черкесов возникла еще в процессе их массового выселения в Османскую империю. Большинство покидавших родину черкесов рассматривало само переселение как вынужденную и временную меру. Однако попытки реэмиграции черкесов пресекались властями Османской и Российской империй. Процесс репатриации зарубежных черкесов был нереальным и в 20-70-е гг. XX в. Советское руководство отвечало отказами на многочисленные обращения зарубежных черкесов с просьбами о предоставлении им разрешения на репатриацию [Кушхабиев 2013: 19-30, 71-74].

После начала проведения в СССР политики перестройки многие зарубежные черкесы стали добиваться предоставления им права на репатриацию. Но стремление зарубежных черкесов к репатриации осложнялось многочисленными бюрократическими препонами. Активисты ОО «Адыгэ Хасэ» добивались от руководства Кабардино-Балкарии содействия в решении данной проблемы. Проблемами репатриации зарубежных соотечественников в ОО «Адыгэ Хасэ» стал заниматься сектор по укреплению связей с адыгами в Адыгее, Черкесии, с Абхазией и соотечественниками за рубежом [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 37. Л. 1; УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 4. Л. 2].

В 1990 г. при ОО «Адыгэ Хасэ» был создан Кабардино-Балкарский благотворительный фонд содействия репатриации зарубежных черкесов «Ошхамахо». Основными целями и задачами фонда стали: содействие возвращению и устройству зарубежных черкесов на историческую родину, оказание черкесам-репатриантам правовой помощи, помощи в решении жилищной и других проблем [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 70. Л. 16, 17].

В уставные документы партии АНК включено положение о необходимости возведения в ранг государственной политики возрождение культуры адыгов и возвращение на историческую родину соотечественников [Устав… 1994c: 165]. В структуре АНК был сформирован сектор по связям с репатриантами и адыгским зарубежьем [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2586. Оп. 1. Д. 14. Л. 10].

В период перестройки общественные организации Кабардинского национального движения на своих съездах, собраниях, заседаниях и митингах принимали обращения: к Президенту РФ и Верховному Совету РФ с просьбой о признании геноцида черкесского (адыгского) народа, совершенного царизмом в XIX в., и с просьбой о предоставлении зарубежным черкесам статуса народа-изгнанника и двойного гражданства – страны проживания и РФ; к руководству Кабардино-Балкарии с просьбами о принятии конкретных мер по репатриации зарубежных черкесов. Ежегодно общественные организации Кабардинского национального движения проводили в г. Нальчике и районных центрах Кабардино-Балкарии траурные мероприятия, посвященные дню окончания «Кавказской войны», – 21 мая. Для участия в данных мероприятиях в Кабардино-Балкарию съезжались представители зарубежных черкесских диаспор и представители общественных организаций других республик Северного Кавказа.

Содействие репатриации зарубежных соотечественников являлось одной из задач АГНК. Обращения к руководству страны с просьбами о содействии в решении вопроса репатриации зарубежных соотечественников были включены в декларации и обращения АГНК (31.05.1990; 12-14.10.1990; 31.03.1991).

Органы государственной власти Кабардино-Балкарии поддержали обращения кабардинских общественных организаций по Черкесскому вопросу. В «Долгосрочную программу» 1989 г. был внесен ряд мер по развитию отношений с соотечественниками за рубежом, среди которых, оказание им содействия в сохранении этнической культуры, изучение вопроса об организации на безвалютной основе отдыха групп молодежи из КБАССР в Сирии и Иордании и, соответственно молодежи из этих стран в КБАССР [Долгосрочная… 1989: 3].

В связи с обращениями общественной организации «Адыгэ Хасэ», граждан республики, представителей зарубежной черкесской диаспоры и предложением областного комитета КПСС, Верховный Совет КБАССР принял первое со времени массового выселения адыгов постановление «Об установлении Дня памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж» (30 августа 1990 г.). В постановлении сказано: «1. Установить 21 мая в Кабардино-Балкарской АССР Днем памяти адыгов-жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж». Совету Министров КБАССР было дано поручение: «разработать и осуществить необходимые мероприятия, связанные с установлением Дня памяти адыгов» [Постановление… 1990b].

Работа с молодежью. Работа с молодежью были поставлена в качестве приоритетных задач общественными организациями Кабардинского

национального движения: клубом»Ашамаз», ОО «Сатаней», партией АНК. У членов клуба «Ашамаз» вызывало тревогу распространение среди молодежи асоциальных процессов: пьянства, наркомании, стремления к паразитическому образу жизни и т. п. Активисты клуба заявляли о необходимости качественно нового уровня нравственного воспитания молодежи, для чего предлагали сотрудничество Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому союзу молодежи (далее – ВЛКСМ) [Налоев 1989; УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 37. Л. 2]. В клубе «Ашамаз» работа с молодежью была возложена на сектор по делам молодежи. В рабочей структуре АНК также был сформирован сектор по работе с молодежью [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2586. Оп. 1. Д. 14. Л. 10].

В рассматриваемый период кабардинские общественные организации в определенной степени оказывали влияние на молодежь республики. Молодые люди и девушки посещали культурные мероприятия и массовые акции, проводимые кабардинскими общественными организациями. Но, в то же время, общественные организации не располагали такими ресурсами и возможностями как государственные структуры, в частности ВЛКСМ, в связи с чем их влияние на молодежь носило ограниченный характер.

Поддержание межнационального мира. Поддержание межнационального мира было включено в уставные документы общественных объединений: ОО «Адыгэ Хасэ», ОО «Сатаней», партии АНК, ОПД «Кабарда», ОО «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ». К середине 1980-х гг. в автономных образованиях Северного Кавказа в разной степени обострились межнациональные отношения. Основными факторами обострения межнациональных отношений в регионе являются: высокая плотность населения на относительно небольшой территории и его полиэтнический состав.

М.Х. Гугова приводит в качестве факторов обострения межнациональных отношений в Северо-Кавказском регионе последствия масштабных исторических событий: Русско-Кавказской войны, закончившейся геноцидом по отношению к ряду горских народов, особенно к адыгам; территориальных изменений национально-государственных образований на протяжении нескольких десятков лет без учета социально-экономических и политических последствий; депортации в годы Великой Отечественной войны некоторых народов Северного Кавказа, добровольно-принудительное заселение «освободившихся» таким образом земель другими народами и др. [Гугова 2002: 46, 47].

Несомненно, последствия указанных исторических событий оказывают влияние на обострение межнациональных отношений на Северном Кавказе, но и их главным последствием стали этнотерриториальные споры. Значительные территориальные потери понесла Кабарда в период установления Советской власти. В период с 1918 по 1921 г. органы Советской власти передали соседним народам 135937 десятин земли, в результате чего земельные угодья Кабарды сократились на 30% [Улигов 1979: 292]. В середине 1980-х гг. ощущалась острая нехватка земли в селениях с преобладающим кабардинским населением. Тем не менее, кабардинские общественные организации не ставили вопроса о

пересмотре административных границ с соседними республиками и населенными пунктами с преобладающим балкарским и русскоязычным населением. Все общественные организации Кабардинского национального движения среди своих целей и задач зафиксировали деятельность по недопущению обострения межнациональных отношений в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе.

Активисты «Адыгэ Хасэ» с первых же дней своей деятельности прокламировали стремление не допустить обострения межнациональных отношений на Северном Кавказе. На всех массовых мероприятиях, проводимых «Адыгэ Хасэ», ее лидеры обращались к их участникам с призывами не поддаваться на провокации в данном вопросе. 1 октября 1989 г. объединение «Адыгэ Хасэ» провело в г. Нальчике свою первую массовую политическую акцию – митинг, посвященный недопущению межнациональных конфликтов, в котором приняло участие несколько тысяч жителей республики. В обращении участников митинга к Верховному Совету СССР содержится призыв: «...принять срочные меры для остановки процесса усугубления межнациональных раздоров на Кавказе в его горячих точках» [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 20. Л. 8]. Данная акция способствовала росту авторитета «Адыгэ Хасэ», как в республике, так и в Северо-Кавказском регионе.

Кабардинское национальное движение в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии в 1989-1991 годах

В 1989 г. клуб «Ашамаз» сменил название на «Адыгэ Хасэ». Использование термина «хаса» («собрание», «совет» – кабард. – черкес. яз.), законодательного органа феодальной Кабарды, отражало тенденцию политизации национального движения. «Адыгэ Хасэ» стало самым массовым и авторитетным кабардинским общественным объединением. Политизация его деятельности была обусловлена развитием общественно-политической ситуации в стране и республике. Углублялись противоречия между советской командно-административной системой и набиравшим силу демократическим движением. Значительная часть кабардинского населения республики уже рассматривала «Адыгэ Хасэ» как структуру, выражающую интересы кабардинского народа, как орган этнической мобилизации. Активисты «Адыгэ Хасэ», получившие поддержку от тысяч жителей Кабардино-Балкарии, стали проводить массовые акции в поддержку реформ. Деятельность «Адыгэ Хасэ» приобретала оппозиционный характер.

24 февраля и 8 марта 1990 г. «Адыгэ Хасэ» провело митинги, в которых приняли участие тысячи жителей республики. На митинге 24 февраля 1990 г. члены «Адыгэ Хасэ» выступили с критикой органов власти республики по вопросу о выдвижении кандидатов в депутаты, так как 54% кандидатов были выдвинуты на безальтернативной основе. Также были выдвинуты 35 представителей партийно-государственного аппарата. Активисты «Адыгэ Хасэ» выступили с критикой властей относительно нарушения этнической пропорции

кандидатов в депутаты. Среди кандидатов в депутаты меньше всего оказалось представителей балкарской национальности. Они расценили это как попытку обострения отношений между кабардинским и балкарским народами. Выступавшие активисты «Адыгэ Хасэ» критиковали и имевшую место практику назначений на руководящие должности Кабардино-Балкарии лиц, приглашенных из других регионов страны, что вызывало недовольство жителей республики. Выступавшие выдвинули требование – сократить райкомы партии и комсомола, райисполкомы г. Нальчика [Кумышева 1990].

В принятой резолюции участники митинга записали требования: отставки бюро обкома партии, переноса выборов по безальтернативным округам на один-два месяца для проведения реальных демократических выборов на альтернативной основе, замены всех руководящих работников правительственного аппарата, предприятий, повинных в ухудшении условий жизни трудящихся, и т. п. В случае невыполнения этих требований участники митинга приняли решение – снова собраться в центре города на площади им. Ленина [Казиханов 1990].

Участникам митинга, проведенного 8 марта 1990 г., активисты «Адыгэ Хасэ» объявили о том, что ни одно из условий февральского митинга не было выполнено. Участники митинга выдвинули требования: провести формирование правительства республики гласно, с учетом мнения общественности и трудовых коллективов; обновить правительство на 80%, решить вопрос о передаче республиканских средств массовой информации Верховному Совету КБАССР; привлечь к строгой ответственности за вмешательство в дела избирательных комиссий и нарушение партийной этики секретаря обкома КПСС В. Захарченко, секретарей РК КПСС С. Аброкова, Ю. Беднева, Н. Бозиева; за неудовлетворительную работу освободить от занимаемой должности генерального директора объединения «Каббалкпроектстрой» В. Поповича, председателя Гостелерадио КБАССР Х. Кауфова, председателя Центризбиркома КБАССР М. Докшокова; создать комиссию по анализу и политической деятельности бывшего первого секретаря обкома КПСС Т. Мальбахова. 10 мая 1990 г. «Адыгэ Хасэ» провела пикетирование здания Дома Советов, где проходило третье заседание 1-й Сессии ВС КБАССР, на котором формировалось правительство республики [Казиханов 1990].

Несмотря на противодействие «Адыгэ Хасэ», в новых органах власти республики возобладали представители прежнего партийного руководства Кабардино-Балкарии. На 1-й Сессии Верховного Совета КБАССР, проходившей 30 марта 1990 г., его Председателем был избран Первый секретарь обкома КБАССР В.М. Коков. Председателем Правительства был избран председатель Совета Министров КБАССР М.Ш. Мамхегов.

В мае 1990 г. объединение «Адыгэ Хасэ» получило статус общественной организации. Высшим органом «Адыгэ Хасэ» являлись съезд, конференция или общее собрание членов организации, которые избирали состав Совета. Совет избирал председателя организации и его заместителей. «Адыгэ Хасэ» осуществляла свою деятельность на территории Кабардино-Балкарии. Более

масштабными стали ее цели и задачи, среди которых: объединение усилий граждан республики для качественного преобразования политической и социально-экономической ситуации в КБССР; формирование Федерации адыгских народов Кавказа. В Уставе-Программе «Адыгэ Хасэ» также зафиксировано, что организация будет содействовать: формированию правового государства; восстановлению Кабардинской Республики в исторических границах; нравственному очищению общества; восстановлению социальной и национальной справедливости, искоренению любого произвола и насилия; выработке и реализации эффективной экологической программы в целях сохранения здоровья населения, флоры и фауны республики и др. [Устав-Программа… 1992: 4].

В рассматриваемое время особую актуальность в Кабардино-Балкарии приобрел вопрос о государственном суверенитете республики. ОО «Адыгэ Хасэ» сосредоточила свою деятельность на решении данного вопроса. При этом проекты по реформированию государственного устройства Кабардино-Балкарии у кабардинских и балкарских общественных организаций имели существенные различия, что послужило одной из главных причин обострения отношений между ними и, как следствие, обострения общественно-политической ситуации в республике.

Балкарская ОО «Тёре» поставила ряд вопросов по преобразованию государственного устройства республики, среди которых: добиться паритета с кабардинцами в органах государственной власти республики; решить вопрос о восстановлении административно-территориальных районов с балкарским населением, существовавших на момент выселения балкарцев в 1944 г. Некоторые активисты «Тёре» настаивали на создании самостоятельной Балкарии.

19 августа 1990 г. состоялась Конференция народных депутатов балкарской национальности, представленных на всех уровнях Советов народных депутатов. В резолюции конференции содержатся основные положения проекта «Тёре» о государственном суверенитете КБАССР. В ней зафиксировано следующее: республика изначально была образована двумя национально-территориальными субъектами – Кабардой и Балкарией; носителями суверенитета должны быть народы Кабарды и Балкарии, однако ныне сложился деформированный тип государственного устройства, где субъекты, образующие республику, существуют лишь номинально, следовательно, без преобразования существующего национально-государственного устройства КБАССР с решением вопроса о суверенитете, как Кабарды, так и Балкарии рассмотрение вопроса о государственном суверенитете КБАССР в целом неприемлемо. Предлагалось решить вопрос об образовании суверенных национально-государственных единиц – Кабарды и Балкарии до 1 ноября 1990 г. Было также принято постановление о проведении до 1 октября 1990 г. съезда балкарского народа [Резолюция Конференции… 1990].

Относительно решения Конференции народных депутатов балкарской национальности ОО «Адыгэ Хасэ» приняла «Резолюцию Большого Совета» (от

4 октября 1990 г.), в которой сказано, что расчет некоторой части балкарских руководителей создать свое национально-государственное образование на территории якобы бывших балкарских районов неприемлем. Такое решение может быть только на территории, которая исторически принадлежит балкарскому народу. В резолюции также сказано, что неприемлема идея образования федеративного государства, действующего на основе договора между национально-государственными образованиями – Кабардой и Балкарией, как самостоятельных и равноправных субъектов республики, ввиду нежизнеспособности такой формы, не учитывающей интересы русскоязычного населения [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 43. Л. 46].

Противоречия между Кабардинским и Балкарским национальными движениями проявились в процессе подготовки проектов Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарии. Проекты, подготовленные «Адыгэ Хасэ» и «Тере», обсуждались общественностью республики. В проекте Декларации, представленном «Адыгэ Хасэ», доминирует воля народа Кабардино-Балкарии и стремление создать демократическое общество. КБССР определяется как «суверенное государство, созданное народом Кабардино-Балкарии на основе осуществления им своего неотъемлемого права на самоопределение». В тексте проекта употребляется словосочетание «народ Кабардино-Балкарии» в единственном числе, а Кабарда, Балкария, кабардинский и балкарский народы не упоминаются. КБССР выступала в Декларации как унитарное либерально-демократическое государство, представляющее единую гражданскую нацию – народ Кабардино-Балкарии. Вместе с тем, внимание акцентировалось на провозглашении именно «полного» государственного суверенитета и не предусматривалось делегирование РСФСР и СССР каких-либо полномочий, ограничивающих самостоятельность государственной власти и верховенство Конституции и законов республики. Также предлагалось признать кабардинский и балкарский языки государственными, а русский – языком межнационального общения [Декларация о государственном… 1990a].

Проект Декларации, представленном «Тёре», имел принципиальные отличия от проекта «Адыгэ Хасэ». Он назывался «Декларация о государственном суверенитете Федеративной Республики Кабарды и Балкарии». В нем отчетливо выражен приоритет принципов этнонационального самоопределения. В 1-й статье проекта зафиксировано, что Федеративная Республика Кабарды и Балкарии есть суверенное государство, утвердившееся в результате самоопределения Кабарды и Балкарии как суверенных государств и действующее на основе федеративного договора. Республика гарантирует народам Кабарды и Балкарии их неотъемлемое право на самоопределение вплоть до выхода из республики одного из субъектов, ее образующих. Кабарда и Балкария являются одновременно субъектами Федеративной Республики Кабарды и Балкарии и других союзов суверенных государств в пределах Российской Федерации [Декларация о государственном… 1990b].

В проекте оговаривалась процедура реализации Декларации, которая предусматривала предварительное «образование субъектов Федеративной

Республики Кабарды и Балкарии и заключение между ними Федеративного договора» [Декларация о государственном… 1990b]. Столь сложная «субъектно-договорная» структура превращала Федеративную Кабардино-Балкарию в малореальное образование [Боров и др. 1999: 117].

Проект Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарии, разработанный комиссией ВС КБССР, носил компромиссный характер, и в ходе обсуждений не претерпел принципиальных изменений.

В итоге, 30 января 1991 г. на 3-й Сессии ВС КБССР была принята Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики. Принятый вариант Декларации явился результатом компромисса, обеспечивающим согласие народов республики и сохранение ее единства. В тексте Декларации в качестве компромисса зафиксированы четыре положения, содержащие предложения балкарского национального движения. Первое, о том, что «Кабардино-Балкарская ССР создает условия для обеспечения необходимого представительства кабардинского, балкарского и русского народов, а также компактно проживающих на территории республики национальных групп в выборных органах ...». Второе, о том, что «Верховный Совет КБССР строит свою работу на основе функционирования двух равноправных палат – палаты республики и палаты национальностей, которая формируется на паритетной основе». Третье, заявлялось: «Придавая важное политическое значение полному восстановлению прав балкарского народа, Верховный Совет республики считает необходимым решение вопросов о восстановлении административных районов Кабардино-Балкарии, существовавших к марту 1944 г., с учетом сложившихся социально-экономических, демографических и других условий». Четвертое, в Декларации зафиксировано положение о фактической двухсубъектности и праве кабардинского и балкарского народов на самоопределение. В тексте сказано, что кабардинский и балкарский народы, как суверенные субъекты, образующие единую республику, обладают неотъемлемым правом на самоопределение, вплоть до выхода из Республики и образования самостоятельной государственности» [Декларация о государственном… 1991].

В Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской ССР содержится ряд положений, направленных на защиту прав и интересов всех народов республики: обеспечение равенства перед законом всех граждан Республики, независимо от происхождения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, политических и религиозных убеждений, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств; признание кабардинского, балкарского и русского языков государственными и др. [Декларация о государственном… 1991].

После принятия Декларация о государственном суверенитете КБССР противоречия между Кабардинским и Балкарским национальными движениями стали усиливаться, что было обусловлено принципиальными разногласиями по вопросу о национально-государственном устройстве республики.

«Адыгэ Хасэ» приняла обращение к народу Кабардино-Балкарии (от 07.02.1991), в котором содержится ее позиция по нескольким принципиальным вопросам. Прежде всего, «Адыгэ Хасэ» выступила против принципа паритетности кабардинцев, балкарцев и русских, обосновывая это тем, что другие народы, живущие в республике, лишаются права быть представленными в палате национальностей. В обращении сказано, что еще одним дестабилизирующим фактором ситуации в республике может стать постановление высшего органа власти о восстановлении «районов Балкарии». Отмечается, что вопрос о границах используется в качестве инструмента раздора. В обращении выражено «несогласие с принятой Верховным Советом Декларацией о суверенитете». В обращении «Адыгэ Хасэ» также призвала не допустить возврата к тоталитарному режиму и монопольному господству одной партии, а также объявила последние выборы в Верховный Совет недемократичными и потребовала проведения новых выборов на демократической основе [Обращение общественно-политической… 1991].

На пресс-конференции «Адыгэ Хасэ», состоявшейся 21 февраля 1991 г., ее лидеры выразили свое несогласие с принятой Верховным Советом Декларацией о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской ССР, а также заявили, что считают антидемократическим создание двухпалатного Верховного Совета, поскольку он не даст паритета трех народов (кабардинского, балкарского и русского), а остальные вообще лишит права голоса [Гугова 2002: 79].

«Адыгэ Хасэ» принимала участие и в движении демократических сил страны. В частности, 10 марта 1991 г. в г. Нальчике на стадионе «Спартак» состоялся митинг трудящихся, организованный «Адыгэ Хасэ» и Демократической партией КБССР в поддержку лидера парламента России Б.Н. Ельцина. На митинге также обсуждались вопросы Всесоюзного и Всероссийского референдумов, проведение которых было намечено на 17 марта. Для участия в митинге в Нальчик съехались представители 14-ти политических партий и национально-демократических организаций страны. Ими был учрежден «Северокавказский Демократический конгресс». В принятой резолюции, зафиксировано, что трудящиеся, собравшиеся на митинг, одобряют политику, проводимую Б.Н. Ельциным. На вопрос Всесоюзного референдума (вопрос о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик) участники митинга призвали ответить – «нет», на вопрос Всероссийского референдума (введение поста Президента РСФСР) – «да» [Митинг... 1991].

30 марта 1991 г. в г. Нальчике состоялся I Съезд балкарского народа (1-й этап съезда), на котором было принято «Обращение к Верховным Советам КБССР, РСФСР и СССР». В обращение вошли основные требования Балкарского национального движения: восстановление административно-территориальных районов Балкарии, существовавших к 1944 г.; включение в новую Конституцию КБССР положения о том, что Кабарда и Балкария являются суверенными субъектами, образующими на основе договора единую республику; обеспечение паритетного представительства в высших органах

власти и управления КБССР; конституционное закрепление механизма участия Балкарии в подписании Союзного и Федеративного договоров в качестве равноправного субъекта и др. [В Нальчике... 1991].

Некоторые из этих требований были восприняты определенной частью населения Кабардино-Балкарии крайне негативно. В частности, ОО «Адыгэ Хасэ» выступила с осуждением отдельных требований I Съезда балкарского народа [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2599. Оп. 1. Д. 89. Л. 6].

6 апреля 1991 г. кабардинскими общественными организациями в г. Нальчике была проведена I Конференция кабардинского народа, на которой обсуждались наиболее актуальные проблемы кабардинского народа. Конференция постановила просить Верховный Совет республики рассмотреть проект Договора о Союзе суверенных республик и сформировать полномочную делегацию для его подписания. Одновременно добиваться обязательного участия в работе над проектом Федеративного договора делегации Кабардино-Балкарии для учета в нем суверенных прав и интересов КБССР. В резолюции конференции также зафиксировано, что «в результате ультимативного требования депутатов балкарской национальности и беспрецедентного давления партаппарата на членов КПСС в ущерб кабардинскому и другим народам республики в Декларацию о государственном суверенитете КБССР заложен антиконституционный и антидемократический принцип формирования одной из палат Верховного Совета КБССР на паритетной основе по национальному признаку. (Последующие события и решения I съезда балкарского народа показали, что эта уступка была воспринята лидерами «Тере» и группой балкарских депутатов как слабость и беспринципность высшего органа государственной власти Кабардино-Балкарии.)» [Резолюция Конференции... 1991].

В резолюции закреплено, что участники конференции от имени кабардинского народа категорически отвергают паритетность по национальному признаку в законодательном, исполнительном и судебном органах республики, как не имеющем аналогов в отечественной и мировой государственно-правовой практике, нарушающей элементарные демократические принципы, что конституционное закрепление принципа паритетности по национальному признаку в высших органах власти республики может привести к акциям гражданского неповиновения, ответственность за которые должен нести ВС КБССР. В резолюции также сказано, что участники конференции отвергают требования по восстановлению так называемых районов Балкарии в пределах землепользования к марту 1944 г. как исторически необоснованные, противоречащие Декларации о государственном суверенитете КБССР, ведущие к межнациональному конфликту [Резолюция Конференции... 1991].

В резолюции содержится просьба к Верховному Совету: опубликовать до принятия решения о восстановлении административных районов республики все материалы, касающиеся исторических границ и поземельных отношений в Кабарде. В резолюции также отмечается, что, признавая право балкарского народа на самоопределение, равно как и кабардинского, но, учитывая, что

десятки тысяч балкарцев проживают в кабардинских населенных пунктах и на исторической земле Кабарды, считать, что территориальные размежевания могут привести к неизбежной и вынужденной миграции значительной части балкарского населения из-за политических амбиций некоторых лидеров «Тёре» и народных депутатов КБР [Резолюция Конференции... 1991].

В «Обращении к балкарскому народу», зафиксированном в резолюции, содержится призыв: не поддаваться пропаганде, ведущей к нарушению традиционных дружеских отношений и сеющей вражду и ненависть между народами, сделать все возможное ради сохранения территориальной целостности республики, гражданского мира и согласия [Резолюция Конференции... 1991].

18-21 августа 1991 г. в стране произошел так называемый путч (государственный переворот): самопровозглашенный Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) предпринял попытку смещения М.С. Горбачева с поста Президента СССР и смены проводимого им курса. ГКЧП провозгласил себя органом «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения», решения которого общеобязательны для исполнения на всей территории СССР, а также объявил, что вице-президент Г. Янаев становится и. о. Президента СССР «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Михаилом Горбачёвым своих обязанностей Президента СССР». Целью Путча была смена вектора развития СССР, не допускавшего его распада.

Действия ГКЧП сопровождались: объявлением чрезвычайного положения в Москве; приостановлением деятельности политических партий, общественных организаций и массовых движений; запретом проведения митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок; установлением контроля над СМИ и др. Основное противостояние в данных событиях проходило между ГКЧП и высшими органами власти РСФСР [Августовский путч].

События в г. Москве вызвали обострение общественно-политической ситуации в регионах страны, в частности в Кабардино-Балкарии. Во время путча руководство республики заняло сдержанную и выжидательную позицию по отношению к ГКЧП. Только 21 августа Президиум ВС КБССР принял «Обращение к народу Кабардино-Балкарской ССР», в котором сообщалось, что на территории республики законно избранные органы власти будут и впредь проводить курс на реализацию демократических реформ, стабилизацию экономики, укрепление дисциплины и правопорядка. В обращении содержится призыв к населению, к общественным организациям, политическим партиям и демократическим движениям: сохранять выдержку и спокойствие, направлять усилия на обеспечение беспрерывной работы всех звеньев народно-хозяйственного комплекса, воздержаться от действий, способных дестабилизировать общественно-политическую ситуацию и привести к разжиганию межнациональной розни в республике [Обращение к народу... 1994: 80].

Однако сдержанная позиция властей была расценена оппозиционными силами как поддержка путча. По мнению М.И. Докшокова, возглавлявшего в то время Центризбирком КБССР, сдержанная и выжидательная позиция руководства республики в той ситуации была единственно правильной. Такой позиции придерживались почти все регионы страны. Но молодая оппозиция республики решила использовать появившийся шанс, чтобы «свалить руководство Верховного Совета, правительства и взять власть в республике в свои руки» [Докшоков 1998: 135].

События в г. Москве ослабили противоречия между Кабардинским и Балкарским национальными движениями. Ими было создано в г. Нальчике движение «Демократическая Кабардино-Балкария», в которое вошли представители «Адыгэ Хасэ», «Тёре», Демократической партии КБР и депутатских групп «Радикальная реформа» и «Коммунисты за демократию». Лидерами этого движения стали З. Налоев, М. Хачетлов, Ж. Губачиков, Ю. Шанибов, З. Зукаев, М. Шокуев, Б. Бгажноков, Б. Тлянчев, Т. Ульбашев. Целью нового движения стало смещение руководства республики. «Демократическая Кабардино-Балкария» выступила с обвинением руководства республики в поддержке ГКЧП и потребовала его незамедлительной отставки. В первую очередь, лидеры движения «Демократическая Кабардино-Балкария» и некоторые депутаты парламента республики потребовали созыва сессии Верховного Совета для обсуждения вопроса о позиции руководства республики в дни путча [Докшоков 1998: 134, 135].

24 августа 1991 г. открылась Внеочередная сессия ВС КБССР с единственным вопросом повестки дня: «О текущем моменте и политической оценке позиции руководства республики в период путча». В это же время движение «Демократическая Кабардино-Балкария», несмотря на запрет руководства республики, организовало возле Дома Советов в г. Нальчике бессрочный митинг. Участники митинга, численность которых составляла свыше 2 тыс. человек, требовали осуждения и отставки руководства Верховного Совета и Правительства республики [Докшоков 1998: 137].

После острых дискуссий большинством голосов – 115 против 18 и 3 воздержавшихся, сессия приняла постановление, в котором решения Президиума Верховного Совета и Совета Министров КБССР 19-21 августа признавались «в основном правильными и обеспечивающими на территории республики функционирование конституционно избранных органов власти и управления, правопорядок, гражданское согласие и нормальную деятельность народнохозяйственного комплекса» [О текущем моменте... 1991].

В ответ, участники митинга организовали политическую голодовку 68 человек. В «Политическом заявлении», принятом участниками митинга (от 25.08.1991), сказано, что в период военно-партийного путча с 19 по 21 августа 1991 г. руководство республики поддержало преступные действия антиконституционного органа – ГКЧП, а сессия ВС 24 августа одобрила позицию и действия руководства республики в дни путча, что, по сути, означает одобрение деятельности ГКЧП. В «Политическом заявлении» содержатся требования самороспуска ВС КБССР, отставки Председателя ВС

КБССР В.М. Кокова, его заместителей Х.М. Кармокова, Б.К. Чабдарова, Ю.В. Чепуркова и отставки Председателя Совета Министров КБССР М.Ш. Мамхегова [Политическое заявление... 1991].

В «Политическом заявлении участников голодовки по вопросу отставки Верховного Совета КБССР» (от 27.08.1991) содержатся новые требования: принятия поправок к Конституции КБССР о введении поста президента республики; принятия постановления о назначении даты выборов президента КБССР; принятия постановления о назначении даты новых выборов народных депутатов КБССР и др. [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2586. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-3].

27 августа было опубликовано «Обращение Совета Министров республики к народам Кабардино-Балкарии», в котором содержится призыв: «…проявить мудрость, направить все усилия на созидательный труд, упрочение гражданского мира и согласия, оказать поддержку правительству республики» [Обращение Совета... 1991].

Ситуация в г. Нальчике обострялась, к митингующим присоединялись жители районов республики. В сложившейся ситуации руководство республики приняло решение пойти на компромисс с оппозицией. 27 августа Президиум ВС КБССР созвал Чрезвычайную сессию Верховного Совета для рассмотрения политического заявления группы голодающих. На сессии было принято постановление о проведении досрочных выборов в Верховный Совет в декабре 1991 г. 29 августа Президиум ВС КБССР «в целях скорейшего прекращения голодовки и сохранения в республике гражданского мира и согласия» принял заявления о сложении своих полномочий Председателя ВС КБССР В.М. Кокова, первого заместителя ВС КБССР Б.К. Чабдарова, заместителей ВС КБССР Ю.В. Чепуркова и Х.М. Кармокова, Председателя Совета Министров КБССР М.Ш. Мамхегова. Президиум ВС КБССР также постановил отметить, что отставка руководителей республики явилась результатом грубого нажима [В Верховном... 1991; В Президиуме... 1991].

После отставки высших руководителей республики участники голодовки приняли политическое заявление (от 29.08.1991), в котором сказано о прекращении данной акции. В нем содержится просьба к движению «Демократическая Кабардино-Балкария»: обеспечить контроль за полной реализацией требований участников общереспубликанского митинга от 24 августа 1991 г.; принять активное участие в деятельности Президиума ВС и Совета Министров КБССР по подготовке и проведению выборной кампании, а также в разработке важных законодательных актов по ускорению радикальных экономических реформ и др. [Политическое заявление участников... 1991].

Фактически, демократические силы Кабардино-Балкарии одержали победу над руководством республики. Лидирующее положение в движении «Демократическая Кабардино-Балкария» заняли представители «Адыгэ Хасэ». Лидеры «Демократической Кабардино-Балкарии» провели совещания по вопросу о создании временного руководящего органа республики, однако не смогли прийти к консенсусу и вынести решение. В итоге, лидеры «Демократической Кабардино-Балкарии», во избежание хаоса в республике, предложили Верховному Совету КБССР продолжать осуществлять свою

деятельность до проведения досрочных выборов. Это стало началом поражения движения «Демократическая Кабардино-Балкария».

М.И. Докшоков отметил, что в течение 20 дней обезглавленные Верховный Совет и правительство работали без «верхов» [Докшоков 1998: 137]. 17 сентября 1991 г. в г. Нальчике состоялась 5-я Сессия ВС КБССР 12-го созыва, на которой были приняты постановления об отмене постановления Президиума ВС КБССР (от 29.08.1991) о принятии отставки руководства республики. ВС КБССР принял постановления (от 17.09.1991) об освобождении от занимаемых должностей Председателя ВС КБССР В.М. Кокова, заместителя Председателя ВС КБССР Ю.В. Чепуркова и Председателя Совета Министров КБССР М.Ш. Мамхегова [Постановление...1991c; Постановление... 1991d; Постановление... 1991e]. В то же время депутаты ВС КБССР избрали заместителя Председателя ВС КБССР Х.М. Кармокова Председателем ВС КБССР [Постановление... 1991f].

В итоге, оппозиция не смогла добиться своей главной цели – смены власти. За исключением отставки нескольких высших руководителей республики Верховный Совет и Совет Министров продолжали осуществлять свою деятельность. Главной причиной провала «Демократической Кабардино-Балкарии» послужило отсутствие единства внутри движения.

Руководство страны официально не заявило о своей позиции по событиям в г. Нальчике, что было расценено общественностью как поддержка «Демократической Кабардино-Балкарии». Руководство РСФСР воздержалось от прямого вмешательства во внутренние дела КБССР и устранения действующего руководства и высших органов власти республики, но продемонстрировало стремление оказать на них давление [Боров и др.: 128, 129].

К концу сентября 1991 г. политический кризис в Кабардино-Балкарии разрастался: усиливались противоречия между демократическими силами и руководством, а также между Кабардинским и Балкарским национальными движениями. Общественно-политическая ситуация обострилась и в связи с принятием на 5-й Сессии ВС КБССР (25-27 сентября) постановления об учреждении поста Президента Кабардино-Балкарии. Выборы Президента республики были назначены на 24 ноября 1991 г. Позднее день выборов перенесли на 22 декабря 1991 г. Преобладающая часть балкарского и русскоязычного населения, особенно в Прохладненском и Майском районах, высказывалась против введения в республике поста президента.

В целях стабилизации накалившейся общественно-политической ситуации в республике, по инициативе республиканского совета ветеранов, 17 октября 1991 г. в г. Нальчике был проведен I Съезд старейшин народов Кабардино-Балкарии, в работе которого приняли участие 519 делегатов и свыше 300 приглашенных из всех населенных пунктов республики, а также 11 депутатов ВС КБССР. Делегаты съезда обсуждали вопрос «О задачах старшего поколения, ветеранских и общественных организаций по укреплению взаимопонимания, дружбы и добрососедства между народами». Делегаты съезда высказывались за укрепление дружбы и братства народов, отмечали

роль совета старейшин и ветеранов в воспитании молодежи [Съезд... 1991a]. Делегаты съезда обратились к общественным движениям с призывом объединить свои усилия и направить их на укрепление отношений между народами, на повышение качества труда и укрепление дисциплины, на преодоление негативных явлений [Съезд... 1991b]. Однако съезд старейшин не оказал сколько-нибудь значительного влияния на общественно-политическую ситуацию в республике.

Противоречия между Кабардинским и Балкарским национальными движениями накалились после I Съезда балкарского народа, созванного по инициативе «Тёре» 17 ноября 1991 г. На съезде была принята Декларация о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа, а также сформирован руководящий орган – Национальный Совет балкарского народа. Съезд принял постановление, предписывавшее не проводить выборы Президента КБССР в балкарских населенных пунктах [Декларация о провозглашении... 1991].

В сложившейся ситуации ВС КБССР своим постановлением (от 19.11.1991) поддержал вышеуказанное решение I Съезда балкарского народа. В постановлении ВС КБССР содержится поручение Президиуму ВС КБССР – образовать комиссию по выработке механизма реализации положений, вытекающих из Декларации о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа [Постановление... 1991b].

Решения I Съезда балкарского народа о провозглашении Республики Балкария и приостановке выборов Президента КБССР на территории балкарских населенных пунктов вызвали противоречивую реакцию среди общественных организаций и, в целом, среди общественности Кабардино-Балкарии. Некоторые представители всех народов республики высказывались в поддержку решений I Съезда балкарского народа, другие – против. Депутатская группа «Суверенитет», Республиканская партия Кабардино-Балкарии, партия «Адыгский национальный конгресс» и ОО «Черкесская Отечественная Хасэ» приняли совместное «Обращение к Верховному Совету КБССР», в котором заявили, что они признают право балкарского народа на самоопределение, но осудили решение I Съезда балкарского народа о приостановке выборов Президента КБССР в балкарских населенных пунктах. В обращении сказано, что данное решение является антиконституционным и неправомерным, нарушающим права и свободы граждан. В нем также отмечается, что создание Республики Балкария является длительным процессом и на всей территории Кабардино-Балкарии должны действовать законы и нормативные акты, законодательные и исполнительные органы власти. Верховная же власть должна принадлежать только законно избранному действующему Верховному Совету Кабардино-Балкарии [Обращение депутатской группы... 1991].

ОО «Адыгэ Хасэ» стала готовить съезд с целью провозглашения Кабардинской Республики. Затем намечалось формирование ее органов государственной власти. После же создания органов государственной власти двух самостоятельных республик Кабардино-Балкария прекратила бы свое существование. Тем не менее, ВС КБССР поддержал Кабардинское

национальное движение в данном вопросе. В Постановлении ВС КБССР «О созыве Съезда народов Кабарды» (от 19 ноября 1991 г.) сказано: созвать Съезд народов Кабарды по вопросу «О национально-государственном устройстве Кабардинской ССР 14 декабря 1991 г.». В постановлении также содержится пункт о создании организационного комитета по проведению Съезда народов Кабарды. Президиуму ВС КБССР было поручено утвердить состав организационного комитета. Политическим партиям, общественным организациям и движениям, зарегистрированным на территории КБССР, предлагалось представить в Президиум ВС КБССР по одному представителю для включения в состав организационного комитета [Постановление... 1991а].

В республике сложилась ситуация когда ВС КБССР, поддерживая Балкарское и Кабардинское национальные движения в вопросе по разделу республики на Кабарду и Балкарию, добровольно передавал им власть. В данной ситуации представители руководства, опасавшиеся неминуемой утраты своих позиций в случае раздела Кабардино-Балкарии, стали принимать меры по сохранению единства республики. Ими незамедлительно было создано «Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии». На первом собрании движения, состоявшемся 4 декабря, были избраны 3 сопредседателя – кабардинец М.И. Докшоков, балкарец М.Ч. Залиханов и русский Г.С. Губин [Создано... 1991].

Уже 7 декабря было опубликовано «Обращение Временного координационного Совета «Движения за сохранение единства Кабардино-Балкарии» ко всем гражданам республики, политическим партиям, общественным организациям, массовым общественным объединениям, трудовым коллективам предприятий, колхозов, организаций и учреждений, высших и средних учебных заведений», в котором выражена тревога за судьбу населения республики в случае ее расчленения. В обращении содержится призыв ко всем гражданам республики – активно выступить за сохранение единой Кабардино-Балкарии, проявить сдержанность, не допускать противозаконных действий [Обращение Временного... 1991].

За сохранение единства Кабардино-Балкарии также выступили: Совет Министров КБССР, Совет Федерации независимых профсоюзов КБССР, Республиканский комитет Союза молодежи Кабардино-Балкарии, Координационный Совет республиканского общественного объединения «Россияне».

Руководству республики удалось достигнуть договоренности с лидерами «Адыгэ Хасэ» в важнейшем вопросе – в переносе проведения Съезда народов Кабарды на середину января 1992 г. 14 декабря 1991 г. руководство КБССР провело не запланированный Съезд народов Кабарды, а Съезд народов Кабардино-Балкарии. В работе съезда принимали участие 897 делегатов – представители всех населенных пунктов республики. Подавляющее большинство делегатов съезда выступили против разделения республики [Докшоков 1998: 146, 147].

Делегаты съезда приняли «Резолюцию съезда народов Кабардино-Балкарии» (от 14.12.1991) и «Обращение съезда народов Кабардино-Балкарии к

населению Кабардино-Балкарской ССР» (от 14.12.1991). В резолюции сказано, что съезд считает преждевременным создание отдельной Республики Балкария. В то же время съезд предложил ВС КБССР сформировать компетентную комиссию для определения исторических границ между Кабардой и Балкарией в рамках единой Кабардино-Балкарии. Одним из основных решений делегатов съезда стало то, что съезд подтвердил правомерность проведения выборов Президента КБССР и предложил ВС КБССР обеспечить его проведение на всей территории республики. Съезд потребовал от всех органов власти неукоснительного обеспечения соблюдения Конституции и законов КБССР на всей территории республики до окончательного решения о ее национально-государственном устройстве. Съезд также потребовал от правоохранительных органов усиления борьбы с преступностью и неукоснительного соблюдения властными структурами принятого ВС КБССР постановления о временном ограничении прописки на территории КБССР [Резолюция Съезда... 1991]. В «Обращении Съезда народов Кабардино-Балкарии к населению Кабардино-Балкарской ССР» содержится призыв ко всем гражданам республики: «...сделать все возможное, чтобы не допустить раскола Кабардино-Балкарской ССР, сохранять согласие и дружбу между ее народами» [Обращение Съезда... 1991].

Разгоревшаяся политическая борьба вокруг вопроса об учреждении поста Президента КБССР, а затем и проведении выборов Президента, приобрела принципиальный характер. По мнению А.Х. Борова, Х.М. Думанова и В.Х. Кажарова, окончательный срыв избирательной кампании и самого голосования означал бы, что политическая система республики неспособна функционировать, и процесс ее делегитимизации и дезинтеграции необратим. Политическое же воздействие «Движения за сохранение единства Кабардино-Балкарии» оказалось недостаточным. Более существенным оказалось, что органам государственной власти республики удалось склонить лидеров Кабардинского национального движения к отсрочке проведения съезда кабардинского народа на период до завершения президентских выборов. Различные течения в Кабардинском национальном движении сошлись на основе признания необходимости института президентства в республике и готовности участвовать в выборах [Боров и др. 1999: 140, 141].

Несомненно, в случае срыва учреждения поста Президента КБССР, а затем и проведения выборов Президента, раздел республики на Кабарду и Балкарию был бы неизбежен. В то же время, лидеры Кабардинского национального движения допустили политический просчет, поддержав руководство КБССР в вопросе об учреждении поста Президента КБССР, а затем и проведении его выборов. Это позволило руководству республики сохранить единую Кабардино-Балкарию и свои позиции.

Перед проведением выборов Президента КБССР Национальный Совет балкарского народа потребовал роспуска участковых избирательных комиссий в балкарских населенных пунктах. В день выборов – 22 декабря балкарское население республики бойкотировало выборы Президента Кабардино-Балкарии: в большинстве балкарских населенных пунктов не были открыты

избирательные участки. Преобладающая часть русскоязычного населения также не приняла участие в выборах Президента КБССР. В первом туре выборов по Прохладненскому и Майскому районам проголосовало не более одной трети от общего числа избирателей, занесенных в списки голосования [Докшоков 1998: 145].

Тем не менее, выборы Президента Кабардино-Балкарии состоялись. По результатам первого тура выборов Президент не был избран. Во второй тур вышли В.М. Коков, набравший 39,3% голосов и Ф.А. Хараев, набравший 19,8% голосов.

29 декабря 1991 г. Национальный Совет балкарского народа провел референдум, на котором преобладающая часть балкарского населения – 94,8% из 84,9%, принявших участие в референдуме, ответила положительно по вопросу о поддержке курса на создание Республики Балкария [Постановление... 1994: 175-177].

Обострение политического кризиса в Кабардино-Балкарии происходило в условиях распада государства. 26 декабря 1991 г. Совет Республики Верховного Совета СССР принял Декларацию о прекращении существования СССР в связи с образованием Содружества Независимых Государств. Население Кабардино-Балкарии испытывало тревогу в связи с непредсказуемым развитием ситуации, как в стране, так и в республике.

Заключение

Таким образом, Кабардинское национальное движение сформировалось в период перестройки (1985-1991) вокруг клуба «Ашамаз», основанного в ноябре 1985 г. (с мая 1990 г. – ОО «Адыгэ Хасэ»). Идеи Кабардинского национального движения были включены в уставные документы партии «Адыгский национальный конгресс» (сентябрь 1991 г.), женской ОО «Сатаней» (сентябрь 1991 г.) и ОПД «Кабарда» (декабрь 1991 г.). Представители кабардинской национально-демократической общественности участвовали в создании и деятельности региональных общественных объединений «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ» (май 1991 г.), «Ассамблея горских народов Кавказа» (август 1989 г., с ноября 1991 г. – Конфедерация горских народов Кавказа) и общеадыгской международной общественной организации «Международная черкесская ассоциация» (май 1991 г.).

Основными целями и задачами данных общественных объединений были содействие демократическим преобразованиям и решение проблем этнокультурного развития. В период с ноября 1985 г. по октябрь 1989 г. деятельность клуба «Ашамаз» была сосредоточена на решении культурно-просветительных вопросов, но постепенно в ней стали преобладать вопросы, связанные с противодействием партийно-номенклатурному руководству республики. В данный период происходил рост численности сторонников клуба «Ашамаз», что было обусловлено стремлением демократической общественности реализовать свой высокий уровень политической активности и ускорить процесс преобразований. Общественные объединения

воспринимались населением республик Северного Кавказа, в частности кабардинским населением, как демократические структуры, способные заменить партийно-номенклатурные органы власти.

Основными направлениями в деятельности ОО «Адыгэ Хасэ» и других общественных объединений, входивших в Кабардинское национальное движение, были: возрождение и развитие родного кабардино-черкесского языка, развитие и пропаганда адыгской культуры, изучение и пропаганда истории черкесского (адыгского) народа; контроль миграционных процессов в Кабардино-Балкарии; развитие отношений с адыгами, проживающими в других регионах Северного Кавказа и этнически-родственными народами; развитие связей с зарубежными соотечественниками и решение Черкесского вопроса; работа с молодежью Кабардино-Балкарии; недопущение обострения межнациональных отношений в Кабардино-Балкарии и в Северо-Кавказском регионе.

Органы государственной власти Кабардино-Балкарии поддержали требования кабардинской ОО «Адыгэ Хасэ» по ряду вопросов. В «Долгосрочную программу по совершенствованию межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания населения в Кабардино-Балкарской АССР» (1989) был включен и реализован комплекс мер: по возобновлению изучения кабардинского и балкарского языков, по развитию национальных культур, по изучению истории народов республики, по развитию отношений с соотечественниками за рубежом и др. На основании обращений «Адыгэ Хасэ», ВС КБАССР принял постановления по ограничению бесконтрольной миграции в республику и по установлению 21 мая Днем памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж.

В период с октября 1989 г. по декабрь 1991 г. Кабардинское национальное движение оказывало значительное влияние на общественно-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии. Деятельность «Адыгэ Хасэ» и других общественных организаций, вошедших в Кабардинское национальное движение, была сосредоточена на решении политических вопросов, прежде всего, на реформировании национально-государственного устройства республики. Принципиальные разногласия по данному вопросу послужили причиной обострения отношений между кабардинским и балкарским национальными движениями. Кабардинское национальное движение выступило против основных требований балкарского национального движения – правового закрепления положений о паритете с кабардинцами в органах государственной власти и восстановления административных районов с балкарским населением, существовавших к моменту его выселения в 1944 г., мотивируя свою позицию созданием ущемленного положения кабардинского и других народов республики в случае реализации данных требований.

ОО «Адыгэ Хасэ» также принимала участие в мероприятиях, проводимых демократическими партиями и организациями страны, в частности, выступила среди 14-ти учредителей «Северокавказского Демократического союза», созданного в марте 1991 г.

Во время путча 18-21 августа 1991 г. ОО «Адыгэ Хасэ», ОО «Тере», Демократическая партия Кабардино-Балкарии и депутатские группы «Радикальная реформа» и «Коммунисты за демократию» сформировали оппозиционное движение «Демократическая Кабардино-Балкария» и выступили против руководства республики, обвинив его в поддержке путчистов. Однако демократической оппозиции не удалось добиться смены руководства республики за исключением отставки нескольких высших руководителей. Руководству республики удалось сохранить свои позиции и учредить пост Президента КБССР, чему способствовали отсутствие единства внутри движения «Демократическая Кабардино-Балкария» и противоречия между Кабардинским и Балкарским национальными движениями.

После принятия I Съездом балкарского народа Декларации о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа (17.11.1991) «Адыгэ Хасэ» стала готовить съезд кабардинского народа с целью провозглашения Кабардинской Республики. Но руководство КБССР, стремившееся упрочить свои позиции, предприняло меры по сохранению единства республики – создало «Движение по сохранению единства Кабардино-Балкарии» и провело выборы Президента Кабардино-Балкарии (22.12.1991), несмотря на их бойкот преобладающей частью балкарского и русского населения республики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Августовский путч – *Августовский путч* // Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Августовский_путч (дата обращения: 24.06.2019).

Адыгэ 1991 – *Адыгэ* Хэку Хасэ // ЩІэнгъуазэ. – 1991. – ВакІуэихьэж (май). – № 5. – С. 1.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

В Верховном… 1991 – *В Верховном* Совете КБССР // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.30.08. – № 167 (17691). – С. 1.

В Нальчике… 1991 – *В Нальчике* состоялся I Съезд балкарского народа // Северный Кавказ. 1991. – Апрель. – № 11 (14). – С. 6

В Президиум… 1989 – *В Президиум* Верховного Совета КБАССР. 01.09.1989 // Личный архив А.В. Кушхабиева.

В Президиуме… 1991 – *В Президиуме* Верховного Совета КБССР // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.30.08. – № 167 (17691). – С. 1.

Гугова 2002 – *Гугова М.Х.* Общественно-политические движения Кабардино-Балкарской Республики (II половина 80 – середина 90-х гг. XX века). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нальчик: КБИГИ, 2002. – 154 с.

Декларация о государственном 1991 – *Декларация о государственном* суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.03.02. – № 24 (17548). – С. 1.

Декларация о государственном… 1990а – *Декларация о государственном* суверенитете Кабардино-Балкарской ССР (Проект «Адыгэ Хасэ») // Кабардино-Балкарская правда. – 1990.11.09. – № 174 (17448). – С. 3.

Декларация о государственном… 1990b – *Декларация о государственном* суверенитете Федеративной Республики Кабарды и Балкарии (Проект «Тёре») // Кабардино-Балкарская правда. – 1990.11.09. – № 174 (17448). – С. 3.

Декларация о провозглашении… 1991 – *Декларация о провозглашении* Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.26.11. – № 225 (17749). – С. 3.

Докшоков 1998 – *Докшоков М.И.* Главная привилегия – ответственность за других. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 200 с.

Долгосрочная… 1989 – *Долгосрочная* программа по совершенствованию межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания населения в Кабардино-Балкарской АССР // Кабардино-Балкарская правда. – 1989.01.12. – № 231 (17255). – С. 1-3.

Казенин 2009 – *Казенин К.* Тихие конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: REGNUM, 2009. – 180 с.

Казиханов 1990 – *Казиханов А.* Пикеты у Дома Советов // Известия. – 1990.11.05. – № 131 (23034). – С. 2.

Кумышева 1990 – *Кумышева Р.* А не заменить ли стрелочника? // Советская молодежь. – 1990.02.03. – № 25-27. – С. 6.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 2015 – *Кушхабиев А.В.* «Черкесский вопрос»: итоги, современное состояние // Материалы международной научно-практической конференции «Глобальные вызовы современности и проблемы устойчивого развития Юга России». Нальчик, 14-16 октября 2015 г. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2015. – С. 164-169.

Кушхабиев 2017 – *Кушхабиев А.В.* Политические ценности кабардинского населения Кабардино-Балкарии во второй половине 80-х – 90-х годах XX века // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 3 (77). – С. 94-100.

Кушхабиев 2018 – *Кушхабиев А.В.* История зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2018. – 192 с.

Кушхабиев 2019 – *Кушхабиев А.В.* Миграционные проблемы в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 105-126. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-105-126

Митинг 1991 – *Митинг* на стадионе // Версия. – 1991.13.03. – № 11 (38). – С. 3.

Налоев 1989 – *Налоев З.* Перестройка и возрождение // Кабардино-Балкарская правда. –1989.16.09. – № 180 (17204). – С. 3.

О текущем моменте… 1991 – *О текущем моменте* и политической оценке позиции руководства республики в период путча // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.27.08. – № 164 (17688) – С. 1.

Обращение Временного… 1991 – *Обращение Временного* координационного Совета «Движения за сохранения единства Кабардино-Балкарии» ко всем гражданам республики, политическим партиям, общественным организациям, массовым общественным объединениям, трудовым коллективам предприятий, колхозов, организаций и учреждений, высших и средних учебных заведений» // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.07.12. – № 234 (17757). – С. 1.

Обращение депутатской группы… 1991 – *Обращение депутатской группы* «Суверенитет», Республиканской партии Кабардино-Балкарии, партии «Адыгский национальный конгресс», Черкесской Отечественной Хасы к Верховному Совету Кабардино-Балкарской ССР // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.20.11. – № 222 (17746). – С. 1

Обращение к народам… 1989 – *Обращение к народам* Грузии и Абхазии участников митинга, посвященного недопущению межнациональных конфликтов // Единение. – 1989.25.10. – № 1. – С. 7.

Обращение к народу… 1994 – *Обращение к народу* Кабардино-Балкарской ССР // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – С. 80.

Обращение общественно-политической… 1991 – *Обращение общественно-политической* организации «Адыгэ Хасэ» к народу Кабардино-Балкарии // Версия. – 1991.13.02. – № 7 (35). – С. 8.

Обращение Совета… 1991 – *Обращение Совета* Министров республики к народам Кабардино-Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.27.08. – № 164 (17688). – С. 1.

Обращение Съезда… 1991 – *Обращение Съезда* народов Кабардино-Балкарии к населению Кабардино-Балкарской ССР // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.18.12. – № 241 (17764). – С. 1.

Политическое заявление… 1991 – *Политическое заявление* // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.27.08. – № 164 (17688). – С. 2.

Политическое заявление участников… 1991 – *Политическое заявление участников* политической голодовки // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.30.08. – № 167 (17691). – С. 1.

Постановление… 1990a – *Постановление* Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР «О временной приостановке прописки граждан, прибывающих в Кабардино-Балкарскую АССР» (от 30 августа 1990 г. № 237-XII) // Кабардино-Балкарская правда. – 1990.05.09. – № 170 (17444). – С. 1.

Постановление… 1990b – *Постановление* Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР «Об установлении Дня памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж» // Кабардино-Балкарская правда. – 1990.06.09. – № 171 (17445). – С. 3.

Постановление… 1991a – *Постановление* Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР «О созыве Съезда народов Кабарды» // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.20.11. – № 222 (17746). – С. 1.

Постановление… 1991b – *Постановление* Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР «Об обращении I Съезда балкарского народа к Верховному Совету Кабардино-Балкарской ССР в связи с провозглашением Республики Балкария» // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.20.11. – № 222 (17746). – С. 1.

Постановление… 1991c – *Постановление* Верховного Совета КБССР о заявлении тов. Кокова В.М. // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.21.09. – № 182 (17706). – С. 1.

Постановление… 1991d – *Постановление* Верховного Совета КБССР о заявлении тов. Мамхегова М.Ш. // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.21.09. – № 182 (17706). – С. 1.

Постановление… 1991e – *Постановление* Верховного Совета КБССР о заявлении тов. Чепуркова Ю.В. // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.21.09. – 182 (17706). – С. 1.

Постановление… 1991f – *Постановление* Верховного Совета КБССР об избрании Председателя Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР (от 18.09.1991) // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.21.09. – № 182 (17706). – С. 1.

Постановление… 1994 – *Постановление* Первого съезда балкарского народа // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – С. 175-177.

Резолюция Конференции… 1991 – *Резолюция Конференции* кабардинского народа // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.23.04. – № 78 (17602). – С. 3.

Резолюция Конференции… 1990 – *Резолюция Конференции* народных депутатов балкарской национальности, представленных во всех уровнях Советов народных депутатов КБАССР, в Верховном Совете СССР, на Съезде народных депутатов СССР // Кабардино-Балкарская правда. – 1990. 08.09. – № 173 (17447). – С. 1.

Резолюция Съезда… 1991 – *Резолюция Съезда* народов Кабардино-Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.18.12. – № 141 (17764). – С. 1.

Родной язык… 1989 – *Родной язык* в школе // Кабардино-Балкарская правда. – 1989.05.10. – № 193 (17217). – С. 3.

Создано… 1991 – *Создано* «Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии» // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.05.12. – № 232 (17756). – С. 1.

Съезд… 1991a – *Съезд* старейшин народов // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.22.10. – № 202 (17726). – С. 1.

Съезд… 1991b – *Съезд* старейшин: «Пишите о том, что сближает поколения» // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.22.10. – № 202 (17726). – С. 4.

Тазиев 2014 – *Тазиев Р.Х.* Общественно-политические объединения в Кабардино-Балкарии в 1985-2000 гг. – Нальчик: Принт Центр, 2014. – 356 с.

Тетуев 2018 – *Тетуев А.И.* Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции. – Нальчик: Принт Центр, 2018. – 240 с.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 356 с.

Устав… 1989 – *Устав* Ассамблеи горских народов Кавказа // Единение. – 1989.25.10. – № 1. – С. 6.

Устав… 1991 – *Устав* Всемирной черкесской ассоциации // Версия. – 1991.22.05. – № 21. – С. 7.

Устав… 1994a – *Устав* женской общественной организации «Сатаней» // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и ответственный ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – С. 172-174.

Устав… 1994b – *Устав* общественно-политического движения «Кабарда» // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – С. 169-172.

Устав… 1994c – *Устав* партии «Адыгский национальный конгресс» АНК. Программа партии «Адыгский национальный конгресс» // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – С. 161-169.

Устав-Программа… 1992 – *Устав-Программа* общественной организации «Адыгэ Хасэ» // Хасэ. – 1992.15.02. – № 4 (9). – С. 4, 5.

УЦДНИ АС КБР – *Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики*.

Хатажуков 1989 – *Хатажуков В.* В счет Хасэ // Советская молодежь. – 1989.10.03. – № 28-30. – С. 11.

Шанибов 1994 – *Шанибов Ю.М.* Победа единства. – Сухум – Нальчик, 1994. – 72 с.

Шорова 2010 – *Шорова М.Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии: середина 1980-х – 1990-е гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Нальчик, 2010. – 23 с.

REFERENCES

Adyge Kheku Khase [Adyghe Heku Hase]. IN: *Sheng"uaze*. – 1991. – No 5. – May. P. – 1. (In Russian)

Avgustovskii putch [August coup]. IN: *Vikipediya. Svobodnaya ehntsiklopediya*. [Wikipedia. Free encyclopedia]. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Avgustovskii_putch (date of access: 24.06.2019). (In Russian)

BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [The modern statehood of Kabardino-Balkaria: sources, ways of formation, problems]. – Nalchik: El-Fa, 1999. – 184 p. (In Russian)

Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Federativnoi Respubliki Kabardy i Balkarii (Proekt «Tere») [Declaration on State Sovereignty of the Federal Republic of Kabarda and Balkaria (Project of «Tore»)]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1990. – No 174 (17448). – September 11th. – P. 3. (In Russian)

Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Kabardino-Balkarskoi SSR (Proekt «Adyge Khase») [Declaration of State Sovereignty of the Kabardino-Balkarian SSR (Project of «Adyghe Hase»)]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1990. – No 174 (17448). – September 11th. – P. 3. (In Russian)

Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Kabardino-Balkarskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki [Declaration of State Sovereignty of the Kabardino-Balkarian Soviet Socialist Republic]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – February 03th. – No 24 (17548). – P. 1. (In Russian)

Deklaratsiya o provozglashenii Respubliki Balkariya i natsional'nogo suvereniteta balkarskogo naroda [Declaration on the proclamation of the Republic of Balkaria and national sovereignty of the Balkarian people]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 225 (17749). – November 26th. – P. 3. (In Russian)

DOKSHOKOV M.I. *Glavnaya privilegiya – otvetstvennost' za drugikh* [The main privilege is responsibility for others]. – Nalchik: El-Fa, 1998. – 200 p. (In Russian)

Dolgosrochnaya programma po sovershenstvovaniyu mezhnatsional'nykh otnoshenii, internatsional'nogo i patrioticheskogo vospitaniya naseleniya v Kabardino-Balkarskoi ASSR [Long-term program for improving interethnic relations, international and patriotic education of the population in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1989. – No 231 (17255). – December 01th. – P. 1-3. (In Russian)

GUGOVA M.Kh. *Obshchestvenno-politicheskie dvizheniya Kabardino-Balkarskoi Respubliki (II polovina 80 – seredina 90-kh gg. XX veka). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Socio-political movements of the Kabardino-Balkarian Republic (II half of the 80s – mid - 90s of the 20th century). The dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. – Nalchik: KBIGI, 2002. – 154 p. (In Russian)

KAZENIN K. *Tikhie konflikty na Severnom Kavkaze: Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachaevo-Cherkesiya* [Quiet conflicts in the North Caucasus: Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia]. – Moscow: REGNUM, 2009. – 180 p. (In Russian)

KAZIKHANOV A. *Pikety u Doma Sovetov* [Pickets at the House of Soviets]. IN: *Izvestiya*. – 1990. – No 131 (23034). – May 11th. – P. 2. (In Russian)

KHATAZHUKOV V. *V schet Khaseh* [On account of Hase]. IN: *Sovetskaya molodezh*. – 1989. – No 28-30. – May10th. – P. 11. (In Russian)

KUMISHEVA R. *A ne zamenit' li strelochnika?* [But is it possible to replace the switchman?]. IN: *Sovetskaya molodezh'*. – 1990. – No 25-27. – March 02th. – P. 6. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *«Cherkesskii vopros»: itogi, sovremennoe sostoyanie* ["Circassian Question": results, current state]. IN: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Global'nye vyzovy sovremennosti i problemy ustoichivogo razvitiya Yuga RossiI». Nal'chik, 14-16 oktyabrya 2015 g.* [Materials of the international scientific-practical conference "Global challenges of the present and sustainable development of the South of Russia". Nalchik, October 14-16, 2015]. – Nalchik: Izd-vo KBNTs RAN, 2015. – P. 164-169. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Istoriya zarubezhnoi cherkesskoi diaspory* [History of the foreign Circassian diaspora]. – Nalchik: Izd-vo KBNTs RAN, 2018. – 192 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Migratsionnye problemy v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kabardino-Balkarii v kontse XX – nachale XXI veka* [Migration problems in the socio-political life of Kabardino-Balkaria at the end of the XX – beginning of the XXI century]. IN: *Kavkazologiya*. – 2019. – No 2. – P. 105-126. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-105-126 (In Russian).

KUSHKHABIEV A.V. *Politicheskie tsennosti kabardinskogo naseleniya Kabardino-Balkarii vo vtoroi polovine 80-kh – 90-kh godakh XX veka* [Political values of the Kabardian population of Kabardino-Balkaria in the second half of the 80s – 90s of the XX century]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2017. – No 3 (77). – P. 94-100. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsial'naya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Izd-vo KBNTs RAN, 2013. – 224 p.

Miting na stadione [The meeting at the stadium]. IN: Versiya. – 1991. – No 11 (38). – March 13th. – P. 3. (In Russian)

NALOEV Z. *Perestroika i vozrozhdenie* [Perestroika and Revival]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1989. – No 180 (17204). – September 16th. – P. 3. (In Russian)

O tekushchem momente i politicheskoi otsenke pozitsii rukovodstva respubliki v period putcha [About the current moment and political assessment of the position of the leadership of the republic during the putsch]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 164 (17688). – August 27th. – P. 1. (In Russian)

Obrashchenie deputatskoi gruppy «Suverenitet», Respublikanskoi partii Kabardino-Balkarii, partii «Adygskii natsional'nyi kongress», Cherkesskoi Otechestvennoi Khasy k Verkhovnomu Sovetu Kabardino-Balkarskoi SSR [Appeal of the deputy group «Sovereignty», the Republican Party of Kabardino-Balkaria, the party «Adyghe National Congress», the Circassian Patriotic Hasa to the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian SSR]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 222 (17746). – November 20th. – P. 1. (In Russian)

Obrashchenie k narodam Gruzii i Abkhazii uchastnikov mitinga, posvyashchennogo nedopushcheniyu mezhnatsional'nykh konfliktov [Address to the peoples of Georgia and Abkhazia, participants in the rally dedicated to the prevention of interethnic conflicts]. IN: *Edinenie*. – 1989. – No 1. – October 25th. – P. 7. (In Russian)

Obrashchenie k narodu Kabardino-Balkarskoi SSR [An appeal to the people of the Kabardino-Balkaria SSR]. IN: *Ehtnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria]. Comp. and responsible ed. I.L. Babich. – Moscow: UOP IEIA RAS, 1994. – Vol. 1. – P. 80. (In Russian)

Obrashchenie obshchestvenno-politicheskoi organizatsii «Adygeh Khase» k narodu Kabardino-Balkarii [The appeal of the socio-political organization “Adyghe Hase” to the people of Kabardino-Balkaria]. IN: *Versiya*. – 1991. – No 7 (35). – February 13th. – P. 8. (In Russian)

Obrashchenie S"ezda narodov Kabardino-Balkarii k naseleniyu Kabardino-Balkarskoi SSR [Appeal of the Congress of Peoples of Kabardino-Balkaria to the population of the Kabardino-Balkarian SSR]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 241 (17764). – December 18th. – P. 1. (In Russian)

Obrashchenie Soveta Ministrov respubliki k narodam Kabardino-Balkarii [Appeal of the Council of Ministers of the Republic to the peoples of Kabardino-Balkaria]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 164 (17688). – August 27th. – P. 1. (In Russian)

Obrashchenie Vremennogo koordinatsionnogo Soveta «Dvizheniya za sokhraneniya edinstva Kabardino-BalkariI» ko vsem grazhdanam respubliki, politicheskim partiyam, obshchestvennym organizatsiyam, massovym obshchestvennym ob"edineniyam, trudovym kollektivam predpriyatii, kolkhozov, organizatsii i uchrezhdenii, vysshikh i srednikh uchebnykh zavedenii [Address of the Provisional Coordinating Council of the “Movement for the Preservation of Unity of Kabardino-Balkaria” to all citizens of the republic, political parties, public organizations, mass public associations, labor collectives of enterprises, collective farms, organizations and institutions, higher and secondary educational institutions»]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 234 (17757). – December 07th. – P. 1. (In Russian)

Politicheskoe zayavlenie [The political statement]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 164 (17688). – August 27th. – P. 2. (In Russian)

Politicheskoe zayavlenie uchastnikov politicheskoi golodovki [The political statement of the participants in the political hunger strike]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 167 (17691). – August 30th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Pervogo S"ezda balkarskogo naroda [Decree of the First Congress of the Balkarian People]. IN: Ehtnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii [Ethnopolitical

situation in Kabardino-Balkaria]. Compiled and edited by I.L. Babich. – Moscow: UOP IEIA RAS, 1994. – Vol. 2. – P. 175-177. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi ASSR «O vremennoi priostanovke propiski grazhdan, pribyvayushchikh v Kabardino-Balkarskuyu ASSR» (ot 30 avgusta 1990 g. No 237-XII) [Decree of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic «On the temporary suspension of registration of citizens arriving in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic» (dated August 30, 1990 No. 237-XII)]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1990. – No 170 (17444). – September 05th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi ASSR «Ob ustanovlenii Dnya pamyati adygov – zhertv Kavkazskoi voiny i nasil'stvennogo vyseleniya za rubezh» [Decree of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic «On the establishment of the Day of Remembrance of the Circassians - victims of the Caucasian War and forced eviction abroad»]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1990. – No 171 (17445). – September 06th. – P. 3. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi SSR «O sozyve S"ezda narodov Kabardy» [Decree of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian SSR «On the convening of the Congress of the Nations of Kabarda»]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 222 (17746). – November 20th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi SSR «Ob obrashchenii I S"ezda balkarskogo naroda k Verkhovnomu Sovetu Kabardino-Balkarskoi SSR v svyazi s provozglasheniem Respubliki Balkariya» [Decree of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian SSR "On the appeal of the I Congress of the Balkarian people to the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian SSR in connection with the proclamation of the Republic of Balkaria"]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 222 (17746). – November 20th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta KBSSR o zayavlenii tov. Chepurkova Yu.V. [Decree of the Supreme Council of the KBSSR on the declaration of Comrade Chepurkova Yu.V.]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 182 (17706). – September 21th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta KBSSR o zayavlenii tov. Kokova V.M. [Decree of the Supreme Council of the KBSSR on the declaration of Comrade Kokov V.M.]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 182 (17706). – September 21th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta KBSSR o zayavlenii tov. Mamkhegova M.Sh. [Decree of the Supreme Council of the KBSSR on the declaration of Comrade Mamkhegov M.Sh.]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 182 (17706). – September 21th – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta KBSSR ob izbranii Predsedatelya Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi SSR (ot 18.09.1991) [Decree of the Supreme Council of the KBSR on the election of the Chairman of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian SSR (from 18.09.1991)]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 182 (17706). – September 21th. – P. 1. (In Russian)

Rezolyutsiya Konferentsii kabardinskogo naroda [Resolution of the Conference of the Kabardian People]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. No 178 (17602). – April 23th. – P. 3. (In Russian)

Rezolyutsiya Konferentsii narodnykh deputatov balkarskoi natsional'nosti, predstavlennykh vo vsekh urovnyakh Sovetov narodnykh deputatov KBASSR, v Verkhovnom Sovete SSSR, na S"ezde narodnykh deputatov SSSR [The resolution of the Conference of People's Deputies of Balkar nationality, represented at all levels of the Councils of People's Deputies of the KBASSR, in the Supreme Council of the USSR, at the Congress of People's Deputies of the USSR]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1990. – No 173 (17447). September 08th. – P. 1. (In Russian)

Rezolyutsiya S"ezda narodov Kabardino-Balkarii [Resolution of the Congress of Peoples of Kabardino-Balkaria]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 141 (17764). – December – 18th. – P. 1. (In Russian)

Rodnoi yazyk v shkole [Native language at school]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1989. – No 193 (17217). – October 05th. – P. 3. (In Russian)

S"ezd stareishin narodov [Congress of Elders of Peoples]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 202 (17726). – October 22th. – P. 1. (In Russian)

S"ezd stareishin: «Pishite o tom, chto sblizhaet pokoleniya» [Congress of Elders: «Write about what brings generations closer together»]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 202 (17726). – October 22th. – P. 4. (In Russian)

SHANIBOV Yu.M. *Pobeda edinstva* [The Victory of unity]. – Sukhum – Nalchik, 1994. – 72 p. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Natsional'nyi vopros v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kabardino-Balkarii: seredina 1980-kh – 1990-e gg. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk.* [The national question in the socio-political life of Kabardino-Balkaria: mid-1980s – 1990s. Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. – Nalchik, 2010. – 23 p. (In Russian)

Sozdano «Dvizhenie za sokhranenie edinstva Kabardino-Balkarii» [Created «Movement for the Preservation of the Unity of Kabardino-Balkaria»]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 232 (17756). – December 05th. – P. 1. (In Russian)

TAZIEV R.Kh. *Obshchestvenno-politicheskie ob"edineniya v Kabardino-Balkarii v 1985-2000 gg.* [Socio-political associations in Kabardino-Balkaria in 1985-2000]. – Nalchik: Print Center, 2014. – 356 p. (In Russian)

TETUEV A.I. *Ehtnopoliticheskie protsessy v Kabardino-Balkarii v period sistemnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva: osobennosti i osnovnye tendentsii* [Ethnopolitical processes in Kabardino-Balkaria during the systemic transformation of Russian society: features and main trends]. – Nalchik: Print Center, 2018. – 240 p. (In Russian)

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917-1937 gg.)* [The socialist revolution and civil war in Kabarda and Balkaria and the creation of national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917-1937)]. – Nalchik: Elbrus, 1979. – 356 p. (In Russian)

Ustav Assamblei gorskikh narodov Kavkaza [The Charter of the Assembly of Mountain Peoples of the Caucasus]. IN: *Edinenie*. – 1989. – No 1. – October 25th. – P. 6. (In Russian)

Ustav obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya «Kabarda» [The charter of the socio-political movement «Kabarda»]. IN: *Ehtnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria]. Comp. and responsible ed. I.L. Babich. – Moscow: UOP IEIA RAS, 1994. – Vol. 2. – P. 169-172. (In Russian)

Ustav partii «Adygskii natsional'nyi kongress» ANK. Programma partii «Adygskii natsional'nyi kongress» [The charter of the party «Adyghe National Congress» ANC. The program of the party «Adyghe National Congress»]. IN: *Ehtnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria]. Comp. and responsible ed. I.L. Babich. – Moscow: UOP IEIA RAS, 1994. – Vol. 2. – P. 2. – P. 161-169. (In Russian)

Ustav Vsemirnoi cherkesskoi assotsiatsii [The Charter of the World Circassian Association]. IN: *Versiya*. – 1991. – No 21. – May 22th. – P. 7. (In Russian)

Ustav zhenskoi obshchestvennoi organizatsii «Satanei» [The charter of the women's public organization «Sataney»]. IN: *Ehtnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria]. Comp. and responsible ed. I.L. Babich. – Moscow: UOP IEIA RAS, 1994. – Vol. 2. – P. 172-174. (In Russian)

Ustav-Programma obshchestvennoi organizatsii «Adyghe Khase» [Charter-Program of the public organization «Adyghe hase»]. IN: *Hase*. – 1992. – No 4 (9). – February 15th. – P. 4, 5. (In Russian)

UTSDNI AS KBR – Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Newest History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

V Nal'chike sostoyalsya I S"ezd balkarskogo naroda [The 1st Congress of the Balkarian people was held in Nalchik]. IN: Severnyi Kavkaz. – 1991. – No 11 (14). – April. – P. 6. (In Russian)

V Prezidium Verkhovnogo Soveta KBASSR. 01.09.1989 [To the Presidium of the Supreme Council of the KBASSR. 09.01.1989]. IN: *Lichnyi arkhiv A.V. Kushkhabieva* [Personal archive of A.V. Kushkhabiev]. (In Russian)

V Prezidiume Verkhovnogo Soveta KBSSR [At the Presidium of the Supreme Council of the KBSR]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 167 (17691). – August 30th. – P. 1. (In Russian)

V Verkhovnom Sovete KBSSR [In the Supreme Council of the KBSSR]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – No 167 (17691). – August 30th. – P. 1. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 94 (470.64):316

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-202-218

ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

А.Р. АТЛАСКИРОВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360002, КБР, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2
E-mail: atlaskirov.albert@yandex.ru

Аннотация. Крушение советского идеологического и государственного порядка превратило историю в поле поисков идентичности и легитимации этнополитических притязаний. Историческое сознание и историческая память населения стали одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование общественно-политического пространства современной Кабардино-Балкарии. Целью предлагаемой работы является исследование места и роли исторической памяти в актуальном контексте общественно-политических процессов современной Кабардино-Балкарии через призму оценок экспертного сообщества региона. Методом исследования является экспертный опрос. В ходе исследования выявлено: по мнению большинства экспертов, историческая память имеет непропорционально большое влияние на ситуацию в Кабардино-Балкарской Республике; большая часть экспертов дают негативную оценку влияния исторической памяти на современную ситуацию в Кабардино-Балкарии; большинство экспертов считают активность в Интернете, связанную с формированием исторической памяти населения в КБР негативной и влиятельной; большая часть экспертов считает роль ученых-историков в сохранении исторической памяти и консолидации общества региона положительной, но маловлиятельной.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика; историческая память; историческое сознание; межнациональные конфликты; социальные сети; интернет; эксперты; опрос.

FACTOR OF HISTORICAL MEMORY IN THE SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES OF THE MODERN KABARDINO-BALKARIA (BASED ON AN EXPERT SURVEY)

A.R. ATLASKIROV

"Federal scientific center
"Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"
Center of socio-political researches
360002 KBR, Nalchik, Balkarova St., 2
E-mail: atlaskirov.albert@yandex.ru

Abstract. The collapse of the Soviet ideological and state order turned history into a field of search for identity and legitimization of ethno-political claims. The historical consciousness and historical memory of the population have become one of the most important factors influencing the formation of the socio-political space of modern Kabardino-Balkaria. The aim of the proposed work is to study the place and role of historical memory in the current context of the socio-political processes of modern Kabardino-Balkaria through the prism of assessments of the region's expert community. The research method is an expert survey. The study revealed: according to most experts, historical memory has a disproportionately large influence on the situation in the Kabardino-Balkarian Republic; most experts give a negative assessment of the impact of historical memory on the current situation in Kabardino-Balkaria; most experts consider the activity on the Internet related to the formation of the historical memory of the population in the KBR negative and influential; most experts consider the role of historians in preserving historical memory and consolidating the society of the region positive, but not very influential.

Keywords: Kabardino-Balkarian Republic; historical memory; historical consciousness; interethnic conflicts; social networks; internet; experts; survey.

В политических движениях, сопровождавших крушение советской системы, весьма широко присутствовало представление об обратимости результатов исторического процесса. В постсоветской северокавказской ситуации также присутствовали признаки обращения вспять исторического процесса. Крушение советского идеологического и государственного порядка превратило историю в поле поисков идентичности и легитимации этнополитических притязаний. Программы деятельности активных общественных сил в регионе зачастую формулировались в «терминах прошлого» – этнокультурного возрождения, реабилитации репрессированных народов, преодоления последствий Кавказской войны [Карамурзов, Боров 2017: 34-35]. Историческое сознание и историческая память населения стали одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование общественно-политического пространства и в современной Кабардино-Балкарии. Историческое сознание и память формируются в результате взаимодействия различных факторов, которые взаимосвязаны между собой и взаимозависимы друг от друга: культура, религия, идеология, исторический опыт и т.д. Проходя сквозь призму этнических, политических и клановых интересов историческое сознание и память, зачастую, трансформируются, приобретая причудливые формы мировосприятия, далекие от исторической достоверности.

В отечественной науке исследованиям исторического сознания и памяти посвящено немало работ. Ю.А. Левада отмечал, что историческое сознание является одним из элементов исторической памяти общества. Он выделял «короткую память общества», охватывающую непосредственное прошлое, и «опосредованную, долговременную социальную память», включающую в

историческое сознание все многообразие вариантов запоминания обществом своего прошлого [Левада 1969: 192-193]. О.А. Матусевич считает, что историческое сознание намного шире исторической памяти. Память не обладает перспективным измерением. Сознанием можно проникнуть в будущее, в отличие от памяти. Помимо этого «сознанием можно проникнуть в прошлое, которое не зафиксировано в памяти. Сознание может управлять образами памяти, вызывать их, стирать и трансформировать; в то время как память осуществляет конкретный набор операций с информацией: запоминание, хранение, накапливание, воспроизводство и забывание» [Матусевич 2011: 112]. Достаточно часто коллективная память не только не соотносится с исторической достоверностью, но и противостоит ей. По мнению П. Нора, в западных странах произошло расхождение между историей и коллективной памятью тогда, когда национальная память, представляющая собой передачу воспоминаний от одного поколения другому, начала замещаться преднамеренно конструируемой национальной историей [Нора 1999].

А.П. Федоровский, анализируя влияние исторического сознания на социальную практику, отмечает, что манипуляции историческим сознанием проявляющееся в мифотворчестве, «усиливают склонность к резким маятникообразным колебаниям в отношении общества к самому себе, к своему прошлому и настоящему, создают для них дополнительные возможности» [Федоровский 2011: 30]. При этом диапазон колебаний массового сознания тем выше, чем ниже развитость чувства истории. «Напротив, спокойная и непредвзятая историческая рефлексия позволяет извлекать из истории уроки, а значит, противостоять фрустрациям, импульсивным зигзагам и перепадам общественных настроений» [Федоровский 2011: 30-31]. Е.А. Ростовцев и Д.А. Сосницкий обобщая академические исследования, выделили ряд инструментов формирования исторической памяти: школьное историческое образование, музеи, коммеморации, устная традиция, художественная литература, кино, живопись и т.д. [Ростовцев, Сосницкий 2014]. Исследованиям исторического сознания и памяти также посвящены работы Д.К. Куликова [Куликова 2008], Л.П. Репиной [Репина и др. 2006], В.Н. Сырова [Сыров 2013], Ж.Т. Тощенко [Тощенко 2000], И.В. Кутыковой [Кутыкова 2012], А.Р. Атласкирова [Атласкиров 2019], И.Л. Мерзляковой, А.А. Линченко, Э.В. Овчинниковой [Мерзлякова и др. 2014], М.М. Бетильмерзаевой, В.Ю. Гадаева, Х.С. Халадова [Бетильмерзаева и др. 2016] и т.д.

Автор данной работы опирается на понимание исторического сознания как подсистемы общественного сознания, в которой отражается прошлое данного общества в соотнесении с прошлым его составных частей (социальных, культурных и территориальных) и его внешнего окружения. Структура исторического сознания включает в себя *представления* о прошлом (знания о нем, его образы), *отношение* к нему (как к своему прошлому, значимому для данного социального или национального коллектива) и его *оценку*. Функцией исторического сознания является поддержание исторической идентичности общества или группы и их ориентация во времени.

В свою очередь, историческая память – это совокупность форм артикуляции ***исторического сознания*** в жизни общества (идейно-политические программы, историческая наука и образование, коммеморативные практики, литература, кино, театр, публикации в СМИ и т.д.), которые актуализируют прошлый опыт и фокусируют общественное сознание на тех его элементах, которые являются важными в настоящее время и требуют общественного осмысления. Историческая память обеспечивает воспроизводство, межпоколенную трансляции и модулирование приоритетов исторического сознания.

Целью предлагаемой работы является исследование места и роли исторической памяти в актуальном контексте общественно-политических процессов современной Кабардино-Балкарии сквозь призму оценок экспертного сообщества региона.

Для достижения поставленной цели в 2019 году в Кабардино-Балкарской Республике был проведен экспертный опрос. Объем выборки составил 60 человек. Представители экспертного сообщества республики активно участвуют в формировании общественного сознания населения, посредством учебной, научной и общественно-политической деятельности, что предопределяет наш интерес к их мнению. В исследовании в качестве экспертов рассматривались представители профессионального научного сообщества историков, социологов и политологов – 66,7%, государственные и муниципальные служащие – 18,3%, педагоги – 10%, общественные активисты – 5%. Национальное соотношение опрошенных примерно совпадает с долей каждой из народностей в структуре населения региона: кабардинцев – 53,8%, балкарцев – 16,6%, русских – 21,7%, другие национальности – 3,4%. Мужчин – 51,7%, женщин – 48,3%. Возрастной состав: 18-30 лет – 8,3%, 31-40 лет – 25%; 41-50 лет – 25%; 51 год и больше – 41,7%.

В рамках данной работы необходимым видится представление общих социально-экономических характеристик региона исследования, что позволит сформировать более полную картину происходящих общественно-политических процессов. Кабардино-Балкария является многонациональной и многоконфессиональной республикой, расположенной на Северном Кавказе, вдали от центров экономического роста. В республике выделяются три основные этнические группы: кабардинцы – 57%, русские – 22,4%, балкарцы – 12,6%[1]. По показателям социально-экономического развития республика входит в число наименее развитых регионов России. В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ республика занимает 81 место из 85 (по итогам 2017 года)[2]. В силу взаимовлияния различных факторов (многонациональность, многоконфессиональность, бедность населения, коррупция, клановость) в регионе периодически наблюдаются всплески

[1] Портал Правительства Кабардино-Балкарской республики. URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/kbr/o_kabardino_balkarskoy_respublike/ (дата обращения: 24.01.2020)

[2] Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2018 // Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»: сайт. URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (дата обращения: 24.01.2020)

социального напряжения, выливающиеся в межнациональные столкновения. Последний крупный межнациональный конфликт произошел в 2018 году у селения Кёнделен и широко освещался в федеральных СМИ[1].

Причиной возникновения многих конфликтных ситуаций в республике является различная интерпретация акторами общественно-политических процессов некоторых эпизодов истории народов, проживающих в Кабардино-Балкарии. Так, большая часть экспертов (57,2%), в ходе опроса, отметила, что историческая память имеет непропорционально большое влияние на ситуацию в КБР (Таблица 1). В силу слабого развития гражданского общества и отсутствия культуры активного участия населения в решении наиболее злободневных проблем региона (водоснабжение населенных пунктов, безработица, низкая оплата труда, высокие коммунальные платежи и т.д.) в рамках выборного процесса, парламентских слушаний и общественной активности, внимание населения фокусируется на деятельности национальных активистов, пропагандирующих свое видение истории через СМИ и социальные сети. Обсуждение различных эпизодов истории превращается в один из немногих реально действующих каналов гражданской активности, не имитирующих политический процесс. Активное участие в данных обсуждениях принимают люди далекие от исторической науки, пытающиеся продвигать в социальные массы свой взгляд на историю народов региона. Характеризуя роль исторического сознания и памяти в общественной жизни региона, один из экспертов отметил, что *«мифологизация, выступающая предпосылкой исторического сознания (памяти) играет не совсем положительную роль»*. Другой эксперт отметил, что *«высока мобилизационная активность не очень образованной молодежи – представителей титульных народов, бегающих каждый со своими флагами»*. Так, основными участниками межнационального столкновения в Кёнделене осенью 2018 года были молодые люди, мобилизованные общественными активистами через социальные сети.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: С каким суждением о влиянии исторической памяти на современную ситуацию Вы согласны?:

01	02	03	04
9%	32%	57,2%	1,8%
01. она не имеет реального влияния на современную ситуацию в КБР 02. она имеет незначительное влияние на современную ситуацию в КБР 03. она имеет непропорционально большое влияние на ситуацию в КБР 04. Ваш вариант			

[1] В селе Кенделен в Кабардино-Балкарии обострился межнациональный конфликт. 19.09.2018 // Издательский дом Коммерсантъ: сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3745311 (дата обращения: 24.01.2020)

Эти события актуализировали вопрос о взаимосвязи исторических интерпретаций и общественных конфликтов в современных условиях. Чтобы получить более полное представление об экспертных мнениях по этому вопросу им было предложено определить круг тех интерпретаций событий давнего (до XX в.) и недавнего (XX в.) прошлого, которые несут конфликтогенный потенциал.

По мнению большинства экспертов (55%), в общественно-политическом пространстве современной Кабардино-Балкарии наиболее конфликтный характер носят различные трактовки взаимоотношений Кабарды с Крымским ханством и Канжальской битвы 1708 г., если говорить о событиях истории до XX века. Представляется, что такая оценка обусловлена не только свежей памятью об обострении обстановки в республике в сентябре 2018 г. Тот факт, что трактовки исторического события трехсотлетней давности, связанного с государственным образованием, которого давно уже нет на политической карте, расценены экспертами как наиболее конфликтогенные, требует некоторого пояснения. Дело не в том, что произошло более 300 лет назад, а в том, что сегодняшние трактовки этого события воспринимается некоторыми активистами, как способ утвердить право собственности той или иной группы на ту или иную часть территории республики. В этой связи обращает на себя внимание, что по мнению экспертов почти той же степенью конфликтности (51,6%) отмечены трактовки вопроса о территориальном разграничении Кабарды и Балкарии в 1864 г. (Таблица 2). Также, по мнению ряда экспертов, актуальным для общественности является *«не признаваемый Россией геноцид черкесского народа»*. Черкесские активисты, выступающие за признание геноцида, ссылаются на архивные источники, указывающие на военные преступления совершенные в период Русско-Кавказской войны 1763-1864 гг. и Постановление Верховного Совета К-БССР от 7 февраля 1992 года «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» в котором массовое истребление адыгов в годы войны было обозначено актом геноцида[1]. Один из экспертов в качестве наиболее конфликтогенного явления истории отметил наличие так называемого *«Черкесского вопроса»*. В данном случае также важно отметить, что под «Черкесским вопросом» понимается не конкретный эпизод истории, а совокупность событий, их трактовок и правовых последствий, актуализируемая в общественно-политическом пространстве республики.

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: Трактовки каких явлений и событий из истории народов КБР до XX в., по Вашему мнению, являются наиболее конфликтогенными? (не более трех вариантов):

[1] Постановление Верховного Совета КБССР от 7 февраля 1992 года № 977-XII-В «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» // Портал ГАРАНТ.РУ: сайт. URL: http://base.garant.ru/30517874/ (дата обращения: 24.01.2020)

01	02	03	04	05	06	07	08	09	10
11,7%	26,6%	16,7%	20%	21,7%	3,3%	55%	28,3%	11,7%	51,6%

01. этногенез адыгов
02. этногенез балкарцев
03. происхождение исторической Кабарды
04. происхождение исторической Балкарии
05. характер взаимоотношений Кабарды и Балкарии в XVI-XVIII вв.
06. характер отношений Кабарды и России в XVI-XVIII вв.
07. взаимоотношения Кабарды с Крымским ханством и Канжальская битва 1708 г.
08. характер отношений России и Кабарды в 1763-1822 гг.
09. вопрос о вхождении Балкарии в состав России
10. вопрос о территориальном разграничении Кабарды и Балкарии в 1864 г.
11. Ваш вариант

Применительно к более близкому прошлому количество исторических интерпретаций, отмеченных относительно высокой степенью конфликтогенности, по мнению экспертов заметно больше. Выделены три проблемы, трактовки которых от 35 до 38,3% экспертов сочли конфликтогенными. Это – проблемы репрессий 1920-1930-х гг.; земельных отношениях Кабарды и Балкарии в 1918 гг.; реабилитации балкарского народа в 1956-1957 гг. Заметно более высокая доля экспертов (45%) отметила конфликтогенный потенциал трактовок условий образования единой автономии Кабарды и Балкарии в 1921-1922 гг. Но особое место в общественно политическом пространстве региона по оценке экспертов занимает память о таком событии истории XX в., как депортация балкарского народа в 1944 г. Абсолютное большинство экспертов (56,7%) отмечает конфликтность его интерпретаций (Таблица 3). Думается, здесь сказывается два обстоятельства. Во-первых, сам факт, условия и последствия насильственной поголовной депортации балкарского населения по масштабам народной трагедии действительно не имеют аналогов в истории XX в., а в более широком контексте могут быт соотнесены только с изгнанием адыгов на исходе Кавказской войны. Во-вторых, в общественно-политическом дискурсе республики присутствует влиятельная точка зрения, что последствия депортации не преодолены до сих пор. Представители балкарских общественных организаций утверждают, что реабилитация балкарского народа после депортации в Среднюю Азию в полной мере не была осуществлена. Так, по мнению С.И. Аккиевой, «реабилитация балкарского народа оказалась неполной из-за приоритета экономических вопросов над национальными (этническими), что способствовало накоплению в республике проблем в политической, экономической и социокультурной сферах, а также негативно сказалось на развитии балкарского народа» [Аккиева 2015 С. 32]. Один из экспертов, отвечая на вопрос, выделил существование, как результата исторических событий прошлого века, – *«проблемы реабилитации балкарцев в конце 20 века в сфере земельных отношений»*.

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: Трактовки каких явлений и событий из истории народов КБР в XX в., по Вашему мнению, являются наиболее конфликтогенными? (не более трех вариантов):

01	02	03	04	05	06	07
5%	15%	38,3%	45%	35%	56,7%	38,3%

01. установление советской власти в Кабардино-Балкарии
02. гражданская война в Кабардино-Балкарии
03. земельные отношения Кабарды и Балкарии в 1918 гг.
04. условия образования единой автономии Кабарды и Балкарии в 1921-1922 гг.
05. вопрос о репрессиях в Кабардино-Балкарии в 1920-1930-е гг.
06. депортация балкарского народа в 1944 г.
07. проблема реабилитации балкарского народа в 1956-1957 гг.
08. Ваш вариант

Приведенный выше социологический материал хорошо согласуется с высказанной недавно общей характеристикой механизмов взаимодействия истории и этнополитики в постсоветской Кабардино-Балкарии. В то время как содержанием этнополитики в КБР является поиск форм институционализации этничности, способных поддерживать взаимоприемлемый баланс интересов, прежде всего, «титульных» национальных групп, ни Конституция КБР, ни структура представительных органов власти, ни административно-территориальное устройство, ни избирательная система республики не включают в себя никаких организационных и процедурных элементов, позволяющих говорить об институционализации этничности. В этих условиях семантика и синтаксис этнополитического дискурса строятся на материале истории. Линии напряженности, присутствующие в нем являются проекцией проблем поддержания внутреннего равновесия между различными уровнями личной и групповой идентичности – этническим (кабардинским или балкарским) и республиканским («кабардино-балкарским»). И те, и другие испытывают потребность в подтверждении своего неотъемлемого полноправия в качестве носителей «национальной государственности», ее субъектов. Любые исторические сюжеты, трактовки которых способны поставить под сомнение понимаемое таким образом полноправие того или другого народа становятся предметом перманентных, порой ожесточенных дискуссий [Боров, Азикова 2020: 220-221].

Эксперты разошлись во мнении относительно влияния исторической памяти на современную ситуацию в Кабардино-Балкарской Республике. По мнению, 36% экспертов влияние исторической памяти скорее негативное, порождает напряженность и конфликты. В противоположность этому, 34% экспертов считают, что оно является скорее позитивным, поддерживает национальную идентичность. Более подробно отвечая на вопрос, один из

экспертов отметил, что *«это палка о двух концах, с одной стороны она имеет негативный и конфликтогенный ресурс и в последние три десятилетия мы это наблюдаем, с другой стороны в истории России, Северного Кавказа и республики есть события и явления, которые имеют консолидирующий потенциал»*. По мнению другого эксперта *«влияние является противоречивым, порождая напряженность, и в тоже время, поддерживает национальную идентичность»*. В целом, в совокупности 64,3% экспертов дали негативную оценку влияния исторической памяти на современную ситуацию в Кабардино-Балкарии (Таблица 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: С какой оценкой влияния исторической памяти на современную ситуацию в КБР Вы согласны?:

01	02	03	04
36%	1,7%	28,3%	34%
01. оно является скорее негативным, порождает напряженность и конфликты 02. оно является скорее позитивным, консолидирует общество 03. оно является скорее негативным, отвлекает от решения реальных проблем 04. оно является скорее позитивным, поддерживает национальную идентичность населения 05. Ваш вариант			

Давая оценку активности общественных организаций, связанную с формированием исторической памяти населения Кабардино-Балкарии экспертное сообщество также разошлось во мнении. Положительно деятельность общественных организаций оценивают 49,9% экспертов (46,5% - положительной, но маловлиятельной; 3,4% - положительной и влиятельной). Негативно воспринимают деятельность общественных организаций 50,1% экспертов (24,3 – негативной, но маловлиятельной; 25,8% - негативной и влиятельной) (Таблица 5). Отвечая на вопрос один из экспертов заметил, что *«активность общественных организаций неоднозначная. Зависит от многих факторов. То, что для одних позитив, для других может оказаться негативом. Деятельность носит эпизодический характер, где негатив преобладает над позитивом»*. В целом, деятельность общественных организаций республики достаточно противоречива. Выделяются общественные организации, в основном связанные с государственными структурами и финансируемые из государственного бюджета посредством всевозможных грантовых программ (Волонтеры Победы, Молодая Гвардия ЕР, профсоюзные организации и т.д.), деятельность которых направлена на актуализацию и продвижение объединяющих многонациональное и многоконфессиональное население страны событий и явлений истории (например, Великая Отечественная война). Деятельность национальных общественных организаций республики (Кабардинский конгресс, Хабзэ, Совет старейшин балкарского народа и т.д.) преследует, в большинстве случаев,

этнические интересы, и направлена на сохранение идентичности в условиях современной глобализации.

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: Активность общественных организаций, связанная с формированием исторической памяти населения в КБР является на Ваш взгляд?

01	02	03	04
46,5%	3,4%	24,3%	25,8%
01. положительной, но маловлиятельной 02. положительной и влиятельной 03. негативной, но маловлиятельной 04. негативной и влиятельной			

Эксперты, в целом, положительно оценивают деятельность государственных и муниципальных органов власти, связанную с формированием исторической памяти. Положительной, но маловлиятельной считают ее 66% экспертов. Негативной, но маловлиятельной – 18,6 %. (Таблица 6). Однако внимание на себя обращает другое обстоятельство. Как мы можем заметить, 84,6% экспертов отмечают низкий уровень влияния (положительного и негативного) государственных и муниципальных органов в деле формирования исторической памяти населения республики. Это свидетельствует о том, что региональные власти не контролируют процесс формирования исторического сознания и памяти, что позволяет перехватывать инициативу в этих вопросах национальным общественным организациям, акцентирующим внимание на этнических интересах. Представители государственных и муниципальных органов власти свою деятельность по формированию исторической памяти населения Кабардино-Балкарии ограничивают, в основном, «фоновым» участием в коммеморативных практиках региона, выполняя представительские функции и произнося благожелательные речи. По мнению одного из экспертов, деятельность государственных и муниципальных органов носит *«эпизодический и неоднозначный характер. В целом преобладает стремление к позитиву»*.

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: Деятельность государственных и муниципальных органов, связанная с формированием исторической памяти населения в КБР является на Ваш взгляд?

01	02	03	04
66%	7%	18,6%	8,4%
01. положительной, но маловлиятельной 02. положительной и влиятельной 03. негативной, но маловлиятельной 04. негативной и влиятельной			

Деятельность СМИ, связанную с формированием исторической памяти положительно оценивают 70% экспертов (55% – положительной, но маловлиятельной; 15% – положительной и влиятельной). Также высока доля экспертов считающих маловлиятельной деятельность СМИ как положительной, так и с отрицательной точки зрения – 73,3% (Таблица 7). Стоит отметить, что традиционные средства массовой информации, к которым можем причислить телевидение, газеты и радио, теряют свою востребованность и актуальность в социуме. Эти тенденции являются характерной чертой современного постиндустриального общества с развитыми социальными коммуникациями в интернете и насаждающего свои ценности посредством глобализационных процессов. Кабардино-Балкария не является исключением в этом историческом процессе.

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: Деятельность СМИ, связанная с формированием исторической памяти населения в КБР является на Ваш взгляд?

01	02	03	04
55%	15%	18,3%	11,7%
01. положительной, но маловлиятельной 02. положительной и влиятельной 03. негативной, но маловлиятельной 04. негативной и влиятельной			

Определяющая роль Интернета во многих общественно-политических, экономических, культурных процессах современного общества неоспорима. Социальные сети позволяют активно, в повседневном режиме, общаться людям, находящимся в разных частях нашей планеты. Электронные библиотеки дают возможность любому желающему приобщиться к достижениям мировой науки и искусства. Информация распространяется с молниеносной скоростью, что открывает простор для моделирования исторического сознания и памяти различных сообществ.

Большое значение в процессах формирования исторической памяти населения современной Кабардино-Балкарии обладают социальные сети. В них в сжатой, зачастую субъективной форме, преподносятся те или иные события истории народов республики. Аудитория подобных сетей по количеству участников заметно превосходит традиционные СМИ. Так, к примеру, в группе «patriot_kbr» (Instagram) 291 тыс. подписчиков (на 22.03.2020), в группе «В Нальчике подслушано» (ВКонтакте) 59,2 тыс. подписчиков (на 22.03.2020), в группе «Республика общее дело» (Facebook) 6 тыс. подписчиков (на 22.03.2020). Открытость данных виртуальных сообществ приводит к тому, что люди далекие от исторической науки, вместе с тем претендующие на объективное знание, выставляют публикации о различных событиях истории народов Кабардино-Балкарии и комментарии к ним. Данные действия порождают конфликты, которые периодически из виртуального мира

переносятся в мир реальный. Так, по мнению большинства экспертов (71,6%), активность в Интернете, связанная с формированием исторической памяти населения КБР является негативной и влиятельной. Положительной и влиятельной подобную активность считают только 8,4% экспертов (Таблица 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: Активность в Интернете, связанная с формированием исторической памяти населения в КБР является на Ваш взгляд?

01	02	03	04
10%	8,4%	10%	71,6%
01. положительной, но маловлиятельной 02. положительной и влиятельной 03. негативной, но маловлиятельной 04. негативной и влиятельной			

Слабая интеграция в современные социальные сети и, следовательно, низкий уровень взаимодействия ученых-историков с виртуальным сообществом Кабардино-Балкарской Республики приводит к снижению их влияния на процессы формирования и сохранения исторической памяти. Научные труды ученых-историков распространяются малыми тиражами и не известны широкой публике. Представляется, что данное обстоятельство является следствием, в целом, консерватизма научного сообщества и государственных структур, уделяющих мало внимания популяризации научного знания. Так, результаты опроса показывают, что большая часть экспертов (70%) считают роль ученых-историков в сохранении исторической памяти и консолидации общества региона положительной, но маловлиятельной (Таблица 9). Также, один из экспертов отметил, что *«историки не являются единым монолитом. Одни преследуют личные цели и заинтересованы в хайпе и внимании, другие нацелены на объективное освещение событий. В целом их влияние на формирование исторической памяти снизилось»*.

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: Роль ученых-историков в сохранении исторической памяти и консолидации общества Кабардино-Балкарии является на Ваш взгляд?

01	02	03	04
70%	14,5%	3%	12,5%
01. положительной, но маловлиятельной 02. положительной и влиятельной 03. негативной, но маловлиятельной 04. негативной и влиятельной 05. Ваш вариант			

Позиция республиканских властей относительно наиболее «проблемных» вопросов истории и их действия в периоды осуществления коммеморативных практик нередко вызывают недовольство среди жителей Кабардино-Балкарии. Официальные лица и органы власти, по мнению 48% экспертов, уклоняются от выражения своей позиции и не оказывают положительного влияния на идейно-политическую атмосферу в регионе (Таблица 10). Представляется, что одним из важнейших факторов чрезмерного обострения межнационального конфликта у селения Кёнделен в 2018 году было отсутствие внятной позиции республиканского руководства относительно конфликтного исторического события (Канжальской битвы 1708 года) и согласованного плана празднования победы кабардинского народа над крымскими завоевателями.

В условиях межнационального региона неизбежно возникает вопрос субъективности и объективности в процессах принятия управленческих решений государственным служащим в зависимости от его национальной принадлежности. Данная ситуация характерна в том числе и для Кабардино-Балкарской Республики. Так, по мнению 24% экспертов, политическая культура населения такова, что любая позиция представителя власти по вопросам истории будет восприниматься не по существу, а в связи с его национальной принадлежностью, так что вместо смягчения обстановки произойдет ее обострение (Таблица 10). Более развернуто отвечая на вопрос, один из экспертов отметил, что *«решение спорных вопросов истории – дело профессиональных историков. Государственные органы должны оказывать содействие в организации научных конференций, создавать научные коллективы для исследования спорных проблем истории и финансировать издание результатов. Вместе с тем, историки должны заниматься не только конфликтогенными событиями, но и активно изучать и публиковать материалы (книги) посвященные духовной и культурной общности народов, позитивному историческому опыту межэтнического взаимодействия народов региона на разных этапах истории КБР»*. С этим мнением сложно не согласиться. По мнению другого эксперта, *«позиция руководства КБР по тем или иным историческим событиям во многом зависит от политической конъюнктуры»*.

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: Государственное руководство РФ занимает четко выраженную позицию по важнейшим вопросам прошлого страны и ее роли в исторических событиях мирового значения. Если говорить о руководстве КБР, с каким(и) из приведенных ниже суждений Вы согласны?

01	02	03	04
48%	6,7%	21,3%	24%
01. хотя в публичном пространстве республики присутствуют конфликтные трактовки по фундаментальным проблемам истории Кабардино-Балкарии, официальные лица и органы власти уклоняются от выражения своей позиции и не оказывают положительного влияния на идейно-политическую атмосферу			

02. руководству КБР нет необходимости заявлять свою позицию по вопросам истории, поскольку конфликтные трактовки по фундаментальным проблемам истории Кабардино-Балкарии не оказывают серьезного влияния на историческое сознание населения и общественно-политическую обстановку в республике 03. решение спорных вопросов истории – дело профессиональных историков, вмешательство властей помочь тут не может, а вот навредить может 04. политическая культура населения такова, что любая позиция представителя власти по вопросам истории будет восприниматься не по существу, а в связи с его национальной принадлежностью, так что вместо смягчения обстановки произойдет ее обострение 05. Ваш вариант

Итоги. Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что для такой многонациональной и многоконфессиональной республики, находящейся в тяжелой экономической ситуации, историческое сознание и память населения играют одну из ключевых ролей в построении горизонтальных и вертикальных срезов социального взаимодействия. В латентном виде в регионе сохраняется межнациональное напряжение, которое периодически выливается в открытые межнациональные столкновения.

В ходе проведенного исследования было выявлено:

- большая часть экспертов (57,2%) считает, что историческая память имеет непропорционально большое влияние на ситуацию в Кабардино-Балкарской Республике;

- эксперты отмечают, что в ряде случаев исторические интерпретации, присутствующие в общественно-политическом пространстве современной Кабардино-Балкарии несут конфликтогенный потенциал;

- линии напряженности в историко-политическом сознании отражают проблемы поддержания внутреннего равновесия между различными уровнями личной и групповой идентичности основных национальных групп – этническим (кабардинским или балкарским) и республиканским («кабардино-балкарским»);

- 64,3% экспертов дали негативную оценку влияния исторической памяти на современную ситуацию в Кабардино-Балкарии;

- экспертное сообщество разошлось во мнении относительно влияния общественных организаций на формирование исторической памяти населения КБР: положительно оценивают – 49,9%, негативно оценивают – 50,1%;

- большинство экспертов (66%) считают деятельность государственных и муниципальных органов власти, связанную с формированием исторической памяти населения положительной, но маловлиятельной;

- деятельность СМИ, связанную с формированием исторической памяти положительно оценивают 70% экспертов (55% - положительной, но маловлиятельной; 15% - положительной и влиятельной);

- большинство экспертов (71,6%) считают активность в Интернете, связанную с формированием исторической памяти населения в КБР негативной и влиятельной;

- большая часть экспертов (70%) считают роль ученых-историков в сохранении исторической памяти и консолидации общества региона положительной, но маловлиятельной;

- официальные лица и органы власти, по мнению 48% экспертов, уклоняются от выражения своей позиции и не оказывают положительного влияния на идейно-политическую атмосферу в регионе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аккиева 2015 – *Аккиева С.И.* Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2015. – № 6. – С. 9-37.

Атласкиров 2019 – *Атласкиров А.Р.* Состояние исторического сознания населения Кабардино-Балкарской Республики в оценках экспертного сообщества региона // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 76-91. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-76-91

Бетильмерзаева и др. 2016 – *Бетильмерзаева М.М., Гадаев В.Ю., Халадов Х.А.С.* Историческое сознание в контексте формирования гражданской идентичности // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11. – С. 9-14.

Боров, Азикова 2020 – *Боров А.Х., Азикова Ю.М.* История и этнополитика в постсоветской Кабардино-Балкарии // Новое прошлое. – 2020. – № 1. – С. 218-231. DOI 10.18522.2500-3224-2020-1-218-231

Карамурзов, Боров 2017 – *Карамурзов Б.С., Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Электронный журнал «Кавказология». 2017. №1. С. 12-40. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-1-12-40

Куликов 2008 – *Куликов Д.К.* Историческое сознание и его теоретические противоречия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2008. – № 1(143). – С. 14-18.

Кутыкова 2012 – *Кутыкова И.В.* Историческое сознание студентов Санкт-Петербургского технологического института. Познание и понимание «исторического» поколением 90-х // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). – 2012. – № 15. – С.

Левада 1969 – *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. – М.: Наука, 1969. – 320 с.

Матусевич 2011. – *Матусевич О.А.* Историческое сознание и коллективная память как предмет социально-гуманитарного познания // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. – 2011. – № 5 (143). – С. 111-113.

Мерзлякова и др. 2014 – *Мерзлякова И.Л., Линченко А.А., Овчинникова Э.В.* Об историческом сознании современной студенческой молодежи // Социологические исследования. – 2014. – № 12 (368). – С. 89-96.

Нора 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Дина Хапаева. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – С. 17-50.

Репина и др. 2006 – *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.

Ростовцев, Сосницкий 2014 – *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2014. – № 2. – С. 106-126.

Сыров 2013 – *Сыров В.Н.* В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 183-190.

Тощенко 2000 – *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3-14.

Утенков, Закалин 2000 – *Утенков В.М., Закалин А.С.* Об историческом сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 119-122.

Федоровский 2011 – *Федоровский А.П.* Историческое сознание: особенности формирования и объективизации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 29-34.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *Problemy reabilitatsii deportirovannogo balkarskogo naroda. Vozvrashcheniye na istoricheskuyu rodinu* [Problems of rehabilitation of the deported Balkarian people. Return to historical homeland]. IN: *«Belyye pyatna» rossiyskoy i mirovoy istorii*. – 2015. – No 6. – P. 9-37. (In Russian)

ATLASKIROV A.R. *Sostoyaniye istoricheskogo soznaniya naseleniya Kabardino-Balkarskoy Respubliki v otsenkakh ekspertnogo soobshchestva regiona* [The state of historical consciousness of the population of the Kabardino-Balkarian Republic in the assessments of the expert community of the region]. IN: *Elektronnyy zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2019. – No 4. – P. 76-91. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-76-91 (In Russian)

BETILMERZAEVA M.M., GADAEV V.Yu., KHALADOV H.A.S. *Istoricheskoye soznaniye v kontekste formirovaniya grazhdanskoy identichnosti* [Historical consciousness in the context of the formation of civic identity]. IN: Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2016. – No 11. – P. 9-14. (In Russian)

BOROV A.Kh., AZIKOVA Yu.M. *Istoriya i etnopolitika v postsovetskoi Kabardino-Balkarii* [History and ethno-politics in Post-Soviet Kabardin-Balkaria]. IN: Novoe proshloe. – 2020. – No 1. – P. 218-231. DOI 10.18522.2500-3224-2020-1-218-231 (In Russian)

FEDOROVSKII A.P. *Istoricheskoe soznanie: osobennosti formirovaniya i ob"ektivizatsii* [Historical consciousness: features of formation and objectification]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* 2011. – No. 3. P. 29-34. (In Russian)

KARAMURZOV B.S., BOROV A.KH. *Severnyi Kavkaz v istoricheskom prostranstve i vremeni* [North Caucasus in historical space and time]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2017. – No 1. – P. 12-40. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-1-12-40 (In Russian)

KULIKOV D.K. *Istoricheskoe soznanie i ego teoreticheskie protivorechiya* [Historical consciousness and its theoretical inconsistences]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki.* – 2008. – No 1(143). – P. 14-18. (In Russian)

KUTYKOVA I.V. *Istoricheskoye soznaniye studentov Sankt-Peterburgskogo tekhnologicheskogo instituta. Poznaniye i ponimaniye "istoricheskogo" pokoleniyem 90-kh* [The historical consciousness of students of the St. Petersburg Technological Institute. Cognition and understanding of the "historical" generation of the 90s]. IN: *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo instituta (tekhnicheskogo universiteta)*. – 2012. – No 15. – P. (In Russian)

LEVADA Yu.A. *Istoricheskoye soznaniye i nauchnyy metod* [Historical consciousness and the scientific method] IN: *Filosofskiye problemy istoricheskoy nauki* [Philosophical problems of historical science]. – M.: Nauka, 1969. – 320 p. (In Russian)

MATUSEVICH O.A. *Istoricheskoe soznanie i kollektivnaya pamyat' kak predmet sotsial'no-gumanitarnogo poznaniya* [Historical consciousness and collective memory as a subject of social and humanitarian knowledge]. IN: *Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya*. – 2011. – No. 5 (143). – P. 111-113. (In Russian)

MERZLYAKOVA I.L., LINCHENKO A.A., OVCHINNIKOVA E.V. *Ob istoricheskom soznanii sovremennoy studencheskoy molodezhi* [On the historical consciousness of modern student youth]. IN: Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2014. – No 12 (368). – P. 89-96. (In Russian)

NORA P. *Mezhdu pamyat'yu i istoriyey. Problematika mest pamyati* [Between memory and history. Problematic of the Memory Sites]. IN: *Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; Per. s fr. Dina Khapaeva* [France-Memory / P. Nora, M. Ozouf, J. de Pyuimezh, M. Winock; Transl. from fr. Dina Hapaeva]. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. – P. 17-50. (In Russian)

REPINA L.P., ZVEREVA V.V., PARAMONOVA M.Yu. *Istoriya istoricheskogo znaniya: posobiye dlya vuzov* [History of historical knowledge: a manual for universities]. – M.: Drofa, 2006. – 288 p. (In Russian)

ROSTOVTSEV E.A., SOSNITSKY D.A. *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* [Research directions of historical memory in Russia]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. – 2014. – No 2. – P. 106-126. (In Russian)

SYROV V.N. *V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdayemsya: k metodologii podkhoda i praktike ispol'zovaniya* [What historical consciousness do we need: to the methodology of the approach and practice of use]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. – 2013. – No 1 (21). – P. 183-190. (In Russian)

TOSHCHENKO Zh.T. *Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya* [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 2000. – No 4. – P. 3-14. (In Russian)

UTENKOV V.M., ZAKALIN A.S. *Ob istoricheskom soznanii studencheskoy molodezhi* [On the historical consciousness of students]. IN: *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. – 2000. – No 6. – P. 119-122. (In Russian)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.232

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ КАВКАЗА: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ИЗОБРЕТЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

М.В. КИРЧАНОВ

Воронежский государственный университет
394000, г. Воронеж, Университетская пл. 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Автор анализирует особенности исторической политики как политики памяти в четырех национальных республиках Кавказа – Чечне, Северной и Южной Осетии, Абхазии. Предполагается, что современная политика памяти стала продолжением националистических манипуляций с историей предшествующего периода потому, что историки играли важную роль в развитии модерновых национальных идентичностей. Анализ политики памяти может осуществляться на материале национальных исторических нарративов, но наиболее актуально его изучение в контексте функционирования изобретенных традиций (день республики, день независимости, день флага), которые актуализируют общественные формы и изменения исторической памяти. Показано, что историческая политика в Чечне, Абхазии, Северной и Южной Осетии развивается как политика продвижения государственных нарративов, государственного континуитета и неизбежности появления национальной государственности. Автор делает вывод, что этнические мотивы в современной политике памяти сравнительно маргинализированы и их значение по сравнению с 1990-ми годами снизилось. Этнические мотивы более заметны в абхазской и чеченской политиках памяти в то время, как осетинская историческая политика акцентирует идею государственности. В целом, автор полагает, что политики памяти в национальных республиках Кавказа имеют вторичный характер потому, что дублируют практики и стратегии исторического воображения, предложенные в исторических политиках Европы в целом и России в частности.

Ключевые слова. Политика памяти; Чечня; Осетия; Абхазия; национализм; идентичность; интеллектуалы; политический класс; изобретение традиций.

HISTORICAL POLITICS IN THE NATIONAL REPUBLICS OF THE CAUCASUS: COMMEMORATIVE PRACTICES AS INVENTED TRADITIONS

M.W. KYRCHANOFF

Voronezh State University
394000, Voronezh, University Square 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The author analyzes the features of historical politics as a politics of memory in four national republics of the Caucasus – Chechnya, North and South Ossetia, Abkhazia. It is assumed that the modern politics of memory became a continuation of nationalist manipulations with the history of the previous period because historians played an important role in the development of modern national identities. An analysis of the politics of memory can be carried out on the basis of national historical narratives. Its study in the context of the functioning of invented traditions (Republic Day, Independence Day, Flag Day) actualize social forms and changes in historical memory. It is shown that the historical politics in Chechnya, Abkhazia, North and South Ossetia develop as a policy of promotion of state narratives, state continuity and the inevitability of the emergence of national statehood. The author concludes that ethnic motives in modern politics of memory are marginalized in comparison with other ones and their importance decreased from the 1990s. Ethnic motives are more visible in the Abkhaz and Chechen politics of memory, while Ossetian historical politics emphasizes the idea of statehood. In general, the author believes that the politics of memory in the national republics of the Caucasus have a secondary nature because they duplicate the practices and strategies of historical imagination proposed in the historical policies of Europe in general and Russia in particular.

Keywords: Politics of memory; Chechnya; Ossetia; Abkhazia; nationalism; identity; intellectuals; political class; invention of traditions.

Формулировка проблемы

Историческая наука и политика в начале XXI века, как и в предшествующие периоды своего существования, продолжают сохранять самые тесные связи. На национальном уровне между историей и политикой имеют место различные формы взаимного влияния и фактической взаимозависимости. Исторические исследования испытывали влияние со стороны политики и ранее, но новые тенденции в их взаимоотношениях стали заметны относительно недавно, в начале XXI столетия, когда стало возможным констатировать появление нового явления, известного как «историческая политика».

Актуальность

Анализ форм и проявлений исторической политики в современном мире принадлежит к числу актуальных задач для современной историографии. Современные стратегии использовании истории для легитимации политических процессов и состояний, которыми пользуются как государства в целом, так и отдельные социальные акторы в частности характеризуются значительной степенью гетерогенности. История, точнее политически и идеологически мотивированные ее интерпретации, заняли прочное место в новостной повестке значительного числа средств массовой информации. Различные интерпретации одних и тех же фактов прошлого становятся причинами для обострения двухсторонних отношений. В этой ситуации национальные государства могут предлагать взаимоисключающие версии истории. Особый случай представляют республики Северного Кавказа, прошедшие через опыт «суверенизации», а иногда де-факто независимости в 1990-е гг. (в частности, Чечня и Северная Осетия), а также получившие независимость, но не признанные в полной мере международным сообществом республики Южного Кавказа – Абхазия и

Южная Осетия. Общим для них является отсутствие непрерывной традиции самостоятельного государственно-политического развития, что повышает значимость факторов этничности и истории в их самоидентификации. А различные итоги постсоветского развития актуализируют разные способы легитимации их современного политического статуса, что служит основой дифференциации форм исторической политики.

Цель и задачи статьи

Целью статьи является анализ форм и проявлений исторической политики как политики памяти, которые используются политическими и интеллектуальными элитами двух субъектов Российской Федерации (Чеченская Республика = Нохчийн Республика и Республика Северная Осетия – Алания = Республикæ Цæгат Ирыстон – Алани) и двух частично признанных государств (Республика Южная Осетия = Республикæ Хуссар Ирыстон и Республика Абхазия = Апсны Аҳәынҭқарра). Поэтому, в качестве задач статьи следует определить – выяснение связи националистического дискурса и особенностей развития исторической памяти; анализ коммеморативных мероприятий региональных элит, политических и гражданских ритуалов и церемоний как форм политики памяти; выявление общих закономерностей и национальных особенностей исторических политик в изучаемых регионах.

Историография

Историческая политика, как политическое и интеллектуальное явление, возникает в 2000-е годы. Проблемам исторической политики как политики памяти [Булахтин 2019: 449-458; Историческая… 2012] посвящено определенное количество исследований, но большинство из них географически сфокусированы на странах Европы [Галкина 2019: 66-75], Америки [Кирчанов 2017: 63-75] или Азии [Кирчанов 2019: 64-74], а регионы многосоставных обществ и территории со спорным статусом как инициаторы своих собственных версий проведения исторической политики изучены в меньшей степени. Те немногочисленные тексты, которые посвящены проработке прошлого в субъектах РФ [Иванеско, Урушадзе 2018: 186-190], сфокусированы, как правило, на анализе нарративных источников, а изобретенные традиции – публичные ритуалы и коммеморативные практики – остаются в тени.

Историческая политика может быть интерпретирована как одно из последствий влияния национализма на исторические исследования. Комментируя роль историков в развитии национализма, британский социолог Э. Смит подчеркивает, что «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования» [Smith 1992: 59]. Националистические манипуляции историей в течение длительного времени пребывали в тени других сюжетов, пока не эволюционировали до состояния известного как историческая политика. В большинстве исследований по исторической политике она анализируется через призму транслирования нарративов, цензурирования памяти, маргинализации и

принудительного или добровольного забывания тех или иных событий, которые травмируют историческую память или неприятны для правящих элит в силу политической конъюнктуры. Эта статья отличается от других исследований, сфокусированных на исторической политике тем, что проблемы политики памяти анализируются в контекстах изобретенных традиций как публичных ритуалов, которые в той или иной степени содействуют коммеморации исторических фактов и актуализации исторического наследия в современных обществах.

Историческая политика как политика памяти – современная форма государственной проработки прошлого

Единого определения исторической политики в научной литературе не существует, хотя в исследовательском сообществе относительно этого явления существует неформальный компромисс, основные положения которого могут быть сведены к следующему: традиционные институты контроля и влияния на историографию (например, цензура), которые были вполне действенны в XIX и XX веках, в XXI столетии постепенно утрачивают свою эффективность; число акторов производства и воспроизводства знания о прошлом, в сравнении с прошлыми веками, значительно возросло и наряду с профессиональными историками в этот процесс оказались втянуты политические, культурные и прочие общественные активисты; государство начинает воспринимать историю как политический ресурс и использовать факты исторического прошлого для решения своих собственных задач, включая политическую мобилизацию и консолидацию; традиционные академические институции оказываются в современной ситуации не столь эффективными – поэтому, государство становится инициаторов создания новых специальных институтов, сфокусированных на работе с исторической памятью; традиционные формы транслирования исторического знания (среднее и высшее образование, научно-популярные фильмы, популярная и научная литература) утрачивают свое значение в конкуренции с изобретенными традициями как социальными и культурными ритуалами, призванными активизировать историческую память – поэтому, гражданско-политические установленные государством дни становятся формами гражданских церемоний, актуализирующими историческую память.

В историографии все эти особенности (с различными вариациями в зависимости от национальной ситуации), как правило, проецируются на исторические политики или политики памяти в странах Центральной, Восточной или Западной Европы, но автор статьи полагает, что все описанные ваше стратегии могут использоваться не только национальными государствами, но и теми группами, которые существуют в рамках многосоставных обществ, например – республиками в составе современной Российской Федерации. Кроме этого, свои формы исторической политики как политика памяти могут практиковать и непризнанные или частично признанные государства.

Памятные дни как формы исторической политики памяти

Если для советской историографии как предшественницы исторических штудий в изучаемых регионах были характерны «крайняя политизация историографии», «монополизация историографического производства», «высокая степень политизации исторических дебатов» [Куско, Таки 2003: 492], то для постсоветского этапа было совершенно естественно использование истории для легитимации политических состояний, что привело к возникновению политики памяти. Важной изобретенной традицией в исторической политике изучаемых регионов следует признать Дни Республики – политические церемонии и ритуалы, призванные актуализировать и визуализировать соответствующие идентичности – ставшие фактически формой политики памяти. В Чеченской Республике советующий праздник установлен в 2002 году по инициативе Президента Ахмата Кадырова. В этой дате примечательной является борьба различных версий исторической памяти – ранее 6 сентября имело статус Дня независимости Ичкерии – проекта, который в значительной степени представлял собой альтернативу современной Чеченской Республике. Альтернативность официальной версии исторической политики актуализируется и во втором названии праздника – «День гражданского согласия и единения». День Республики Северная Осетия-Алания (с 1995 года отмечается в третье воскресенье октября) был учрежден по инициативе Президента Республики Ахсарбека Галазова, но в отличие от других национальных субъектов Российской Федерации эта политическая традиция не апеллирует к государственному опыту в историческом наследии.

Если другие субъекты Федерации в Днях республик стремятся символически актуализировать политический опыт независимого развития или претензии на таковое, то осетинские интеллектуалы, легитимируя необходимость дня республики, попытались продемонстрировать лояльность Российской Федерации, настаивая, что День Республики знаменует соединение Северной Осетии и России. Южная Осетия (29 мая – День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия, 26 августа – День признания Россией независимости Южной Осетии, 20 сентября – День независимости Южной Осетии) и Абхазия (30 сентября – День освобождения Республики Абхазия, 23 июля – День Флага Республики) более свободны в своих попытках актуализировать концепт «независимости» в контекстах гражданских праздников, аналогичным Дням Республики в субъектах РФ.

Маргинализация этничности и продвижение концептов государственности: противоречия осетинской политики памяти

В историографии неоднократно высказывалось мнение, что «великие времена историографии наступают во время распада империй… до распада СССР не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории» [Лінднер 1997: 114], что сопровождается не только активизацией исторических дискуссий, но и более активным вмешательством государства в вопросы исторической памяти. Изменение

интерпретаций событий прошлого существенно расширило не только сам круг их объяснений, а также число акторов, вовлеченных в рефлексии относительно истории и сам механизм артикуляции исторического знания. В подобной ситуации особую важность обретают государственно санкционированные мероприятия, связанные с актуализацией коллективных представлений о прошлом. Празднование Дня Республики в Северной Осетии воспроизводит в большей степени государственные изобретенные традиции. В 2018 году политические элиты Северной Осетии соединили празднование Дня Республики с Днем города[1], а в 2019 году к этим мероприятиям добавили и 245-летие присоединения Осетии к России[2], что свидетельствовало о стремлении актуализировать как лояльность России, так и ограниченно использовать этнический потенциал. Акцентировка осетинской этничности в период проведения Дней Республики минимизируется до организации мероприятий, посвященных осетинской кухне, включая дегустацию пирогов и пива[3].

В политическом календаре Южной Осетии существуют День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия (29 мая) и День независимости Южной Осетии (20 сентября). Эти два дня ознаменованы проведением различных коммеморативных мероприятий, что подтверждает заинтересованность политических элит в использовании фактов прошлого с целью как актуализации идей независимости, так и для визуализации и укрепления национальной идентичности. День независимости Южной Осетии, если принимать во внимание алгоритм его проведения, представляет собой типичный постсоветский праздник с минимальными попытками актуализации этнической и культурной специфики региона, что компенсируется официальными мероприятиями и военным парадом[4]. Но в 2019 году власти республики решили совместить с Днем независимости VI Международный национально-культурный фестиваль «Ирон бæгæны-2019»[5], что свидетельствует о ситуативном и непоследовательном использовании

[1] 24 сентября во Владикавказе отметят День Республики и День города // Официальный сайт муниципального образования г. Владикавказ. URL: http://www.vladikavkaz-osetia.ru/news/37848/ (дата обращения: 5.01.2020)

[2] Северная Осетия отмечает День республики и города Владикавказа // Официальный сайт Государственного автономного учреждения Республики Северная Осетия-Алания «Национальная телекомпания “Осетия-Ирыстон”». URL: https://iryston.tv/ru/severnaya-osetiya-otmechaet-den-goroda-i-den-respubliki/ (дата обращения: 5.01.2020)

[3] Северная Осетия отметит День республики // Официальный сайт Государственного автономного учреждения Республики Северная Осетия-Алания «Национальная телекомпания “Осетия-Ирыстон”». URL: https://iryston.tv/ru/severnaya-osetiya-otmetit-den-respubliki/ (дата обращения: 5.01.2020)

[4] Айриян Н. День республики в Южной Осетии отметили военным парадом с боевой техникой // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190920/9297817/Den-respubliki-v-Yuzhnoy-Osetii-otmetili-voennym-paradom-s-uchastiem-boevoy-tekhniki.html (дата обращения: 5.01.2020)

[5] Айриян Н. Южная Осетия отмечает День Республики // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190920/9297767/Yuzhnaya-Osetiya-otmechaet-Den-respubliki-.html (дата обращения: 5.01.2020)

потенциала этничности в современной осетинской политике памяти как публичном воспроизводстве изобретенных традиций.

По мнению украинского историка Я. Грицака, в ряде постсоветских историографий «преобладание национальной парадигмы… можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке» [Грицак 2003: 444]. В случае анализируемых регионов этно-национальная парадигма явно проигрывает государственной, которая стала фактором, определяющим основные векторы функционирования политики памяти. День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия на современном этапе фактически стал изобретенной политической традицией, а выступление президента может быть определено как попытка предложить официально санкционированный нарратив для написания новейшей истории.

День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия в гражданском календаре региона позиционируется как преимущественно политический праздник, а представители элит не используют потенциал осетинской этничности, предпочитая оперировать политическими лозунгами, активно используя именно «государственные» нарративы[1], что сочетается с попытками формирования негативного образа грузин. Например, в 2017 году Президент Республики Южная Осетия, выступая на торжественном собрании, посвященном 26-й годовщине принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия, подчеркивал, что «для Грузии свобода и независимость означают, прежде всего, возможность свободно подавлять другие народы. Так уже было в 1918-1920 годах, когда объявившая о своей независимости Грузинская Демократическая Республика организовала геноцид осетин»[2]. В целом, этот нарратив, с одной стороны, вписывается в те этноцентристские версии исторического воображения, которые доминируют среди осетинских интеллектуалов, а с другой, свидетельствует, что политика памяти в осетинском случае является политикой, направленной на актуализацию образов Другости в политическом воображении.

Политические элиты как форматоры повестки дня политики памяти

Примечательно и то, что форматорами исторической политики становятся не профессиональные историки, а действующие политики. Это кажется естественным и неизбежным, когда речь идет о включении в историческое сознание общества современного исторического опыта. Но

[1] Бибилов А. Акт провозглашения независимости закрепил правовое оформление суверенной государственности Республики Южная Осетия // Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. URL: https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-akt-provozglasheniya-nezavisimosti-okonchatelno-zakrepil-pravovoe-oformlenie-suverennoj-gosudarstvennosti-respubliki-yuzhnaya-osetiya/ (дата обращения: 5.01.2020)

[2] Бибилов А. Выступление на торжественном собрании, посвященном 26-й годовщине принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия // Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. URL: https://presidentruo.org/vystuplenie-na-torzhestvennom-sobranii-posvyashhennom-26-j-godovshhine-prinyatiya-akta-provozglasheniya-nezavisimosti-respubliki-yuzhnaya-osetiya/ (дата обращения: 5.01.2020)

исследователи проблем постсоветской эволюции национальных историографий обращают внимание на то, что в этих условиях история начинает напрямую обслуживать политический интерес элит и даже говорят о сервильном характере истории как науки в подобных обществах. Постсоветские интеллигенции, как полагает австрийский исследователь постсоветской белорусской историографии Р. Линднер, столкнулись с кризисом написания истории [Lindner 1999: 645], что в ряде случаев привело к переходу инициативы в руки политиков. То же самое констатирует современный украинский историк Я. Грицак, указывая, что «после краха коммунизма историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [Hrytsak 2004: 230], но в некоторых регионах подобные манипуляции сравнительно быстро переросли в политику памяти, что привело к утрате интеллектуалами формальной независимости, превратив их в агентов исторической политики. По оценке российских исследователей исторического сознания Г. Бордюгова и В. Бухараева в национальных субъектах Российской Федерации истории, сотворяемые с позиций локальных этноцентризмов, мобилизуются для идейного и культурного обеспечения «суверенизации» и здесь «сервильность историков не требует особых комментариев» [Бордюгов, Бухарев 2003. С. 63].

Действительно, исторические формулы для интерпретации недавних событий зачастую предлагают политики. Например, 29 мая 2019 года А. Бибилов констатировал, что «двадцать семь лет минуло с того судьбоносного дня, когда Южная Осетия сделала свой бесповоротный и окончательный выбор. Воля народа, выраженная на референдуме и закрепленная в принятом депутатами легендарного первого созыва Акте о провозглашении государственной независимости, определила ход всей дальнейшей истории нашей республики»[1].

Спикер парламента Южной Осетии Петр Гассиев в День принятия Акта провозглашения независимости Республики в 2019 году актуализировал нарратив жертвенности, утверждая, что «в условиях вооруженной грузинской агрессии жестко встал вопрос о создании собственного независимого государства, которое бы защитило наш народ от физического и культурного истребления»[2] и формируя, тем самым, образ нации-жертвы. Политические элиты Южной Осетии активно используют День принятия Акта провозглашения независимости как для актуализации антигрузинского, так и пророссийского нарративов в историческом воображении, подчёркивая, что «Южная Осетия никогда не признает над собой юрисдикцию Грузии. Мир на землю Южной Осетии в июне 1992 года принесла Россия. Руководство страны

[1] Габараева Э. Судьбоносный день: в Цхинвале отметили годовщину провозглашения независимости // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8698712/Sudbonosnyy-den-v-Tskhinvale-otmetili-godovschinu-provozglasheniya-nezavisimosti-.html (дата обращения: 5.01.2020)

[2] Габараева Э. Спикер парламента Южной Осетии: Акт о независимости был продиктован суровой реальностью // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8696618/Spiker-parlamenta-Yuzhnoy-OsetiiAkt-o-nezavisimosti-byl-prodiktovan-surovoy-realnostyu.html (дата обращения: 5.01.2020)

отчетливо видело, какие угрозы для мира и стабильности на Кавказе несет грузинская агрессия»[1].

Подобные пассажи в выступлениях первых лиц государства свидетельствуют о развитии современной осетинской идентичности между приоритетами этничности и идеями политической (гражданской) нации. С одной стороны, они фиксируют значительную роль этнического национализма в регионе; с другой – указывают на незавершенность процессов национальной и государственной консолидации Осетии как сообщества, нуждающегося во внешней гарантии своей государственности, потому что обретение независимого статуса было обеспечено поддержкой России. Именно отсюда проистекают апелляции к авторитету соседнего государства, что фактически свидетельствует о готовности осетинских элит играть второстепенные или подчиненные роли. Поэтому, День принятия Акта провозглашения независимости Республики Южная Осетия активно используется как для продвижения идей юго-осетинской государственности при условии незначительной актуализации потенциала этничности. Например, в 2019 году в День принятия Акта провозглашения независимости в Цхинвале в присутствии президента Южной Осетии Анатолия Бибилова и главы Северной Осетии Вячеслава Битарова[2] был открыт бюст первого руководителя Республики Тореза Кулумбегова[3], что стало попыткой актуализировать роль политики памяти как инструмента в визуализации и актуализации идей политической и государственной преемственности и непрерывности.

Государственные нарративы в политике памяти: Абхазия

День освобождения столицы Абхазии (27 сентября), День Победы и Независимости (30 сентября), День Государственного флага Абхазии (23 июля) являются изобретенными традициями, которые используются абхазскими элитами в проведении исторической политики. Эти праздники как изобретенные традиции имеют принципиальное значение для актуализации исторических форм абхазской идентичности, а также абхазского национального движения, потому что неизбежно актуализируют негативные образы Грузии как универсального коллективного другого. В этом отношении политика памяти в Абхазии, в отличие от других регионов, анализируемых в этой статье, имеет более ярко выраженные этнические основания, но, в целом, и она направлена на продвижение государственных нарративов. Поэтому политика

[1] Габараева Э. Судьбоносный день: в Цхинвале отметили годовщину провозглашения независимости // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8698712/Sudbonosnyy-den-v-Tskhinvale-otmetili-godovschinu-provozglasheniya-nezavisimosti-.html (дата обращения: 5.01.2020)

[2] Келехсаева И. День рождения республики // Официальный сайт Радио «Эхо Кавказа». URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/29970910.html (дата обращения: 5.01.2020)

[3] Айриян Н. Южная Осетия отмечает годовщину провозглашения независимости // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190529/8693950/Yuzhnaya-Osetiya-otmechaet-godovschinu-provozglasheniya-nezavisimosti.html (дата обращения: 5.01.2020)

памяти и историография, таким образом, имеет свои «концептуальные изъяны» [Усманова 2003: 343], поскольку первая сконцентрирована на продвижении государственных нарративов в то время, как этнические мотивы идентичности пребывают в тени, оставаясь приоритетом историографии в ее академическом понимании.

Кроме этого, памятные дни в современной Абхазии актуализируют связь между исторической памятью и попытками ее монументализации, так как в День освобождения и День Победы практикуется возложение венков в тем памятникам[1], которые были воздвигнуты в 1990-2000-е годы для институционализации абхазской версии исторической памяти. Абхазская идентичность становится более заметной в период проведения Дня флага[2]. Абхазские националисты констатируют, что «флаг символизирует основные этапы развития государственности абхазского народа – одного из древнейших коренных этносов Кавказа»[3]. Эти дни дают также возможность актуализировать этничность[4] в контекстах тех ассимиляционных потерь, которые абхазы понесли в 20 веке. В целом же, этнические измерения в абхазской политике памяти актуализируются в меньшей степени чем государственные нарративы, а этническое в коммеморативные дни проявляется только в тех мероприятиях, которые сфокусированы на этнографических деталях, например, на кухне[5] как части абхазской идентичности.

Взаимоотношения между этничностью и национальной государственностью обусловлены историко-политическим контекстом. Как полагает российский историк В.А. Шнирельман: «В эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [Шнирельман 2003: 18]. В периоды же постсоветской политической нестабильности на статус основного героя истории в ее формально

---

[1] Как Абхазия отметит День Победы // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/longreads/20190925/1028484780/Karta-prazdnovaniya-kak-Abkhaziya-otmetit-Den-Pobedy.html (дата обращения: 6.01.2020)

[2] День Флага Республики Абхазия // Официальный сайт Посольства Республики Абхазия в РФ. URL: http://www.emb-abkhazia.ru/novosti/den_flaga_respubliki_abhaziya1/ (дата обращения: 6.01.2020)

[3] 23 июля – День Государственного флага Республики Абхазия // Государственное информационное агентство Республики Абхазия: сайт. URL: http://www.apsnypress.info/news/23-iyulya-den-gosudarstvennogo-flaga-respubliki-abkhaziya/ (дата обращения: 6.01.2020)

[4] Море символов: День флага в Абхазии // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/photo/20190724/1028014215/More-simvolov-Den-flaga-v-Abkhazii.html (дата обращения: 6.01.2020)

[5] Песни, танцы и национальная кухня: выставка сельхозпродукции открылась в Сухуме // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20180826/1024809389/vystavka-selxozprodukcii-otkrylas-v-suxume.html (дата обращения: 6.01.2020)

национальной версии начинает претендовать государство, воображаемое как основная цель развития национальной истории. Поэтому, историческая политика в зонах проблемной государственности особое внимание уделяет именно государственным сюжетам. Написание истории как истории государства воспринимается в таких обществах как восстановление исторической справедливости. В подобной ситуации идея государственности становится мифом. Поэтому, история становится «конструкцией в значительной степени мифической в том смысле, что она являет собой представление о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем» [Friedman 2001: 42].

Так, государственные праздники Абхазии стали важным инструментом в актуализации исторической памяти как попытки подчеркнуть континуитет и непрерывность абхазской государственной традиции, что проявляется в возложении цветов к Мемориалу первого президента республики Владислава Ардзинба в Эшере[1]. День освобождения столицы Абхазии[2] позиционируется как одновременно государственный и этнический праздник в силу того, что 27 сентября стало шагом к ликвидации грузинской угрозы и к укреплению абхазской государственности. Коммеморативные практики в День освобождения сводятся к воспроизводству нарратива об абхазском движении как национальном и освободительном[3], что, в свою очередь, актуализирует негативные образы Грузии. День освобождения столицы представляет собой и форму национальной коммеморации в силу того, что в Абхазии сложилась традиция открытия в этот день мемориальных досок[4] тем участникам формирований, которые воевали против грузинских войск. В целом, абхазская историческая политика как политика памяти актуализирует одновременно этнические и политические (государственные) нарративы, но вторые, как и в других изучаемых регионах, явно превалируют над первыми.

Государственность как консолидирующий нарратив в травмированной памяти: проблемы исторической политики в Чечне

Российский историк П. Варнавский заметил, что «концептуальные противоречия между националистически настроенной интеллигенцией и

[1] Юбилей признания: память первых президентов почтили в Абхазии // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20180826/1024808961/pamyat-pervyx-prezidentov-pochtili-v-abxazii.html (дата обращения: 6.01.2020)

[2] 27 сентября – День освобождения столицы Абхазии – Сухума! // Государственное информационное агентство Республики Абхазия: сайт. URL: http://www.apsnypress.info/news/27-sentyabrya-den-osvobozhdeniya-stolitsy-abkhazii-sukhuma/ (дата обращения: 6.01.2020)

[3] За свободу и справедливость: День Победы отмечают в Абхазии // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190930/1028516080/Den-Pobedy-i-Nezavisimosti-otmechayut-v-Abkhazii-30-sentyabrya.html (дата обращения: 6.01.2020)

[4] День освобождения Сухума // Новостное агентство Sputnik: сайт. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190929/1028509936/Sputnik-nedeli-Den-osvobozhdeniya-Sukhuma-modernizatsiya-armii-i-sud.html (дата обращения: 6.01.2020)

сторонниками коммунистической доктрины» [Варнавский 2003: 150] были важным фактором развития исторического знания в советский период. В постсоветских историографиях коммунистическая идея была заменена национальной или ее различными модификациями, одной из которых может быть определен примат национальной государственности. Поэтому историческая политика в изучаемых регионах развивается в условиях противоречий между сторонниками государственной парадигмы и ее этнически ориентированными оппонентами, которые оказываются на периферии современной историографии.

Несколько иначе складываются отношения «государственнической» и этнически ориентированной стратегий политики памяти в современной Чечне. День Республики стал важной изобретенной традицией, которая имеет непосредственное отношение к реализации политики памяти в силу того, что праздник, отмечаемый в современной Чеченской Республике, фактически стал альтернативой другой изобретенной политической традиции, которая актуализировала идеи государственной независимости Ичкерии в 1990-е годы. Но в то же время коммеморативные практики в рамках политики памяти в современной Чечне характеризуются попытками синтеза государственной и этнической компоненты. В этом контексте историческая политика в Чечне актуализируется именно как политика памяти, направленная как на продвижение идеи о наличии древней истории, так и на постоянной работе памяти или «проработке прошлого», что проявляется в попытках компенсировать историческую трагедию двух войн государственными нарративами. Например, чеченский историк и этнограф Лейчий Гарсаев полагает, что «наш край на протяжении многих веков делали набеги скифы, сарматы, гунны, печенеги, половцы, монголы, татары… в новейшее время мы на себе испытали две чудовищные военные кампании»[1].

Если в начале 2000-х годов в Чечне имели место попытки параллельных коммемораций[2], то к середине первого десятилетия XXI века культурный и интеллектуальный дискурс окончательно перешел под контроль властей, что исключило альтернативные формы исторической памяти, фактически маргинализировав их. При этом, особенностью современно политики памяти в Чечне является ее персонификация. Публичный дискурс насыщен формулами героизации прошлого, глорификации первого президента Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Кадырова[3] и современного главы Республики

[1] Гарсаев Л. День гражданского согласия и единения – один из важнейших праздников для всех народов Чечни // Информационное агентство Чеченской Республики «Грозный-информ»: сайт. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/express/112191/ (дата обращения: 6.01.2020)

[2] Хасанов М. В Чечне отмечается день республики // Радио «Свобода»: сайт. URL: https://www.svoboda.org/a/24185375.html (дата обращения: 6.01.2020)

[3] 6 сентября – день Чеченской Республики // Официальный сайт Чеченской Государственной Телерадиокомпании «Грозный». URL: https://grozny.tv/news.php?id=22332 (дата обращения: 6.01.2020)

Рамзана Кадырова[1], что связано со спецификой развития регионального политического режима. В этой ситуации сам концепт «государственность» в значительной степени становится персонифицированным, так как начинает соотносится с образом первого президента Республики Ахмата-Хаджи Кадырова[2].

Кроме этого, историческая политика в современной Чеченской Республике с внешней стороны демонстрирует свой вторичный характер, так как ее форматоры склонны ретранслировать общероссийские нарративы, трансплантируя их в чеченские контексты. В определенной степени эта ситуация в исторической политике ЧР является отражением попыток радикального демонтажа тех элементов и проявлений исторической памяти, которые могли сохраниться от того периода, когда политический и культурный дискурс в регионе контролировали сторонники сепаратизма. В официальном поздравлении главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова (2012 г.), подчеркивалось, что «День Республики – это подлинно общенародный праздник всего многонационального чеченского народа»[3]. Эта попытка трансплантации общероссийского политического клише в региональные контексты, которые характеризуются значительными особенностями, отразила влияние общероссийского политико-идеологического дискурса.

Анализ церемоний проведения Дня Республике в Чечне обнаруживает их двойственную природу. С одной стороны, очевиден их в значительной степени вторичный характер в силу того, что политический ритуал организации мероприятий копирует общероссийские клише. Однако с другой стороны, степень национализации режима и масштабы использования языка в Чеченской Республике крайне сложно сравнимы с другими субъектами РФ. Поэтому, в данной ситуации формально денационализированный характер государственных праздников как формы политики памяти компенсируется национализацией жизни других сфер жизни республики.

Предварительные итоги и перспективы исследования

Подводя итоги статьи, следует констатировать сложный характер рассматриваемого феномена. Траектории развития исторической политики как политики памяти, равно как и формы артикуляции и визуализации национальных идентичностей в общественном и культурном пространстве в Чечни, Северной и Южной Осетии, Абхазии определяются комплексом факторов исторического и современного, внутреннего и внешнего происхождения.

---

[1] В Чечне празднуют День гражданского согласия и единения // Информационное агентство «Regnum»: сайт. URL: https://regnum.ru/news/society/2710928.html (дата обращения: 6 января 2020)

[2] Межиев А. День Республики // ИА «Чечня Сегодня»: сайт. URL: https://chechnyatoday.com/content/view/274823 (дата обращения: 6.01.2020)

[3] Чечня отметила День Республики // Интернет-портал «Российской газеты»: сайт. URL: https://rg.ru/2012/09/06/reg-skfo/den-anons.html (дата обращения: 6.01.2020)

Историческая политика как политика памяти в изучаемых регионах связана с особенностями взаимодействия их социально-культурной динамики и национального развития. Начало модернизации и трансформации традиционных сообществ в модерные политические нации не было подготовлено здесь предшествующей внутренней эволюцией. Этап консолидации наций фактически совпал с радикальной и насильственной советской модернизацией. Хотя этот процесс сопровождался ломкой этносоциальной традиции, социальными и культурными разрывами и провалами, ставшими результатом внешнего воздействия, одновременно складывались национальные идентичности, национальные интеллектуальные сообщества и национальные версии истории. Это стало результатом внедрения государственно-политических институтов поддержания национальных идентичностей и рационализированных механизмов этнокультурного воспроизводства через науку и образование.

Формирование национальных версий истории одновременно с процессами национального строительства привело к тому, что этнический национализм стал важным фактором развития исторического воображения. Советская политика идеологизации и политизации исторического знания только отсрочила его национализацию и этнизацию, которые состоялись уже в постсоветский период. Процессы политического транзита в постсоветский период сопровождались всеобщим кризисом идентичности. В этих условиях, этничность актуализировалась как наиболее устойчивая и надежная основа личной и групповой самоидентификации на Северном Кавказе. А отсутствие у местных народов и обществ региона преемственной традиции государственно-политического развития и сформированных в ее рамках конституционных систем, политических и правовых принципов, превратило историю в базис попыток легитимации своих политических притязаний. Неизбежной стала существенная политизация исторической науки, воспринявшей прямые функции обслуживания национально-политических интересов. Именно этот комплекс факторов предопределил как генезис, так и последующее развитие исторической политики в изучаемых регионах.

Историческая политика или политика памяти в современных национальных регионах Кавказа стала фактически вторичным интеллектуальным продуктом. Ее следует оценивать в контексте генезиса и институционализации исторической политики в России. Российская Федерация, в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, стала несколько позже использовать формы политики памяти. Но и российские политические элиты, хотя и с определенным опозданием, начали манипулировать историей. Историческая политика как политика памяти в Северной и Южной Осетии, Чечне, Абхазии может быть интерпретирована и описана в категориях продолжения российской исторической политики в целом как попытка ее трансплантации в региональные и национальные контексты. Кроме этого, анализируя особенности генезиса политики памяти в изучаемых регионах, во внимание следует принимать и другие интеллектуальные стимулы. Осознание потенциала манипуляций с исторической памятью и важности ее интеграции в

государственно контролируемый канон исторического воображения в национальных регионах РФ происходило неравномерно. В некоторых поволжских республиках, таких как Татарстан, Башкирия, Чувашия это произошло раньше. В отношении Чечни и Северной Осетии можно предположить, что местные интеллектуалы и власти ориентировались на опыт названных регионов даже при отсутствии прямых контактов и влияний. Относительно Южной Осетии и Абхазии можно предположить влияние со стороны грузинской исторической политики в силу того, что политические и интеллектуальные элиты Грузии достаточно успешно и целенаправленно манипулируют исторической памятью.

Политика памяти в изучаемых регионах не имеет институционального оформления, что существенно отличает ее от аналогичных процессов и явлений в странах Центральной и Восточной Европы, где созданы и функционируют специализированные Институты национальной памяти или комиссии историков и других политически мотивированных и идеологически ангажированных интеллектуалов, призванных формировать и воспроизводить официальный канон исторической памяти, критикуя и осуждая те ее варианты, которые не могут быть интегрированы в ее официальную, компромиссную версию. Институты национальной памяти, комиссии или комитеты профессиональных историков или близких к ним интеллектуалов фактически отсутствуют в Чечне, Северной и Южной Осетии, а также в Абхазии, что может быть объяснено особенностями развития местных региональных академических исторических сообществ. Здесь не успели утвердиться формальные принципы академических свобод, гарантирующих независимость научного сообщества и его свободу от политико-административного давления.

Вместе с тем, в реализацию исторической политики как политики памяти одновременно вовлечены самые различные акторы, что позволяет определять гетерогенность как основную характеристику политики памяти в Чечне, Осетии и Абхазии. Наряду с университетами, в которых существуют исторические факультеты, а также специализированными академическими и исследовательскими институциями, которые должны действовать в рамках административных правил и профессиональных стандартов, в политику памяти вовлечены и национальные активисты, которые не ограничены формальными рамками и стандартами. Эти акторы исторической политики формируют разные интерпретации истории и разные формы ее общественной актуализации, которые могут варьироваться от компромиссного официального канона до этно-центричных версий национальных исторических нарративов.

Отсутствие реального суверенитета изучаемых регионов самым существенным образом влияет на формы проявления исторической политики как политики памяти – ни Осетия, ни Чечня, ни Абхазия не могут позволить себе проводить историческую политику в стиле, например, Польши или Украины. Поддержание и развитие и национальной идентичности в этих регионах в большей степени связано с воспроизводством их социальной и культурной специфики – поэтому дискурс исторической политики как

политики памяти из сферы реальной политики сместился в сферу культуры и символически значимых коммуникаций.

Отмеченные обстоятельства, с одной стороны, определяет основные особенности исторической политики как политики памяти в рассматриваемых регионах, а, с другой, свидетельствуют о необходимости их дальнейшего изучения в междисциплинарной перспективе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бордюгов, Бухарев 2003 – *Бордюгов Г., Бухарев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 21-72.

Булахтин 2019 – *Булахтин М.А.* Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 449-458. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-449-458

Варнавский 2003 – *Варнавский П.* Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // Ab Imperio. – 2003. – № 1. – С. 149-176. DOI: 10.1353/imp.2003.0074

Галкина 2019 – *Галкина Ю.М.* Коммеморативные практики пятидесятилетия первой мировой войны во Франции (1964-1968) // Клио. – 2019. – № 8 (152). – С. 66-75.

Грицак 2003 – *Грицак Я.* Украинская историография. 1991-2001. Десятилетие перемен // Ab Imperio. – 2003. – № 2. – С. 423-454. DOI: 10.1353/imp.2003.0084

Иванеско, Урушадзе 2018 – *Иванеско А.Е., Урушадзе А.Т.* Past indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе // Новое прошлое. The New Past. – 2018. – № 3. – С. 186-190. DOI: https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190

Историческая… 2012 – Историческая политика XXI века: сборник статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.

Кирчанов 2017 – *Кирчанов М.В.* Историческая политика. политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 12 (576). – С. 63-75.

Кирчанов 2019 – *Кирчанов М.В.* Тюркизм как парадигма турецкой исторической политики // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2019. – № 4 (21). – С. 64-74.

Куско, Таки 2003 – *Куско А., Таки В.* «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // Ab Imperio. – 2003. – № 1. – С. 485-495. DOI: 10.1353/imp.2003.0100

Лінднер 1997 – *Лінднер Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка. Albaruthenica. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 114-118.

Усманова 2003 – *Усманова Д.* Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio. – 2003. – № 3. – С. 337-360. DOI: 10.1353/imp.2003.0072

Шнирельман 2003 – *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 592 с.

Friedman 2001 – *Friedman J.* History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41-62.

Hrytsak 2004 – *Hrytsak Y.* On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 229-254. DOI: 10.1353/imp.2004.0033

Lindner 1999 – *Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27. – No 4. – P. 631-647. DOI: https://doi.org/10.1080/009059999108867

Smith 1992 – *Smith A.D.* Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. – 1992. – Vol. 33. – Iss. 1-2. – P. 58-80. DOI: https://doi.org/10.1163/002071592X00059

REFERENCES

BORDIUGOV G., BUHAREV V. *Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetskogo vremeni* [National historical thought in the Soviet time]. IN: *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. Ed. by K. Aymermacher, G. Bordiugov. – M.: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – P. 21-72. (In Russian)

BULAKHTIN M.A. *Politika istoricheskoi pamyati v sovremennoi Pol'she* [The policy of historical memory in modern Poland]. IN: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2019. – Vol. 3. – No 4. – P. 449-458. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-449-458 (In Russian)

FRIEDMAN J. History, Political Identity and Myth. IN: Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41-62. (In English)

GALKINA IU.M. *Kommemorativnye praktiki pyatidesyatiletiya pervoi mirovoi voiny vo Frantsii (1964-1968)* [Commemorative practices of the fiftieth anniversary of World War I in France (1964-1968)]. IN: *Klio*. – 2019. – No 8 (152). – P. 66-75. (In Russian)

GRITSAK IA. *Ukrainskaya istoriografiya. 1991 – 2001. Desyatiletie peremen* [Ukrainian historiography. 1991–2001. A Decade of Changes]. IN: *Ab Imperio*. – 2003. – No 2. – P. 423-454. DOI: 10.1353/imp.2003.0084 (In Russian)

HRYTSAK Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine. IN: *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – P. 229-254. DOI: 10.1353/imp.2004.0033 (In English)

Istoricheskaya politika XXI veka: sbornik statei [The historical policy of the XXI century: collection of articles]. Ed. by A. MILLER, M. LIPMAN. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 p. (In Russian)

IVANESKO A.E., URUSHADZE A.T. *Past indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze* [Past indefinite: historical memory and politics in the North Caucasus]. IN: *Novoe proshloe. The New Past*. – 2018. – № 3. – P. 186-190. DOI: https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190 (In Russian)

KIRCHANOV M.V. *Istoricheskaya politika. politika pamyati i voina s pamyatnikami v SShA* [Historical politics. Politics of memory and war with monuments in the USA]. IN: *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. – 2017. – No 12 (576). – P. 63-75. (In Russian)

KIRCHANOV M.V. *Tyurkizm kak paradigma turetskoi istoricheskoi politiki* [Turkism as a paradigm of Turkish historical politics]. IN: *Problemy sotsial'nykh i gumanitarny*. – 2019. – No 4 (21). – P. 64-74. (In Russian)

KUSKO A., TAKI V. *«Kto my?» Istoricheskii vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost'* [“Who are we?” Historical choice: Romanian nation or Moldavian statehood]. IN: *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 485-495. DOI: 10.1353/imp.2003.0100 (In Russian)

LINDNER R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus. IN: Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27. – No 4. – P. 631-647. DOI: https://doi.org/10.1080/009059999108867 (In English)

LINDNER R. *Niazmiennasć i zmieny ŭ postsavieckaj histaryjahrafii Bielarusi* [The constancy and change in post-Soviet historiography Belarus]. IN: *Bielarusika. Albaruthenica*. – Mn., 1997. – Vol. 6. – Part 1. – P. 114-118. (In Belarusian)

SHNIREL'MAN V.A. *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Wars of memory: myths, identity and politics in Transcauasia]. – M.: IKTs «Akademkniga», 2003. – 592 p. (In Russian)

SMITH A.D. Nationalism and the Historians. IN: International Journal of Comparative Sociology. – 1992. – Vol. 33. – Iss. 1-2. – P. 58-80. DOI: https://doi.org/10.1163/002071592X00059 (In English)

USMANOVA D. *Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov* [Creating the national history of the Tatars: historiographic and intellectual debates at the turn of the century]. IN: *Ab Imperio*. – 2003. – No 3. – P. 337-360. DOI: 10.1353/imp.2003.0072 (In Russian)

VARNAVSKII P. *Granitsy sovetskoi buryatskoi natsii: natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v 1926 – 1929 gg. v proektakh natsional'noi intelligentsii i natsional-bol'shevikov* [Borders of the Soviet Buryat nation: national-cultural construction in 1926-1929 in the projects of the national intelligentsia and the national Bolsheviks]. IN: *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 149-176. DOI: 10.1353/imp.2003.0074 (In Russian)

ЯЗЫКИ НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 811.359

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-237-250

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ И ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С КОНЕВОДСТВОМ, В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

З.Г. ХУТЕЖЕВ, Р.С. ТЛУПОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: zaudin-777@mai.ru, atlaskirovaradima@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется один из активных пластов (групп) адыгской лексики, состоящий из слов и терминов, связанных с коневодством. Здесь впервые изучаются лексико-семантические особенности слов, входящих в указанный лексический пласт. Предлагается классификация, в соответствии с которой выделяются восемь семантических групп слов, связанных с конем и коневодством: 1) лексемы, именующие части тела лошади; 2) лексемы, именующие возраст животного; 3) лексемы, именующие коня в соответствии с его назначением и спецификой выполняемой работы (например, упряжной конь); 4) названия обычаев, ритуалов и празднеств, устраиваемых с непосредственным участием коня; 5) именования людей, связанных с конем, его разведением; 6) названия болезней лошадей; 7) названия элементов конской сбруи и других предметов, связанных с уходом за конем; 8) названия лошадей в соответствии со способностью к воспроизведению потомства. В статье также проводится типологизация лексем, связанных с коневодством, по содержательным признакам, критерии активности/деактивизации в современном кабардино-черкесском языке, исконности/заимствованности, стилевой характеристике и т.д. В соответствии с указанными критериями выделяются: устаревшая лексика (архаизмы, историзмы), этнонимы, мифологизмы, диалектизмы, специальная (профессиональная) лексика, заимствования, просторечия и т.п. При исследовании лексем учитывается этнографизм рассматриваемого материала, приводятся толкования слов и терминов, аргументируемые иллюстративным материалом. Определяется роль и место исследуемого пласта в общеадыгской лексике, выявляются лексико-грамматические и лексико-семантические особенности некоторых слов и терминов, связанных с коневодством. Результаты исследования могут быть полезны ученым, преподавателям высших и средних учебных заведений, а также студентам, магистрантам и аспирантам при написании квалификационных и иных видов работ.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык; лексика; лексическая особенность; семантическая группа; лошадь; коневодство; термин; слово.

LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF WORDS AND TERMS RELATED TO HORSE BREEDING IN KABARDIN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Z.G. KHUTEZHEV, R.S. TLUPOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: zaudin-777@mai.ru, atlaskirovaradima@yandex.ru

Abstract. The article examines one of the active strata (groups) of Adyghe vocabulary, consisting of words and terms related to horse breeding. Here, for the first time, the lexical and semantic features of words included in the specified lexical layer are studied. A classification is proposed, in accordance with which eight semantic groups of words are distinguished related to horse and horse breeding: 1) tokens that name parts of the horse's body; 2) tokens naming the age of the animal; 3) tokens that name a horse in accordance with its purpose and the specifics of the work performed (for example, a draft horse); 4) the names of customs, rituals and festivities organized with the direct participation of the horse; 5) the naming of people associated with the horse, its breeding; 6) names of horse diseases; 7) the names of the elements of horse harness and other items related to the care of the horse; 8) the names of the horses in accordance with the ability to reproduce offspring. The article also provides typology of lexemes related to horse breeding, according to their substantive features, activity / deactivation criteria in the modern Kabardino-Circassian language, originality / borrowing, style characteristics, etc. In accordance with the indicated criteria, outdated vocabulary (archaisms, historicisms), ethnonyms, mythologisms, dialectisms, special (professional) vocabulary, borrowings, vernacular, etc. In the study of lexemes, the ethnography of the material in question is taken into account, interpretations of words and terms are given, reasoned by illustrative material. The role and place of the studied stratum in common Adyghe vocabulary is determined, lexical-grammatical and lexical-semantic features of some words and terms related to horse breeding are revealed. The results of the study can be useful to scientists, teachers of higher and secondary educational institutions, as well as students, undergraduates and graduate students when writing qualification and other types of work.

Keywords: Kabardino-Circassian language; vocabulary; lexical peculiarity; semantic group; horse; horse breeding; term; word.

Адыгэшым и тхыдэр пасэ лъэхъэнэхэм къыщожьэ. Адыгэм шым пщIэшхуэ хуищIу, ныбжьэгъуфIым пилъыту къызэрыгъуэгъурыкIуам тхыдэ дэфтэрхэри, зыплъыхьакIуэхэм ятхыжахэри, художественнэ тхыгъэхэри щыхьэт тохъуэ.

Шыхэмрэ шы лъэпкъыгъуэхэмрэ я фIэщыгъэхэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм куэду хъума щыхъуащ. Абыхэм языныкъуэхэм къэзыгъэхъуа лIакъуэцIэр зэрахьэ (*трамэш, абыкъуш, бэчкъаныш, жэращты*), адрейхэм я жагъэ, лъэщагъ е я теплъэм хэлъ щхьэхуэныгъэ гуэр елъытакIэ фIэщыгъэ ягъуэтащ (*шагъдий, хуарэ*, н.), ещанэхэм я цIэр я плъыфэм къытекIащ (*къарэ, къарапцIэ, брул, гъуэ, джэмыдэ, пщIэгъуалэ, пцIэгъуэплъ*).

Шымрэ шы зехуэнымрэ ехьэлIа псалъэхэмрэ терминхэмрэ мыпхуэдэ лексикэ лIэужьыгъуэхэр къыхощхьэхукI: *жьы хъуа псалъэхэр* (жажэ, жэрыбэ, шужьей, шукIапсэ, шупежьэ, шупэхутэ, шыкIэтхьэщI, шыпэрыт, шыпэтес, шыхьэхушу, шыхэпщ, шыхэпщыпIэ, шыхугъусэ, шыIуэ, н.), *этнонимхэр* (шудэгъазэ, шыхуапэ, шхуэмылакIэ убыдыпщIэ, шыхъуапщIэ), *мифологизмхэр* (алъп, алъпжьей), *диалектизмхэр* (шыгууанэ, шыкъурыкъу, шыгукъу), *астрономием щыщ терминхэр* (Шыхулъагъуэ), *IэщIагъэ щхьэхуэм ехьэлIа лексикэр («профессиональная лексикэ»-кIэ зэджэр)* (мы гупым шым и узыфэхэм я фIэщыгъэ псори хохьэ: сап, сэкъауэ, уэлмэ, шынтIыIу,

шыщхьэчынчэ, н.), *нэгъуэщIыбзэхэм (нэхъыбэрэ урысыбзэм) къыхэкIа лексикэр* (аргамак, хамут), *псалъэ къызэрыгуэкIхэр (просторечиехэр)* (хъубцIыб).

Шымрэ шы зехуэнымрэ ехьэлIа лексикэм семантическэ гуп зыбжанэ къыхощхьэхукI. Апхуэдэхэщ: шым и Iэпкълъэпкъыр зэрызэхэт Iыхьэхэр къэзыгъэлъагъуэ псалъэхэмрэ терминхэмрэ; шым и ныбжьыр къэзыгъэлъагъуэ псалъэхэр; шым къеуз узыфэхэм я фIэщыгъэхэр; гум щIащIэ/щIамыщIэ е къызэрагъэсэбэп елъытауэ шыхэр зэрызэщхьэщыкIыр къэзыгъэлъагъуэ лексемэхэр; шым ехьэлIа хабзэхэм, шы хэту адыгэхэм ирагъэкIуэкIыу щыта дауэдапщэхэмрэ джэгукIэхэмрэ я фIэщыгъэхэр; шы зехуэным елэжь, шым пыщIэныгъэ хузиIэ цIыхухэм зэреджэ терминхэр; шы Iэпслъэпсхэмрэ шым ирахьэлIэ хьэпшыпхэмрэ къэзыгъэлъагъуэ псалъэхэр; щIэжьей къыщIэхъуэн/къыщIэмыхъуэн и IуэхукIэ шыхэр зэрызэщхьэщыкIыр къызыхэщ псалъэхэр, н.

1. Шым и Iэпкълъэпкъым ехьэлIа лексикэр

Шым и Iэпкълъэпкъыр зэрызэхэлъ пкъыгъуэ куэд дыдэ Абазэ Ибрахьим и «Адыгэ-абазэ шы лъэпкъхэм и тхыдэ напэкIуэцIхэр» тхылъым ущрохьэлIэ. Псалъэм папщIэ, къэхутакIуэм мыпхуэдэ пкъыгъуэхэр къыхегъэкI: «бэкъу, бгъэгу, бгъэгу къупщхьэ, бгъэгу хъыщт, бгъэ щIагъ, бзэгу, блатхьэ, блэгу щIагъ, блыпкъ, блыпкъ зэрытыпIэ, гъубзиикIэ, джабащхьэ кумб, джабэ, дзажэ, дзажэкIэ, дзажэналъэхэр, дзажэ хъыщтхэр, дзэ, дзэпэфIанэ, дзэщхьэл, жал, жьэ, жьэгъу джабэхэр, жьэгъущIагъ, жьэ къупщхьэщIагъ джабэ, жьэпкъ, жьэпкъ кумб, жьэпхъэбгъу, жэрыбз (бзыхэм), ищIагъ жьэ къупщхьэ, кIэ, кIэбдз, кIэбдз зэрытыпIэ, кIэбдз кхъуэщын, кIэбдз лъабжьэ, кIэбдз лъэдий (зэщIэлъу), кIэбдз лъэдий (къупщхьэ), кIэбдз лъэкIэн, кIэбдз фIалъэ, кIэнтIыIу, къанэуапIэ, кIэпкъ, кIэпкъ (кIэ) IупщIэхэр, кIэсыпIэ, куэ, куэбзэпс (хъум), куэпкъ, къурмакъей лъабжьэ, лъахъэ илъхьэпIэ, лъащхьэ, лъащхьэ лъабжьэ, лъэгуажьэ зэрытыпIэ, лъэгуажьэтес (асмыж), лъэдакъэ быдз, лъэдакъэц, лъэгуажьэ, лъэIэгъу, лъэIэгъу зэрытыпIэ, напщIэ, натIэ, натIэ къупщхьэ, натIэц, ныбэ, ныбэгу, нэ, нэбжьыц, нэзэрыхъэ, нэкIуебгъу, нэпкъыщхьэ къекIуэкI, нэхупцIапцIэ (щхьэпцIапцIэ), нэщIащэ кумб, пхэщI егъэзыхыпIэ (кIэнтIыIу), пхэщIыщхьэ, пхэщIыщхьэ лъагапIэ, пщэ, пщэ кукъу, пщампIэ, пщэбгъу, пщэ лъынтхуэ, пэ, пэбг, пэбг къупщхьэ, пэгъуанэхэр (пэбзий), соку, тхы, тхьэкIумэ, тхьэкIумэ дакъэ, уанэ телъхьэпIэ (шыбг), фIалъэ лъабжьэ, фIалъэ лъахъэ илъхьэпIэм ищхьэкIэ щыIэ куъпщхьэхэр, фIалъэ лъэгуажьэ зэрытыпIэ, фIалъэ лъэдий, фIэбзыпIэ (япэ пщэ IупщIэ), фIыншэ (фIэгъэжыпIэ), хьэщыдзэ, шхужь бэлагъ, шхужь гъуанэм ибгъу къекIуэкI, шхужь, шхужь кIапэ, шхужь къуапэ, шыпхэ, шыщхьэ, щхьэ къупщхьэ, щхьэпхэтIыгу, япэ бгыIупщIэ, япэ бгъэIупщIэ, IэракIэ, Iупэ» [Абазэ, Абазэ 2014: 88].

Шым и Iэпкълъэпкъым щыщу Абазэ И. къигъэлъэгъуа пкъыгъуэхэм я цIэхэр псори гурыIуэгъуэкъым, языныкъуэхэр псалъалъэхэми иткъым. Абы нэмыщIуи, къэхутакIуэм къимыгъэлъэгъуа терминхэм нэгъуэщI лэжьыгъэхэмрэ псалъалъэхэмрэ уащрохьэлIэ. Абыхэм ящыщ зыбжанэ къэтхьынщ:

БГЪЭЛЫБЭ грудь лошади [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 38]; шым и бгъэ, и бгъэгу. ■ Ар унэ небэ-къебэщ, щIэсэн бэуэ щIэту, пэIущIэу Iулъыр шы бгъэлыбэм къэсу. Нарт. [Адыгэбзэ псалъалъэ… 1999: 40];

КЪАМЫШЫРАБГЪУ *жьы* правый бок верховой лошади ■ *Шыгъуэжьу хьэм яшхыжын, къамышырабгъу кIашэ, шэсырабгъу соку*. Нарт. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 358];

ЛЪЭIЭГЪУ впадина на ноге лошади выше копыта [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 307]; шы лъакъуэ лъабжьэм и щхьэкIэ лъдакъэбыдзым нэс иIэ кумбыгъэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 500];

ЛЪЭГУВАБДЗЭ 1. плоскостопие; *см. также* **лъакъуэвабдзэ**; 2. копыто лошади с легко уязвимой, мягкой нижней поверхностью [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 300]; зи лъэгур щабэ, щIэудыгъуафIэ (п.п. шы). *Шы лъэгувабдзэр гъуэгукIэ дзыхэщ* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 494];

ЛЪЭДАКЪЭЦ пучок волос на щетке у лошади [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 301]; шы лъэдакъэм тет цы Iэрамэ. ■ *Мыжьыкъ алащэр лъэдакъэц кIыхьщ, Лъэдакъэц кIыхьыр шы хуэмыху нэщэнэщ*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 495];

ЛЪЭДАКЪЭЦЫДЖЭ лошадь с короткими волосами на щетке [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 301]; зи лъэдакъэцыр кIэщI шы (шы лъэпкъыфIэ нэщэнэ). ■ *Лъэдакъэцыджэ, щхьэщIыдзэ кIыхь, зи щхьэ нэщIащэм IэштIымыр ихуэ*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 495];

ПХЭЩI 1. труп *(лошади);* 2. седалище [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 369]; седалище / КIэбдзыщхьэм нэхъ лыфIэу иIэ щIыпIэр. ■ *Дамыгъэр игъэплъри и пхэщIым тридзащ*. Къэб. IуэрыIу. *Мэрян и щхьэц кIыхьышхуэр и пхэщIым тоуэр*. Щ.Ам. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 575];

СОКУ I грива; *шы соку* конская грива [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 402]; грива / Шым и пщэм тет цы кIыхьыр. ■ *[Хьэмид] фIыуэ илъагъу шым едэхащIэрт, и сокур зэIихырт, и нэхэм щIэплъэрт*. Къу.С. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 609];

УАНАПIЭ седловина *(лошади)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 442]; шы щIыбым щыщу уанэр зытелъ Iыхьэ. *УанапIэр ихын* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 646].

ШЫБГ спина лошади [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 573]; шы щIыб, шытх. ■ *Бэдынокъуэ и гъащIэр ехь щIакIуэр и тепIэну, уанэр и пIэщхьагъыу, шыбгыр и шэтыру*. Нарт. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 765].

ШЫБГЪЭ грудь лошади; *шыбгъэ илъхьэн* осмеять, унизить *кого-л.* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 573]; шым и бгъэгу. ♦ **шыбгъэ зремыгъэлъхьэн** не давать себя в обиду. **Шыбгъэ илъхьэн** осмеять. **ШыбгъэкIэ хьын = шыбгъэ илъхьэн**. ■ *Иналым жеIэ: – А къомыр щыуэныгъэу къэлъыти еплъыт, шыбгъэкIэ уахьынщ, хэутэн уащIынщ*. КI.А. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 765];

ШЫБГЪЭЛЫГУБЭ грудь лошади [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 573]; шым и бгъэм телъ лы Iувыр [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 765];

ШЫПЛIЭ холка *(коня)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 577]; шым и пщэ къыхэкIыпIэ. ■ *ЛIыгъур Сэтэней дахэр къыдихри и шыплIэм дэсу къежьэжащ*. Ад. таур. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 768];

ШЫТХ 1. позвоночник лошади; 2. хребет, горная цепь [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 578];

ШЫЩХЬЭ 1. голова *(лошади);* 2. направление движения всадника; 3. *устар.* вертикальное положение бабки при игре в альчики; 4. *перен.* крупные куски твердой земли, оставленные неразрыхленными после пахоты и боронования [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 579]; шым и щхьэ. ■ *Шыщхьэр пIэщIэкIмэ, шыкIэм укIэлъымыбэнэж*. Псжь. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 769].

2. Шыр и ныбжь елъытауэ зэрызэхагъэкIыр

ШЫЩIЭ илъэсым нэсыху, зы илъэс зи ныбжь шы [Абазэ, Абазэ 2014: 33-34]; жеребёнок [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 579]; шым и щIэжьейм (и шырым) и ныбжьыр илъэс ирикъуху зэреджэр. *ШыщIэр джэгун. ШыщIэр и анэм щIэфын* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 770];

НЭБГЪЭФ илъэситIым къыщыщIэдзауэ щым нэсыху зи ныбжь шы (мы ныбжьым шым и сокури и кIэри еубгъу. ШыфI хъункIэ гугъэ уэзыгъэщIмэ, а лъэхъэнэм ирихьэлIэу и фIалъэр паупщI, быдэ хъун, зэгуэмычын папщIэ) [Абазэ, Абазэ 2014: 34]; жеребёнок двухлетнего возраста [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 333]; жеребенок от одного до двух лет / Илъэс-илъэситIым яку дэт ныбжь зиIэ шыщIэ. ■ *Ефэндым и шы къомри, а зы нэбгъэф цIыкIум нэхъ къыдэмынэу, къуэ куум къыдахужри къаугъуеижат*. Д.М. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 530];

КЪУНАЖЫН кобыла-трехлетка [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 285]; илъэс ещанэм ит шыщIэ (бзыуэ) [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 476];

КЪУНАН илъэсищ зи ныбжь шы (шым и уанэ телъхьэу ябжыр мы ныбжьыращ, абы нэмысауэ ушэс хъунукъым) [Абазэ, Абазэ 2014: 34]; жеребенок 2-3 лет, третьяк [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 285]; жеребенок-трехлеток, третьяк / Илъэсищым ит шыщIэ мыгъасэ (хъууэ). ■ *Къунанхэм пшагъуэ гуартэу Бгы щхъуантIэхэр яхъуэкIу*. КIу.Б. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 476];

ДУНАЖЫН кобыла-четырехлетка [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 91]; илъэсиплI зи ныбжь шыбз. *Дунажын хакIуапщIэ* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 127];

ДУНАН жеребец четырех лет [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 92]; илъэсиплI зи ныбжь хакIуэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 127].

ИлъэсиплIым щхьэдэха ныбжь зиIэ шыхэм фIэщыгъэ щхьэхуэ яIэу дрихьэлIакъым, ауэ Абазэ И. мыппхуэдэ ныбжьхэмрэ абыхэм зэреджэ терминхэмрэ къехь:

ЗИ СЭКIЭГЪУЭР БЛЭКIА илъэсиплI зи ныбжь шы;

ГЪЭРИТХУ илъэситху зи ныбжь шы;

ГЪЭРИХ илъэсих зи ныбжь шы;

ГЪЭРИБЛ илъэсибл зи ныбжь шы (шым и фIыгъуэ дыдэу ялъытэр гъэриблырщ);

ГЪЭРИЙ илъэсий зи ныбжь шы;

ГЪЭРИБГЪУ илъэсибгъу зи ныбжь шы.

А къэхутакIуэм (Абазэ И.) зэритхымкIэ, «егъэлеяуэ шы щIалэ (илъэсищ иримыкъуа) е егъэлеяуэ шыжь (илъэсипщIым фIэкIа) шыгъажэхэм хагъэхьэртэкъым. Нэхъыбэу шыр шыгъажэм зэрыхагъэтыр илъэситI къудейт, илъэсиблым къыщыщIэдзауэ илъэсибгъум нэсыхут» [Абазэ, Абазэ 2014: 34].

3. Гум щIащIэ/щIамыщIэ е къызэрагъэсэбэп елъытауэ шыхэр зэрызэщхьэщыкIыр

ВАКIУЭШ лошадь, запрягаемая в плуг [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 52]; иривэну щIащIэ шы, вакIуэр ирилэжьэну къигъэсэбэп шы;

ГУБГЪУЭШ степная *(дикая)* лошадь [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 59]; губгъуэм щхьэхуиту ит шы мыгъасэ;

МЭЗЫШ дикая лошадь [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 319]; шы мыгъасэ;

УАНЭШ верховая лошадь [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 442]; верховая, скаковая лошадь / Уанэм ирагъэса, шууэ къызэрагъэкIухь шы [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 646];

ШЫГУШ упряжной конь, рабочая лошадь [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 574]; гум щIащIэ, зэрылажьэ шы [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 765];

ЩIАЩIЭ *прил.* упряжной, запрягаемый; *шы щIащIэ* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 609].

4. Шым ехьэлIа хабзэхэм, шы хэту адыгэхэм ирагъэкIуэкIыу щыта дауэдапщэхэмрэ джэгукIэхэмрэ ехьэлIа лексикэр

ДЖЭДЫКIЭЕУЭ (ДЖЭДЫКIЭКЪУТЭ) мы терминым адыгэбзэм и псалъалъэхэм ущрихьэлIэркъым, ауэ Думэн Хьэсэнрэ Абазэ Ибрахьимрэ я лэжьыгъэхэм къыщахь. Нысашэм иращIэкIыу щыта дауэдапщэхэм шым къалэн ин щигъэзащIэу щытащ. ДжэдыкIэеуэри апхуэдэщ. «Фызышэр къуажэм къыщыдыхьэжым деж, хэгъэрейхэр япежьэрти, гъуэгум зэкIэлъхьэужьу джэдыкIэ тралъхьэрт. Фызышэм хэт щIалэхэм шым зэрытесым хуэдэу здэжэм фочкIэ джэдыкIэхэр якъутэрт. ДжэдыкIэеуэм къигъэлъагъуэрт хэт нэхъ шэрыуэми, IэкIуэлъакIуэми, шууейми. Хабзэр XX лIэщIыгъуэм и 30–40 гъэхэм кIуэдыжащ» [Думэн 2006: 50]. Абазэ И. зэритхымкIэ, «ДжэдыкIеуэ»-мрэ «ДжэдыкIэкъутэ»-мрэ зэщхьэщокI. «ДжэдыкIеуэ»-м ехьэлIауэ мыр етх: «Фызышэ шухэм нысэр къашэу къыщыдыхьэжкIэ къуажэбгъум, уэрамхэм деж джэдыкIэ щагъэтIылъырт. Шууейхэр абы фIэкIыну хуиттэкъым, фочкIэ еуэурэ ямыкъутауэ. КъызэтеувыIэхэрт, зэбгъурыту къэувхэрти чэзууэ щIэпхъуэхэурэ еуэрт, зы къэмынэу якъутэху. Аращ пасэрейм «зы джэдыкIэ зымыкъутэф фызышэ здашэркъым» щIыжаIар» [Абазэ, Абазэ 2014: 48]. «ДжэдыкIэкъутэ»-м ехьэлIауэ къэхутакIуэм итхыр мыращ: «МырикI джэдыкIэеуэм хэту ящIу щытащ Къэбэрдей лъэныкъуэмкIэ. ДжэдыкIэр шы лъакъуэмкIэ фкъутэ иджы жаIэрти, щIым зэфIэту джэдыкIэ зытIу къыхутрагъэувэрт. Шууейхэр зыр зым кIэлъыкIуэу ежьэрт лъэхъу-лъэущуи, шы лъакъуэмкIэ джэдыкIэр якъутэрт. Зымыкъутэфи къахэкIырт: хуимыгъэзэфу е джэдыкIэм и быдагъым пэмылъэщу (*джэдыкIэр зэфIэту пкъутэну гугъущ атIэ*). ДжэдыкIитI зэуэ зэ ежьэгъуэм зыкъутэр Iэзэ дыдэу къалъытэрт» [Абазэ, Абазэ 2014: 4-49]. ДжэдыкIэеуэр Абазэ И. шы зыхэт нэгъуэщI Iуэхугъуэми – «Псагъэеуэм» – хуехь. Мы терминым Абазэм и тхылъым нэмыщI нэгъуэщI, лэжьыгъэхэм дыщрихьэлIакъым;

ПСАГЪЭЕУЭ адыгэхэм псагъэеуэ лIэужьыгъуэ куэд къагъэсэбэпу щытащ. Абы щыщу псом нэхърэ нэхъапэу къалъытэрт шы жэрыжэм тету псагъэ

гъэнэхуа гуэрым утехуэныр. Псалъэм папщIэ, псагъэр пхъэм къыхэщIыкIауэ лъагэу яIэтырти шууейхэр зэкIэлъхьэужьу щIэжурэ еуэрт. <…> Шуджэгухэм деж псагъэ еуэ шууейхэм зыщагъасэрт икIи зэпеуэрт, я зэфIэкIыр къагъэлъагъуэрт. АпщIондэху абы еплъхэри теурт [Абазэ, Абазэ 2014: 44-45]. Абазэ И. къызэрилъытэмкIэ, «ДжэдыкIэеуэ»-р «Псагъэеуэ»-м хуэкIуауэ щытащ. Абы теухуауэ къэхутакIуэм етх: «джэдыкIэр псагъэ ящIын щIэхъуар зыгуэркIэ пыщIащ IутIыж (*Пасхэ*) жыхуиIэ тхьэлъэIум. Адыгэжхэр чыристэн диным щитам мартым деж «IутIыж» жари джэгушхуэ, ефэ-ешхэшхуэ ящIыжу щытащ. ДжэдыкIэеуэр абы къыщежьауэ е абы зыгуэркIэ пыщIауэ щIыхуэзгъэфащэр мыращ: «IутIыжщ» жари цIыхухэр ешхэт, ефэт, джэгу ящIырти, яужь дыдэ къихуэу псагъэ папщIэу джэдыкIэ ягъэувырти фочкIэ еуэрт. ТекIуэм къурмэн ящIа былымхэм я фэхэм щыщ иратырт. Сэджыкъу (*Суджук*) къалэ (*Новороссийск*) пэмыжыжьэу апхуэдэ джэдыкIэеуэ лIэужьыгъуэ 1818 гъэм адыгэхэм я деж щилъэгъуауэ жеIэжыр французз Тебу де Мариньи. Ар дыдэм щыхьэт тохъуэр 1837 гъэм мы хы Iуфэм Iус адыгэхэм я деж щыхьэщIа Эд. Спенсер» [Абазэ, Абазэ 2014: 48].

ШЫКIЭКЪЕШЭКI *этн.* вождение лицом к хвосту лошади *(древний адыгский обычай, связанный с судопроизводством. Если при разбирательстве какого-л. дела кто-л. выступил на суде лжесвидетелем и это обнаружилось, то, согласно обычаю, его сажали на лошадь или осла лицом, к хвосту и водили по селу)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 575]. Думэн Хь. зэритхымкIэ, шыкIэкъешэкIыр «жылагъуэ зэхэтыкIэм ехьэлIауэ адыгэхэм зэрахьэу щыта хабзэщ. ХеящIэхэм Iуэху щызэхагъэкIым щыгъуэ, зыгуэр щыхьэт нэпцIу увауэ ар иужькIэ къыщIэщыжамэ, апхуэдэр, хабзэм ипкъ иткIэ, и гупэр шыкIэмкIэ щыIэу шым е шыдым трагъэтIысхьэрти къуажэм къыщрашэкIырт. А хабзэм «ШыкIэкъешэкIкIэ» еджэрт» [Думэн 2006: 193];

ШЫНЫБЭГУЩIЭПЩ шыр щIэпхъуауэ здэкIуэм лIым зыкъригъэлэлэхт, шыныбэгу щIагъым щIэпщырти уанэгум къитIысхьэжырт. Хэти фIыуэ къыгуроIуэ апхуэдэ Iэмалыр бийм ущыпэщIэткIэ сэбэпышхуэ зэрыхъур, кърибгъэпцIэну, ирибгъэбэлэрыгъыну уасэ зэримыIэр [Абазэ, Абазэ 2014: 44]. Мы терминыр Абазэ Ибрахьим нэмыщI нэгъуэщIым къыхигъэкIыу е псалъалъэхэм иту дрихьэлIакъым;

ШЫПЭРЫТ нысашэ хабзэм щыщщ. Ипэ зэманым нысащIэм щIату щыта уасэм щыщ Iыхьэщ. Хабзэм къызэриубыдымкIэ, уасэм зы шы-уанэ зэтелъ хагъэхьэрт. Ар Iэмал имыIэу хъыджэбзым и анэ дэлъхум Iыхьэу иратырт. Шыр ауэ къызэрыгуэкIыу мыхъуу, хэплъыхьауэ щытын хуейт. Абы «ШыпэрыткIэ» еджэрт. Хабзэр XX лIэщIыгъуэм и 20 гъэхэм кIуэдыжащ» [Думэн 2006: 193];

ШЫЩIЭХУЭ *этн.* въезд в дом на лошади *(во время свадьбы любой мог въехать в дом на лошади. Девушки должны были привязать носовые платки к гриве коня. Обычай существовал до 60-х гг. 20 в.)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 579]. ШыщIэхуэр «адыгэ нысашэм хэта хабзэщ. Джэгу щекIуэкI унэм шым зэрытесу щIыхьэу щытащ. Унэм шыкIэ щIыхьэну хуитащ, ар гъуэгурыкIуэ ирехъу е хьэгъуэлIыгъуэм хъуэхъуакIуэ къэкIуауэ щрет. Унэм шууэ щIыхьэным «ШыщIэхуэкIэ» еджэу щытащ (еплъ «Шурылъэс» пс.). Джэгум хэт

хъыджэбзхэм шым бэлътоку кIэращIэрти, къыщIагъэкIыжырт. Хабзэр XX лIэщIыгъуэм и 60 гъэхэм кIуэдыжащ» [Думэн 2006: 194];

ШУРЫЛЪЭС игра-состязание пеших со всадниками [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; *жьы* шухэр шыхэм кърадзыхыну, модрейхэми зыкърамыгъэдзыхыну хэту, лъэсхэмрэ шухэмрэ зэрызэпеуэу щыта джэгукIэ (цIыху куэд къызэкIуалIэ дауэдапщэхэм ирихьэлIэу ящIт). ■ *Шурылъэсым шухэр щытекIуамэ, ахэм я нэхъыжьым и шыр унэм щIихуэрти, хъыджэбзхэм шыр ягъэщIэращIэрт*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 762]; Тхыдэдж Думэн Хьэсэн зэритхыжымкIэ, шурылъэсыр «адыгэ фызышэм хэта джэгукIэщ. Нысашэр пщIантIэм къыдыхьэжа иужь, щIалэгъуалэм гупитIу загуэшырт. Зы гупыр шым тест, адрейр лъэст. Шухэр нысащIэр здыщIаша унэм щIыхьэну яужь итт, лъэсхэм ахэр щIагъэхьэртэкъым. ЛъэныкъуитIми Iэщэ папщIэу баш, чы яIыгъти «зэзауэхэрт» НысащIэр зыщIэсым яфIыщIыхьашум фадэбжьэ иратырт, щIамыгъэхьамэ, лъэсхэм къахэжаныкIам ар лъагъэсырт. Шурылъэсым щIалэгъуалэр лъэрызехьагъэм, псынщIагъэм, Iэмалым хуигъасэрт. Хабзэр XX лIэщIыгъуэм и е 20-нэ гъэхэм кIуэдыжащ» [Думэн 2006: 191];

ШУУКIЭ ПЛЪАКIУЭ *этн.* страж свадебного кортежа *(согласно обычаю, в состав свадебного кортежа включали одного сильного, ловкого джигита на резвой и выносливой лошади. Он ехал последним. Если при возвращении у кого-л. срывали шапку и пострадавший не смог догнать похитителя, то страж – «шуукIэ плъакIуэ» должен был догнать его и отобрать шапку. Обычай в основном перестал существовать в 30-х гг. 20 в.)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; «Фызышэ кIуэ гупым шы жэр тесу зылI здашэрт. Фызышэр къыщыкIуэжкIэ, ар псоми я ужь иту къэкIуэжырт. Хабзэм тету зыгуэрым и пыIэр ирахьэжьауэ и шыр лъэщIэмыхьэмэ, ар кIэлъыщIэпхъуэрти къатрихыжырт. А шум «ШуукIэ плъакIуэкIэ» еджэрт. Хабзэр XX лIэщIыгъуэм и 30 гъэхэм кIуэдыжащ» [Думэн 2006: 194];

Шым ехьэлIа хабзэхэм, шы хэту адыгэхэм ирагъэкIуэкIыу щыта дауэдапщэхэмрэ джэгукIэхэмрэ ехьэлIа лексикэр семантическэ гуп нэхъ инхэм ящыщщ, абы къэхутэныгъэ щхьэхуэ тебгъэпсыхь хъунущ. ИщхьэкIэ щызэпкърытхахэм нэмыщI, мы гупым нэгъуэщI IуэхугъуэI, абыхэм я фIэщыгъэ термин куэд къызэщIеубыдэ. Апхуэдэхэщ: *пыIэеуэ, шыгъэудж, шу джэгу, шудэгъазэ, щIакIуэелъэ, шыкъелъэ, шуеIэбых, шудэкI, шыгъажэ, дафэзехьэ шыгъажэ, шхуэмылакIэ убыдыпщIэ*, н.

5. Шы зехуэным елэжь, шым пыщIэныгъэ хузиIэ цIыхухэм зэреджэ терминхэр

ХАКIУЭЗЕШЭ конюх, специально прикрепленный к жеребцам [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 474]; хакIуэхэр зыхуей хуэгъэзэныр, абыхэм кIэлъыплъыныр зи къалэн лэжьакIуэ. ■ *ХакIуэ пцIэгъуэплъым хакIуэзешэм фIэкI зыри игъэшэсыркъым*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 676];

ШАУЭ II погонщик лошадей *(во время сельхозработы)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 564]; щывэ, къитхъ щащI стыкIэ еуэурэ, текIиеурэ шыр зыгъакIуэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 756];

ШАУЭ-ВАУЭ погонщик лошадей и волов [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 564]; мэкъумэшым ехьэлIауэ зыгуэр щащIэкIэ шыхэмрэ выхэмрэ зыгъакIуэр. ■ *Мурат иужь иту адрей пхъэIэщиплIри ежьащ, шауэ-вауэхэм «ныуамрэ» «цобымрэ» зэкIэлъагъэпIащIэу*. Т.Хь. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 756];

ШУ I 1. всадник, кавалерист; 2. *в знач. прил.* кавалерийский; *шурэ лъэсрэ я зэхуакущ (погов.)* как между конным и пешим *(о большой разнице); шу цIахуцIэ* всадник на лошади без седла [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 570]; шым тес цIыху. ■ Нарт *шур гъуэгуанэ техьэмэ, зыхуежьам нэмысу къигъазэркъым*. Нарт. ♦ **Шурэ лъэсрэ я зэхуакущ** очень далеко [ему до него]. **шу гъусэ** спутник *кого-л.* (*на коне*); эскорт, сопровождающий верхом *кого-л.* / Шууэ зыгуэрым щIыгъуу зыщIыпIэ кIуэ цIыху. ■ *Шу гъусэхэр иIэу ЛIыгъур и хэкум къашэжащ*. КI.Т. Акъ.З. **шу закъуэ гъуазэ** *жьы* человек, ставший предводителем отряда, войска исключительно за боевые заслуги / ЛIыгъэ зэрыхэлъым, зауэхуэIэзэу зэрыщытым папщIэгъуазэу хах шу закъуэ. **шу зэтес** *еплъ* **шу I**. **шу табыр** *жьы еплъ* **шу табын**. **шу хьэлу** *жьы* чурек из просяной муки на сметане (*берут в дорогу*) / ШатэкIэ пща ху хьэжыгъэм къыхэщIыкIа хьэлу (куэдрэ зэрызэмыкIуэккIым къыхэкIыу, зекIуэ щежьэкIэ, гъуэгуанэ щытехьэкIэ гъуэмылэу къыздащтэрт). **шу цIахуцIэ 1.** всадник на лошади без седла / Уанэ зытемылъ шым тес. **2.** *зэхь*. всадник без оружия, снаряжения / Iэщэншэ шу [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 762];

ШУЖЬЕЙ *устар.* доблестный всадник [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; мэхъэша шу, шу хахуэ. ■ *Ди Сосрыкъуапцэр, ди лIыфIыцIэ гъущIынэр, ди емынэ шужьейр ... ди мыгъусэу дыкъежьэни хуеякъым*. Нарт. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 762];

ШУКIАПСЭ *устар.* название способа ведения боя группой всадников *(отступив после стремительного нападения, противников провоцировали на преследование и, рассеяв группу, уничтожали врагов по одиночке)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; япэм адыгэхэр зэрызауэу щыта Iэмал (шу гупым ятеуэрт, къыщIэпхъуэжхэрти, кIэлъыпхъэрахэр зэкIэщIэпхъауэ кIапсэлъэрышэ хъуа нэужь, зэуэ къраIуэнтIэкIти, зэрызурэ яукIхэрт) [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 762];

ШУКIАШЭ *устар*. всадник, прикрывающий отход *(при отступлении)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; къакIэлъыпхъэрахэм япэщIэувэн, ахэр зэтриIыгъэн щхьэкIэ зекIуэ, зауэ къикIыж шуудзэм, шу гупым я ужь ирагъэувэ шу хэплъыхьахэм ящыщ. ■ *ЛIыр щызэхыхьэм я пашэщ, шухэм щаунэтIым пэрыжэщ, Iыхьэр щагуэшми хэмыдэ, къыщагъэзэжми шукIашэщ*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 762];

ШУПЭХУТЭ (ШУУПЭХУТЭ) *устар.* дозорный всадник [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; зауэ IуэхукIэ гъуэгуанэ тетхэм (п.п. дзэр) здэкIуэхэмкIэ шынагъуэ щыIэрэ щымыIэрэ къихутэну зи пщэ илъ шу. ■ *Нэгъуейхэм я шупэхутэм Хьэсанш зыIуигъэщIащ*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 762];

ШУПЕЖЬЭ *устар.* всадник, встретивший гостей [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; къакIуэр (п.п. хьэщIэр) къригъэблэгъэну ирагъажьэ шу. ■ *ХьэщIэхэр шупежьэ хуащIри кърагъэблэгъащ*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999:762];

ШУШЭС всадник-воин [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571];

ШУУЕЙ джигит; лихой, искусный наездник, владеющий всеми приемами джигитовки [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; шы тесыкIэкIэ IэкIуэлъакIуэ, Iэзэ. ■ *Пэжщ, Къэбэрдейр фышууей лъэпкъщ*. Къ.З. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 763];

ШУУЕИЛI *устар.* джигит, наездник; *см. еще* **шууей** [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 571]; *жьы еплъ* **шуулI** [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 763];

ШУУЛI *еплъ* **шууей** [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 763];

ШЫБЗЫХЪУЭ табунщик племенных кобылиц [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 574]; шыбз гуартэм, шыбз хакIуэпщIэм пэрыт шыхъуэ. ■ *Шыхъуэхэр лIэужьыгъуэ зыкъому зэщхьэщокI: шыбзыхъуэ, лэгъупэжь, шыплъыр*. Б.ТI. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 765];

ШЫГУХУ возница, кучер, ездовой, извозчик, подводчик [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 574]; шыгур зезыхуэ, гущхьэIыгъ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 765];

ШЫПЛЪЫР «шы» (лошадь) + «плъыр» (сторож, охранник) = шым (шыхэм) и плъыр, шыр (шыхэр) зыхъумэ.

ШЫСЭКI скопец лошадей / Шы сэкIыныр зи IэщIагъэ цIыху [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 769]; «шы» (конь, лошадь) + «сэкIын» (кастрировать, выхолостить, оскопить) = шы зысэкI (езысэкI);

ШЫХЪУЭ табунщик [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 579]; шы гуартэ, хакIуэпщIэ зыгъэхъу цIыху. Колхоз шыхъуэ. **шыхъуэ пщылI** *жьы* батрак-табунщик / Шыхъуэу яIыгъ пщылI ■ *КъуийцIыкIу Тэнащхэ я шыхъуэ пщылIт*. IуэрыIу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 769].

ИщхьэкIэ къыщыдгъэлъэгъуа терминхэм шымрэ цIыхумрэ я зэхуаку дэлъ зэхущытыкIэ гуапэр, адыгэм и гъащIэм шым щиубыд увыпIэр къыхощ.

6. Шым и узыфэхэм зэреджэ терминхэр

ИКЪЭ болезнь лошади [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 170]; шыхэм къефыкI уз [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 313];

КIАБЛЭ II болезнь животных *(обычно у лошадей)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 192]; Iэщым (нэхъыбэрэ шым) къеуалIэ уз зэрыцIалэ. *Шыр кIаблэ хъуащ* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 331];

ЛЪАКЪУЭЛЪ ревматическое заболевание ноги у лошади [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 296]; шым и лъакъуэм къефыкI узыфэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 490];

ЛЪЭЖЬ название болезни лошади [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 301]; шым къефыкI узыфэ. ■ *Уи нэбгъэфым лъэжь пкърытщ*. Iуащхь. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 495];

ЛЪЭКЪЭБ вид плоскостопия у лошадей [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 301]; зи лъэгур щIым къигъэдзыхэу еIусэ, лъэгудыгъуэ иха зимыIэ (шым хужаIэ). *Шы лъэкъэб* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 495];

ПЭГЪУБЖЭ тяжелая заразная болезнь, начинающаяся внезапно; вертячка *(болезнь лошадей)* [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 347]; *вет.* вертячка (*болезнь лошадей*) / Шы уз зэрыцIалэ, псынщIэу и Iэзэгъуэ имыгъуэтмэ, шыр щхьэзэ хъурэ къытехуэрэ илIыкIыу. ■ *Шы и пIалъэ зыщIэхэм псынщIэу шы пэгъубжэр*

къыхагъэжри лъы фІейр кърагъэжрэ ягъэхъужу щытащ. ІуэрыІу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 551];

САП *вет*. сап *(болезнь крупного рогатого скота)* [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 397]; шым къефыкІ уз зэрыцІалэхэм ящыщ зы. *Япэм сапым шы куэд ихьу щытащ* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 605];

СЭКЪАУЭ вид болезни у лошадей [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 398]; **СЭКЪАУЭ** *еплъ* **сап**. Шым сэкъуауэ къоуз. ♦ **Сэкъауэ щІэкІын** быть позади, миновать (*о самом страшном*) [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 606];

УЭЛМЭ болезнь ног у лошади [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 444]; разновидность болезни ног у лошади / Шым лъакъуэкІэ къеуз узыфэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 648];

ФІЫНШЭ II заболевание лошади, раттуха [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 473]; шым къеуалІэ уз лІэужьыгъуэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 675];

ШЫНТІЫІУ *вет.* нарыв на спине *(у лошадей)* [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 577]; нарыв на спине у лошади (*чаще весной*) / Гъатхэм шым и щІыбым лъы къижу зэрыхъум ироджэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 768];

ШЫУНТІЭІУ *см.* **шынтІыІу** [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 578];

ШЫЩХЬЭЧЫНЧЭ заболевание у лошадей *(от укуса овода)* [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 579]; шы узыфэ (гъудэм и джэдыкІэхэр шым и фэ щІагъым щегъэтІылъри хьэпІацІэхупс щІещІэ, шым и тхьэкІумэр гуэлэлу къонэ). Шыр шыщхьэчынчэ хъуащ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 770];

ШЫІЭКЪУ *устар.* тот, кто следит за лошадьми во время привала [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 579]; гъуэгуанэ тет, зекІуэ кІуэ, къикІыж с.ху. зыщагъэпсэхукІэ яшхэм кІэлъыплъыну хаха цІыху. ■ *Куэдрэ пэмыту шыІэкъуу къагъэна Мусэ и деж гупыр нэсыжащ*. Д.М. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 770];

ШЫІЫГЪ коновод *(охраняющий лошадей во время боя)* [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 579]; коновод (*человек, которому всадники поручают охранять лошадей во время сражения, боя*) / Шыр зрагъэІыгъ, зрагъэхъумэ цІыху. ■ *Зыр шыІыгъыу къэдгъанэри, адрейхэр мывэхьэдзэ дурэшым дыдэтІысхьащ*. ІуэрыІу. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 770].

7. Шы Іэпслъэпсхэмрэ шым ирахьэлІэ хьэпшыпхэмрэ

Шым кІэлъызэрахьэу щыта хьэпшыпхэмрэ шы Іэпслъэпсхэмрэ къагъэхъу семантическэ гупыр нэхъ инхэм, термин нэхъыбэ дыдэ къызэщІэзубыдэхэм ящыщщ. Ахэр псори мы Іыхьэм и кІуэцІкІэ къыщытхузэщІэкъуэнукъым, а семнатическэ гупыр къэхутэныгъэ щхьэхуэ тебгъэпсыхьын хуэдизу зыубгъуащ, апхуэдэу щытми, абы щыщ термин зыбжанэм я мыхьэнэр дгъэнэхуэнщ:

БГЪЭИДЗЭ часть хомута / Шыпэидзэр зращІэу хамутыбгъэм ида фэ. *Гур бгы задэм щехым, бгъэидзэр зэрычащ* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 40];

БГЪЭРЫЩІЭ нагрудник у верховой лошади [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 38]; уанэр пымыкІуэтын щхьэкІэ, уанэпхъафэмрэ шыныбэпхымрэ къызэдиубыду шым и бгъэм къыфІэлъ фэ кІапэ. ■ *Дыжьын бгъэрыщІэмрэ дыжьынкІэ зэщІэгъэна уанэкъуапэ лъагэмрэ, мазэм и нурыр къыщытридзэм, кІыфІым хцжьц къыщызэщІэнащ*. Къэб. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 40];

ЖЬЭГЪУПС 1. сыромятный ремень, соединяющий плетку и ручку; 2. ремень, закрепляющий узду под подбородком лошади; 3. заклепка, с помощью которой укрепляется коса; 4. шнурок или ремешок, с помощью которых головной убор закрепляется под подбородком [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 118]; **1.** щІопщ тхьэмпэр щІопщыкъум зэрыпыщІа фэ псыгъуэ кІыхьыр. **2.** шхуэм, нахътэм жьэгъур ирищІакъузэу иІэр. **3.** пыІэр щхьэрымыхун щхьэкІэ жьэгъумкІэ ирищІапхэу иІэ кІапсэ цІыкІуитІыр. **4.** шэмэджыр нэхъ быдэ ищІу ираІулІ гъущІ кІапэ [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 179];

КЪАМЫШЫ плеть [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 220]; **къамышы** камча / Къу иІэу, и псыр кІэщІу шум шыр зэригъакІуэ; щІопщ. **къамышы тхьэмпэ** кожаный лепесток на конце камчи / Къамышым и кІапэм пыт фэ бгъуфІэ кІыхь. **къамышы Іэпэпс** петелька на конце рукоятки кнутовища камчи, надеваемая на запястье / Къамышыкъу кІапэм ищІауэ, ишауэ щыт кІапсэ кІэщІ зэрыдза (Іэр, Іэпэр ирауэ) [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 358];

КЪАМЫШЫКІ рукоять, кнутовище камчи / Къамышыпсыр зыфІэщІа къу; щІопщыкъу [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 358];

КЪАМЫШЫКЪУ *еплъ* **къамышыкІ** [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 358];

КЪАМЫШЫНАКІЭЛЪАКІЭ: къамышынакІэлъакІэ щІын избить *кого-л.* камчой [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 358];

КЪАМЫШЫРАБГЪУ *жьы* правый бок верховой лошади ■ *Шыгъуэжьу хьэм яшхыжын, къамышырабгъу кІашэ, шэсырабгъу соку*. Нарт. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 358];

НАЛ подкова; *нал щІэлъхьэн (щІэукІэн)* подковать [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 331]; **нал 1.** подкова / МыцІэнтхъуэн, хъума хъун щхьэкІэ шым и лъэгум щІаукІэ гъущІ. *Шым нал щІэлъхьэн*. **2.** набойка (*напр. металлическая*) / Шырыкъу лъэдакъэм е лъапэм щІаукІэ гъущІ кІапэ цІыкІу. *Шырыкъум нал щІэукІэн* [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 525];

ПЭЩІЭІУАНТІЭ шы емылыджхэм е зыпэмылъэщын шыхэм еІэзэн хъумэ, абыхэм я ІупщІакІэр дакъузэурэ зэраІуантІэу зэрагъэгъуэлъ Іэмэпсымэ [Абазэ, Абазэ 2014: 184]; **пэщІэІуантІэ** закрутка; *пэщІэІуантІэ етын* 1) сделать закрутку; 2) *перен.* сделать окончательный вывод; подбить бабки; подвести итог [Апажэ, КІуэкІуэ 2008: 355]; **пэщІэІуантІэ I** закрутка / Гур е пхырыр зэрыпха кІапсэр быдэу къуза хъун папщІэ зэраІуантІэ пхъэ кІапэ е гъущІ кІапэ. ■ – *НакІуэ, пхъэр къитхынщи дэтхынщ, – жиІащ си анэм, пэщІэІуантІэр къитІатэурэ*. Хь.Хь. ♦ **ПэщІэІуантІэ етын** 1) сделать закрутку, 2) *зэхь.* сделать окончательный вывод; подбить бабки; **пэщІэІуантІэ II** *бот.* вика заборная (*Vicia Sepium*) / Зи пащІэ цІыкІухэмкІэ гъунэгъу къэкІыгъэхэм зыкІэрызыщІэ, горохфм ещхь удз. *ПэщІэІуантІэр Іэщхэм фІыуэ яшх*. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 558].

ИщхьэкІэ къэдгъэлъэгъуахэм нэмыщІ, зи гугъу тщІы гупым нэгъуэщІ псалъэ, термин куэди къызэщІеубыдэ: *уанапІэ, уанащІэ, уанэ лъэгу, уанэ, уанэгу, уанэгурыпс, уанэгущхьэнтэ, уанэкъуапэ, уанэпхъафэ, уанэпхъэбжь, хамут, хамутбгъэпс, хамутжэрумэ, хамутнэкІулъ, хамуттебзэ, шхуэІу тхьэгъу, шхуэІу, шхуэІужъ, шхуэмылакІэ, шхуэнатІэпс, шы ІумпІэ*, н.

8. ЩIэжьей къыщIэхъуэн/къыщIэмыхъуэн и IуэхукIэ шыхэр зэрызэщхьэщыкIыр

Мы семантическэ гупым, ищхьэкIэ къэдгъэлъэгъуахэм еплъытмэ, шым ехьэлIа термину нэхъ мащIэщ къызэщIиубыдэр. Апхуэдэу щытми, шымрэ шы зехуэнымрэ ехьэлIа лексикэм зы Iыхьэ щхьэхуэу хоувэ.

АЛАЩЭ мерин [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 22]; хакIуэ сэкIа. ■ *Алащэ тыкъырым тесу Жэмал къэсри къепсыхащ*. Къ.Хь. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 24];

ХАКIУАПЩIЭ *см.* **хакIуэпщIэ** [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 474]; табун кобылиц с одним жеребцом / Зы хакIуэ зыхэт шыбз гуартэ. *Шыбз хакIуапщIэ*. ■ *ХакIуапщIэр Сосрыкъуэ ирихужьащ хигъэпщыну*. Нарт. [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 676];

ХАКIУЭ I жеребец [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 474]; шыбзым хагъэтын щхьэкIэ зэрахуэ шы мысэкIа. *ХакIуэ къарэ. ХакIуэр мэщыщ*. ■ *ХакIуэ бзаджэ и анэ хуэлъэщ*. IуэрыIу. ♦ **хакIуэр дэгъэкIуеин** подпустить жеребца к кобыле. **ХакIуэр еутIыпщын = хакIуэр дэгъэкIуеин** [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 676];

ХАКIУЭПЩIЭ 1. косяк лошадей; 2. трех-четырехлетний жеребец [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 474];

ШЫБЗ кобыла [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 574]; шы лъхуэ. *Шыбз гуартэ*. **шыбз хакIуэпщIэ** *еплъ* **хакIуэпщIэ** [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 765];

ШЫСЭКIА мерин [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 578]; «шы» (конь, лошадь) + «сэкIын» (кастрировать, выхолостить, оскопить) = шы сэкIа (есэкI) – «кастрированная лошадь»;

ШЫХЪУ мерин [Апажэ, КIуэкIуэ 2008: 579]; шыхэм ящыщу хъу сэкIа [Адыгэбзэ псалъалъэ... 1999: 769].

ИщхьэкIэ щедгъэкIуэкIа къэхутэныгъэм къызэригъэлъэгъуащи, шымрэ шы гъэхъунымрэ ехьэлIа лексикэр къулейщ. Ар ди лэжьыгъэм семантическэ гуп-гупурэ щыдугуэшащ, ауэ къыхэдгъэщхьэхукIыну дызыхунэсар псалъэм, термин нэхъыбэ къызэщIэзубыдэ гупхэрщ, сыту жыпIэмэ зы статьям и кIуэцIкIэ, абы къигъэув напэкIуэцI мардэхэм къриубыдэу, термин псоми уакъытеувыIэныр е семантическэ гуп псори адыгэбзэм и лексикэ куум къыхэубзыхукIыныр IуэхуI тыншкъым, апхуэдэ къалэни ди пщэ итлххьэжакъым. Псалъэм папщIэ, дэ къыхэдгъэкIахэм нэмыщI, гуп щхьэхуэ зэрогъэхъу:

– <u>шыхэр я плъыфэкIэ зэрызэщхьэщыкI лексикэр</u> (*брул, гъуэ, джэмыдэ, къарэ, къарапцIэ, къэбыфэ, тхъуэ,* н.),

– <u>шы лъэпкъхэм я фIэщыгъэхэр</u> (*абыкъу, агъэн, алъп, ачэтыр, есэней, жухьэр, куэкушаул, къураты, къэбан, хуарэ, щолэхъу,* н.),

– <u>шым и лъэщагъыр, бэшэчагъыр, жагъэр къэзыгъэлъагъуэ лексикэр</u> (*емылыдж, жагъыш, жьафIэ, жьей, жьэ быдэ, кIуафIэ, мыгъасэ, шыIурыщIэ*, н.),

– <u>шым увыIэпIэ хуэхъу щIыпIэхэмрэ псэуалъэхэмрэ къызэрыкI лексикэр</u> (*шэщ, шыгъэджэгупIэ, шыгъэсапIэ, шы фIэдзапIэ, шыIуэ,* н.)

– <u>шым е шы гъэхъуным ехьэлIа лэжьыгъэ къызэрыкI глаголхэр</u> (*шэсын, епсыхын, лъэхъэн, хэгъэпщын, шуун, щIэукIыкIын,* н.).

Мы гупхэр къыкIэлъыкIуэ къэхутэныгъэхэм щыдджыну ди мурадщ.

Лэжьыгъэм и кIэухыу мыр къыхэгъэщыпхъэщ: шымрэ шы зехуэнымрэ ехьэлIа псалъэхэмрэ терминхэмрэ зыныкъуэхэм деж я къалэнми мыхьэнэми зеубгъу, лъэпкъ зэхэщIыкIкIэ псыхьа мэхъу, абы щыгъуэми ахэр концептым хуокIуэ. Псом хуэмыдэу ар художественнэ текстым (нэхъыбэрэ усыгъэм), апхуэдэуи фразеологизмхэм, псалъэжьхэм, псалъэ шэрыуэхэм, жыIэгъуэхэм, зэкIэщIэпч мыхъу псалъэ зэпхахэм (идиомэхэм) хыболъагъуэ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазэ 2014 – *Абазэ И., Абазэ А.* Адыгэ-абазэ шы лъэпкъхэм и тхыдэ напэкIуэцIхэр. – Налшык: ООО «Тетраграф», 2014. – 256 н. (*Абазов И., Абазов А.* Страницы истории абазо-адыгских пород лошадей. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2014. – 256 с.) (на кабард.-черк. яз.).

Апажэ, КIуэкIуэ 2008 – *Апажэ М.Л., КIуэкIуэ Ж.Н.* Адыгэ-урыс псалъалъэ. Псалъэ 27000 нэблагъэ итщ / БищIо Б.Ч. и щIэныгъэ унафэм щIэту. – Налшык: Эльбрус, 2008. – 704 н. (*Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь: Около 27000 слов / Под науч. ред. Б.Ч. Бижоева. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 704 с.) (на кабард.-черк. яз.).

Думэн 2006 – *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр: этнографие терминхэм я псалъалъэ кIэщI. – Налшык: 1905 гъэм екIуэкIа Революцэм и цIэкIэ Полиграфкомбинат, «Эль-Фа» тхылъ тедзапIэ центр, 2006. – 216 н. (*Думанов Х.М.* Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г. Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 216 с.) (на кабард.-черк. и русск. яз.).

Адыгэбзэ псалъалъэ… 1999 – Адыгэбзэ псалъалъэ: псалъэ 31000 нэблагъэ итщ / Багъ П.М. и редакцэм щIэту. – М.: Дигорэ, 1999. – 852 н. (Словарь кабардино-черкесского языка: Около 31000 слов. – М.: Дигора, 1999. – 852 с.) (на кабард.-черк. яз.).

REFERENCES

ABAZE I., ABAZE A. *Adyge-abaze shy l"epk"hem i thyde napekIuecIher* [Pages of the history of the Abaz-Adyghe breed of horses] / Abazov I., Abazov A. *Stranicy istorii abazo-adygskih porod loshadej* [Pages of the history of the Abaz-Adyghe breed of horses]. – Nalchik: LLC «Tetragraf», 2014. – 256 p. (In Kabardino-Circassian).

Adygebze psal"al"e: psal"e 31000 neblag"e itshch / Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka: Okolo 31000 slov [Dictionary of the Kabardino-Circassian language: About 31,000 words]. – M.: Digora, 1999. – 852 p. (In Kabardino-Circassian).

APAZHE M.L., KIUEKIUE Zh.N. *Adyge-urys psal"al"e. Psal"e 27000 neblag"e itshch / BishchIo B.CH. i shchIenyg"e unafem shchIetu* [Kabardino-Circassian-Russian Dictionary: About 27,000 words / Under the scientific editorship of B.Ch. Bizhoev] / Apazhev M.L., Kokov Dzh.N. *Kabardino-cherkessko-russkij slovar': Okolo 27000 slov / Pod nauch. red. B.CH. Bizhoeva* [Kabardino-Circassian-Russian Dictionary: About 27,000 words / Under the scientific editorship of B.Ch. Bizhoev]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 704 p. (In Kabardino-Circassian).

DUMEN Kh.M. *Adygekhem ya dauedapshchekher: etnografie terminhem ya psal"al"e kIeshchI* [A Brief Dictionary of Ethnographic Terms of the Kabardino-Circassian Language] / Dumanov H.M. *Kratkij slovar' etnograficheskih terminov kabardino-cherkesskogo yazyka* [A Brief Dictionary of Ethnographic Terms of the Kabardino-Circassian Language]. – Nalchik: Republican Printing Plant named after the Revolution of 1905. El-Fa Publishing Center, 2006. – 216 p. (In Kabardino-Circassian and Russian).

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 82-1

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-251-268

ПОЭЗИЯ АЛИМА КЕШОКОВА В КОНТЕКСТЕ ГАЧЕВСКОЙ ТЕОРИИ УСКОРЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

З.А. КУЧУКОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: kuchuk60@list.ru

К.К. БАУАЕВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Б.А. БЕРБЕРОВ

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Аннотация. В 1960 гг. отечественный философ Г.Д. Гачев выдвинул теорию ускоренного развития, согласно которой младописьменные литературы, опираясь на классические образцы, в XX веке совершают прогрессивный рывок и включаются в мировой культурный процесс. Авторы статьи на материале поэзии Алима Кешокова рассматривают действенность гачевской теории на практике. В рамках онтологической поэтики выявляются многочисленные диахронические и синхронические нити, связывающие творчество кабардинского поэта с базовыми культурологемами античности, Средневековья, Просвещения, романтизма и социалистического реализма. Проводя историко-культурные и интертекстуальные параллели, авторы обращаются к произведениям Гомера, Вольтера, Роберта Бернса, Эдгара По, Федерико Гарсиа Лорки, Антуана де Сент-Экзюпери. Особое внимание в статье уделяется архетипическим сюжетам, игровой поэтике, аллюзиям, прямому и косвенному цитированию иностранных писателей.

Ключевые слова: Георгий Гачев; ускоренное развитие; Северный Кавказ; кабардинская поэзия; Алим Кешоков; интертекст; мировая литература; античность; Просвещение; романтизм.

ALIM KESHOKOV'S POETRY IN THE CONTEXT OF GACHEV'S THEORY OF ACCELERATED DEVELOPMENT OF LITERATURE

Z.A. KUCHUKOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: kuchuk60@list.ru

K.K. BAUAEV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

B.A. BERBEROV

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Abstract. In 1960 Russian philosopher G.D. Gachev put forward the theory of accelerated development, according to which young writers, relying on classical models, in the twentieth century make a progressive breakthrough and are included in the world cultural process. The authors of the article, based on the material of Alim Keshokov's poetry, examine the validity of Gachev's theory in practice. In the framework of ontological poetics, numerous diachronic and synchronous threads are identified that connect the work of the Kabardian poet with the basic cultural studies of antiquity, the Middle Ages, the Enlightenment, romanticism and socialist realism. Drawing historical-cultural and intertextual parallels, the authors turn to the works of Homer, Voltaire, Robert Burns, Edgar Allan Poe, Federico Garcia Lorca, Antoine de Saint-Exupery. Particular attention is paid to archetypal plots, game poetics, allusions, direct and indirect quoting of foreign writers.

Keywords: Georgy Gachev; accelerated development; North Caucasus; Kabardian poetry; Alim Keshokov; intertext; world literature; antiquity; Enlightenment; romanticism.

Любой художественный текст диалектичен по своей природе: одна его часть состоит из автохтонных, исконных, отечественных образов, отмеченных знаком этнической идентичности. Вторая же часть, как правило, на сознательном или бессознательном уровне «импортируется» художником из мировой литературы и в национально адаптированной форме навсегда поселяется в новой для себя художественной среде. Исключением не является и творчество классика кабардинской литературы Алима Пшемаховича Кешокова (1914-2001) – автора 17 романов и многочисленных поэтических сборников, переведенных на разные языки мира.

За прошедшие годы отечественными кешоковедами обстоятельно изучены вопросы, связанные с национальным своеобразием творчества кабардинского писателя, архетипическими основами его поэзии. Среди наиболее значимых научных работ следует назвать монографии М. Сокурова «Лирика А. Кешокова» (Нальчик, 1969), Ю.М. Тхагазитова «Адыгский роман» (Нальчик, 1987), А.Х. Мусукаевой «Северокавказский роман» (Нальчик, 1993), а также многочисленные статьи молодых исследователей – М.К. Шаковой, З. Баковой, Н.Б. Бозиевой, Л. Хежевой, А.Р. Боровой, З.С. Каскуловой, И.А. Кажаровой.

При этом интертекстуальный сектор художественного наследия А.П. Кешокова до сих пор остается вне исследовательского внимания. В данной статье поставлена цель – выявить и дать научное описание тем диахроническим и синхроническим нитям, которые связывают поэзию Алима Кешокова с инокультурными, инонациональными художественными текстами в мировом информационном пространстве. Без такого рода работы, соотнесенной с гачевской теорией ускоренного развития, невозможно идентифицировать закономерности развития кабардинской, и шире, северокавказской поэзии. В этом заключается актуальность данного исследования. Наша задача – показать культурообразующий механизм и природу интертекстуальности кешоковской поэзии, обусловленной факторами историко-литературного, культурологического, мировоззренческого порядка.

В процессе исследования в статье использовались сравнительно-исторический, системно-структурный и аксиологический методы научного анализа. В целях упорядочения разнородного художественного материала применялись логические принципы анализа – классификация, типология, обобщение, а также метод сплошной выборки с выявлением наиболее репрезентативных поэтических текстов. Здесь же в качестве «заметки на полях» хотим отметить, что наши наблюдения строятся исключительно на материале художественных переводов, вследствие чего возможна та или иная степень трансформации оригинальной мысли Алима Кешокова.

Теория ускоренного развития

Одним из фундаментальных достижений гуманитаристики XX столетия без всякой натяжки можно назвать научную концепцию отечественного философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008) об «ускоренном развитии литературы». Свою теорию автор строит на том, что изначально на «планете людей» существует определенная художественная ноосфера, сформированная письменными нарративами представителей развитых национальных литератур. Касаясь проблемы младописьменных народов, Г.Д. Гачев пишет: «Укоренное развитие наций и культур есть в наше время явление всемирно-исторического порядка. Многие народы Восточной Европы, советского и зарубежного Востока, Африки, Латинской Америки, задержавшиеся в силу тех или иных причин в своем развитии, в определенный момент (обычно это бывает в эпоху складывания наций) пробуждаются к новой исторической жизни, включаются в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно

продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то и перегоняя другие страны, народы и культуры» [Гачев 1989: 4].

Продолжая и развивая мысль ученого, можно отметить, что главным гарантом скоростного, форсированного прохождения всех промежуточных стадий, а также достижения вершинных жанрово-стилистических форм является наличие в национальной культуре «бурного гения», своего рода писателя-энциклопедиста, способного как «человек-оркестр» одновременно работать в разных направлениях и течениях. «Значение яркой творческой индивидуальности в молодых литературах тем более велико, что крупный художник слова, обладая сильным талантом, тонкой восприимчивостью мира, широтой кругозора, способен освоить эстетический опыт современности, воплотить свои художественные искания в новые для молодой литературы жанры» [Баков 2015: 108].

Проекция гачевской формулы ускоренного развития на северокавказскую историческую действительность позволяет воочию увидеть сходные закономерности развития национальных литератур и Юга России. Как справедливо отмечает Х.И. Баков, в 1917 г. «за политической революцией последовала культурная революция» [Баков 2015: 104], которая естественным образом активизировала всю систему текущих социокультурных процессов: появились национальные газеты, школы, библиотеки, вузы, книгопечатание, библиотеки, журналы, Союзы писателей. В постреволюционный период сам воздух, казалось, был напоен пассионарностью творческой молодежи. Многие из овладевших грамотой тут же брались за учительскую работу, одновременно на добровольных началах собирали фольклор, занимались практикой художественного перевода, пробовали себя в литературном творчестве, участвовали в театральных постановках. Судя по историко-литературным источникам, слово «ускорение» являлось определяющим знаком «нового времени». В очередной раз в этом нас убеждает биографический очерк литературоведа М.К. Шаковой, где «черным по белому» написано, что Алим Кешоков в 1931 г. окончил «восьмую *ударную ускоренную* группу Баксанской окружной с/х школы» [Шакова 2003: 212].

От античности до соцреализма

По Гачеву, для «бурного гения» характерно «стяженное» прохождение всего курса истории мировой литературы по ускоренной программе. В его условной «поэтической тетради» можно обнаружить множество экспериментальных стихотворений, где молодой «бурный» автор примеривает на себя роль античного философа, средневекового школяра-ваганта, шекспировского трагика, классика с его «диктатурой хорошего вкуса», просветителя, байронического меланхолика, критического реалиста, эстета, сюрреалиста, импрессиониста и др.

Поколение А. Кешокова было жадным до знаний. По воспоминаниям племянницы поэта, З.Р. Мальбаховой, «страстью Алима с раннего детства были книги, которые он читал запоем» [Личный архив З.А. Кучуковой]. Думается, любому автохтонному кавказцу близка античная литература хотя бы из-за

сложившейся традиции визуально соотносить громады Кавказских скал с титаническими героями древней эпохи. Особо теплые чувства у любого горца к «колыбели человеческой цивилизации» вызывает зафиксированный Гомером факт, что «Прометей был прикован к Кавказской скале», а также параллели между эпическим памятником «Нарты» и творениями античных авторов. Надо признать, все лирические герои А. Кешокова, произносящие заздравные «хохи» на родном кабардинском языке, чувствуют в душе некое античное начало.

Как гласит «Словарь античности», «гармония понималась греками как основная черта бытия вообще, как диалектическое единство борющихся противоположностей. Вместе с симметрией, порядком и мерой гармония определяет основы прекрасного» [Словарь античности 1989: 122]. В полном соответствии с приведенным философским положением написаны послевоенные стихи А. Кешокова, обозначенные 1945 г. их создания. Основная идея, заложенная в них, связана с окончанием освободительной войны с фашизмом, восстановлением пошатнувшегося миропорядка, победой гармонии, добра, красоты. Наиболее репрезентативным в этом отношении является кешоковское стихотворение с характерным названием «Наш дом». На конкретно-событийном уровне в данном сюжетном тексте речь идет о коллективном, соборном строительстве сельчанами нового дома для аксакала Машуко, чей сын «еще поныне воюет на чужбине» [Кешоков 1982: 48]. На символико-метафорическом уровне под «домом» подразумевается весь Кавказ, страна и космическое мироздание в целом, где усилиями всего прогрессивного человечества восстановлена поврежденная гармония. Представление о ритмике и поэтике стихотворения можно получить из приводимого нами отрывка:

Вот уже поднялись стены, вот и выросли стропила,
Вот полился в стекла окон день веселый, голубой.
Как тесать отрадно камни,
Разводить в ковшах белила,
Создавать очаг и двери украшать густой резьбой [Кешоков 1982: 49].

Следует воздать должное талантливому переводчику В. Цыбину, который в максимально возможной степени сумел передать античную маркированность, величавый слог и одический дискурс анализируемого стихотворения.

Кстати, космическая масштабность стиха А. Кешоковым мастерски подчеркивается специфическими натурфилософскими эпитетами, метафорами и сравнениями – «глава большой семьи», «март справляет новоселье», «словно старый дуб высокий», «весна – самый главный мастер», «полная луна взирает с высоты» и др. Возникает столь присущее античному мировосприятию ощущение нерасчлененного Космоса, где человеческое, природное и вселенское находятся в гармоничном единстве. В полном соответствии с античными гимническими песнями стихотворение А. Кешокова «Наш дом» завершается колоритным заздравным двустишием.

Заходи, чабан наш знатный, в дом с надеждой и весельем,
Полный рог махсымы выпей – и всегда счастливым будь! [Кешоков 1982: 49]

Если и далее рассуждать в рамках гачевской теории ускоренного развития литературы, то можно отметить, что Алим Кешоков с большим прилежанием и заинтересованностью «посещал уроки» средневековой литературы, выделив для себя в качестве фаворитных поэтических жанров пастурель, лирику трубадуров и балладу. Думается, особых трудностей у кабардинского поэта не возникло с процессом адаптации названных жанров к национальной почве, если учесть, что в устном народном творчестве северокавказских горцев уже были архетипические мотивы, связанные с «пастушьей» натурфилософией и рыцарским отношением к женщине. Принципиально новым жанровым образованием для северокавказской поэзии тех лет, пожалуй, являлась баллада, которая, зародившись в XIV веке в Шотландии, победным широкомасштабным шагом прошлась по всему цивилизованному миру.

Обращаясь к образцам западноевропейской лирики, А. Кешоков никогда слепо не копирует их поэтологические «каркасы», а творчески преломляет их в соответствии с собственной исторической эпохой и этническими традициями. Эту мысль можно проиллюстрировать на примере пастурели с «говорящим» названием «Пастушья шуточная песня». Согласно классическим канонам жанра, здесь присутствуют образы молодого пастуха, его возлюбленной и, самое главное, «идиллический топос – идеальный ландшафт» [Литературная энциклопедия… 2003: 727], на фоне которого разворачивается вся сентиментальная история.

Первые же строки кешоковской пастурели начинаются с описания хрестоматийной красоты кавказской природы: «ледяные зубья гор», «зеленеющий простор», «богатое пастбище», «травы стелются как шелк», «густые травы», «кудрявые ягнята». Идиллическая картина дополнена полным отсутствием примет внешнего конфликта – «Не грозят моим ягнятам // Ни орел, ни серый волк» [Кешоков 1982: 57].

Текст написан от первого лица в форме исповедального песенного монолога пастуха, обращенного к ягнятам. В ней он повествует о своей невесте, которая во многом оценивается с точки зрения советских идеологических критериев:

Пастухом я стану знатным,
В добрый час женюсь на той
Девушке с лицом приятным,
Со Звездою Золотой [с. 57].

Подведете пастуха –
Первого лишусь я места,
И другого жениха
Сыщет знатная невеста [Кешоков 1982: 58].

Как видим, кешоковские нововведения (реалии советской эпохи, диалог с анималистическими образами, социальный оптимизм, южнороссийская экосистема) наполняют эстетику провансальского лирического жанра новым содержанием, образуя что-то вроде палимпсеста: на поверхности – кавказский текст, а в глубинной основе – контуры западноевропейской лирики.

Такого рода кросс-культурные стихотворные модели в еще более рельефной форме характерны для любовной лирики Алима Кешокова. К ним, безусловно, относятся такие произведения как «Если с ангелом схожа жена бедняка», «Если женщина влюблена», «Женское лукавство», «Женский гнев», «Подобна ты маю», «Девушка-шофер», «Влюбленный». Касаясь любовной тематики и соединяя западное с восточным, кабардинский поэт в целом остается в рамках «адыгэ хабзэ» и своим аскетичным лирическим героям не позволяет совершать какие-то фривольности ни в мыслях, ни в конкретных действиях.

Но вместе с тем в поэтическом творчестве А. Кешокова обнаруживаются и исключения, которые своим «индексом эротичности» заметно выбиваются из традиционной северокавказской лирики, где вопросы, связанные с физиологией любви, строго табуированы в отличие от западноевропейской лирической традиции. Вот одно из таких подражательных стихотворений под названием «Заклинание неверной жены»:

Говорят, старый муж мой богат,
Он уехал вчера за долгами.
Плутоватые пусть не спешат
Должники расставаться с деньгами.

Хлещет ливень пусть сутки подряд,
Чтоб соседей глазастые окна
Он завесил собой и размокла
Перед мужем дорога назад.

Будь, безлунная ночь, потемней,
Окажи, молодой, мне услугу:
Я свидание милому другу
Вновь назначила в спальне своей [Кешоков 1982: 286].

Первое, что здесь сразу бросается в глаза, – явная интертекстуальная перекличка с «Неверной женой» [Гарсиа Лорка 1987: 104] испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки. Но если в случае с Лоркой это поэтизация и идеализация высокой космической любви, которая выше семейных, социальных, гендерных предустановлений, то для Алима Кешокова, воспитанного в строгих кавказских традициях, такого рода стихи являются литературной игрой, шутливой попыткой перейти дозволенные мировоззренческие границы, примерив на себя роль антиаскетичного, светского, куртуазного поэта, свободного от прежних условностей. Если

стихотворение «Заклинание неверной жены» можно воспринять как «привет» А. Кешокова своему испанскому собрату Лорке, то стихотворение «Когда блаженно не сходил с ума» – явное литературное приветствие Роберта Бернса с его знаменитыми строчками «Как будто ранняя зима // Своим дыханьем нашла два этих маленьких холма» из стихотворения «Ночлег в пути» [Бернс 1987: 80]. А. Кешоков, будучи большим мастером игровой поэтики, на «шотландский манер» создает кавказскую историю чувственной любви с сохранением пары-тройки узнаваемых образов из текста-предшественника:

Когда блаженно не сходил с ума
Хоть раз от женской близости в ночи
И не познал, как смуглых два холма
Бывают под губами горячи;

Когда не пил дыханья жарких уст,
Лица не прятал в шелк волос густой, –
Тогда не знал ты в жизни сильных чувств
И для тебя стихи – лишь звук пустой [Кешоков 1982: 287].

Баллада – еще один жанр западноевропейской лирики, который стал «полигоном» для художественных экспериментов кабардинского поэта. Ему опять чрезвычайно интересно проверить живучесть этого экзотического жанра на национальной почве. С этой целью он в свойственной ему манере на стыке иностранной формы и национальной тематики создает «Балладу о златокудрой», где речь идет о торжестве интернациональной любви, которая противостоит деструктивной силе войны. Здесь сразу хочется отметить, что балладный жанр с его выраженной фабулярностью, интенсивностью ритмического хода, увлекательностью сюжета навсегда полюбился северокавказским поэтам, каждый из которых апробировал его «темперамент». Достаточно вспомнить «Горную балладу» балкарского поэта Кайсына Кулиева [Кулиев 1976: 67], которая являет собой также один из примеров национальной модификации англо-шотландского лиро-эпического жанра.

«Баллада о златокудрой» – яркий пример кросскультурного художественного текста, где в единую точку стянуты кабардинское, польское, шотландское и русское. Фабулярная часть баллады сводится к тому, что мудрая горянка (мать главного героя), зная, что ее повзрослевший сын влюблен в златокудрую иноземку, предлагает послать к ее отцу сватов. Однако неожиданно грянувшая война перечеркивает все радужные матримониальные планы семьи, и молодой человек отправляется на фронт. Он попадает в Польшу, где ему суждено самому встретить свою златокудрую красавицу по имени Леонтина. Далее в самых лучших традициях шотландской любовной баллады с элементами «альбы» автор описывает кураж молодых во время романтической встречи:

Была средь девушек одна
Золотокудра и стройна,
А я был офицером.
И Леонтина до зари
Мои считала газыри.
Ах, был я кавалером!

И мне один лишь бог судья,
Что надевал черкеску я,
Красуясь перед пани.
Мы расставались у ольхи,
И голосили петухи
В предутреннем тумане [Кешоков 1982: 328].

Для финальной части баллады характерна неожиданная кинематографическая смена кадра, переносящая главного героя (уже седовласого известного поэта) в Польшу конца XX столетия. Здесь на него нахлынули воспоминания прошлых лет, польская земля ассоциируется у него с романтикой и в лице каждой встречной польки герой видит «черты прекрасной Леонтины» [Кешоков 1982: 329].

Сразу отметим, что как в идейно-философском, композиционном, так и стилистическом плане «Баллада о златокудрой» – одно из совершенных творений А. Кешокова. Во-первых, здесь любовь выступает как наиглавнейшая онтологически значимая ценность, способная противостоять войне. Если все люди, не взирая на расовую и национальную принадлежность, будут любить друг друга, то и войны исчезнут сами по себе с лица земли. Во-вторых, в данной балладе юноша олицетворяет Восток, Азию, Кавказ, а его партнерша – Запад, Европу, Польшу – такая немного аллегорическая параллель выводит историю влюбленных на уровень международной толерантности и диалога разносистемных культур.

Встреча двух этнокультур подкрепляется в анализируемом тексте и феноменом «лексических встреч». Северный Кавказ здесь представлен такими архетипическими выражениями как «мудрая горянка», «подкручивать усы», «надеть черкеску», «считать газыри». Приметы европейской культуры отпечатались в топониме «хуторок на Висле», эпитете «златокудрая красавица», перифразах «кавалер», «пани», «полячка». Эстетическую сторону стиха во многом определяет обилие антитез, поддерживающих хрупкую гармонию мироздания: война – мир, мужчина – женщина, отец – мать, жених – невеста, жизнь – смерть, ненависть – любовь, кавалер – пани, молодость – старость, ночь – рассвет.

Прием легкой иронии, который автор использует для характеристики войны, косвенно возвеличивает витальную силу любви и закладывает в подтекст баллады идею обоснованного социально-исторического оптимизма. В особенности это касается игривой строфы, где речь идет о соотнесенности «военного рубежа» и «свадебного кортежа».

Легли два мира на весы,
И я подкручивал усы,
Вдевая ногу в стремя.
И снова брали мы рубеж,
Где вряд ли свадебный кортеж
Проехал бы в то время [Кешоков 1982: 328].

Ключевая философская идея кешоковской «Баллады о златокудрой», связанная с победой гармонии над хаосом войны, поддерживается и безупречной техникой стихосложения, основанной на четырехстопном ямбе с рифмовкой по схеме **а а в с с в.** Переводчик баллады с кабардинского языка на русский – Яков Козловский, за плечами которого огромный опыт переложения произведений северокавказских авторов на русский язык.

Плоды Просвещения

«Алим» – в переводе с арабского означает «ученый», «просветитель». Словно оправдывая свое имя, Алим Пшемахович наибольшее внимание в своем многогранном поэтическом творчестве уделяет просветительской эстетике. Здесь вновь обратимся к научной работе Г.Д. Гачева, на этот раз к его монографии «Ментальности народов мира», где коротенькой формулой «Космо-Психо-Логос» [Гачев 2003: 34] автор вывел закон соотнесенности между экосистемой народа (любого), его темпераментом и его мыслительной системой в широком смысле, включая, в том числе, и художественную литературу. Этот посыл обуславливает зарождение этноонтологической поэтики, суть которой заключается в том, что каждый народ формирует собственный арсенал художественных средств в виде ключевых архетипических образов, которые и становятся словами-операторами для провозглашения особо важных философско-художественных истин.

При анализе поэтического наследия Алима Кешокова сразу бросается в глаза, что из всех мыслимых образов для обозначения ключевых просветительских концептов «тьма» и «свет», «невежество» и «культура» поэт прицельно выбрал столь близкие и понятные архаичному (да и современному) кабардинцу понятия «яблоня дикорастущая – яблоня окультуренная». Рассуждая в русле гачевского «Космо-Психо-Логоса», вряд ли мы ошибемся, если отметим, что вегетативная, «яблочная» антитеза, действительно, могла быть самой понятной для жителей Кабардино-Балкарской Республики, которая всегда славилась высокой садоводческой культурой, выращиванием многочисленных сортов яблок. Косвенным тому подтверждением является прошедший 9 октября 2019 г. в Нальчике гастрономический фестиваль, в ходе которого на центральной площади было составлено панно «Древо жизни» из 40 тонн яблок. Как отмечают региональные журналисты, «проект вошел в Книгу рекордов России как самое большое панно из яблок» [Таова 2019: 13].

Таким образом, для трансляции важных для него философских идей, связанных с идеологией Просвещения, А.П. Кешоков создал целый «садоводческий цикл» стихотворений. Как мы отметили выше, онтологическим метакодом в них выступает антитеза «дичка» и «привитая яблоня». Роль вспомогательных, периферийных образов в кешоковской поэтической системе играют «кислица», «оскома», «червивое яблоко», «белый налив», «боровинка», «зрелый плод», «незрелый плод», «корень», «ветвь», «ствол», «цветение», «урожай», «Мичурин» и т.д. К этому следует добавить целый раздел под примечательным названием «Маринкино яблоко».

У каждого поэта есть программное стихотворение, которым он, как правило, открывает свой сборник. О том, насколько для Кешокова был важен «фруктовый комплекс», мы можем судить по тому, что поэтический том его многотомника, изданного в 1982 г., начинается со стихотворения «Дикая яблоня».

Росли по склонам яблони-дички.
Плоды их были горькими все годы.
Но вот культурной яблони ростки
С любовью им привили садоводы.

Пуская корни вглубь, разросся сад,
Густые ветви расцвели на диво,
А там, глядишь, и яблоки висят!
Пришла пора их полного налива [Кешоков 1982: 7].

Поэт, за яблочными иносказаниями повествующий на самом деле о человеческой культуре и бескультурье, далее изображает судьбу одного-единственного дерева в саду, которое «осталось непривитым». Когда настало время убирать урожай, то плоды дикой яблони оказались невостребованными: они «кислые», «горчат», «от них оскома сводит рот» [Кешоков 1982: 7]. Выстроенная автором амебейная композиция позволяет читателю мгновенно природное перевести на человеческое и понять разницу между безграмотным, темным человеком и ученым, дарующим миру «плоды Просвещения».

Таким образом, автор поэтизирует и идеализирует мощную культурообразующую фигуру Садовника (Садовода), который выращивает новые сорта плодовых деревьев, следит за порядком в саду, охраняет его от сорняков и хищных птиц. Совершенно органично в «садоводческо-просветительский» цикл А. Кешокова вписывается личность главного в Советской стране биолога, селекционера, академика ВАСХНИЛ И.В. Мичурина (1855-1935).

При этом важно, что включая имя Мичурина в культурное поле национальной литературы, А. Кешоков не просто посвятил ему стихи одического типа. Ему важно показать, что «мичуринцев» стало много на Кавказе, поэтому он с добрым юмором изображает смешную ситуацию: внук-школьник принес домой плакат «седобородого садовода на фоне чудесного сада». Домочадцы сразу решили, что это портрет их родного деда – «тот же сад,

те же фрукты», да и внешность была сходной. Лишь затем они прочитали на обороте плаката фамилию «Мичурин» и поняли, кто на самом деле там изображен. Таким образом, произошла встреча общероссийского и национального, о чем автор пишет в финале стихотворения

По-кабардински все равно:
«Мичуринец» или «Мичурин»…
Пусть сердце радостью полно
И взгляд по-иному прищурен» [Кешоков 1982: 56].

В стихотворениях «Маринкино яблоко», «Садовник я», «Плакат», «Наш сад вознаградил нас за труды», «Подобно яблоке дикорастущей», «Садовод» ясно прочитывается мысль о том, что жизненная миссия любого садовника напрямую соотносится с миссией учителя, родителя, воспитателя. Корни этого метафорического сравнения восходят к философской повести французского просветителя XVIII века Вольтера «Кандид», где на вопрос странников, в чем заключается смысл человеческой жизни, турецкий философ отвечает: «Надо возделывать свой сад, ибо работа гонит от нас три больших зла: скуку, порок и нужду» [Вольтер 1954: 187].

По Кешокову, цепная реакция просвещения никогда не должна прерываться: каждый ученик, получивший достойное воспитание и образование, в идеале несет этот факел знаний и высокой культуры дальше и передает следующему поколению. Только так на земле можно установить законы разума и вселенской гармонии. Весь комплекс этих просветительских идей языком образных иносказаний передается в детском стихотворении «Маринкино яблоко».

Посадила яблоньку Маринка,
Зацвела весною боровинка.
И цветы, как белые снежинки,
Вскоре улетели с боровинки.
Боровинка ростом невеличка,
Будто бы Маринкино сестричка [Кешоков 1982: 130].

Так начинается стихотворение. И здесь обращает на себя внимание тот факт, что автор не ограничивается абстрактным «яблоня», но, конкретизируя, называет сорт «боровинка» – в этом проявляется особая поэтическая культура автора, стремящегося в процессе создания «второй реальности» передавать не просто идею о предмете, но и реалистическую фактуру этого предмета наряду с его цветом, объемом и запахом.

Далее по сюжету, юная героиня ухаживает за своей зеленой любимицей, поливает ее, заранее готовит корзинку для плодов. И хотя пессимистичные взрослые уверяли девочку в том, что в первую осень еще не следует ожидать плодов – «яблонька, что встала у порога, // Подрасти должна еще немного»

[Кешоков 1982: 131], на исходе лета девочка была за свои труды вознаграждена одним большим красивым яблоком.

С тонкой ветки на исходе лета
Яблоко единственное это
Прямо в руки спрыгнуло к Маринке,
Полежало в маленькой корзинке,
А потом его Маринка в школе
Ножиком разрезала на доли.
Всех своих подружек угостила
И мальчишек тоже не забыла.

Осенью у школьного порога,
Там, где начинается дорога,
Каждый из друзей моей Маринки
Тоже посадил по боровинке [Кешоков 1982: 131].

Налицо – обучающий слой стихотворения и его ярко выраженный воспитательный потенциал, связанный с идеями бесперебойного педагогического процесса, прогрессивного развития социума и трансляции духовно-нравственных императивов от поколения к поколению.

Здесь вновь напрашивается аналогия с зарубежной литературой, в частности, очевидно, перекличка между идеалами маленькой северокавказской «садовницы» и французского Маленького принца из одноименной сказки А. де Сент-Экзюпери, в уста которого автором вложены слова, ставшие цитатой мирового значения: «Есть такое твердое правило. Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная» [Сент-Экзюпери 1978: 20].

Планетарная тема не чужда Кешокову тоже. В мировой культуре можно насчитать десятки различных образных представлений о мести Земли в системе мироздания, ее размере и «опорных» конструкциях. Вот небольшой отрывок из художественной космогонии А. Кешокова, запечатленной в стихотворении «Плечо к плечу, товарищи мои!»

Миф древних горцев представлял я зримо:
Мне виделось близ облачных снегов,
Как три быка стоят неколебимо
И держат мир на острие рогов.

Теперь к иным склоняюсь представленьям,
И мне порою кажется в тоске:
Мир – это плод на дереве осеннем,
Повисший на ослабшем черенке [Кешоков 1982: 227].

Число «три» в мировой символике является знаком устойчивости. В особенности это апробировано носителями кавказской материальной культуры, которые давно ввели в обиход треножник для кухонных котлов, столы-треножники, табуретки и т.д. Думается, сам неровный горно-предгорный рельеф Кавказа предопределил любовь горцев к треножникам, выравнивающим «проблемную геометрию». К этому воззрению на «тройку» имеет прямое отношение первая строфа приведенного стихотворения, где автор рассказывает о «благополучном» отрезке из «биографии» Земли, когда она, согласно мифам, покоилась на рогах трех быков, твердо стоящих на ногах. В 1970-е годы, когда начинается пресловутая «гонка вооружений», автор пересматривает свое воззрение на «планету людей» и создает совершенно другой, трагедийный образ, показывающий, что мир находится на грани катастрофы. Для воплощения этой предупредительной мысли, как видим, он вновь обращается к своей фаворитной «садоводческой» семиотике и создает четкий визуалированный поэтический образ:

Мир – это плод на дереве осеннем,
Повисший на ослабевшем черенке [Кешоков 1982: 227].

Вне всякого сомнения, из всех литературно-художественных направлений самые глубокие корни на Северном Кавказе пустил романтизм. Недаром, многие отечественные художники еще в XIX веке ставили знак равенства между Кавказом и романтикой. Что касается Алима Кешокова, то начнем с того, что у него романтиком является сам лирический герой – максималист, сильная личность, болеющая душой за несовершенство мира, прилагающая невероятные усилия для того, чтобы воплотить в жизнь все свои социальные и этико-эстетические идеалы.

Словом «всадник» можно определить поэзию кешоковского романтического героя, который даже своим положением «в седле», «на коне» уже возвышен над «толпой», над «пешими». С эргономической точки зрения он видит больше, чем находящиеся на земле, на плоской равнине. Еще одна его особенность – устремленность вперед, высочайшая скорость передвижения по пересеченной местности. В традициях романтической эстетики автор, нередко обрисовывая характер героя, использует и фантастические элементы. Ярким тому примером является стихотворение «Путь всадника», где описывается «отважный наездник», который, «радугой космического света» взошел на «вечное небо и его «звездный след» получил в кабардинском языке название «Путь всадника» [Кешоков 1982: 42] по аналогии с «Млечным путем» в русской «астрономии». Даже на номинологическом уровне видны отличительные черты романтического всадника А. Кешокова – «На мчащемся коне», «На колхозных скачках», «Мой спутник», «Всадник в красном башлыке», «Поэт со своею посадкой в седле», «Кобылицы», «Колокольчик», «Перед атакой», «Схватка», «В пути», «Ветер», «Гонцы», «Строка, подобная стреле», «Тавро» и др.

Известно, что в конце XIX века особые успехи в наблюдательной астрономии, (в частности, изобретение мощных телескопов) предопределили появление в литературе США и Западной Европы специфической, научно-фантастической линии внутри романтизма. Речь идет о так называемых «лунных повестях». Логично, что люди, разглядывая через объектив ближайшую спутницу Земли, легко предполагали наличие на Луне «лунян». Одной из самых известных «лунных повестей» является произведение «Необыкновенные приключения Ганса Пфаалля», написанное американским романтиком Э. По в 1835 г.

О волнообразном развитии мировой культуры можно судить по тому, что через 127 лет аналогичная «романтическая» ситуация складывается на Северном Кавказе (и в Советском Союзе в целом) после полета Ю.А. Гагарина в космос. Научно-технический прорыв активизировал космическую тематику, стимулировал рождение научно-фантастического жанра в национальных литературах.

Одним из таких «лунных текстов» является лиро-эпическое стихотворение А. Кешокова «На астрономической станции», написанное в 1962 г. Структура его четко подчинена принципу романтического двоемирия по схеме «здесь-там», «низ – верх», «земное – небесное». Судя по тому, что стихотворение состоит из 12 строф, можно сделать вывод о числовой символике, намекающей на День Космонавтики, который отмечается 12 апреля.

«Культпоход животноводов на астрологическую станцию» – так кратко можно обозначить сюжетную линию анализируемого стихотворения. Реалистично передана автором общая атмосфера ликования воодушевленных граждан, каждому из которых хочется испытать «гагаринское чувство» прикосновения к звездному миру:

Старые табунщики и дети
К астрономам двинулись в поход,
Пусть же им ученые-соседи
В телескоп покажут звездолет [Кешоков 1982: 182].

Философскую сторону стиха А. Кешоков решает весьма оригинально: каждый из «экскурсантов», вглядываясь через объектив телескопа в просторы космоса, видит там именно те объекты, с которыми он профессионально связан на земле. Так, чабан в очертаниях луны видит «собрата с волкодавом»; колхозному повару примерещился «котел для плова»; взгляд телятницы зафиксировал, как «из ведерка воду пьет теленок»; доярка в белизне луны увидела Эльбрус, похожий на белый халат и т.д. Большую роль в эстетизации данной необычной истории, несомненно, сыграл авторский прием речевой характеристики героев, подчеркнувший особенности торжественной речи тамады, озорных шуток повара, лукавства чабана, кокетливости молоденьких доярок.

Таков Алим Кешоков – романтик, умеющий парадоксальным образом соединять колхозное с космическим, этническое с универсальным, романтическое с реалистическим.

Естественно, как представитель советской литературы, А. Кешоков отдал дань и социалистическому реализму – «творческому методу литературы и искусства XX в., познавательная сфера которого ограничивалась и регламентировалась задачей отражать процессы переустройства мира в свете коммунистического идеала и марксистко-ленинской идеологии» [Литературная энциклопедия… 2003: 1011]. С классовой позиции пролетариата написаны стихи А. Кешокова «Строителям новой жизни», «Привет, Москва», «Три колхоза», «Коммунист», «Люди коммунизма». Особенно впечатляет в этом плане лиро-эпический цикл «Собрание гор», полностью созданный в стилистике партийного собрания с соблюдением всех ритуально-регламентирующих моментов: «Эльбрус – председатель, Казбек – секретарь» [Кешоков 1982: 80], а также воспроизведением речи докладчиков, дискуссиями, решениями и постановлениями.

Давая оценку такого рода произведениям, следует отметить, что они также являются органической частью истории национальной литературы. Типологически сходные явления можно обнаружить в зарубежной художественной культуре, если обратиться к творчеству американских утопистов-трансценденталистов, которые стремились создать вдали от порочной европейской цивилизации «рай на земле, не основанный на принципах купли-продажи» [Зверев 1999: 195]. Духом революционной романтики пронизаны стихи многих европейских авторов, создавших интересные образцы гражданской лирики. Эти факты говорят о том, что социалистический реализм – это в определенном смысле чисто российское преломление «утопических уроков» всемирной истории и всемирной литературы.

На основании изученного материала можно сделать один логически взаимоувязанный трехступенчатый вывод. 1. Отечественный философ и культуролог Г.Д. Гачев в 60-е годы XX века выдвинул научную концепцию об ускоренном развитии национальных литератур. 2. Многоуровневое исследование всего гипертекста поэзии А.П. Кешокова с выявлением содержащихся в нем базовых интертекстем позволяет установить феномен стадиального, ускоренного освоения кабардинским художником всех эстетических систем мировой литературы, включая античность, Средневековье, Просвещение, романтизм, реализм (социалистический реализм). 3. Такого рода интертекстуальное «ученичество» новописьменной национальной литературы осуществляется благодаря переосмыслению архетипических сюжетов, постоянной коммуникации с мировой классикой, а также путем использования цитат, эпиграфов и приемов игровой поэтики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баков 2015 – *Баков Х.И.* К проблеме ускоренного развития младописьменных литератур // Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы

Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008). 24-26 октября 2014. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – С.104-109.

Бернс 1979 – *Бернс Р.* Ночлег в пути // Роберт Бернс в переводах С. Маршака. – М.: Правда, 1979. – С. 79-82.

Вольтер 1954 – *Вольтер.* Кандид // Вольтер. Философские повести. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1954. – С. 97-188.

Гарсиа Лорка 1987 – *Гарсиа Лорка Ф.* Неверная жена // Избранное / Пер. с исп. Сост. Н.Р. Малиновской, А.Б. Матвеева; Предисл. Н.Р. Малиновской; Коммент. А.Б. Матвеева. – М.: Просвещение, 1987. – С. 104-105.

Гачев 2003 – *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.

Гачев 1989 – *Гачев Г.Д.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. – М.: Худ. лит., 1989. – 431 с.

Зверев 1999 – *Зверев А.М.* Литература трансцендентализма // История литературы США. – М.: Наследие, 1999. – С. 180-182.

Кешоков 1982 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 4: Стихотворения и поэмы / Авториз. пер. с кабард. – М.: Худ. лит., 1982. – 494 с.

Кулиев 1976 – *Кулиев К.Ш.* Горная баллада // Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. I. Стихотворения и поэмы (1935-1961) / Пер. с балкарского. Вступит. статья Ираклия Андроникова. – М.: Худ. лит., 1976. – С. 67-69.

Литературная энциклопедия… 2003 – *Литературная энциклопедия* терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Личный архив З.А. Кучуковой.

Сент-Экзюпери 1978 – *Сент-Экзюпери А.* Маленький принц / Пер. с фр. Н. Галь. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1978. – 80 с.

Словарь античности 1989 – *Словарь античности* / Пер. с немецкого. Отв.ред. В.И. Кузищин. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.

Таова 2019 – *Таова А.* Гастрономический праздник и кулинарный рекорд // Газета «Горянка». № 40 (1049). – Нальчик, 9 октября 2019 г. – С. 13.

Шакова 2003 – *Шакова М.К.* Кешоков Алим Пшемахович // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – С. 210-217.

REFERENCES

BAKOV Kh.I. *K probleme uskorennogo razvitiya mladopis'mennykh literature* [To the problem of accelerated development of recently put into writing literatures]. IN: *Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoi kul'ture. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya literaturoveda, filosofa, kul'turologa G.D. Gacheva (1929-2008). 24-26 oktyabrya 2014* [National images of the world in artistic culture. Materials of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the literary critic, philosopher, culturologist G.D. Gachev (1929-2008). October 24-26, 2014]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»), 2015. – P.104-109. (In Russian)

BERNS R. *Nochleg v puti* [Overnight on the road]. IN: *Robert Berns v perevodakh S. Marshaka* [Robert Burns in translations of S. Marshak]. – M.: Pravda, 1979. – P. 79-82. (In Russian)

GACHEV G.D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world] – M.: Izd-vo Eksmo, 2003. – 544 p. (In Russian)

GACHEV G.D. *Neminuemoe. Uskorennoe razvitie literatury* [Inevitable. Accelerated development of literature – M.: Khudozh. lit., 1989. – 431 p. (In Russian)

GARSIA LORKA F. *Nevernaya zhena* [A cheating wife]. IN: Garsia Lorka F. *Izbrannoe* [Selected]. Transl. from Sp.; Compiled by N.R. Malinovskaya, A.B. Matveev; Preface N.R. Malinovskaya; Comment. A.B. Matveev. – M.: Prosveshchenie, 1987. – P. 104-105. (In Russian)

KESHOKOV A.P. *Sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 4: Stikhotvoreniya i poemy / Avtoriz. per. s kabard.* [Collected works: in 4 vols. Vol. 4: Poems and poems. Authorized translation from kabard.] – M.: Khudozh. lit., 1982. – 494 p. (In Russian)

KULIEV K.Sh. *Gornaya ballada* [Mountain ballad]. IN: *Sobranie sochinenii: v 3-kh tomakh. T. I: Stikhotvoreniya i poemy (1935-1961) / Per. s balkarskogo. Vstupit. stat'ya Irakliya Andronikova* [Collected Works: in 3 vols. Vol. I: Poems and poems (1935-1961). Transl. from Balkar. Introductory article by Irakli Andronikov]. – M.: Khudozh. lit., 1976. P. 67-69. (In Russian)

Lichnyi arkhiv Z.A. Kuchukovoi [Personal archive of Z.A. Kuchukova]. (In Russian)

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Ed. by A.N. Nikolyukin. Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS. – M.: NPK «Intelvak», 2003. – 1600 columns. (In Russian)

SAINT-EXUPERY A. *Malen'kii prints.* [A little prince]. Transl. from Fr. N. Gal'. – Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1978. – 80 p. (In Russian)

SHAKOVA M.K. *Keshokov Alim Pshemakhovich* [Keshokov Alim Pshemakhovich]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii. XIX – konets 80-kh gg. XX v. Biobibliograficheskii slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria. XIX – the end of the 80s XX century. Bibliographic Dictionary]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2003. – P. 210-217. (In Russian)

Slovar' antichnosti. [Dictionary of antiquity]. Transl. from German. Ed. by V.I. Kuzishchin. – M.: Progress, 1989. – 704 p. (In Russian)

TAOVA A. *Gastronomicheskii prazdnik i kulinarnyi rekord* [Gastronomic feast and culinary record]. IN: *Gazeta «Goryanka».* No 40 (1049). – Nalchik, October 9, 2019. – P. 13. (In Russian)

VOLTAIRE. *Kandid* [Candid]. IN: Voltaire. *Filosofskie povesti* [Philosophical novels]. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1954. – P. 97-188. (In Russian)

ZVEREV A.M. *Literatura transtsendentalizma* [Literature of transcendentalism]. IN: *Istoriya literatury SShA* [US Literature History]. – M.: Nasledie, 1999. – P. 180-182. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.512

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-269-279

А. ТЕППЕЕВ: ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

А.М. САРБАШЕВА

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alenasarb@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы творческого пути классика карачаево-балкарской литературы, известного писателя, драматурга, видного ученого, занимавшегося изучением национального фольклора и письменной словесности, Алима Теппеева. В работе впервые вводятся в научный оборот новые источники, на основе анализа которых удается отметить важные аспекты литературной деятельности писателя, целостно воссоздать картину творческой биографии, выявить особенности мировосприятия художника слова, умение мастерски воссоздавать исторически реалии в жизни этноса, определить степень их влияния на формирование национального сознания и характера. Отмечается круг художественных интересов автора, что характеризует многогранность таланта творческой личности. Определяется жанрово-тематический диапазон, национальная самобытность его произведений в историко-литературном контексте, выявляется своеобразие творческой индивидуальности. Особое внимание уделяется непосредственному взаимодействию с фольклором, что придает произведениям А. Теппеева поэтичность, художественную оригинальность. Раскрывается масштаб творчества, значение литературной деятельности писателя в эволюции национального художественного сознания второй половины XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: Алим Теппеев; карачаево-балкарская литература; творческая биография; эволюция.

A. TEPPEEV: WRITER'S CREATIVE BIOGRAPHY IN THE HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT

A.M. SARBASHEVA

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: alenasarb@mail.ru

Abstract. The article discusses the main stages of the creative path of the classic of Karachay-Balkarian literature, a famous writer, playwright, a prominent scientist who studied national folklore and written literature, Alim Teppeev. For the first time, new sources are introduced into the scientific work, based on the analysis of which it is possible to note important aspects of the literary activity of the writer, integrally recreate the picture of the creative biography, reveal the peculiarities of the artist's worldview of the word, the ability to masterfully recreate the historical realities in the life of the ethnic group, determine the degree of their influence on the formation of the national consciousness and character. A circle of artistic interests of the author is noted, which characterizes the versatility of the talent of a creative person. The genre-thematic range is determined, the national identity of his works in the historical and literary context, the originality of creative individuality is revealed. Particular attention is paid to direct interaction with folklore, which gives poetry of A. Teppeev poetry, artistic originality. The scope of creativity, the significance of the literary activity of the writer in the evolution of national artistic consciousness of the second half of the 20th and beginning of the 21st centuries are revealed.

Keywords: Alim Teppeev; Karachay-Balkarian literature; creative biography; evolution.

Алим Теппеев (1937– 2010) – талантливый прозаик и драматург, мастер художественного слова, чьи произведения вошли в золотой фонд национальной литературы народов Северного Кавказа. Некоторые аспекты творчества писателя рассматривались в научных изысканиях региональных и отечественных литературоведов З. Толгурова, Ф. Урусбиевой, Т. Биттировой, А. Мусукаевой, К. Султанова, Ж. Кулиевой, А. Сарбашевой, А. Болатовой и других. В данной статье мы задаемся целью изучить вехи творчества художника, определить его роль в эволюции художественной мысли второй половины XX – начала XXI вв. Значимость исследования заключается в том, что оно способствует популяризации литературного наследия А. Теппеева на современном этапе, содействуя тем самым культурной преемственности поколений. Методологической основой работы является принцип историзма, способствующий объективному рассмотрению творчества писателя в эволюционном развитии.

Алим Теппеев принадлежит поколению, как писал сам, «опаленному войной и геноцидом», которому пришлось пройти через испытания, сопряженные с историческими перипетиями в жизни не только своего народа, но и всей страны. Наделенный от природы высоким художественным даром, он сумел достойно преодолеть выпавшие на его долю тяготы судьбы и достичь высот литературного олимпа. С 1971 года – член Союза писателей СССР, в 1982 г. назначается секретарем Правления Союза писателей КБАССР, в 1991 году избирается на должность председателя балкарской писательской организации КБР, является сопредседателем Правления Союза писателей КБР. В 1996 году за роман «Мост Сират» удостоен Государственной премии КБР, а в 1997 году присуждается высокое звание народный писатель Кабардино-Балкарии.

Творческая биография Алима Теппеева начинается в постдепортационный период. Реабилитация репрессированных народов (1956-1957), в том числе и балкарского, явилась новой вехой в истории национальных литератур. Существенное обновление социальной культуры балкарского народа

«не могло не привести к переоценке эстетических ценностей, к формированию иных представлений о сущности искусства, его специфических законов» [Толгуров 1974: 10]. В такой духовной и общественной атмосфере формировались отличительные черты и особенности литературного процесса: возникает необходимость отвечать на сложные социально-политические вопросы, осмыслить события и время, обостряется эстетическое восприятие, развивается способность к постижению художественной правды.

Фактор возвращения и обретения Родины способствует пополнению рядов балкарских поэтов и писателей старшего поколения молодыми талантами. Вторая половина XX века ознаменована появлением новой плеяды художников слова: А.Теппеев, З.Толгуров, Э. Гуртуев, И. Бабаев, М. Мокаев, Т. Зумакулова, С. Гуртуев, Ж. Токумаев, Б. Гуляев, И. Боташев, Х. Шаваев, А. Байзуллаев, А. Созаев и др., которые, «придя в литературу в самый нелегкий период развития, сумели встать рядом с ее зачинателями и определить пути дальнейшего ее развития» [Теппеев 1999: 3]. Остро ощущая бремя пройденного пути, «ее кручи, дорожные версты», Алим Теппеев с гордостью отзывается о своем поколении, безапелляционно называя его золотым. Благодаря художественному мастерству названных писателей формировалось жанровое и стилевое богатство балкарской литературы в означенный период. По сути, зародилась подлинно реалистическая, многоаспектная проза, возродилась драматургия, уверенно заявили о себе литературная критика и наука.

Начальный этап творческого пути Алима Теппеева непосредственно связан с поэзией. Литературным творчеством он увлекался со школьных лет. Первые поэтические сочинения были написаны на киргизском языке и напечатаны на страницах районных и областных газет в Киргизии «Къызыл эгинчил» («Красный пахарь»), «Ленинчи жаш» («Ленинская молодежь»). «Пройдя тяжкий путь познания, воспитывая в себе чувство ответственности перед поруганным народом» [Теппеев 1999: 3], А. Теппеев активно включается в литературный процесс. После возвращения на родину начинает публиковаться в коллективных сборниках стихов («Слово брата» (1957), на страницах альманаха «Шуёхлукь» («Дружба»), газеты «Коммунизмге жол» («Путь к коммунизму»). В 1959 году издается первый поэтический сборник А.Теппеева «Жаным – сенсе» («Ты моя душа»). Творчество молодого поэта пронизано мотивами безмерной радости и вдохновения, уверенностью и стремлением к новым жизненным высотам, энтузиазмом, желанием преодолеть все сложности и невзгоды и быть полезным своему многострадальному народу:

Ташны сыгъып, сют чыгъаргъан кезиуюм,
Ташлы жол деп, тарыкъмагъан кезиуюм.
Къанат къагъып, арымайын-талмайын,
Тёлюм бла таудан аугъан кезиуюм [Теппеев 2016: 32].

Время, когда выжимаю из камня молоко,
Не сетуя на тернистый путь,
Взмахом крыла, без устали,
Покоряю (преодолеваю) горы со своим поколением

(Подстр. пер. и далее наш – *А.С.)*

Несмотря на молодость, лирический герой лишен характерного для его возраста максимализма, он требователен к себе, жаждет творческого познания, духовного совершенства:

Къадарым, сен ажашдырма тюзлюкден,
Умутладан – жашлыгъыма жарарча.
Кёзлерими ётгюр, жарыкь этгин сен,
Заманыма дайым жютю къарарча [Теппеев 2016: 122].

Судьба, не лишай справедливости,
Надежды, необходимой для молодости,
Чтоб глаза мои были смелы и светлы,
Чтобы зорким взглядом смотреть на время свое.

А. Теппеев уверенно пробует свое перо и в крупном жанре лирики – он создает поэмы «Къартны насыбы» («Счастье старца», 1959), «Ныхытла башы» («Труднодоступная вершина», 1959), «Аманатха – хыянат» («Не оправдать доверие», 1960), «Къурч комиссар» («Железный комиссар», 1988), «Тызыл» (1996), отдельной книгой издается повесть в стихах «Жаннетни къызы» («Дочь Жаннет», 1966).

Многие стихи А. Теппеева при жизни оставались «раскиданными» по страницам различных сборников, газет и журналов, местной периодики, коллективных сборников и антологий, что отдаляло их от читательской аудитории. Задуманное автором издание отдельного поэтического сборника стихов «Мен да жашадым бу дунияда» («И я жил на этой земле». Нальчик, 2016), к сожаленью, было осуществлено после его смерти.

Литературное наследие А. Теппеева отчетливо дает понять, что в творчестве писателя приоритетное место занимают прозаические произведения, особое внимание уделяется и драматургии, в то время как поэзия отходит на второй план. Такое соотношение жанров в творческом арсенале автора обусловлено субъективным фактором, сопряженным с литературной ситуацией, сложившейся в постдепортационный период, интерпретируемый как этап возрождения духовной культуры балкарского народа.

А. Теппеев осознавал необходимость совершенствования прозаического и драматургического направлений, поскольку они в понимании писателя, «пребывали в зачаточном состоянии, оставаясь в пределах черно-белого прагматического отображения жизни. Эти важнейшие области общего литературного развития требовали большой отдачи, новых художественных открытий» [Очерки истории… 2010: 664]. Развитие балкарской прозы 1960-х годов определялось благотворным взаимодействием национальных культур. Успех литературы на отмеченном этапе во многом был обусловлен тем, на какой эстетический уровень она ориентировалась. Связь с художественной культурой других народов, ее освоение явились бесценным источником, питающим национальную словесность, дающим ей возможность соединять в

себе общее и особенное, и что очень важно – удовлетворить художественно-эстетические потребности национального читателя, возмужавшего на лучших достижениях иноэтнических литератур. Значимость яркой творческой индивидуальности в обозначенный период была велика, поскольку «художник слова, обладая сильным талантом, тонкой восприимчивостью, мира, широтой кругозора, способен освоить эстетический опыт современности, воплощая свои художественные искания в новые для молодой литературы жанры» [Баков 1994: 27]. Наряду с такими писателями, как З. Толгуров, М. Батчаев, Э. Гуртуев и другими, Алим Теппеев выступает в роли реформатора национальной прозы.

В первом романе А.Теппеева «Отлукъ ташла» («Кремни», 1968) смело преодолевается нормативный принцип создания характера, художественного изображения действительности. Писатель одним из первых нарушает устоявшийся стереотип поляризации действующих лиц строго по социальному статусу. Поступки действующих лиц произведения не регламентируются авторским «веленьем», как было принято в творчестве писателей старшего поколения. Действия героев обусловлены жизненными обстоятельствами, миропониманием, особенностями характера, уровнем мышления и т.д. Писатель акцентирует внимание не столько на противоречиях и столкновениях между разными общественными слоями или классами, сколько на внутренних коллизиях одной социальной группы. Центральные фигуры произведения – молодые люди, страстно увлеченные поисками новых жизненных дорог. Роман «Кремни» быстро находит своего читателя, который «оказался в мире острых страстей, мире прекрасной, неповторимой молодости, в мире искателей» [Бабаев 2006: 24].

Как показывает практика, в национальных литературах 1970-х годов начинается острая и бескомпромиссная борьба с теорией бесконфликтности, которая, как известно, исключала из искусства реальные жизненные противоречия. И поэтому «новый литературный период ознаменовался прежде всего борьбой за правду в изображении реальной жизни в главном и в мелочах» [История русского… 1965: 154-155]. Авторы задумываются над вопросами недавнего прошлого и современности, над проблемами взаимоотношений личности и государства, по-новому осмысливают ушедшее прошлое, начинают исследовать жизнь во всем многообразии, необычайной сложности и противоречивости, ищут ответы на актуальные вопросы социального бытия и истории.

В 1971 году издается повесть Алима Теппеева «Кюн батмайды» («Солнце не заходит»), в которой четко обозначаются приоритеты творческой деятельности автора – связь поколений, ответственность человека перед временем, художественное осмысление народного характера и духа. Писатель задается целью выявить нравственный потенциал своих героев, что определяется степенью их близости с национальными истоками. Главный герой повести Хамзат как носитель народной философии, познавший основы народной мудрости представлен нравственным образцом для подражания подрастающего поколения. С целью «глубокого осмысления и воплощения жизненного содержания» [Мусин 1979: 216] писатель обращается к

устнопоэтическим традициям. В контексте повествования прослеживается непосредственное влияние фольклора, в котором окружающий мир полностью слит с миром героя. Лейтмотив повести «Солнце не заходит» А. Теппеева – мотив единства человека и природы – находит яркое воплощение в художественном произведении.

В очередной повести «Тузлу гюттю» («Пересоленный чурек», 1973) А. Теппеев подвергает строгому осуждению принципы руководства, основанные на достижении цели любыми способами и средствами. Писатель стремится показать эволюцию сознания жителей горного аула в процессе коллективизации сельского хозяйства, постепенное преодоление собственнического инстинкта, выявить, как общественные тенденции и противоборствующие силы объективного и субъективного характера скрещивались в конкретных человеческих судьбах, как личность выражала себя в них и социально, и нравственно. Новаторские тенденции прослеживаются не только в новом, трезвом переосмыслении периода начала коллективизации в жизни народа, но отчетливо выражаются в характере конфликтов, «в самом характере поэтического мышления писателя, в его способности осмыслить время, человеческие судьбы с точки зрения передовой философии эпохи, в его умении и поддержать жизненно необходимое, обрушить удары на то, что мешает движению и развитию» [Якименко 1978: 108].

Талантливо освоив «вторую профессию», во второй половине 70-х годов XX века А. Теппеев также прочно утверждается в драматургии своими произведениями. Данное обстоятельство было воспринято научно-критической мыслью как закономерное явление, обусловленное идейно-художественными особенностями его произведений. В частности определяющую роль в творческом перевоплощении писателя сыграла его проза, которая, «… заметно тяготеет к воплощению драматических моментов истории и человеческой судьбы в их взаимодействии, к вскрытию сложной диалектики человеческих проявлений, к анализу сущностных начал жизни человека и общества, … примечательна достигнутым соотношением раздумий и высоких страстей, монологов и поступков, описаний и событий, которые находят себе адекватное применение в драматургии» [Урусбиева 1981: 240].

Акцентируя творческое внимание на насущных проблемах современного сценического искусства, которые заключались в первую очередь в создании оригинальных пьес, А. Теппеев пополнил репертуар национального театра новыми драматургическими произведениями, тематический диапазон которых широк: в одних пьесах воплощаются реалии современности, художественно интерпретируются нравственные проблемы в обществе («Честь», 1971; «Камень на дороге», 1973); в других изображаются заметные страницы в истории народа: индустриализация, электрификация республики («Твой свет», 1976), коллективизация в 30-е годы XX века («Коммунист», 1978).

Параллельно с драматургическим творчеством Алим Теппеев продолжает плодотворно работать в крупном эпическом жанре. В последующем романе А. Теппеева «Ташыуул» («Страда», 1976) художественному осмыслению подвергается военная тематика в нравственно-философском аспекте. В 1985

году он был издан в Москве в авторизированном переводе с балкарского языка И. Каримовым как «Тяжелые жернова». В словах «Но жернова дробили зерна, и продолжал пылать огонь» (Кулиев К.), послуживших в качестве одного из эпиграфов к роману, таилась основная идея произведения. Писатель, рассматривая человеческие судьбы в драматический для народа период оккупации фашистами селения Жамауат, исследует психологию людей, трансформацию этнического сознания в экстремальных обстоятельствах. Одним из важных факторов, определяющих мужество и непоколебимость воли героев романа перед жестоким врагом, является верность этническим истокам. Писателю удается в контексте исторических событий раскрыть преемственность героических и патриотических традиций, заложенных в духовных недрах народа. А. Теппеев в русле общего идейного роста всего литературного процесса объективно и обоснованно решает сложнейшие художественные задачи, что служит очевидным признаком творческой зрелости автора. Художник слова, не обходя острые и социальные проблемы в моменты исторических переломов, фокусирует внимание на проблемах отбора всего жизнеспособного в национальном опыте, художественного изображения процесса «слияния человека с историей», динамики национального характера.

Неупрощенное представление о диалектике национального и социального в исторических перипетиях в начале XX века (революция, гражданская война) демонстрируется и в очередном романе «Азатлыкъ» («Воля», 1981), в котором автору удается показать героя «во всей полноте обстоятельств, не только общественных, исторических, но и личных, в «движении» его собственной судьбы» [Джамбинова 2003: 63].

В 1970-1980-е годы писатель активно работает и в малых жанрах. В означенный период издаются сборники рассказов, повестей и пьес на балкарском и русском языках (Твой свет. М., 1977; Гуппур Геуюзню кёпюрю (Мост горбатого Геуза). Нальчик, 1978; Яблоки до весны. М., 1983; Адамны ичер сууу (Горькое земное питье). Нальчик, 1984; Жарыкълыкъ китабы (Книга радости). Нальчик, 1987; Сангырау къол (Глухой овраг). Нальчик, 1990). Автор пытается художественно изучить мотивы социально-нравственных преобразований, способствующих формированию характера героя. Непосредственное взаимодействие с национальными истоками, фольклором в частности, придает произведениям А. Теппеева поэтичность, эстетическое своеобразие. Сборники отличаются тематическим разнообразием. Если в рассказах «Яблоки до весны», «Белый ягненок с травинкой во рту» красной линией проходит тема войны, то в повести «Дорога в девять дней» поднимаются философские вопросы жизни и смерти, смысла жизни, проблемы нравственной деградации одних героев и духовного совершенства других. В центре авторского внимания – актуальная в литературе проблема искалеченного войной детства, которая рассматривается «в ракурсе взаимоотношений поколений, их преемственности, определения нравственных истоков характеров» [Мусукаева 1984: 4]. Несмотря на преобладание фольклорно-романтического стиля над реалистическим повествованием,

большая часть произведений привлекает читательское внимание глубоким психологизмом образов.

Одной из приоритетных проблем в творчестве А. Теппеева, как и у многих писателей, явилось осмысление народной трагедии – депортации. Сам факт непосредственного участия в историческом процессе выживания народа в столь экстремальных условиях, с одной стороны, с другой – нелегкая стезя художника слова «обязали» национальных писателей обратиться к трагическим страницам этнической истории, что позволило ощутить глубину драматизма и трагизма изображаемой эпохи. В трагедии «Тяжкий путь» (1990) через художественное осмысление жизни основоположника балкарской литературы Кязима Мечиева А. Теппеев восходит до уровня раскрытия судеб многих народов, подвергнутых столь тяжким испытаниям. Драматург акцентирует свое внимание, в первую очередь, на скрытых противоречиях, внутренних страстях героя, который находится в состоянии конфликта не только с системой и ее представителями: он борется, прежде всего, с самим собой, испытывая при этом глубокие страдания. Человек и обстоятельства жизни, человек и время – эти проблемы получают в пьесе «Тяжкий путь» глубокое философское осмысление, поднимаются до подлинно трагедийного звучания.

В литературном процессе конца 1990-х – начала 2000-х годов наблюдается тенденция обращения к исторической тематике, что было обусловлено духовными потребностями современности и необходимостью художественного осмысления нравственных ценностей прошлых столетий. Так на основе известного исторического факта строится социально-психологическая трагедия А. Теппеева «Артутай» (1999), которая «отличается повышенной информационной плотностью» [Сарбашева 2014: 171]. Время, к которому обращается драматург (XVII век), было ознаменовано для России и кавказских народов вступлением в новую стадию истории, наполнено богатым и разнообразным смыслом взаимоотношений между русским и многонациональным населением Кавказа. В указанном драматургическом произведении раскрывается общественная значимость деятельности личности. Индивидуализированный образ главного действующего лица Артутая подан в героико-трагическом ключе. Основной мотив трагического выражается как высшее проявление героического, когда герой во имя великих целей жертвует не только личными интересами, но и собственной жизнью.

В национальной словесности конца XX века актуализируется мотив преемственности нравственно-этических традиций, что наполняется философским содержанием. В романе «Сыйрат кёпюр» («Мост Сират», 1993) А. Теппеева предметом художественного осмысления является проблема генетической преемственности духовных ценностей в условиях депортации. В эпицентр повествования автор выдвигает людей с неоднозначным отношением к исторической памяти, к формам народного сознания (Хамзат, Гезох, Комендантша).

«Каждое поколение по-разному приходит в литературу, по-разному осмысливает эпоху. Также из разных личностей оно состоит… Но и разные поколения, и разные личности в одном поколении все в равной степени

ответственны перед литературой, и выше ни для кого не должно быть авторитета! Когда писатель обременен истинно национальной заботой, он выступает собирателем всех духовных сил народа…», – писал А. Теппеев [Теппеев 1999: 3]. Залогом литературного успеха писателя послужило умение аккумулировать в своем творчестве духовный потенциал народа, воспринятый из недр этнической культуры, что дало возможность А. Теппееву творчески реализовать фольклорную эстетику, на высоком художественном уровне обыграть устнопоэтический материал. В этом смысле показательна драма «Бийнегер» (2007), в основу сюжета которой положен уникальный памятник охотничьей поэзии карачаево-балкарского фольклора «Бийнёгерни жыры» («Песня Бийнегера»).

Последний этап творчества А. Теппеева сопряжен творческими поисками «родовой связи с прошлым» (А. Теппеев). Писатель создает тематически связанные друг с другом, сложные по идейному замыслу и архитектонике крупные художественные полотна – романы «Баязир» (2002), «Алтын Хардар» («Золотой Хардар», 2002), «Ас-Тах» («Крепость Амазонок», 2006). На данной стадии творческой эволюции А. Теппеевым также издается цикл рассказов «Ману», «Светильник бога», «Отец», «Великое дерево», объединенных под общим названием «Языческие поэмы в прозе». В них повествуется о борьбе древних кавказских племен за выживание в суровых условиях гор. «Своеобразие той или иной литературы определяется исторической судьбой нации, характером ее общественно-культурного развития, – отмечает П. Ершов. – А это, в свою очередь, обуславливает точку зрения на мир и людей, меры эстетического самосознания народа. Поскольку в созидании национальной специфики главным зодчим является история, постольку залогом успешного изучения ее сущности может стать последовательный, до конца проведенный историзм» [Ершов 1967: 4].

Писатель А. Теппеев, руководствуясь принципом историзма, «совершает паломничество в далекое прошлое» [Теппеев 2003: 148], тем самым раздвигая достигнутые национальными художниками слова границы художественной картины мира и осваивая ранее неизведанное в литературном творчестве пространство – период язычества в истории народа, что однозначно характеризуется как знаковое явление в духовной жизни современников. В отмеченных произведениях диапазон интересов писателя необычайно широк, он выходит за рамки художественного исследования: переосмысление исторического пути развития народа, изучение трансформации национального самосознания, выявление самобытности предков, характера взаимодействия с различными культурами в процессе эволюции этноса, что определяло формирование мировосприятия и мироощущения соплеменников. На вопросы строгой критики: «Что так сильно увлекает писателя в язычестве? Что лежит в основе его вдохновения, в силу которого и создаются такие сложнейшие полотна? Что это? Уход от животрепещущих проблем дня и попытка разбудить в современниках инстинкт самосохранения, всеобщности, всеединства прошлого, настоящего и будущего?» автору удается дать исчерпывающие ответы: «Это стремление к очищению, надежда обрести иммунитет против

соблазнов мира. Отсюда и мои попытки разбудить у моих сородичей инстинкт родовой связи с прошлым» [Теппеев 2003: 148].

Проведенная работа (систематизация художественного материала по жанрово-тематическому принципу, периодизация творчества, анализ различного рода публикаций на страницах периодических изданий) дала возможность целостно воссоздать творческий портрет писателя в историко-литературном контексте, определить его место в поликультурном пространстве Северного Кавказа и Российской Федерации в целом. Исследование позволяет утверждать о том, что балкарская литература, достигшая художественной зрелости, обязана своими достижениями А. Теппееву наряду с такими мастерами художественной словесности как К. Кулиев, К. Отаров, М. Мокаев, И. Гадиев, Х Шаваев, З. Толгуров. Справедливо рассуждение писателя о том, что «успех любой литературе приносит ее стремление мыслить масштабно, целыми пластами национального опыта, наличие в ней высокоодаренных художников слова» [Теппеев 1996: 3], в числе которых был и он. Как показал анализ творческого пути Алима Теппеева, бесспорен и значим многогранный талант художника слова, беззаветно служившего делу сохранения и развития духовной культуры народа на крутых переломах исторической эпохи.

Как свидетельствует богатое духовное наследие, многогранность таланта творческой личности проявлялась и в научно-исследовательской работе в области литературоведения и фольклористики, что станет объектом осмысления в последующих наших изысканиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бабаев 2006 – *Бабаев И.* Алим Теппеев: «Дождь в лунную ночь», «Кремни» // Ибрагим Бабаев: жизнь и творчество / Сост. С.С. Ахматова. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – С. 21-24.

Баков 1994 – *Баков Х.И.* Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии. – Майкоп: Меоты, 1994. – 254 с.

Джамбинова 2003 – *Джамбинова Р.А.* Литература Калмыкии: проблемы развития. – Элиста: Джангар, 2003. – 240 с.

Ершов 1967 – *Ершов Л.Ф.* Русский советский роман. – Л.: Наука, 1967. – 347 с.

История русского… 1965 – *История русского* советского романа: в 2-х кн. / Отв. ред. В.А. Ковалев. – М.-Л.: Наука, 1965. – Кн. 2. – 484 с.

Мусин 1979 – *Мусин Ф.М.* Связь времен. – Казань: Татарское книжное издательство, 1979. – 224 с.

Мусукаева 1984 – *Мусукаева А*. Время и память // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 19 июня. – С. 4.

Очерки истории… 2010 – *Очерки истории* балкарской литературы / Отв. ред. З.Х. Толгуров. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции1905 г., 2010. – 808 с.

Сарбашева 2014 – *Сарбашева А.* Особенности речевой структуры современной балкарской драмы (на материале творчества Алима Теппеева) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 2. – С.169-174.

Теппеев 1996 – *Теппеев А.* Ученая степень и степень литературы // Кабардино-Балкарская правда. – 1996. – 4 апреля. – С. 3.

Теппеев 1999 – *Теппеев А.* О своем поколении с гордостью // Кабардино-Балкарская правда. – 1999. – 21 октября. – С. 3.

Теппеев 2003 – *Теппеев Аз.* Я верю в долгий век своего народа // Литературная Кабардино-Балкария. – 2003. – № 3. – С. 147-154.

Теппеев 2016 – *Теппеев А.* Мен да жашадым бу дунияда (И я жил на этой земле). – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 384 с.

Толгуров 1974 – *Толгуров З.Х.* Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 236 с.

Урусбиева 1981 – *Урусбиева Ф.* Драматургия // Очерки истории балкарской литературы / Отв. ред. С.У. Алиева. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 229-242.

Якименко 1978 – *Якименко Л.* На дорогах века (Актуальные вопросы советской литературы). – М.: Художественная литература, 1978. – 494 с.

REFERENCES

BABAYEV I. *Alim Teppeev: «Dozhd' v lunnuyu noch'», «Kremni»* [Alim Teppeev: “Rain in the moonlit night”, “Flints”]. IN: *Ibragim Babaev: zhizn' i tvorchestvo* [Ibrahim Babayev: Life and Work]. Compiled by S.S. Akhmatova. – Nalchik: El'brus, 2006. – P. 21-24. (In Russian)

BAKOV Kh.I. *Natsional'noe svoeobrazie i tvorcheskaya individual'nost' v adygskoi poezii* [National identity and creative individuality in Adyghe poetry]. – Maykop: Meoty, 1994. – 254 p. (In Russian)

DZHAMBINOVA R.A. *Literatura Kalmykii: problemy razvitiya* [Literature of Kalmykia: problems of development]. – Elista: Dzhangar, 2003. – 240 p. (In Russian)

ERSHOV L.F. *Russkii sovetskii roman* [Russian Soviet novel]. – Leningrad: Nauka, 1967. – 347 p. (In Russian)

Istoriya russkogo sovetskogo romana [History of the Russian Soviet novel]: in 2 books. Ed. by V.A. Kovalev. – Moscow-Leningrad: Nauka, 1965. – Book 2. – 484 p. (In Russian)

MUSIN F.M. *Svyaz' vremen* [The connection of times]. – Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – 224 p. (In Russian)

MUSUKAEVA A. *Vremya i pamyat'* [Time and memory]. IN: *Kabardino-Balkarskaja pravda*. – 1984. – June 19. – P. 4. (In Russian)

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. Ed. by Z.Kh. Tolgurov. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii1905 g., 2010. – 808 p. (In Russian)

SARBASHEVA A. *Osobennosti rechevoi struktury sovremennoi balkarskoi dramy (na materiale tvorchestva Alima Teppeeva)* [Features of the speech structure of modern Balkan drama (on the material of the creativity of Alim Teppeev)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2012. – No 2. – P. 169-174. (In Russian)

TEPPEEV A. *Men da zhashadym bu duniyada (I ya zhil na etoi zemle)* [And I lived on this earth]. – Nalchik: El'brus, 2016. – 384 p. (In Balkar)

TEPPEEV A. *O svoem pokolenii s gordost'yu* [About his generation with pride]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1999. – October 21. – P. 3. (In Russian)

TEPPEEV A. *Uchenaya stepen' i stepen' literatury* [Academic degree and degree of literature]. IN: *Kabardino-Balkarskaja pravda*. – 1996. – April 4. – P. 3. (In Russian)

TEPPEEV Az. *Ya veryu v dolgii vek svoego naroda* [I believe in the long age of my people]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. – 2003. – No 3. – P. 147-154. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *Formirovanie sotsialisticheskogo realizma v balkarskoi poezii* [The formation of socialist realism in Balkarian poetry]. – Nalchik: El'brus, 1974. – 236 p. (In Russian)

URUSBIEVA F. *Dramaturgiya* [Dramaturgy]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. Ed. by S. U. Alieva. – Nalchik: El'brus, 1981. – P. 229-242. (In Russian)

YAKIMENKO L. *Na dorogakh veka (Aktual'nye voprosy sovetskoi literatury)* [On the roads of the century (Actual questions of Soviet literature)]. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. – 494 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-280-293

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕНКА СОНЕТОВ В АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЭСТЕТИКА ПОЭТИКИ

Л.Б. ХАВЖОКОВА

Институт Гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию венка сонетов в адыгской литературе с акцентацией эстетики поэтики произведений, написанных в указанной жанровой форме. При этом сочетание «эстетика поэтики» не является формальным в данном контексте, поскольку в построении венка сонетов большое значение уделяется структурной организации – построении модели поэтического произведения, состоящего из определенного числа (пятнадцати) сонетов и строк (двести десять), коррелирующих между собой в рамках строгих канонов жанра, согласно которым конечная строка одного сонета служит началом последующего, а пятнадцатый (заключительный) сонет, называемый «магистралом» (или «магистральным сонетом»), представляет собой произведение, состоящее из начальных строк предыдущих четырнадцати сонетов. Освоение подобной сложной жанровой формы сопровождалось определенными трудностями. В представленной статье выявляются проблемы генезиса и становления сонета и его эволюции до жанровой формы венка сонетов в адыгской литературе. Здесь впервые проводится комплексное исследование венка сонетов в национальных (кабардинской, черкесской, адыгейской) литературах. Основное внимание автора уделяется как композиционным, так и содержательным особенностям венков сонетов адыгских писателей. В частности, детализированному анализу подвергаются венки сонетов черкесских и кабардинских авторов: «Верен любви» («Лъагъунытъэм сыхуэщыпкъэщ») Мухадина Бемурзова, «Ветер» («Жьыбгъэ») и «Эхо мелодии» («Пшыналъэм и джэрпэджэж») Мугаза Кештова, «Широкогрудый ветер» («Жьыбгъэ-бгъакъэ») Толи Камергоева. В результате исследования выявлены особенности поэтики самой сложной по композиции и, следовательно, трудной для освоения жанровой формы – венка сонетов. К исследованию привлечен метод структурного анализа. В частности, изучен метрико-римовочный комплекс произведений, созданных в исследуемой жанровой форме. Отдельно рассмотрены тематика и проблематика венков сонетов, соответствие архитектоники, сонетов, образующих венок, и венков сонетов в целом строгим канонам жанра. Результаты исследования могут стать подспорьем для исследователей адыгских литератур, а также при составлении спецкурсов по эволюции адыгской поэзии.

Ключевые слова: венок сонетов; адыгская литература; поэзия; лирика; лиро-эпика; жанровая форма; каноны жанра; архитектоника; стихотворный размер; метрика; рифма.

SONNET WREATH'S EVOLUTION IN ADYGHE LITERATURE: AESTHETICS OF POETICS

L.B. KHAVZHOKOVA

The Institute for the humanities research Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of a wreath of sonnets in Adyghe literature with an emphasis on the aesthetics of poetics of works written in the specified genre form. Moreover, the combination of "aesthetics of poetics" is not formal in this context, since in the construction of a wreath of sonnets great importance is given to structural organization – the construction of a model of a poetic work consisting of a certain number (fifteen) sonnets and lines (two hundred and ten) correlating with each other within strict canons of the genre, according to which the final line of one sonnet serves as the beginning of the next, and the fifteenth (final) sonnet, called the "trunk" (or "main sonnet"), represents bout a work consisting of the initial lines of the previous fourteen sonnets. Mastering such a complex genre form was accompanied by certain difficulties. In this article, the problems of the genesis and formation of the sonnet and its evolution to the genre form of a wreath of sonnets in the Adyghe literature are revealed. Here, for the first time, a comprehensive study of a wreath of sonnets is conducted in national (Kabardian, Circassian, Adyghe) literature. The main attention of the author is paid to both compositional and substantial features of the wreaths of sonnets of Adyghe writers. In particular, wreaths of sonnets of Circassian and Kabardian authors are subjected to a detailed analysis: "Faithful to love" of Mukhadin Bemurzov, "Wind" and "Echo of melody" of Mugaz Keshtov, "Broad-chested wind" of Tolya Kamergoyev. As a result of the study, the features of poetics of the most complex composition and, therefore, difficult to master the genre form – a wreath of sonnets were revealed. The study involved the method of structural analysis. In particular, the metric-rhyme complex of works created in the studied genre form was studied. The topics and problems of sonnet wreaths, the correspondence of architectonics, sonnets forming a wreath, and sonnet wreaths in general to the strict canons of the genre are considered separately. The results of the study can be of help to researchers of Adyghe literature, as well as in the preparation of special courses on the evolution of Adyghe poetry.

Keywords: sonnet wreath; Adyghe literature; poetry; lyrics; lyro-epic; genre form; canons of the genre; architectonics; poetic size; metric; rhyme.

СОНЕТ ІЭРАМЭМ АДЫГЭ ЛИТЕРАТУРЭМ ЩИГЪУЭТА ЗЫУЖЬЫНЫГЪЭР: ПОЭТИКЭМ И ЭСТЕТИКЭР

Усыгъэм и жанр нэхъ гугъу дыдэу къалъытэ сонетыр къызэрыунэхурэ лІэщІыгъуэ зыбжанэ мэхъу. XIII лІэщІыгъуэм Италием щызэфІэува жанрыр урыс литературэм къыщысар XVIII лІэщІыгъуэрщ. 1735 гъэм япэ урыс сонетыр В.К. Тредиаковскэм и Іэдакъэ къыщІэкІауэ щытащ. Абы кІэлъыкІуэу япэ сонетхэр ятхащ А. Сумароковым, А. Ржевскэм, М. Муравьевым, Е. Херасковэм, М. Херасковым, И. Дмитриевым. АрщхьэкІэ сонетым урыс литературэм

зыужьыныгъэшхуэ щимыгъуэтурэ XIX лIэщIыгъуэм и 20-40 гъэ пщIондэ екIуэкIащ. А лъэхъэнэм къыщегъэжьауэ сонет жанрыр къагъэсэбэпу хуежьащ урыс усакIуэ цIэрыIуэхэу Пушкин А., Брюсов В., Бальмонт К., Северянин И., Бунин А., н.

Адыгэ усакIуэхэм сонетым и фащэ гугъусыгъур къыщагъэIэрыхуар XX лIэщIыгъуэм и етIуанэ Iыхьэрщ. Япэ дыдэ а жанрым зи зэфIэкI щеплъыжар Сокъур Мусэрбийрэ ЩоджэнцIыкIу Iэдэмрэщ. «Сыт си щIалэгъуэм фIыуэ сыкъэплъагъукIэ?..» фIэщыгъэм щIэту Сокъур Мусэрбий итха япэ адыгэ сонетыр 1962 гъэм «Iуащхьэмахуэ» журналым къытехуауэ щытащ. Илъэс зыбжанэ дэкIри, «Сокъуз IэштIыму мы сатыр пщыкIуплIыр…» етIуанэ сонетри а журналым дыдэм тету къыдэкIащ. ИужькIэ, 1979 гъэм Сокъурым и усыгъэхэр щыхэхуэхьэсауэ дунейм къытехьа «Нэпкъыжьэ» [Сокуров 1979] тхылъым сонетитI («Уэрэдым гузэвэгъуэр къылъэIэсрэ…» [Сокуров 1979: 29], «Сонет» [Сокуров 1979: 37] жыхуиIэхэр) хыхьащ.

Сокъур Мусэрбийрэ ЩоджэнцIыкIу Iэдэмрэ къыгъэIурыщIа жанр мыIумпIафIэм лъэхъэнэ зэхуэмыдэхэм нэгъуэщI адыгэ усакIуэхэми (КIэщт Мухьэз, Мысачэ Петр, Жэлэтеж Сэлэдин, Балъкъэр Фоусэт, Бемырзэ Мухьэдин, IутIыж Борис, Уэрэзей Афлик, КIэмыргуей Толэ, Ацкъан Руслан, Мыкъуэжь Анатолэ, ПщыукI Латмир, Абазокъуэ Къантемыр, н.) зрапщытащ, хъарзынэу къызэхъулIахэри яхэтщ. Абыхэм я фIыгъэкIэ сонетым лъэпкъ усыгъэм зыужьыныгъэ ин щигъуэтащ, уеблэмэ жанрым и лъагапIэу къалъытэ сонет Iэрамэр ди усакIуэхэм къагъэIэрыхуэн ялъэкIащ.

Сонет Iэрамэм и зыужьыныгъэр сонет жанрым къыдожьэ, ар, сонетми хуэдэу, XIII лIэщIыгъуэм Италием щызэфIэуващ. Сонет Iэрамэм и фащэм иту япэ дыдэ урыс литературэм къыхыхьа тхыгъэр словен тхакIуэ Прешерн Франце итхауэ Корш Федор 1889 гъэм зэридзэкIа «Сонет Iэрамэрщ» («Сонетный венок»). Абы иужькIэ сонет Iэрамэ я Iэдакъэ къыщIэкIащ Иванов Вяч., Брюсов В., Волошин М., Кирсанов С., Дудин М., Матюшкин С., н.

Сонет Iэрамэр зищIысым, абы и зыужьыкIэм ехьэлIауэ щIэныгъэлIхэм я еплъыкIэхэр щызэтемыхуэ щыIэщ. Языныкъуэхэм ар лирикэ жанрым хуахь, языныкъуэхэм лиро-эпикэ тхыгъэу къалъытэ. «Усыгъэ псалъалъэм» зэритымкIэ, ар поэмэм и зы лIэужьыгъуэщ, нэгъуэщIу жыпIэмэ, поэмэми хуэдэу, лиро-эпикэ тхыгъэщ [Венок…]. Дэ ди еплъыкIэр иужьрейм тохуэ, сыту жыпIэмэ сонет Iэрамэм лирикэ къудей мыхъуу, эпикэм и пкъыгъуэ, нэщэнэ гуэрхэри хыболъагъуэ – сюжет иIэщ, образ гуэрхэр къыхощ, лъэхъэнэ пыухыкIам щепха, щытегъэпсыхьаи щыIэщ.

И ухуэкIэкIэ, поэтикэкIэ сонет Iэрамэр жыпхъэ нэхъ гугъу дыдэхэм хабжэ. Ар сонет пщыкIутхуу зэхэтщ, зы сонетыр зэриух сатырымкIэ къыкIэлъыкIуэр къыщIидзэу зэкIэлъыхьауэ. ЕпщыкIутхуанэ сонетыр – «магистрал»-кIэ (е «магистральный сонет»-кIэ) зэджэр абы и пэ къит сонет пщыкIуплIым я пэщIэдзэ сатырхэр зэкIэлъыхьауэ ухуащ. Япэ сонетым и пэщIэдзэ сатырымкIэ епщыкIуплIанэр еух, ар дыдэри епщыкIутхуанэм и щIэдзапIэ мэхъу, псори зэхэплъхьэжмэ, сатыр 210-рэ ирокъу. Апхуэдэ тхыгъэ иныр хабзэ пыухыкIам тету бухуэныр зэрыгугъу дыдэр хэт и дежкIи гурыIуэгъуэщ.

Сонетхэмрэ абы хэт сатырхэмрэ хъурейуэ къекIуэкIыу зэрызэпыщIар къэплъытэмэ, зи гугъу тщIы жыпхъэм и щхьэхуэныгъэхэр наIуэу къызыпкърыщ «венок сонетов» урыс фIэщыгъэр нэхъ хуокIуэ, «сонет Iэрамэ»-м нэхърэ: венокыр – зэхэухуэнауэрэ хъурейуэ къеблэкIа удз гъэгъащ, Iэрамэр, удз гъэгъам ехьэлIауэ жыпIэмэ (мыхьэнэр щIэдгъэнахуэр «Iэрамэ» псалъэр пшэми, щхьэцми ехьэлIауэ къагъэсэбэпри аращ – *пшэ Iэрамэ, щхьэц Iэрамэ*) – ар Iэм IэщIэхуэ удз гъэгъа зэгъэуIуащ (букет) е удз гъэгъа IэплIакIуэщ (охапка). НэгъуэщI лъэныкъуэкIэ укъыщеплъмэ, «сонет Iэрамэ» фIэщыгъэм хъурейуэ къекIуэкI ухуэкIэр къыпкърымыщми, сонет зыбжанэ зэрызэгъэуIуар, тхыгъэр сонет гупу зэрызэхэтыр къегъэлъагъуэ. Дауэ мыхъуами, сыт хуэдэ фIэщыгъэм щIэмытми, дэркIэ нэхъыщхьэр сонет Iэрамэм и жыпхъэр ди литературэм зэрыщызэфIэуварщ, иджырей лъэхъэнэми ехъулIэныгъэ иIэу зэрыщылажьэрщ.

Сонет Iэрамэхэр я купщIэкIи я гъэпсыкIэм хэлъ щхьэхуэныгъэхэмкIи зэщхьэщокI. Зытеухуа и лъэныкъуэкIэ лъагъунытъэр зи лъабжьэ, зы цIыху гуэрым хуэгъэпса, тхыдэр къызыхэщыж сонет Iэрамэхэр щыIэщ. Я гъэпсыкIэр къапщтэмэ, ар инджылыз е итальян фащэмкIэ тха сонет гупу зэхэтщ.

Адыгэ (къэбэрдей, шэрджэс, адыгей) литературэм сонет Iэрамэр къыщыхыхьар XX лIэщIыгъуэм и 70–80 гъэхэрщ. А жыпхъэм иту япэу дунейм къытехьа тхыгъэр 1973 гъэм шэрджэс усакIуэ Бемырзэ Мухьэдин и Iэдакъэ къыщIэкIащ. Ар япэ дыдэу «Iуащхьэмахуэ» журналым къытехуащ, нэхъ иужьыIуэкIэ усакIуэм «ЛIыгъэм и тхыдэ» [Бемурзов 1981] зыфIища и япэрей тхылъым иту къыдэкIащ. ГъэщIэгъуэныращи, Бемырзэм сонет щхьэхуэу итхауэ дрихьэлIакъым, ауэ сонет Iэрамэ къызэригъэщIар а жанрыр усакIуэм Iэзэу къызэригъэIэрыхуам щыхьэт тохъуэ.

1983 гъэм адыгей усакIуэ Бэрэтэрэ Хьэмид и Iэдакъэ къыщIэкIауэ сонет Iэрамэу тIу («Щхьэгъусэм хуэгъэза псалъэ», «Псэлъыхъур – ар цIыхур фIыуэ лъагъунырщ») дунейм къытехьащ. Ахэр усакIуэм и сонетхэр щызэхуэхьэса «Iыхьэ мыгуэш» [Беретарь 1983] тхылъым иту къыдэкIащ.

Сонет Iэрамэр къэбэрдей литературэм щызэфIэувар 80 гъэхэм икухэрщ. А лъэхъэнэм къыщегъэжьауэ зыр зым кIэлъыкIуэу дунейм къытехьащ КIэщт Мухьэз и «Жьыбгъэ», «Пшыналъэм и джэрпэджэж», КIэмыргуей Толэ и «Жьыбгъэ-бгъакъэ», Жылэтеж Сэлэдин и «ЩIымрэ цIыхумрэ», Уэрэзей афлик и «Тхыдэ», «Тхыдэм къыхэIукI макъхэр», ПщыукI Латмир и «Иджырей гупсысэ» сонет Iэрамэхэр. Зэрынэрылъагъущи, зи гугъу тщIы жыпхъэм зыужьыныгъэ нэхъ ин дыдэ щигъуэтар къэбэрдей литературэрщ. АрщхьэкIэ тхыгъэхэм я бжыгъэр къэплъытэныр мащIэщ, абыхэм я художественнэ щхьэхуэныгъэмрэ языхэзри жыпхъэм зэризагъэмрэ щхьэхуэу зэпкърыхыпхъэщ.

Сонет е сонет Iэрамэ зи Iэдакъэ къыщIэкIа адыгэ усакIуэхэм я нэхъыбэр зытетыр «инджылыз фащэрщ»: катренищрэ кIэух сатыритIу зэхэлъу. Бемырзэ М. и сонет Iэрамэр щитхым нэхъ фащэ гугъухэр – «итальян сонетымрэ» «франджы сонетымрэ» къигъэсэбэпащ: катрену тIурэ терцету тIурэ зэдзылIауэ. Пэжщ, Бемырзэм и сонет Iэрамэм рифмэ ухуэкIэр щызэпиуди хэтщ, ауэ абы и тхыгъэм и гупсысэкIи, темэкIи, сюжеткIи итальян икIи франджы сонетым къигъэув къалэнхэр щыгъэзэщIащ. Щапхъэу къэбгъэлъагъуэ хъунущ гупсысэр къызэщIэзыкъуэж епщыкIутхуанэ сонетыр – магистралыр:

Нэрыгъ ипщIыкIмэ, мывэ джейри мэсыр, **A**
Гукъеуэм си гум щищIыжащ унагъуэ. **B**
КъысфIэщIт зэгуэрэм уэ у-Дахэнагъуэу, **B**
Сэрауэ уи псэ закъуэ Джэримэсыр. **A**

Уи деж кIуэ гъуэгур быркъуэшыркъуэт, хьэлъэт, **C**
Гукъанэ зэпымычхэмкIэ гъэнщIат. **d**
IэмалкIэ ди жагъуэгъухэр зэхуэщIат, **d**
Абыхэм сэ сатекIуэфакъым хьэлкIэ **C**

ФIылъагъунытъэм нэхъ симыIэу Iэщэ, **E**
Илъэсхэм уардэу сэ сапхырыкIынут, **F**
ИджырикI сщIэнут сэ схузэфIэкIыныр. **F**

Гугъуехь спэщIэлъыр аркъым зыщIэсIэжьэр: **E**
Ди натIэм илъагъэнт дызэпэIэщIэу, **E**
НэгъуэщI щхьэгъусэм гъащIэр детхьэкIыну. **F**
[Бемурзов 1981: 62]

Мы щапхъэм къызэрыхэщщи, ари адрей сонету «Лъагъунытъэм сыхуэщыпкъэщ» тхыгъэр къэзыгъэщIхэри мыпхуэдэ рифмэ ухуэкIэм тету гъэпсащ: *ABBA CddC EFF EEF* (цIыхубз рифмэхэр хьэрфышхуэкIэ, цIыхухъу рифмэхэр хьэрф цIыкIукIэ къэгъэлъэгъуащ). Мыпхуэдэ ухуэкIэм итальян сонетымрэ франджы сонетымрэ я гъэпсыкIэ хабзэхэр щызэхэухуэнащ, ауэ франджы сонетым и нэщэнэхэр нэхъыбэу хыболъагъуэ: катренитIым я сатырхэр макъитIу зэхэт къызэщIэзыкъуэ рифмэкIэ («поясная», «охватная» жыхуаIэ рифмэ лIэужьыгъуэмкIэ) зэпхащ (*ABBA CddC*), терцетхэр къэзыгъэщI сатырхэр макъищу зэхэт рифмэкIэ зэдзылIащ (*EFF EEF*).

Бемырзэ М. и сонет Iэрамэр зэрыщыту сонет жанрым нэхъ къезэгъыу икIи и фIыпIэу къалъытэ стопаитхуу зэхэт ямбкIэ тхащ. ЖытIар нэрылъагъу хъун папщIэ, еханэ сонетым щыщ зы катренрэ зы терцетрэ я ухуэкIэр къэдгъэлъэгъуэнщ:

Уи псалъэхэм къысхалъхьэт сэ къару,
Уи нитIыр къысхуэгуапэт гъуэгугъэнэхуу,
Сэ сигу къокIыж, си закъуэу сыкъэнэхукIэ,
Уэзджынэу зэрылъэлъ уи макъ жьгъырур.

Уи Iупэхэм аргуэру къызжаIэжьыр:
«НэгъуэщI си гупщысапIэу щхьэ пфIэщIа?! –
Уэращ сэ лъагъунытъэ зыхуэсщIар…». [Бемурзов 1981: 56]

∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ – *пир. 4 пыч.*[1]
∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 4, 8 пыч.*
∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 8 пыч.*
∪ – / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ – *пир. 2, 4, 6 пыч.*

∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 4, 8 пыч.*
∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ – *пир. 4 пыч.*
∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – *пир. 4, 8 пыч.*

«Лъагъунытъэм сыхуэщыпкъэщ» сонет Іэрамэм хэтлъагъуэ сонет зэкІэлъыхьыкІэр жыпхъэм къигъэув хабзэхэм тетщ. Тхыгъэм и кІэ дыдэу къакІуэ магистрал сонетым усакІуэм сатырхэр зырызурэ къытрешри, адрей сонет пщыкІуплІым зэкІэлъыкІуэу я къыщІэдзапІэ ещІ. Япэрей сонетри иужьрей (епщыкІутхуанэ) сонетри къызэрыщІидзэ, епщыкІуплІанэр зэриух усэ сатырхэр зэтохуэ – *«Нэрыгъ ипщІыкІмэ, мывэджейри мэсыр»*.

Бемырзэм и сонет Іэрамэм макъхэм, рифмэм, строфар зэрыухуам, ритмикэм мыхьэнэ ин щаІэщ, апхуэдэуи образхэм, сонетхэм ящІэлъ гупсысэхэм, усакІуэм и художественнэ Іэзагъым тхыгъэм къалэн пыухыкІахэр щагъэзащІэ. И фІэщыгъэми, ищхьэкІэ къэтхьа кІэух сонетми къызэрыхэщщи, Мухьэдин и сонет Іэрамэм лъабжьэ хуэхъуар лъагъунытъэрщ, гухэлъ жэуапыншэ-насыпыншэрщ. Тхыгъэм и кІыхьагъкІэ усакІуэм лирикэ лІыхъужьым и дуней еплъыкІэм, щыІэкІэ-псэукІэм, гурыгъу-гурыщІэхэм, гунэджым ехьэлІа образ гъэщІэгъуэнхэр хиухуэнащ. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщІэ, бампІэр къыщытеуэм деж ар здэкІуэ «бгы лъапэм щыдаущ екІэпцІэ мэзыр», ар «зылъэхъэну къэІэбэ къудамэхэр», нэгъуэщІхэри. Лирикэ лІыхъужьым и гупсысэ нэщхъейхэр усакІуэм сонет къэскІэ егъэпщэныгъэ щІэщыгъуэхэмкІэ къыщеІуатэ: *«Гукъеуэм си гум щищІыжащ унагъуэ»* [Бемурзов 1981: 53]; *«Вагъуэншэ уафэу нэщІ схуэхъуащ уи гущІэр»* [Бемурзов 1981: 54]; *«СылъаІуэу Іэ сшиям къыщыдыхьэшхри / Уэшх нэпцІу сщхьэщыкІащ уи лъагъунытъэр»* [Там же]; *«Сыпсалъэми, плъыржьэрым ихь уІэгъэу, / Шэджагъуэ махуэу уи нэхэм сопщІыхьыр»* [Бемурзов 1981: 55]; *«…Зэгуэрми «фІыуэ слъагъу» жызымыІэжырщ / Зи гъащІэр гужьеигъуэкІэ гъэнщІар»* [Бемурзов 1981: 56]; *«ІэмалкІэ ди жагъуэгъухэр зэхуэщІат…»* [Бемурзов 1981: 57]; *«Псы ткІуэпсрэ пэт екъутэ псыхъуэ мывэр / Ди якум ахэр (жагъуэгъухэр. – **Хь.Л.**) дэувахэщ хьэлэу…»* [Там же]; *«Зэгуэпыр блащхъуэу гущхьэм къынэсыпэм, / Уэрэдым си гупщысэр изохьэлІэр…»* [Там же]. Еянэ сонетым и кІэухым – ебгъуанэм и щІэдзапІэм деж абыхэм къэсыхукІэ тхыгъэм щІэлъа гупсысэ нэщхъейр токІуэтри, фІэщхъунытъэ лъэщымрэ псэ бэнэныгъэмрэ тепщэ щохъу. Лирикэ лІыхъужьым и плІэр иузэхужу адэкІи гъащІэм насып щигъуэтыжыным щІэхъуэпс, хущІэкъу мэхъу: *«Илъэсхэм уардэу сэ сапхрыкІынущ, / Жагъуэгъухэр гукъыдэжкІэ зэзгъэфыгъуэу. / ИджырикІ гъащІэм къыспэщылъщ и фІыгъуэр, / Игъэунэхуакъым си къарум лъэкІыныр»*

[1] Пиррихиер 4-нэ пычыгъуэм уващ.

[Бемурзов 1981: 59], – жеІэ абы. АрщхьэкІэ епщыкІущанэ-епщыкІуплІанэ сонетхэм деж лирикэ лІыхъужьым и гукъеуэр аргуэру къытокІуэ:

НэгъуэщІ щхьэгъусэм гъащІэр депхьэкІыну
КъызжаІэпами хъунтэкъым си фІэщ.
Уэ сигу уилъынущ, – узыхуейр къысфІэщ, –
Фэеплъуи уи сурэтыр къесхьэкІынущ. [Бемурзов 1981: 61]

Иужьрей – магистрал – сонетым и кІэ дыдэ сатыритІым къызэраІуатэщи, адыгэ псалъэжьым «узыхьыну псым зыдегъэзых» зэрыжыхуиІэм хуэдэу, лирикэ лІыхъужьыр арэзы тохъуэ и щхьэ кърикІуам, абыкІэ зыри игъэкъуэншэжыркъым икІи фІыуэ къыгуроІуэ Ухыгъэм и Іэмырым узэрыфІэмыкІыфынур… Аращ абы и гуауэри нэхъ гъэткІугъуафІэ щызыщІыр: «*Ди натІэм илъагъэнт дызэпэІэщІэу, / НэгъуэщІ щхьэгъусэм гъащІэр детхьэкІыну…*» [Бемурзов 1981: 62], – жеІэ абы.

«Лъагъунытъэм сыхуэщыпкъэщ» сонет Іэрамэр адыгэ литературэм деж сонет жанрым и зыужьынытъэм и щІэдзапІэу къэплъытэ хъунущ. Абы ипэ къихуэу ди усакІуэ нэхъыжьхэм куэдрэ къагъэсэбэпакъым а жыпхъэр, псом хуэмыдэуи абы и «итальян», «франджы» фащэхэр.

БлэкІа лІэщІыгъуэм и 90 гъэхэм къыщегъэжьауэ сонет Іэрамэм къэбэрдей литературэм нэхъыбэу зыщиужьащ, адыгей, шэрджэс литературэхэм зэрыщызиужьам елъытауэ. А жыпхъэм иту тхыгъитІэ и Іэдакъэ къыщІэкІащ КІэщт Мухьэз. 1989 гъэм итха «Жьыбгъэ» сонет Іэрамэр а илъэс дыдэм «ІуащхьэмахуэІ» журналым и етхуанэ номерым иту дунейм къытехьащ, иужькІэ 1991 гъэм КІэщтым и усыгъэхэр щызэхуэхьэсауэ къыдэкІа «Тхыдэм и гъыбзэ» [Кештов 1991] тхылъым хыхьащ.

И купщІэкІи, гъэпсыкІэ-ухуэкІэкІи КІэщт М. и «Жьыбгъэ» сонет Іэрамэм жыпхъэм нэхъыфІу изагъэу тха хъуахэм ящыщщ. КІэщтым и тхыгъэ куэдми хуэдэу, «Жьыбгъэ» сонет Іэрамэм лъабжьэ хуэхъуар тхыдэ къэхъугъэхэрщ, лъэпкъым и блэкІарщ. Адыгэм къызэринэкІа лъагъуэхэм жьыбгъэр ирижэурэ, тхыдэм и пэжыпІэр иджырей лъэхъэнэм къехьэсыж. Жьыбгъэм къихьэсыжар усакІуэм сахуэм и образымкІэ къегъэлъэгъуэж, нэхъ пэжу жыпІэмэ сахуэм къыхэтэджыкІыжахэм я гукъэкІыжкІэ лъэпкъ тхыдэр къеІуэтэж:

Сэ сымыщІэж зи лІэщІыгъуэр
Си щхьэр щислъхьар зауэ губгъуэм.
<…>
Сэ сыхисхьащ тэтэр мафІэм,
СиупщІэтащ пащтыхь джатэм.
Си сахуэ пыхьэу зелъатэр
ЩІэгъуэлъхьэжащ щІым и бгъафэм. [Кештов 1991: 9]

Тхыгъэр тхыдэ лъэхъэнэ пыухыкІам тегъэпсыхьауэ, абы къыщыхъу-къыщыщІэхэр зэманкІэ зэкІэлъыхьауэ щыткъым, шэщІауэ ухуа сюжет зэкІэлъыкІуи иІэкъым, атІэ блэкІам и пычахуэ гуэрхэр, напэкІуэцІ щхьэхуэхэр,

лирикэ лІыхъужьым и гупсысэ кІапэлъапэхэр щызэхэшыхьащ. Псалъэм папщІэ, абы къыхощ Хиросимэрэ Нагасакирэ къыщыхъуа мыгъуагъэри, Чернобыль электростанцыр къызэрыуари, Кавказ зауэмрэ мухьэжыракІуэмрэ я гуауэри – кІэщІу жыпІэмэ, тхыдэм узу пкърыт Іуэхугъуэхэр мащІэ-мащІэурэ, ауэ гуащІэу щызэгъэуІуащ. Языныкъуэхэм деж тхыгъэм щІэлъ гупсысэр тхыдэм къыхокІри гъащІэм и философием хохьэ. Псалъэм папщІэ, лирикэ лІыхъужьыр щІогупсыс:

– Іейр, мыхъумыщІагъэхэр псынщІэ дыдэу щІым зэрыщыбагъуэм:
Псэ хухэмыхым кІэлъыджэу,
Ер емышыжу мэпыджэ. [Кештов 1991: 7]

– щІым, дунеягъэм къыщыхъу псоми пэщІэдзэрэ кІэухрэ зэраІэм, зым и кІэухыр нэгъуэщІым и щІэдзапІэу зэрыщытым:
КъыхотэджыкІри цІыху къупщхьэм
Іущхьэр ныІуощІэ махуэщІэм. [Кештов 1991: 9]

– гугъэмрэ фІэщхъуныгъэмрэ къаруушхуэ зэрыхэлъым:
Мастэнэм фІэлъми ди гъащІэр,
Мэгугъэ щІылъэ гумащІэр. [Кештов 1991: 11]

– емрэ фІымрэ я зэпэщІэтыныгъэ мыухыжым, ахэр зэрытемыгъакІуэу сыт хуэдэ лъэхъэни къызэрыдекІуэкІым:
Хъуапсэу удзыпцІэ къыхэжыр
Атом гыным йопэмыр:
ГъащІэр ажалым йобэныр,
КъебгъэрыкІуами дигуэжу. [Кештов 1991: 12]

– фыгъуэмрэ фитІнэмрэ псэ къабзэм зэрытегуплІэм:
Игу утІыпщар фІым хуэхъуапсэу,
Псэ къабзэ губгъуэм щылажьэм,
Йоплъ фыгъуэнэдыр щхьэлажьэу,
И гур мэуфІыцІыр, кІэгъуасэу. [Там же]

«Жьыбгъэ» тхыгъэм хыхьэ сонетхэр инджылыз фащэм иту тхащ – катренищрэ кІэІунэ езытыж сатыритІу зэхэтщ. Ауэ абыхэм къыщыгъэсэбэпар инджылыз фащэр зэраухуэ хабзэ рифмэ зэблэдзар аракъым, атІэ франджы сонетым нэхъ хуэщ къызэщІэзыкъуэ рифмэ лІэужьыгъуэрщ. Абы щыгъуэми катрен къэскІэ рифмэщІэ къыщкІуэ (рифмэхэм зэщхь, къытезыгъазэ яхэмыту), иужьрей сатыритІыр рифмэ зэгуэгъукІэ зэдзылІащ. КІэщІу жыпІэмэ, сонет къэскІэ рифмиплІ (*abba cddc effe gg*) хэтщ, зэщІэжьыуэу блы къагъэхъуу (*aa, bb, cc, dd, ee, ff, gg*). Зи гугъу тщІыр нэрылъагъу хъун папщІэ, япэ сонетыр щапхъэу къэтхьынщ:

ЛІэщІыгъуэ бжыгъэр хуэмыбжу, **A**
Къежыхьыр жьыбгъэ мыпыІэм. **B**

Си сабиигъуэм и пыIэм **B**
Хиуа гынымрэ къехьыжыр. **A**

Къегъэушыжыр фочышэ **C**
Дадэ и куэпкъым щыжейхэр. **D**
Зэман блэкIахэр къиугъуейми, **D**
Имыгъуэтыж сэ си чышыр. **C**

Зэхуешэсыжри лIэщIыгъуэр, **E**
Зэбгъурегъэувэ зауэлIу, **F**
Езыр, йожьэжри, зекIуэлIу, **F**
Хошыпсыхьыжыр гын Iугъуэм. **E**

Къыхолъэтыжри зэщыджэу, **G**
Жьыбгъэм схуеIуатэ телъыджэ. **G**
[Кештов 1991: 6]

ИщхьэкIэ зэрыщыжытIауэ, мыбдежым рифмиплI (*ABBA CDDC EFFE GG*) хэтщ, зэщIэжьыуэу блы къагъэхъуу (*AA, BB, CC, DD, EE, FF, GG*). Инджылыз сонетым и ухуэкIэ хабзэм къызэригъэувымкIэ, цIыхухъу рифмэмрэ цIыхубз рифмэмрэ зэблэдзауэ захъуэжурэ щытыпхъэт, ауэ къэтхьа сонетыр зэрыщыту цIыхубз рифмэ лIэужьыгъуэмкIэ тхащ.

«Жьыбгъэ» сонет Iэрамэм хэт сонетхэр зы жыпхъэкIэ тхакъым, атIэ зы тхыгъэм и кIуэцIкIэ жыпхъэ зэмылIэужьыгъуэхэр щызэхэухуэнащ, логаэд къагъэхъуу. Псалъэм папщIэ, зы сатырым къриубыдэу пычыгъуищу зэхэт жыпхъэхэр – хэхауэ къэбгъэлъагъуэмэ, дактилымрэ амфибрахиемрэ – щызэдзылIауэ урохьэлIэ. Еханэ сонетым и етIуанэ катреным и ухуэкIэр мыращ:

ЩхьэкIэр щIаупскIэу, жыг лъэхухэр
Бгы нэкIум нызэрыдошыр.
IуащхьэжьхэрхуэмукъоушыР,
СхуаIуатэу тхыдэм и щэхухэр. [Кештов 1991: 9]

– ◡ ◡ / – ◡ ◡ / – ◡
◡ – ◡ / ◡ ◡ ◡ / – ◡ *пир. 4 пыч.*
◡ – ◡ / – ◡ ◡ / – ◡
◡ – ◡ / – ◡ ◡ / – ◡

Къэтхьа едзыгъуэм и япэ сатырым дактилу стопаищ къыщокIуэ, къыкIэлъыкIуэ сатырищыр (етIуанэр, ещанэр, еплIанэр) зы амфибрахие стопам дактил стопаитI щIыгъуу гъэпсащ. Апхуэдэ ухуэкIэр сонет Iэрамэм и кIыхьагъкIэ хыболъагъуэ.

КIэщт М. «Пшыналъэм и джэрпэджэж» зыфIища етIуанэ сонет Iэрамэр адыгэ литературэм и лъабжьэгъэтIылъ ЩоджэнцIыкIу Алий и фэеплъу итхащ.

Тхыгъэм и кІыхьагъкІэ ЩоджэнцІыкІум и биографиемрэ и творчествэмрэ ятеухуа къэІуэтэныгъэ къыхощ, гъэщІэгъуэныращи, ар къызыбгъэдэкІыр, зи цІэкІэ къэІуэта хъур езы усакІуэрщ. Мис, псалъэм папщІэ, зы пычыгъуэ:

Сытехьащ зауэм и гъуэгуанэ жагъуэм,
Си Іэщэ жани къалэми здэсІыгъыу.
Ауэ, кхъухьлъатэр хьэІуцыдзу къугъыу,
КъуанщІэ фІыцІэжьу дэ къыттокІэрахъуэр.

Ауэ борэным зэгуэр щыщта къуршхэр,
Дэри къурш блыну дапэуващ бийхэм.
Уи гъусэу дисми гъущІэгъуншэ бзийхэм
ДыпщІэзэуфырт, лъахэ, дымыдзыхэу. [Кештов 1991: 18]

Жанр и лъэныкъуэкІэ зи гугъу тщІы тхыгъэм и щхьэхуэныгъэр къыхэбгъэщхьэхукІмэ, ар сонет Іэрамэ-фэеплъщ («венок-посвящение» жыхуаІэращ). Апхуэдэ сонет Іэрамэ ухуэкІэ КІэщт М. япэу ди литературэм къыхихьауэ аращ, абы ипэкІэ фэеплъу гъэпса сонет Іэрамэ адыгэ литературэм хэтакъым, иужькІэ ятхауи дыщыгъуазэкъым.

«Пшыналъэм и джэрпэджэж» сонет Іэрамэм, а жыпхъэм иту адыгэ усакІуэхэм я Іэдакъэ къыщІэкІа тхыгъэхэм еплъытмэ, эпикэм и нэщэнэхэр нэхъыбэу хыболъагъуэ: сюжет зэриІэр, къэІуэтэныгъэ зэрыхэлъыр, образ щхьэхуэ зэрыщызэфІэгъэувар, абы и гъащІэ гъуэгуанэмрэ лІыхъужьыгъэ зыхэлъ и лІэныгъэмрэ къызэрыхэщыр, н. Ар сонет Іэрамэр лиро-эпикэ жанрым зэрыщыщым иджыри зэ щыхьэт тохъуэ.

Сонет Іэрамэм хэт тхыгъэхэм я ухуэкІэ-гъэпсыкІэр, рифмэ къэгъэщІыкІэр КІэщтым нэхъапэу итха «Жьыбгъэ» сонет Іэрамэм тохуэ. «Пшыналъэм и джэрпэджэж» тхыгъэми *ABBA CDDC EFFE GG* рифмэ ухуэкІэм ухрохьэлІэ. Мис, псалъэм папщІэ, еплІанэ сонетыр:

Псэр щІыщІэттыфыр щІым и зы ІэпапІэм **A**
Аращ дызыпІри арщ быдзышэ ІэфІкІэ. **B**
Ди бийр мышынэу абы къыщеІэфкІэ, **B**
КъытфІоукъубий толъкъуну губжьи бампІи. **A**

Ноби къинауэ ди вапІэм пхъэІэщэр, **C**
Щхьэщэ имыщІу тэджащ мэкъумэшыщІэр, **D**
Рабочэ щІалэм игъэву гум щыщІэр, **D**
Жыр уадэм и пІэ къищтащ лъауэ Іэщэр. **C**

Къащтащ лъэпкъ псоми: лажьэншэ хэкур, **E**
Блэ щІыкІэу къипщхьауэ, я бийм яфІигъэсти, **F**
Псыр иригъэжьыхьу, дэнэ и деж нэсми **F**
Хигъэсэхэжти я адэжь и жьэгур. **E**

Замылъытэжми псоми Дамэлейуэ, **G**
Уи къуэхэр щысакъым къыщыплъысым лей уэ. **G**
[Кештов 1991: 17]

«Жьыбгъэ» сонет Іэрамэми хуэдэу, «Пшыналъэм и джэрпэджэж»-м усэ жыпхъэ зэмылІэужьыгъуэхэр къыщыгъэсэбэпащ. Ауэ языныкъуэхэм деж сонетым нэхъыфІ дыдэу хэзагъэу къалъытэ стопаитхуу зэхэт ямбыр ущрохьэлІэ. Япэ сонетым и ещанэ катреным деж:

Ситащ сэ губгъуэм, вагъуэм ситхьэкъуауэ…
Мэкъуауэ джалъэу псэхухэм срагъусэу.
Си закъуэ дыди ситащ стхыуэ усэ,
Гъэмахуэ жэщри пфІэщІырт зиущэхуауэ… [Кештов 1991: 15]

∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 8 пыч.*
∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 2, 8 пыч.*
∪ ∪ / ∪ – / ∪ ∪ / – – / ∪ – / ∪ *пир. 2, 4, спонд.* 5 пыч.*
∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – ∪ *пир. 2, 8 пыч.*

«Пшыналъэм и джэрпэджэж» сонет Іэрамэми зы катреным и кІуэцІкІэ усэ жыпхъэ зэхуэмыдэхэр щызэдзылІа щапхъэхэр хыболъагъуэ. Псалъэм папщІэ, етхуанэ сонетым и япэ катреным щыщу япэ сатырыр стопаитхуу зэхэт хорейкІэ, етІуанэ, ещанэ, еплІанэ сатырхэр – стопаитху хъу ямбкІэ тхащ:

Уи къуэхэр щысакъым къыщыплъысым лей уэ,
ЩыщэІум уипсхэр, уи сабийхэр щыгъым.
Гъыбзэ итхакъым си къалэм сэ сІыгъми –
Пшыналъэ плъакІэ къыбдигуэшт гукъеуэр. [Кештов 1991: 17]

– ∪ / ∪ ∪ / – ∪ / ∪ ∪ / – ∪ / – ∪ *пир. 3, 7 пыч.*
∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ *пир. 6 пыч.*
∪ ∪ / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 2, 6, 8 пыч.*
∪ ∪ / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ *пир. 2, 6 пыч.*

Дызыхэплъахэр къызэщІэткъуэжмэ, къыхэгъэщыпхъэщ КІэщт Мухьэз и сонет Іэрамэхэр лъэпкъ литературэм, хэхауэ къэбгъэлъагъуэмэ, усыгъэмрэ сонет жанрымрэ я зыужьыныгъэм и хэлъхьэныгъэ нэс зэрыхъуар.

90 гъэхэм къыщегъэжьауэ, сонет Іэрамэм и жыпхъэ гугъум нэгъуэщІ къэбэрдей усакІуэхэми зрапщытауэ щытащ. КІэмыргуей Толэ и «Бжьэпэ» тхылъу 1994 гъэм къыдэкІам иту «Жьыбгъэ-бгъакъэ» зыфІища сонет Іэрамэр дунейм къытехьащ. Абы зи гугъу тщІы тхыгъэр сонет Іэрамэу усакІуэм къыщигъэлъэгъуакъым, атІэ сонет тІощІ зэгъэуІуауэ «Сонетхэр» фІэщыгъэм

* спондейр 5 пычыгъуэм уващ.

щIэту тхылъым къыщыхьащ. Ауэ сонет Iэрамэм къигъэув хабзэхэм ткIийуэ тету мыгъэпсами, «Жьыбгъэ-бгъакъэ»-м сонет Iэрамэм и нэщэнэхэр хыболъагъуэ. Абы хыхьэ сонет тIощIыр зэр зэриух сатырымкIэ адрей къыщIидзэу зэкIэлъыхьащ. Сонетхэм хэт сатырхэр, ищхьэкIэ зэпкърытха тхыгъэхэм къащхьэщыкIыу, зэфэзэщу (катернрэ кIэIунэ езытыж сатыритIкIэ е катренрэ терцеткIэ зэпымыудауэ) зэкIэлъыхьащ. Ар щыщIэныгъэкъым, сыту жыпIэмэ апхуэдэ сонет ухуэкIэр («сплошная форма сонета» жыхуаIэращ) жанрым зы жыпхъэ лIэужьыгъуэу къыдогъуэгурыкIуэ. Сонетхэм хэтлъагъуэ рифмэ ухуэкIэр – *AbAbCdCdEfEfGG* – инджылыз сонетым и рифмэ къэгъэщIыкIэм тохуэ (егъапщэ: *AbAb CdCd EfEf GG*). ЖытIахэр нэрылъагъу хъун папщIэ епщIанэ сонетым и щапхъэкIэ щIэдгъэбыдэнщ:

Уи лъапэр къищми уогъэтэдж уи пщампIэр –	**A**
Дунейр мынабгъэ, и набзийр гуэрэнщ.	**b**
Къигъуэтыж хабзэщ псым езым и жапIэр.	**A**
Уи пщIыхь щытепщэр, дауи, уэ борэнщ.	**b**
Щхьэжагъуэщ ноби гъуэгуу сфIикудахэр,	**C**
ЩIивари хъунти а щIыкIейм пхъэнкIийм,	**d**
Зэхимыхыжу къэзылъхуам и дахэ	**C**
Дипхъари пщIэжкъэ хамэщI и къуэкIийм.	**d**
УIэгъэжь щIыкIэу куэд къысфIоетэжыр.	**E**
Жылагъуэ пщIейхэр сахуэм хотэджыкI.	**f**
ИтIани, плагъурэ, псэущ си гукъыдэжыр.	**E**
Лъэпкъ тхыдэ напэм пэжыр къызоджыкI.	**f**
ГулыщI зимыIэм щыIэн нэхъ тхьэмыщкIэ?..	**G**
ФIэщхъунытгъэншэ Алыхьым симыщIкIэ!	**G**

[Камергоев 1992: 97–98]

И ухуэкIэр зэфэзэщу (зэпымыудауэ) зэрыщытым емылъытауэ, мы сонетым хэтлъагъуэ рифмэ къэгъэщIыкIэмкIэ IупщIу катренищрэ кIэух сатыритIрэ къыхощ.

«Жьыбгъэ-бгъакъэ»-м хэт сонет псори, зэзэмызэххэ хабзэм щытекI къэхъуми, нэмыщIыса гуэрхэри хэплъагъуэми, сонетымкIэ нэхъ езэгърабгъуу къалъытэ стопаитху е стопаих ямбымкIэ тхащ. Абы щыгъуэми, жанрым къызэригъэуву, цIыхубз рифмэмрэ цIыхухъу рифмэмрэ зэблэдзауэрэ къыщытрегъэзэж. ИщхьэкIэ къэтхьа епщIанэ сонетым и япэ катреным и ухуэкIэр мыращ:

∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ *пир. 6 пыч.*
∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ – *пир. 6 пыч.*
∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ *пир. 2 пыч.*
∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ –

Мыбдежым япэ сатырыр стапих хъу ямбкIэ, къыкIэлъыкIуэ сатырищыр стопа тхурытхуу зэхэт ямбкIэ тхащ.

Мис иджыри зы щапхъэ, епщыкIубгъуанэ сонетым къыхэтхауэ:

УнкIыфI-пынэжу маблэ си уэздыгъэр.
«Зэрыгъу-зэрышхыу» кIапсэр арагъэнщ.
Зэхешэ пшапэм нэхъри и кIыфIыгъэр.
Къэмыхъуа хуэдэщ зэи зыщигъэнщI. [Камергоев 1994: 101]

∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 8 пыч.*
∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – *пир. 8 пыч.*
∪ – / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – / ∪ *пир. 6 пыч.*
∪ ∪ / ∪ – / ∪ – / ∪ ∪ / ∪ – *пир. 2, 8 пыч.*

Мыбдежым катреныр зэрыщыту стопаитхуу зэхэт ямбкIэ тхащ.

ИщхьэкIи зэрыщыжытIащи, КIэмыргуей Толэ и «Жьыбгъэ-бгъакъэ» тхыгъэм сонет Iэрамэм и жыпхъэм изыгъэзагъэ нэщэнэхэри абы пэщIэуэ ныкъусаныгъэ гуэрхэри дыболъагъу. Сонет Iэрамэм магистрал (епщыкIутхуанэ) сонетым къалэн ин щигъэзащIэмэ (абы и сатырхэр ипэ къит сонет пщыкIуплIым зырызыххэу ятеугуэшауэрэ пэщIэдзэ яхуохъу), апхуэдэ КIэмыргуейм и тхыгъэм иIэкъым, иIэнкIи Iэмал зимыIэт, сыту жыпIэмэ абы хэт сонет пщыкIубгъум я пэщIэдзэ сатырхэр зэхэбгъэувэжмэ сатыр пщыкIубгъуу зэхэт тхыгъэ къыщIедз, бжыгъэр апхуэдизым нэса нэужь ар сонет хъужыркъым. Пэжщ, сатыр пщыкIуплIым щIигъу сонет лIэужьыгъуэхэри щыIэщ, «кIапэ (е кIэ) зыпыт сонет»-кIэ еджэу («сонет с кодой» е «хвостатый сонет» фIэщыгъэ иIэу), арщхьэкIэ апхуэдэ сонетым хыхьэ сатыр пщыкIуплIым щIагъуж хабзэр е зы сатырщ, е зы терцетщ (сатырищ). КIэмыргуей Т. и тхыгъэм магистрал хуищIамэ, абы сатыритху щIигъунут. Дауэ мыхъуми, дэ дызэреплъымкIэ, магистрал сонет зэрыхэмытым къыхэкIкIэ «Жьыбгъэ-бгъакъэ» тхыгъэр сонет Iэрамэу щытын къанэркъым, сыту жыпIэмэ а жыпхъэм и нэщэнэу тхыгъэм хэлъыр щыщIэныгъэхэм йобэкI.

Сонет Iэрамэм и жыпхъэм къыкIэлъыкIуэ илъэсхэми адыгэ литературэм зыщиужьащ. Псом хуэмыдэу къэбэрдей усакIуэхэм жыпхъэм и щэху псори къагъэнэIуащ, нэхъ гугъу дыдэу ялъытэ жанрым – сонетым – и лъагапIэхэм нэсын яхузэфIэкIащ. Абы и щыхьэтщ совет нэужь лъэхъэнэм дунейм къытехьа дэтхэнэ сонет Iэрамэри – Уэрэзей Афлик и «Тхыдэ», «Тхыдэм къыхэIукI макъхэр», Жылэтеж Сэлэдин и «ЩIымрэ цIыхумрэ», ПщыукI Латмир и «Иджырей гупсысэхэр».

КъызэщIэкъуауэ сонет Iэрамэм и зыужьыныгъэ гъуэгуанэм уриплъэжмэ, нэхъ япэу ятхахэр иужьрейхэм ебгъапщэмэ, жыпхъэр адыгэ литературэм куэдкIэ зэрыщефIэкIуар нэрылъагъущ. Лъэпкъ усакIуэхэм я IэдакъэщIэкI сонет Iэрамэхэм ныкъусаныгъэ щхьэхуэхэр хэплъагъуэми, жыпхъэр къызэрагъэIэрыхуар икIи зэрагъэлажьэр ди литературэр ипэкIэ зыгъэкIуатэ

Іуэхугъуэшхуэщ, ищхьэкІэ зи гугъу щытщІа тхыгъэхэри лъэпкъ усыгъэм и хэлъхьэныгъэ инщ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бемурзов 1981 – *Бемурзов М.Х.* Сказ о мужестве. Стихи и поэмы. [На черк. яз.: ЛІыгъэм и тхыдэ]. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1981. – 96 с.

Беретарь 1983 – *Беретарь Х.Я.* Неделимая доля. [На адыг. яз.: Іахь мыгощ]. – Майкоп, 1983. – 143 с.

Венок… – *Венок* сонетов // Словари и энциклопедии на Академике: сайт. URL: https://poetique.academic.ru/112/%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 04.08.2019).

Камергоев 1994 – *Камергоев Т.Ж.* Утес. Стихи и баллады. [На каб. яз.: Бжьэпэ]. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 152 с.

Кештов 1991 – *Кештов М.Х.* Эхо далеких времен: Стихи и поэмы. [На каб. яз.: Тхыдэм и гъыбзэ]. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 176 с.

Сокуров 1979 – *Сокуров М.Г.* Отметина. Стихи. [На каб. яз.: Нэпкъыжьэ]. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 94 с.

REFERENCES

BEMURZOV M.Kh. *Skaz o muzhestve. Stikhi i poemy (In Circassian: LIyg"em i tkhyde)* [Tale of courage. Poems]. – Cherkessk: Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkess branch, 1981. – 96 p. (In Circassian)

BERETAR H.Ya. *Nedelimaya dolya (In Circassian: Iakh' mygoshch)* [Indivisible share]. – Maykop, 1983 . – 143 p. (In Circassian)

KAMERGOYEV T.Zh. *Utes. Stikhi i ballady (In Kabardian: Bzh'epe)* [Cliff. Poems and ballads]. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 152 p. (In Kabardian)

KESHTOV M.Kh. *Ekho dalekikh vremen: Stikhi i poemy (In Kabardian: Tkhydem i g"ybze)* [Echo of the distant times: Poetry and poems]. – Nalchik: Elbrus, 1991 . – 176 p. (In Kabardian)

SOKUROV M.G. *Otmetina. Stikhi (In Kabardian: Nepk"yzh'e)* [Mark. Poems]. – Nalchik: Elbrus, 1979. – 94 p. (In Kabardian)

Venok sonetov [A sonnet wreath]. IN: Dictionaries and Encyclopedias on the Academician: website. URL: https://poetique.academic.ru/112/%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2 (access date: 04.08.2019). (In Russian)

Наши авторы

Апажева Светлана Султановна – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: svetlana.apageva@mail.ru

Атласкиров Альберт Русланович – канд. социолог. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: Atlaskirov.albert@yandex.ru

Азикова Юзанна Мартиновна – канд. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Бабич Ирина Леонидовна – д-р истор. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук
E-mail: babich@iea.ras.ru

Баразбиев Муслим Исмаилович – канд. истор. наук, доцент кафедры организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: muslim1971@yandex.ru

Бауаев Казим Каллетович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Берберов Бурхан Абуюсуфович – д-р филол. наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гегграев Хаким Камилевич – канд. истор. наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, заместитель директора Социально-гуманитарного института по научной деятельности ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: gegra70@mail.ru

Гуртуев Расул Салихович – шеф-редактор газеты «Кабардино-Балкарская правда»
E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Кирчанов Максим Валерьевич – д-р истор. наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Кузьминов Петр Абрамович – д-р истор. наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Кучукова Зухра Ахметовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: kuchuk60@list.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – д-р истор. наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, зав. кафедрой истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: lena_gm@mail.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – д-р филол. наук, доцент, зав. сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: alenasarb@mail.ru

Тахушева Инна Сарабиевна – аспирант Северо-Кавказского института – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: tahusheva94@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Тлупова Радима Суфьяновна – магистрант кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: atlaskirovaradima@yandex.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – канд. филол. наук старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хутежев Заудин Галиевич – канд филол. наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: zaudin-777@mai.ru

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 1 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-1

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2020